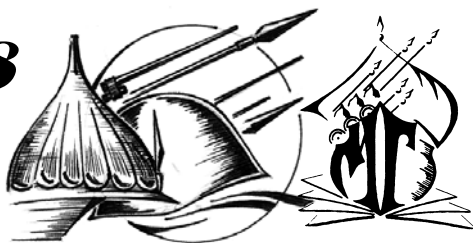

Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2010

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей ЛЕБЕДЕВ Советский Союз — часть русской истории	3
Вячеслав ШАРОВ. Бездомность в России	158
Владимир БОЯРИНЦЕВ, Анатолий САМАРИН, Людмила ФИОНОВА. Спасение науки — основа инновационного пути развития	186

ПОЭЗИЯ

Александр ОЛИН. Голубичные небеса . Стихи	15
Марина ГАХ. Зарницы . Стихи	18
Юрий КОВЯЗИН. Русские хайку . Стихи	22

ПРОЗА

Александр ПОЛЯКОВ. Великаны сумрака . Роман	25
Виктор МАНУЙЛОВ. Возвращение . Рассказ	131

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Егор ХОЛМОГОРОВ. Либерализм — смерть России	104
--	-----

Сергей КАРА-МУРЗА. Падение рождаемости в России: фактор культуры	110
Михаил ЛЕМЕШЕВ. О создании Русского православного государства	122

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Валерий ИВАЧЁВ. Смотрит небо. Стихи	211
Дафинка СТАНЕВА. Болгарские мотивы. Стихи	215
Сергей ТРАХИМЕНОК. Родная кривинка. Цвела черемуха. Рассказы	217
Сергей ДВОРЕЦКИЙ. Божья кара. Рассказ	239
Виктор КЛЮЕВ. Участник штурма рейхстага. Рассказ	245

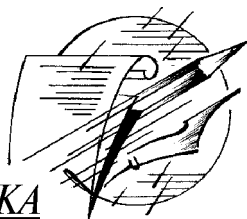
ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания	255
--	-----

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — ЧАСТЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Большую часть XX века историческая Россия существовала под названием Союз Советских Социалистических Республик. И хотя это мнение вызывает праведный гнев у некоторых искренних патриотов, нельзя не признать, что в тех конкретно исторических условиях та форма русской государственности была исторически неизбежна и исторически оправдана.

К концу 30-х гг. произошла определенная «русификация» большевизма. Под руководством И.В. Сталина советская власть встала на путь защиты национальных интересов. Сама партия превратилась в подобие дворянства нового режима, объединяя сословие «государевых людей». Была выиграна Великая Отечественная война, России были возвращены потерянные в ходе революции территории Прибалтики и западной Белоруссии, закончено воссоединение восточного славянства после возвращения Галиции (Западной Украины), присоединены земли прежней Восточной Пруссии, а также возвращены отпавшие в результате поражения в Русско-японской войне Сахалин, Курилы и Порт-Артур. Был достигнут военный паритет с западными странами. Ни один патриот, отличающийся здравым смыслом, не может отрицать, что никогда

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Россия не обладала такой военной, политической и экономической мощью, как в советскую эпоху. Достижения СССР вызывали зубной скрежет у западных лидеров. Ликвидация России (а вовсе не коммунизма) стала главной стратегической целью Запада в холодной войне. И к середине 80-х гг., для Запада настала долгожданная возможность сокрушения России. После 40 лет холодной войны наметился стратегический прорыв Запада на главном направлении.

К середине 80-х гг. XX века советская система, казалось, была крепка как никогда. Отношение народа к системе можно охарактеризовать как ворчливое удовлетворение. Сверхдержавный статус государства вызывал чувство законной гордости у всех народов страны. Политический режим в брежневские времена был мягким, чего бы там ни вопили по западным радиоголосам. Никакой серьезной политической оппозиции в стране не было, и это объяснялось не только эффективной работой КГБ. Жизненный уровень рос неуклонно, хотя и медленно. Возникшие новые социальные и экономические проблемы были вполне разрешимы в рамках системы.

И одновременно с этим в обществе сложилось осознание необходимости перемен. Правление маразматических генсеков, кадровый застой, когда политические и хозяйственные должности всех уровней десятилетиями занимали одни и те же люди, примитивизм официальной пропаганды, бюрократизм и коррупция в партийно-государственном аппарате, всеобщая безответственность — все это вызывало чуть ли не у всех советских людей чувство отвращения к правителям страны. И когда в марте 1985 года Генеральным секретарем ЦК КПСС стал молодой и энергичный Горбачев, провозгласивший лозунг перестройки системы (но не ее уничтожение!), это вызвало всеобщий энтузиазм. Увы, перестройка привела к крушению советской государственности.

Два десятилетия спустя перестройка вспоминается экс-советскими народами как нечто постыдное. Мало кто одобрительно относится к тем переменам, что стали результатом «перестроечных процессов». Интересны результаты опроса, проведенного ВЦИОМ 5—6 марта 2005 года, к 20-летию вступления в должность Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева. Поддерживают перестройку лишь 2% (!) опрошенных, считают, что в ней было больше плюсов, чем минусов — 12%, зато считают, что минусов больше — 33%, относятся резко отрицательно — 28%. Еще 6% объявили, что ничего не помнят о том времени, 13% сказали, что их не интересует перестройка, и еще 6% затруднились с ответом. Перестройка

привела к развалу, и понятно, что у большинства нормальных людей падение сверхдержавы не может вызывать приятных чувств.

Сегодня модно рассуждать о том, что советский строй рухнул потому, что был «неправильным» и проиграл конкурентную борьбу западной либеральной демократии. Но с тем же успехом можно сказать, что покорение Гитлером Франции в 1940 году при активном участии французских коллаборационистов свидетельствовало о «неправильности» демократии в сравнении с национал-социализмом. Нет, поражение определенной цивилизации далеко не всегда объясняется только объективными обстоятельствами. Крушение СССР стало возможным в результате поражения в холодной войне из-за предательства советской правящей верхушки.

К середине 80-х гг. давняя цель Запада — найти в России «пятую колонну» — оказалась реализована. Советская партийная и хозяйственная номенклатура, давно уже не верившая ни в какие идеалы коммунизма, стремилась завладеть той государственной собственностью, которой руководила. Эти же цели преследовала возникшая в послесталинские годы мафия, тесно связанная с коррумпированным аппаратом. Но для смены такой идеологизированной системы, как советская, недостаточно было просто принять решения Политбюро. Необходима была «народная» антикоммунистическая революция, причем такая, которая оставила бы у власти прежнюю партократию, сделав ее при этом владельцем госсобственности. Однако если в некоторых странах восточной Европы оппозиция режиму имела определенную поддержку масс, то в СССР несколько десятков диссидентов, занятых исключительно писанием «воззваний» на Запад и доносов друг на друга в КГБ, вряд ли могли обрести хоть какое-то влияние. «Бархатную революцию» в Советском Союзе организовать было весьма проблематично. Стало быть необходимо было, при помощи СМИ, провести массированное промывание мозгов населению СССР и убедить его в том, что «так жить нельзя», а затем провести «реформы» по изменению системы.

Для Запада такое желание советской номенклатуры означало появление исторического шанса разрушения исторической России. Ликвидация коммунизма, конечно, была для западной элиты весьма желанным результатом, но все же именно расчленение и эксплуатация России были стратегической целью Запада на протяжении веков, задолго до появления коммунистической идеологии. Но, пожалуй, впервые со времен Смуты XVII века Запад мог рассчитывать на столь

значительную поддержку «бояр» в самой России. И с приходом к власти Горбачева началась практическая деятельность по разгрому российской сверхдержавы под названием СССР. Словом, «процесс пошел».

Разумеется, большинство представителей советской элиты вовсе не были вульгарно завербованными шпионами. Но в их материальных (в буквальном смысле) интересах была ликвидация советского социализма. И именно правящая партия возглавила борьбу с коммунистическим режимом, чтобы заменить его режимом тех же коммунистов, только ставших капиталистами.

Этому очень благоприятствовала партийная дисциплина, связавшая всякую самостоятельную активность членов КПСС. Не случайно многочисленные выступления идейных коммунистов против предательского курса собственного генсека Горбачева носили характер бунта на колених.

Так же показательна эволюция грозного Комитета Государственной Безопасности (КГБ). Далеко не всегда КГБ обеспечивал именно государственную безопасность, ведь главной его функцией была защита интересов партии (точнее, ее руководства). И не случайно впоследствии один из руководителей КГБ, генерал Ф. Бобков, ранее занимавшийся борьбой с диссидентурой, в дальнейшем возглавил службу безопасности олигарха Гусинского. Впрочем, у многих олигархов (например, у Ходорковского), охраной также ведали бывшие генералы КГБ. Руководители КГБ прекрасно понимали, чего жаждет высшая советская номенклатура, ведь они сами входили в ее состав. Понятно, что эта «контора» активно противодействовала попыткам рядовых патриотов вне и внутри КПСС бороться против курса Горбачева, а в дальнейшем стала одной из опор режима Ельцина. Итак, несмотря на всю истеричную кампанию против «органов» в эпоху гласности, КГБ был активным соучастником антигосударственных сил, рвущихся к власти в СССР.

Подтверждение этого, как ни странно, содержится в многочисленных интервью известного перебежчика из КГБ, генерала О. Калугина. Согласно его интервью редактору русской версии журнала «Форбс» американцу русского происхождения Полу Хлебникову, во время выборов на Съезд народных депутатов России в марте 1990 года КГБ оказывал поддержку кандидатам демократической ориентации. По уверению Калугина, под «крышей» его родной конторы были также ЛДПР Жириновского, «Память», и прочие оппозиционные власти КПСС группы. Заметим, что КГБ должен был не нейтрализовать антикоммунистическую оппозицию, а напротив, привести ее к власти.

Подобные процессы были характерны и для командования советской армии. Генералитет (за исключением нескольких старцев, ветеранов Великой Отечественной) испытывал те же чувства, что и вся партноменклатура. Не случайно военная верхушка в годы «реформ» была коррумпирована не менее, чем администрация президента. Быстрота, с которой были распроданы на сторону громадные материальные ресурсы вооруженных сил СССР, которыми можно было вести пару мировых войн, не может не впечатлить. Это была самая скорая операция в истории советской армии. Многие военачальники ельцинской РФ, такие, как К.Кобец, Е.Шапошников, П.Грачев (он же «Паша-Мерседес»), командующий западной группой войск (в Германии) Бурлаков, вошли в число наиболее коррумпированных деятелей режима. (Хотя в эпоху ельцинизма коррупцией было трудно удивить.) Как всегда, смутное время стало раздольем для многочисленных авантюристов, в том числе и носящих погоны. Не случайно такие неразборчивые политики, как Руцкой или Лебедь, также вышли из армии. Правда, в армии сохранялся слой средних командиров, настроенных патриотично. Но в советской, как ранее и в русской царской армии, полковники, майоры и капитаны никогда не выдвигали собственных корпоративных требований и никогда не устраивали переворотов. Следовательно, с ними можно было не считаться, как и с рядовыми членами КПСС.

Зато настоящую опасность для «перестройщиков» могло представлять некоммунистическое патриотическое движение. И именно поэтому вся идеологическая и политическая сила трансформирующегося режима была брошена против патриотов. Если в восточноевропейских странах именно национализм оказался тем средством, которым удалось поднять массы против коммунистических правительств под предлогом борьбы за национальное самоопределение, то в СССР все было по-другому. Грандиозные достижения советской эпохи привели к тому, что в обыденном представлении русских людей советский социализм, державный патриотизм и русский национализм стали почти неотделимы друг от друга. Именно поэтому русский национал-патриотизм мог стать основной силой, препятствующей развалу страны. Таким образом для сокрушения социалистической системы «перестройщикам» и их западным суфлерам было необходимо также не допустить подъема русского национал-патриотизма.

Пресловутая «гласность» эффективно промыла мозги многим русским людям, внушив им «общечеловеческие» (то есть западные) ценности. И в критическое время рубежа 80—90-х гг.

народ безмолвствовал. К концу 1990 и началу 1991 г. закулисные кукловоды могли удовлетворенно потирать руки — почти по всему Советскому Союзу шли конфликты, на Кавказе даже принявшие вооруженную форму, а в России население было достаточно зомбировано «общечеловеческими ценностями». Ликвидация СССР вступила в завершающую фазу.

Для того чтобы еще сильнее разжечь антигосударственные (антисоветские, по тогдашней терминологии) настроения среди народов СССР и подтолкнуть их к принятию рынка, был искусственно организован дефицит. Были введены карточки почти на все потребительские товары, в том числе на мыло, табак, водку. (Такого не было ни при военном коммунизме, ни в Великую Отечественную войну!) По многим городам страны прокатились волны «табачных бунтов», когда толпы озлобленных курильщиков, столкнувшись с полным отсутствием табачных изделий, перекрывали центральные улицы городов. Рекордный за всю историю урожай 1990 г. был частью оставлен на полях, частью сгноен на складах. Почти одновременно московские и ленинградские хлебопекарни были остановлены «на ремонт», и многотысячные очереди, словно в военные годы, выросли у булочных.

Дефицит товаров широкого потребления в годы перестройки действительно принял огромные масштабы. Достаточно сказать, что в начале перестройки в свободной торговле имелось 1200 наименований товаров, но уже в августе 1988-го осталось 200 наименований, в декабре 1988 года — только 100! Вообще 1989—1991 гг. были голодными годами (причем в буквальном смысле). До сих пор демократы любят вспоминать пустые прилавки советских магазинов конца советской эпохи в качестве доказательства «исторической неэффективности» плановой экономики. Разумеется, о том, что товарный голод был создан именно ими, рвущимися к власти прозападными силами, они скромно умалчивают.

О том, что кризис был создан искусственно, свидетельствовали огромные запасы, припрятанные работниками торговли в ожидании наступления «рыночных цен» и обнаруженные сотрудниками ОБХСС. Телевидение, в частности, передача «600 секунд» А. Невзорова демонстрировало картины выброшенных на свалку многих тонн мяса, колбас, хлеба. По данным статистики, в 1990 г. в СССР сгнило более 1 млн. тонн мяса, порвано 40 млн. шкур скота, «пропало» 50% овощей и фруктов, «сгорели» табачные склады, «испорчено» фуражное зерно и т.д. По данным народного депутата РСФСР экономиста Т.И. Корягиной, известной «рыночницы», в раз-

---

ного рода закрытых накопителях удерживалась продукция общей стоимостью в 50 млрд. тогдашних рублей.

Впрочем, громадное количество произведенных в СССР потребительских товаров было вывезено за рубеж, благо еще в 1987 году была отменена монополия внешней торговли. В 1990 году была вывезена 1/3 произведенных в стране потребительских товаров. В ряде стран произошло «затоваривание» советским нелегальным экспортом. Интересный пример приводится в книге С.И. Валянского и Д.В. Калюжного «Русские горки»: «Зимой 1991 года к премьер-министру В.С. Павлову обратилось правительство Турции с просьбой организовать по всей ее территории сеть станций технического обслуживания советских цветных телевизоров, которых имелось уже более миллиона. А по официальным данным, из СССР в Турцию не было продано ни одного телевизора. (Вот вам сразу и конкурентоспособность, и качество советского товара)». Не надо быть экономистом, чтобы догадаться, что в подобных условиях происходили грандиозные хищения государственной собственности.

Совершенно непостижимым было почти полное исчезновение советского золотого запаса, который еще в 1985 году насчитывал 2200 тонн (при том, что СССР добывал золота больше всех в мире).

Искусственно созданный товарный кризис откровенно рассматривался рвущимися к власти прозападными силами как способ спровоцировать народное недовольство против власти. Так, на секретной конференции Московского объединения клубов избирателей и Московской ассоциации избирателей (своего рода «мозговых центров» демократов — западников) в сентябре 1989 года один из столпов демдвижения, сопредседатель Межрегиональной депутатской группы Г.Попов откровенно говорил: «...у нас есть шанс для победы. Нужно ставить на учет каждого депутата РСФСР. Он должен понять, что если он будет голосовать не так, как скажет Межрегиональная группа, то жить ему в этой стране будет невозможно». Ставка делалась на «всеобщее народное возмущение», для чего предполагалось «довести систему торговли до такого состояния, чтобы ничего невозможно было приобрести». «Таким образом, — излагал тактику действий Попов, — можно добиться всеобщих забастовок в Москве. Затем ввести полностью карточную систему. Оставшиеся товары (от карточек) продавать по произвольным ценам».

После своих относительных побед, получив определенное большинство на российском Съезде народных депутатов и в советах Москвы, Ленинграда, и ряда крупных мегаполисов,

---

демократы широко использовали такой способ завоевания популярности и одновременно обострения дефицита, как значительные, порой в разы, повышения зарплат и льготных выплат. Разумеется, повышение зарплаты — всегда приятное событие, но легко догадаться, что необеспеченные товарами и услугами деньги будут быстро «съедены» инфляцией. Однако виновной в ней становился союзный Центр. С Запада в страну пошла гуманитарная помощь, имеющая исключительно пропагандистское значение, а не для насыщения внутреннего рынка СССР.

Советские СМИ к этому времени перешли к откровенному прославлению западной системы. Вообще даже поверхностный взгляд на советскую прессу 1985—1991 гг. не может не создать впечатления, что вся «гласность» была хорошо управляемой А.Н. Яковлевым кампанией не столько по подрыву советского социализма, сколько способом обольщивания русского народа. Так, в 1985—1986 гг. в прессе шло прославление хрущевской «оттепели». В 1987—1988 гг. «выяснялось», что на самом деле идеальным строем является НЭП, который, оказывается, и есть ленинское наследие. 1988 год стал для страны «годом Бухарина», которого прославляли как настоящего вождя, равного Ленину, и к тому же борца со сталинизмом. С 1989 года, особенно после «бархатных революций» в Восточной Европе, маски были сброшены, и теперь именно западная система рассматривалась как идеал. Для того чтобы и граждане СССР могли жить в условиях демократии и рынка, открыто объясняли СМИ, необходимо будет разрушить советскую империю.

С целью окончательной шизофренизации советского народа, по телеканалам проводились гипнотические сеансы Кашпировского и Чумака, постоянными участниками передач на «голубом экране» стали астрологи, колдуны, экстрасенсы. Даже в детских передачах показывали мультфильмы сплошь о привидениях и охотниках за привидениями. Так подрывалась психика целого народа. Огромные массы советских людей теряли способность мыслить логически. Для манипуляторов сознанием открылись благоприятные возможности.

К этому времени для советских демократов и их западных хозяев Горбачев стал отработанным материалом. Для дальнейшего развала СССР был подобран новый деятель — Ельцин. Демагог, не способный при этом связно сказать и трех фраз, строитель по образованию и разрушитель по натуре, демократ, стремившийся к личной диктатуре, страдавший алкоголизмом и множеством других болезней, Ельцин был идеальной марионеткой. Он мог многократно менять свое

окружение и допускать самые нелепые высказывания, но распоряжения «политбюро» (только теперь находящегося в Вашингтоне) выполнял беспрекословно. Демократическая пресса, столь любившая ругать культ личности Сталина, фактически создала культ личности Ельцина.

Для роста популярности Ельцина демократы не постеснялись пойти на откровенный подлог. Так, широко распространялся среди населения фальшивый текст речи, которую Ельцин якобы произнес на октябрьском (1987 года) пленуме ЦК КПСС. Результат пропаганды оказался замечательным: Ельцин стал воистину непотопляемым. Репутация любого политика на Западе осталась бы на дне той речки, в которую был некогда сброшен Ельцин. Неявку Ельцина на телевизионные дебаты с другими претендентами на пост президента в любой другой стране сочли бы за неуважение к избирателям. В условиях России середины 1991 года оглуленный электорат не обратил на эти дебаты никакого внимания. При этом у Ельцина не было никакой программы, кроме демагогических рассуждений о своей борьбе с привилегиями партноменклатуры и намеренно расплывчатых лозунгов о суверенитете России.

Однако союзный референдум 17 марта 1991 года показал, что большинство граждан СССР все равно желает жить в едином государстве. Более того, к весне 1991 года стало ясно, что появившись всего несколько лет назад, при всех трудностях, вызванных информационным прессингом либеральных СМИ, оставаясь организационно раздробленными, патриоты явно завоевывали массы.

Это наглядно показали выборы президента РСФСР 12 июня 1991 года. Российская предвыборная кампания продолжалась всего 15 дней! Это был настоящий рекорд краткости. Удивляться не приходится — предвыборный штаб Ельцина намеренно предпочел провести избирательную кампанию в предельно сжатые сроки, пока национальная оппозиция не успеет объединиться и выдвинуть популярного кандидата. К тому же ельцинской команде надо было учитывать болезни, глупость и вздорный нрав своего хозяина. В долгой кампании ему приходилось бы поневоле говорить самостоятельно, а не озвучивать написанные для него другими тексты. Искусственно созданную с помощью СМИ популярность Ельцин мог быстро потерять. Стало быть, чтобы не рисковать, предвыборная кампания должна была носить характер блицкрига. Учитывая, что в руках у Ельцина при опоре на «болото» Верховного Совета России были громадные властные ресурсы, провести подобную кампанию не составило труда.

Но считать, что у Ельцина все прошло без сучка и задоринки, было бы неправильно. На этих фактически безальтернативных выборах Ельцин получил 45 552 041 голос из 106 484 518 проголосовавших избирателей. Главной сенсацией президентских выборов стала не победа Ельцина, которую и так все ожидали, а появление Жириновского. В самом деле, в отличие от Ельцина, которого «раскручивали» либеральные и сепаратистские СМИ уже минимум 3 года, совершенно неизвестный Жириновский, всего два раза появившийся на телеэкране страны в предвыборной кампании (причем второй раз со скандалом: «Я вашу газету закрою, и вашу, и вашу!»), получил свыше 6 млн. голосов! Главное, что привлекло к Жириновскому симпатии 7,8% электората, была его всего одна фраза: «Я буду защищать русских». Как видим, несмотря на победу Ельцина, при всей дезориентации с помощью СМИ, русские люди были готовы бороться за сохранение исторической России.

В таких условиях западным суфлерам и их российским марионеткам потребовалось организовать масштабную провокацию, известную как «августовский путч». Дорога к ликвидации сверхдержавы была расчищена. Сразу после провала «путча» союзные республики начали провозглашать независимость, которую немедленно признавала Россия, а затем и Запад. Все было закончено 8 декабря 1991 года, когда в Беловежской Пуше, тайно, по-воровски, собрались президенты трех республик — Ельцин (Российская Федерация), Кравчук (Украина), Шушкевич (Белоруссия). Эта тройка подписала соглашение, по которому СССР как «субъект международного права» объявлялся «прекратившим свое существование». Первым, кто узнал об этом событии, был, естественно, американский президент Дж. Буш-старший.

2 декабря 1991 г. Беловежское соглашение было ратифицировано Верховным Советом РФ. Только 6 депутатов (С. Бабурин, В. Исаков, П. Лысов, Н. Павлов, С. Полозков, И. Константинов) проголосовали против. Впрочем, беловежские «пушисты» серьезно опасались народного движения за сохранение СССР. По этой причине «ропуск» государства состоялся не в Большом Кремлевском Дворце под пение фанфар, без провозглашения даты ликвидации СССР новым государственным праздником «освобождения от тоталитаризма», а в виде тайной сходки трех президентов. Вместе с провозглашением ликвидации СССР было объявлено о создании некоего Содружества Независимых Государств (СНГ) с намеренно неясным правовым статусом. Многие советские граждане по этой причине продолжали считать,

---

что единая страна существует, только под другим названием. Еще в 1995 году многие жители РФ и Украины продолжали считать себя гражданами не своих республик, а СНГ (хотя такого гражданства не было предусмотрено). Капитуляция сверхдержавы стала фактом. Бывший директор ЦРУ Роберт Гейтс, перед возвращением в США после визита в «демократическую» Россию, «прошел парадным шагом» по Красной площади перед камерами западных корреспондентов. При этом он заявил: «Здесь, на площади, возле Кремля и Мавзолея, совершаю я одиночный парад победы». Он более, чем кто на Западе, заслужил право на этот парад. Но все же сокрушила сверхдержаву не ЦРУ, а советская номенклатура. Пресловутая перестройка была революцией бюрократии, для бюрократии и во имя бюрократии. Правящим коммунистам давно хотелось стать капиталистами, но «идеология» партии этому мешала. Теперь, с 1991 года, можно было наслаждаться жизнью.

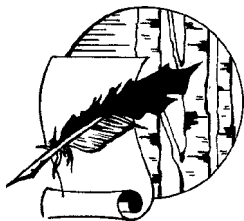
Но все же юридически СССР остается существовать. Аннулирование союзного договора 1922 года является бессмыслицей, поскольку сам этот договор был аннулирован принятием конституции 1936 года. Референдум 17 марта 1991 года (вот она, воля народа, на которую так любят ссылаться политические демагоги!) подтвердил, что подавляющее большинство советских людей по-прежнему считают своей Родиной историческую Россию. Ратифицировал Беловежские соглашения Верховный Совет России, упраздненный после ельцинского указа 1400 от 22 сентября 1993 года (что автоматически делало незаконным и решения ВС). Впрочем, сами Беловежские соглашения были аннулированы Государственной Думой 16 марта 1996 года. Хотя наша «свободная» пресса и предпочитает молчать на этот счет, все же факт остается фактом — СССР продолжает существовать именно как субъект международного права.

Впрочем, наивна сама мысль, что сверхдержава может исчезнуть в результате подписания тремя пьяными партократами каких-то бумажек. Вот что писал известный западный советолог М. Левин: «Такая страна, как СССР, не может просто децентрализоваться, не собравшись вновь. Такая обширная территория, как у СССР, не может не иметь сильного центрального правительства. Дезинтеграция далее не разовьется, республики вернутся к диалогу. Хоронить Советский Союз еще рано. Он вернется. Он будет называться по-другому, иметь иной цвет флага, но обязательно возродится».

И последнее. Русским патриотам пора, наконец, признать, что 73 года советской власти были всего лишь очередным

этапом русской истории, отмеченным многими преступлениями, но и многими достижениями. Думается, патриотам пора отказаться от антисоветизма, признав историю СССР частью своей исторической традиции. Еще недавно, в начале 90-х гг., патриотам просто необходимо было подчеркивать осуждение советского прошлого, дабы несколько дистанцироваться от КПРФ, претендующей на роль исключительного наследника советской эпохи. Но теперь — в условиях деградации КПРФ — советское наследство во всем своем многообразии должно стать частью русской исторической традиции.

Александр ОЛИН

ГОЛУБИЧНЫЕ НЕБЕСА

БОРОВЫЕ ОЗЕРА

Колчеватое, Гароватое.
Комгарь, Негарь да Окунёк.
Берендеева глушь кудлатая
В стороне от больших дорог.

Глухариные да лосиные,
Непролазные здесь леса.
Голубичные, густо-синие
Над озерами небеса.

В стороне от проблем несвойственных
Миру горнему испокон
Можно жить без понятий двойственных:
Справедливо со всех сторон.

Ни избы, ни трубы, ни лежбища:
Только дым — от костра до звезд.
Только столько свободы где ж еще?
Светел ветер среди берез.

Ветер светлый и мысли светлые.
И простые, как дважды два.
Птица крикнула — ей ответил я.
Отдыхай, моя голова.

Успокойся, душа усталая,
По туманам рассыпав грусть.
Ночь-орда на заре растаяла.
В небе ясном — Святая Русь!

ПРОГРЕСС...

Везде компьютерный прогресс,
И все просчитано до срока.
Одна на весь пустынный лес
Трещит испуганно сорока.

Ни рыбака, ни грибника:
Здесь всё поймали, всё порвали.
А рай глядит — издалека
И к нам приблизится едва ли.

Наш мир — единый гарнизон —
Изучен сканером и зондом.
Наш путь лежит за горизонт,
Но — ничего... за горизонтом.

* * *

Ты — бизнесмен.
И «бабки рублишь» смело.
Твои дела особо хороши.
Я вижу блеск ухоженного тела...
И нищету заброшенной души.
С немецким пивом — лучшие колбаски:
Ну, как же можно не любить себя!
Так почему живешь не без опаски,
Не плача, не страдая, не скорбя?
Твоя эпоха катится куда-то.
Куда — того и сам не знаешь ты.
Исчезли с улиц красные плакаты,
Исчезнут и рекламные щиты.
И вот уже ты чуешь: что-то зреет
Такое, что спасется только Ной.
Любые тщетны под луной затеи.
Ведь ничего не вечно под луной.
С печатью бланк ненужно распластался.
Автографа изысканная вязь...
Ну, кто из вас когда-нибудь пытался
Понять причинно-следственную связь?..
Иные дураки омоют рожи,
Все прежнее разрушат, не дрожа.
И в офис твой из дерева и кожи
Судьба засунет вшивого бомжа.
И вспомнишь ты заброшенную душу.

Войдешь в избушку-церковь, чуть дыша,
Как из трясины выползший на сушу,
Покаешься: «Прости меня, душа»...
А если не покаешься, так что же:
И гумусу в природе место есть.
Она, шутя, пустое уничтожит,
По Сеньке шапка, по делам и честь.

* * *

В поле пусто.
В небе чисто.
Птица плачет на бору.
Я зари букет лучистый
Взглядом бережно беру.
Собираю акварели,
Чтоб плеснуть на холст стиха;
Чтоб в ненастье душу грели
Клен, береза и ольха.
Чтобы ястреб в небе ясном
Плыл пленительно легко,
Чтоб Звезда Руси не гасла
И сияла высоко.
Сбитый с ног судьбы ударом,
Выживаю, жилы рву.
И страдаю Божьим даром,
Божьим даром и живу.

* * *

Лебяжья нежность первоснежья.
На крыльях северных ветров
Она плывет из Заонежья
Туманом сказочных миров,
Размыла контуры и грани,
Смешала холод и тепло...
Лебяжьим пухом утром ранним
Чужие краски замело.

Как хорошо, что всюду чисто
(Бери палитру и твори!),
Что нет дорог в простор лучистый:
Какую хочешь — сам тори.

Чем чище сок, тем крепче почка,
Которой нужно расцвести.

Чем тоньше луч, тем ярче точка
В конце тревожного пути.

Лебяжьи шелесты метели.
Лебяжьи грации берез.
Сиреневые свиристели
Клюют рябиновую гроздь.

Марина ГАХ

ЗАРНИЦЫ

* * *

Разбудит пенье петуха
И свист косы.
Лицо умоешь с лопуха
Слезой росы.

Густой туман завесил даль,
Поверх — лучи.
Моя вчерашняя печаль,
Молчи, молчи.

Такая чистота вокруг,
Сиянье, свет,
И до моих недавних мук
Мне дела нет!

* * *

С каждым днем подробнее детали,
Гуще тени, синева плотней.
Прямо к окнам подступили дали,
Каплет сок с надломленных ветвей.

И земли оттаивает запах
С терпкою закваскою снегов,
Крутится пылью в еловых лапах,
В мокрой глине талых берегов.

И душа отчетливо запомнит
Острой почки мятно-горький вкус,
И на глянцево-пологом склоне
Тальника веселый красный куст.

СТАРИК

Серый день покачался и сник,
Беззакатное небо темнеет,
На пороге избушки старик
Уходящее время жалеет.

Словно тучи закрыли глаза,
Быстрой молнией память сверкает,
Люди думают: где-то гроза,
Ну а это старик вспоминает.

Воду трогает зябкая дрожь,
Хмурый лес удлиняется тенью,
На поля проливается дождь —
Это учится старец смирению.

Свежий запах намокшей земли
Так настойчив, как горечь остуды,
Годы в травы с водою ушли,
Обнажились булыжников груды.

Тучи рвет резкий ворона крик,
Собираются стаями птицы.
Это смотрит в былое старик,
И на небе играют зарницы.

КОЛЫБЕЛЬ

Я сплету тебе люльку из ивовых прутьев,
Разукрашу корою березы плакучей,
Чтоб не сбили с пути вековые распутья,
Горизонт не закрыли ненастные тучи.

Видишь: ветки березы протянуты к дому,
Слышишь: гнется лоза и ломаться не хочет,
Постелю я на дно золотую солому,
Чтоб тепло не забрали холодные ночи.

Просмолю коноплю и на месяц закину,
Пусть качается люлька по звездному кругу,
И пускай переходит от дочери к сыну,
И от старшего внука к младшему внуку.

И поднимется род ради праведной цели —
Пересилить беду, сохранить свои корни,
Чтобы помнить: мы все из одной колыбели,
Чтобы помнить...

ДОРОГА

За окном под угором дорога,
Золотая от пыли и солнца.
Стрекотнет на жердине сорока,
И кукушка в часах отзовется.

Луг над речкой курится туманом,
Лес темнеет резною каймою.
Затянуло низины дурманом,
Засыпаешь с больной головою.

Среди ночи приснится дорога.
Плянешь: лунным залита сияньем,
Голубой полосой до порога,
И томится душа ожиданьем.

Паутину на ветке березы
Зажигают лучи на рассвете.
И не знаешь — роса или слезы,
Кружева или хитрые сети.

На обочине времени знаки,
Я по слуху часы различаю:
Гонят стадо, проходят доярки,
И грачи собираются в стаю.

Дом высоко, свет виден далече,
Заплутавшему будет подмога.
И, казалось бы, жить больше нечем,
А уехать — не пустит дорога.

* * *

Село солнце. Закатное небо цветет.
Скот молчит, и собака не лает.

Возле церковки старой вечерний облет
Начинает грачиная стая.

С приовражных берез, темных лип и ракит
Тяжело поднимаются птицы.
И от их виражей чуткий воздух дрожит,
Голова колокольни кружится.

И гудит, надрываясь, тревожный набат,
И звонарь в рваной рясе колдует.
Забываешь мгновенно, что колокол снят,
До сих пор свято место пустует.

От крылатого ветра качает кресты,
Полсела сквозняком прохватило:
Заколочены избы, амбары пусты.
— С нами Крестная сила!

И тревожно в окно обращается взгляд —
Все не гаснет заря золотая.
Неспокойно в доме, и соседи не спят,
И все вьется над церковью стая.

КУЛАК

Потомкам великой победы
Сдаваться нельзя просто так.
В таком положении деды
Всю волю вжимали в кулак.

И коротко били и точно,
И сразу кончалась борьба.
Смертельный удар — это точка,
Которую ставит судьба.

Ну что ж, не впервые спесиво
Кичится победою враг,
Ломая границы, Россия
Сжимается молча в кулак.

ЛИЛИЯ

Из озерной глубины
Поднимаются березы,
Храмы, молнии, стрекозы,
И преданья старины.

Легкой лилии цветок,
По-над водной звонкой синью
Поднимается Россия
На сужденный Богом срок.

Чудно в ней совмещены
Промыслом и провиденьем
К высшим истинам стремленье
С тяжелой тайной глубины.

Хайку – известный жанр японской поэзии, которая через утонченную образность традиционно стремится к глубокому осмыслению мира и событий. Перенеся хайку на русскую почву, Юрий Ковязин насытил японскую форму русской рассудительностью, самоиронией и своеобразным юмором.

Юрий КОВЯЗИН

РУССКИЕ ХАЙКУ

* * *

Соседи за стеной
Говорят так тихо...
Уснуть невозможно!

* * *

Жить некогда.
Что ни день,
Заботы.

* * *

На дворе ночь.
Сосед пьет водку.
Будем спать днем.

---

* * *

Время
Не спешит:
Оно не опаздывает.

* * *

Только вышел за ворота,
Уже говорят:
«Прохожий»...

* * *

Муравей-труженик,
Сколько ни работает,
Богатства не нажил.

* * *

Сад.
Яблоки на земле.
Наелись...

* * *

На дороге
Лежит колесо.
Откатилось!..

* * *

Встретил знакомого,
Забьл, как зовут.
А ведь знал.

* * *

Закрою глаза —
Ты рядом.
Открою — никого.

* * *

Сон не явь,
А что тогда?
Не понял.

---

* * *

Летний день,
Идем на работу вдвоем —
Я и моя тень.

* * *

Стоит пень.
Кабы не опята,
Прошел бы, не остановился.

* * *

Что не скажу,
Всё не впопад,
А говорить охота.

* * *

Куда ни глянь,
Кругом разноцветный хлам.
Осень намела.

От редакции:

Лев Тихомиров — имя-открытие последних лет, имя-загадка, имя-сенсация.

Кто он? Революционер-безбожник, идейный лидер террористической партии «Народная Воля», эмигрант, руководитель зарубежного центра социалистов? Или — монархист, глубоко православный человек, помощник Столыпина, Победоносцева, автор книг о самодержавии, в которых с верой и надеждой писал о России.

О судьбе Тихомирова размышлял А. Чехов при написании «Иванова». Андрей Белый задумывал вывести Льва Александровича в своей «Симфонии». Историк-эмигрант В. Маевский сожалел, что о Тихомирове до сих пор не написан роман. Он полагал: если бы Достоевский прожил чуть подольше, «ему не удалось бы уйти от соблазна этой темы».

И вот роман состоялся. Наш постоянный автор Александр Поляков, известный молодоговардейскому читателю по роману «Огненный Авва», написал «Великанов сумрака» — о необычайной и драматичной судьбе русского философа Льва Тихомирова.

ВЕЛИКАНЫ СУМРАКА

РОМАН

Детям моим — Ксении, Анне, Павлу, Ивану

Пролог

Старик висел над пропастью. Ерши пегих волос смешно торчали во все стороны. Он осторожно повернул голову на цыплячьей шее и увидел в морской дали каменистый мыс Доба, мимо которого входили в новороссийскую бухту две перегруженные фелюги. Старик крепче вцепился в куст, тронул каблуком скалу и зажмурился от страха: вниз посыпались мелкие камни. Когда он открыл глаза, то испугался еще

ПРОЗА

больше. Рядом — вот он, руку протяни — над ущельем висел старший брат Володя, шестиклассник Ейской гимназии, вчера приплывший на каникулы парохомом «Киласури».

— Володя, мы думали, ты на «Львице». Она делает восемь узлов. Почему на «Киласури»? — хрипло зачастил старик.

— На «Львице» сломалась машина. Не хотел сидеть в порту, — ответил брат, подтягиваясь легким телом. — Давай-ка выбираться. Родители заждались...

— Осторожно! Я-то уж ладно... Я старик. А ты молодой. Какой же год теперь?

— Осторожно? Чтобы меня опять расстреляли комиссары? Если мне тринадцать, то тебе, Левушка, десять. Прощай, не бойся! — весело подмигнул брат и разжал руки.

— Какие комиссары? Ты же... Постой, Володя-я-я!!! — отчаянно закричал старик и пришел в себя.

Бред отступил. Обшарпанные стены комнаты снова нависли над умирающим.

Старик с трудом приподнялся, нащупал на столике мятую алюминиевую кружку, неловко двинул ее, вода плеснула на потертую папку, размывая надпись: «Трудовая школа имени Максима Горького. Сергиев Посад. 1923 год. Дело-производитель Л.А.Тихомиров». Он выцедил в черный рот остатки воды и, обессиленный, прикрыл неживые глаза. Красная мгла под веками запульсировала, увлекая в повторившийся бред.

Снова брат Володя, цемесские скалы, хребет Маркотх, рангоут еще невидимого корабля над волнами, а там, чуть ниже, на зеленой кустистой поляне — вольная игра диких котят.

— А год, милый Левушка, теперь 1862-й, — рассмеялся Володя и хитро подмигнул: — Почему ты не женился на Сонечке Перовской? Ах, что за девушка! Сколько огня. И не только революционного...

— Так вышло, — почему-то смутился старик. — Пойми, тюремный роман... Ты держись крепче.

— Не хочу. Ничего не хочу, — отвернулся Володя и опять сорвался в пропасть.

— Что я скажу маме? Господи... — прохрипел старик. Тоска разрывала сердце. Он поймал взглядом солнечный блик у мыса и почти равнодушно отпустил куст. Бездна приняла невесомое тело...

К вечеру старшая дочь привела священника из Лавры.

Усопшего отпели в церкви старого кладбища.

В большевистской газете появилась заметка: «16 октября 1923 года в Сергиевом Посаде умер Лев Тихомиров, бывший

революционер, идейный лидер «Народной Воли», перешедший на сторону самодержавия. Умер никому не нужным. И это справедливо. Перебежчиков, отступников не жаловали во все времена...»

Глава первая

Нервы. Бессонница. Да-да, бессонница — изматывающая, безутешная. Тогда, в январе 1882-го, он еще не научился ценить ее таинственный дар — дар одиночества и размышления. Это потом уже, гораздо позднее, он пойдет навстречу темноте смелой легкой поступью, зная, что ничего не бывает напрасным и что тысячи и тысячи людей, возможно, впервые глубоко задумались о жизни и о себе в бесконечные часы ночного бодрствования. То же самое случится и с ним. А пока...

А пока казалось, арестуют не сегодня — завтра. Если бы была жива Соня Перовская, она непременно сказала бы: «Все это у тебя, Левушка, на *гистерической* почве. Ты устал...» Но Соно повесили почти год назад. Он помнил: солнце, ростепель, шпалеры войск на Семеновском плацу..

В Каретном студеный ветер стих, однако ближе к Садовой, в двух шагах от радикальской штаб-квартиры, ударил в лицо так сильно и колко, что Тихомиров зажмурился. Собственно говоря, в паспорте значилось другое имя: Иван Григорьевич Каратаев. Паспорт и новый костюм выдали в комитете «Народной воли» — как члену исполкома, попавшему под жесточайшую слежку. Бывший театральный гример достал оловянные трубочки с красками и нарисовал ему на правой щеке большое родимое пятно, налепил кустистые брови — попробуй-ка, узнай! «Вылитый Василий Николаевич Андреев-Бурлак в роли Подхалюзина, — шепелявил старик. — Ах, какая игра! Малый театр рукоплескал...» Сына гримера осудили по процессу 193-х: вместе с Ипполитом Мышкиным тот пытался освободить Чернышевского из Виллюйска. Отпрыска же своего болтливый старик боготворил, а потому сочувствовал революции.

И все же покоя не было. А тут еще рыжая борода... Борода торчала из-за выставленного на лестницу посудника и явно принадлежала полицейскому агенту. (И где только понабрали таких неловких!) Было слышно, как тот дышит, стараясь приглушить дыхание. Пробившийся солнечный луч позолотил бороду, и на мгновение вспомнилось детство. Геленджик, Новороссийск, отец, смешно пугающий их с братом из-за такого же шкапа. Тихомиров оборвал воспоминания: ведь

филер прятался на лестнице тайной штаб-квартиры, и это означало, что дела «Народной воли» совсем плохи.

Первым желанием было немедленно выйти из подъезда. Убежать, скрыться в метели. Он с трудом сдержал себя. Постоял с полминуты, пьяно качнулся, икнул (переиграл?) и смело шагнул к квартирной двери.

— Простите, сударыня, за привуазность... — расшаркался перед вышедшей на звонок хозяйкой. — Смею представиться... Выступаю, если позволите, интересантом вдовствующей чиновницы, испытывающей... Я бы сказал, некоторое инкомодите. Выражаясь языком бессмертного Гоголя... То есть, затруднение житейского свойства. Я про шкаф, про этот замечательный посудничек. Если он вам без надобности, разрешите забрать. Вдове большое подспорье...

А сам шепотом — жарким, быстрым: «Машенька, передай Юре: надо уезжать отсюда. Не мешкая, не привлекая внимание. За шкапом шпион».

Что за прелесть эта Машенька, Мария Николаевна! Ни один мускул не дрогнул на ее прекрасном лице. Дотронулась спокойной рукой до тяжелой косы, уложенной корзиночкой, улыбнулась потемневшими глазами. Разве скажешь, что эта богатая орловская помещица — прилежная ученица старого якобинца Зайчневского, что сама она бредит инсurreкцией, захватом власти? Уверена: стоит лишь зажечь спичку, как полыхнет Русь всенародным пожаром, сбросит проклятое ярмо деспотизма. Не сам ли он, Тихомиров, шутиливо называл ее вспышкопускательницей...

И снова громко:

— Знал! Как благородно! И сказал Господь богатому юноше: отдай все... И детки вдовы не забудут щедрости. Придут и поклонятся: салфет вашей милости... А шкаф хорош! Поди ж, мытищинские ладили? Да уж, жила-была мышь шкапница, да попалась!

Он качнул зазвеневший посудник, словно бы желая изгнать вороватую мышь. Почувствовал, как съежился, перестал дышать спрятавшийся филер. Наверное, бедняга в тот миг позавидовал участи мелкого грызуна. А Тихомиров терзал шкаф. То прижимал к стене, то стучал по разохшимся бокам. Он издевался над сыщиком, зная, что тот не посмеет обнаружить себя, будет терпеть.

Уже полгода квартиру снимали супруги Кобозевы, те самые, что прежде были хозяевами сырной лавки в Петербурге. На самом деле это были члены исполнительного комитета Юрий Богданович и Мария Оловеникова; теперь он играл роль живописца, она, статная красавица, — его любящей

жены и чуть легкомысленной, но хлебосольной хозяйки. Именно из их лавки в доходном доме Менгдена, пропахшей голландским сыром, к середине февраля был прорыт подкоп под Малой Садовой, как раз на пути следования Александра II из Михайловского манежа, и вскоре неутомимый Коленька Кибальчич собрал самую мощную бомбу для взрыва царя. Бомба не пригодилась. Пригодилась другая. Но это и не важно: 1 марта прошлого года государя взорвали в Петербурге.

Тогда-то все и началось. Самые деятельные члены исполкома «Народной воли» были арестованы. Это походило на разгром, который потряс столичный центр организации до самых основ. Пришлось отступить — в более спокойную Москву, куда, впрочем, тоже дотягивались руки нового инспектора охранного отделения Георгия Порфирьевича Судейкина, чья звезда стремительно взошла на небосклоне российского сыска. Гений, воистину гений — ничего не скажешь. Добрался и до тайной штаб-квартиры.

Тихомиров, покачиваясь и напевая ахшарумовский куплет («Едва я на ногах — шатаюсь, как пьяный...»), вышел из парадного. Постоял, посмотрел на несущиеся по Садовой экипажи. Свернул в Лихов переулок, снова замер, ожидая погони. Но все было тихо.

Немного покружил в переулках и двинулся по Петровке к доходному дому Обидиной, где жил в меблированных комнатах. Хотелось тепла, чаю. Он привычно бросил взгляд на свои окна и замер с бьющимся сердцем: в одной из комнат горел свет. «Спокойно. Возможно, горничная. Не пори, брат, горячку», — уговаривал себя. Еще час побродил в метели. Горничная округлила глуповатые глаза: «Не входила я, барин! Меня хозяйка за сыром послали...»

Опять этот сыр — что за наваждение! В сырной лавке на Манежном звенели склянки с бертолетовой солью и нитроглицерином (делали мину), из склада русских сыров в Питере рыли подкоп под Малой Садовой, чтобы взорвать царскую карету. Ему показалось, что сырным духом тянет от перепуганной горничной, что он сам пропах пошехонским сыром угличской закваски. Но ведь кто-то же побывал в его комнате! Кто-то трогал книги и рылся в шкафу. Закопченное стекло лампы не успело остыть.

Наутро с легким саквояжем Тихомиров вышел из дома, чтобы больше сюда не возвращаться. И все бы хорошо, но...

Высокую фигуру Александра Спиридоновича Скандракова он заметил не сразу. Вот так встреча! Сам начальник Московского охранного отделения смотрел на него с проти-

---

воположной стороны улицы; рассеянная улыбка блуждала на румяном лице. Старый знакомец будто только его и ждал: что-то шепнул «гороховому пальто», а затем, не таясь (куда теперь денется!), ткнул пальцем в сторону оцепеневшего идеолога «Народной воли». Филер свистнул, из-за дома выскочили еще двое. Тихомиров видел, как один из них взвел курок длинноствольного американского револьвера. «Влип. По самое темечко. А Катюша ждет...» И тут же в висках застучало, открылось: «Постой-ка, брат... Видишь, справа подворотня. Она? Ну же... Вспоминай схему Саша Михайлова...»

Саша... Прозвище — Дворник. Питерские и московские дворы знал, как карась свой пруд. В отдельный список внес проходные дворы: 305 штук в столице и 278 — в белокаменной. И все это помнил наизусть.

Выручай, друг! Даже если ты второй год сидишь в Алексеевском равелине, все равно — выручай...

Конечно, конечно, как же он мог забыть! Вот она, подворотня, вот дом № 43. Нужно вбежать под арку, круто повернуть налево... Из-под руки, не целясь, Тихомиров выстрелил в филеров. Те попадали в снег. И это дало спасительные секунды. Он перемахнул через сугроб и кинулся во двор. За спиной захолопали револьверы, пуля впилась в карниз, на голову посыпались сосульки. Налево, направо, один закоулок, другой. Лишь бы сгоряча не ошибиться. Следующую улочку — наискосок, здесь дом... Да-да, номер пять, и снова — проходной двор. Нет, сердце не выдержит! Прыгает в горле, гонит обезумевшую кровь, и кровь вскипает, готовая вырваться из горячего, привыкшего к жизни тела. Достаточно маленькой дырочки, которую так легко делает кусочек стремительного свинца...

Чудесно, удивительно, странно — он вдруг очутился в Охотном, еще раз повернул направо, снова миновал проходной двор. У фонаря томился извозчик: «Эй, любезный! Поспешика...» Помчались. Спасен?

Спасен... Спасен! Под рубашкой нащупал образок Святителя Митрофана: мама им благословила, наказывала не снимать. А он снимал, терял образок. Недавно нашел его у брата Володи. Безотчетно надел на шею. Вот бы поиздевалась Сонечка! Ведь она даже перед казнью отказалась принять священника...

К радости добавилось чувство вины перед Михайловым: сам же посмеивался, когда тот требовал сугубой конспирации. Разве сегодня ушел бы он без Сашиной науки?

Уехал в Сергиев Посад, в Лавру. Там пробыл три дня.

В квартире на Знаменке он поселился уже с другим паспортом. И поселился не один — с молодой женой Катей. По

соседству тут же появились новые жильцы — два крайне подозрительных субъекта. Они часто попадались ему на улицах — в самых разных местах. И вскоре окончательно себя раскрыли. Дело было ночью. Жена спала. Его мучила бессонница. Он слышал, как пришли соседи, как устраивались на скрипучих кроватях. Тихомиров лежал без свечи, затаив дыхание. Похоже, там, за тонкой перегородкой, были уверены, что молодой четы нет дома.

— Ишь, bestия, — заговорил первый. — След путает, как лисица. Со Стромьнки да на Сивцев, а оттуда прямо на Разгуляй. Вот жизнь собачья — гоняйся за ним. Хорошо хоть в кухмистерскую успел. А то пропал бы я с голодухи...

— Им-то, бунтовщикам, что, — тихо отозвался второй. — Они идеями сыты. К тому же французики микстурку придумали: хлебнул — и три дня ни пивши, не евши, бегай себе. Вот и бегают, шаромыги. А еще силища от микстурки. Бомбиста брали — так он пятерых наших раскидал. А этот, за стенкой, хитер. По рылу видно — не из простых...

Дело ясное — за стенкой говорили о нем. Тоска сдавила сердце: обложили со всех сторон, охранка следит за каждым шагом. Почему не берут? Должно быть, по нему выслеживают других — тактика подполковника Судейкина. Хорошо, что Маша Оловеникова успела выехать из штаб-квартиры! А Богданович... Бедный Юра решил поиграть с судьбой. Доигрался, досиделся на Садовой — вчера арестовали.

— Душа моя, Катенька, проснись, — разбудил жену. — Тихо. Тсс...

А жена — умница: очнулась, будто и не спала. Выучка — сама член исполкома «Народной воли». И первое движение — руку на живот: мягко, берегающе. Наверное, и во сне помнила, что беременна, хотя срок пока и небольшой.

Нужно, чтобы филеры уверились, что соседи еще не пришли. Но, конечно же, придут, никуда не денутся, поскольку по подворотням и переулкам их ведут, глаз с них не спускают другие сыщики.

Тихомиров прислушался: один из филеров уже всхрапывал, но другой все еще полусонно хвастал, что вчера Евстратка накинул ему полтинник — за усердие.

Одевались бесшумно, быстро, объяснялись жестами, да и что объясняться — по третьей от печки половице (которая не скрипит) к двери, в коридор, через кухоньку к черному ходу. Тут Катя шалью неловко махнула, зацепилась за умывальник (урьльник — как, смеясь, называла), оглушительно звякнуло в темноте. Юркнули под стол, затаились, словно дети малые разыгрались в прятки: «Кто не спрятался, я не

виноват...» Сейчас выскочат, свет зажгут, навалятся. За такое дело Евстратка, поди ж, целый рубль накинёт. Похоже, стрельбы не миновать: Тихомиров с отвращением ощупал в кармане револьвер. Сердце колотилось, перед глазами плыли круги.

Ничего, обошлось. Только замычал во сне филер: «Ах, штучник, поганец! Гоните, ваше благородие!..»

По снегу, в метели, на разных извозчиках — в разные концы Москвы.

У Савелия Златопольского взял другой, надёжный паспорт. Брат Володя ссудил денег, дал почти новое пальто. В полдень они с женой уже сидели в нижегородском поезде, уверенные, что в Белокаменной не оставили за собой никаких следов.

Ехали первым классом — солидно, по-барски. Хвала щедрости дорогого братца, но, признаться, и без него бы не пропали: в кассу «Народной воли» поступало до пяти тысяч в месяц, 60 тысяч в год! Хорошие деньги. Да разве он, идеолог организации, не заслужил, чтобы в пути ни в чем себе не отказывать?

Одно омрачало путешествие. Неотвязная мысль: почему взяли Николая Капелькина? Кто его выдал?

Итак, в уютном купе ехал молодой профессор, специалист по быту и верованиям поволжских инородцев, каких-нибудь черемисов с вотяками, по большей части ямщиков с заунывными степными песнями. Профессор был влюблен в свою юную жену — глаз с нее не сводил, загонял бедного буфетчика, угождая ей в мелочах. Помрачнел он только раз, когда супруга, капризно поведя полнеющими плечиками, попросила угличского сыра, ну хотя бы ма-а-аленький кусочек или на худой конец малиновой пастилы.

— Почему угличского? Спросим пармезана или бри...

Вспомнилось... Снова надвинулся полумрак сырной лавки, где Юра Богданович с лицом цвета томпакового самовара помогал хмурому Кибальчичу наполнить жестянки едким гремучим студнем. Нет уж, пусть малиновая пастилла! Впрочем, какое там... Пастилой закармливала его мама, перед тем как оставить одного в керченской гимназии. Со всем одного — впервые, среди чужих людей. Бедная мама хотела как лучше и подсовывала ему ароматные розовые кусочки, а он плакал и, давясь, жевал их до последнего прощания на пристани. И мама плакала. А он знал теперь, что тоска пахнет малиновой пастилой. Всю жизнь знал. И очень удивился, что в тюрьме III Отделения нет этого запаха — тоска была такой же, как в Керчи. Помнится, дочери керченской хозяйки без конца разучивали гаммы. Хорошо, что в

тюрьме это было не принято, иначе хоть волком вой. Выходило, что в камере даже лучше...

Вот ведь до чего додумаешься, «слушая голос колес непростанный». В тюрьме — лучше!

Неужели он похож на слегка поигравшую в революцию Машеньку Гейштин, постаревшую, издерганную, у которой самым светлым воспоминанием было пребывание в Доме предварительного заключения? Загоралась, рассказывала: ах, как пели в камере, как перестукивались, передавали записки на волю, дерзили начальству! Или девица Вандакурова.

Легко отделались эти восторженные барышни. А вот если его, Тихомирова, сейчас арестуют, то повесят, непременно повесят. Вздернут в сером мешке на Иоанновском равелине приснопамятной Петропавловки. (Как Сашу Квятковского и Андрея Преснякова). Не зря же приклеилось к нему прозвище: Тигрыч.

Катюша доела малиновую пастилу. Перешла на пармезан. Он задремал. За минуту приснилось, что где-то под Новороссийском упал в держи-траву — не выбраться. Вырывался не из травы, из держи-сна. Вырывался — обрадованный, смеющийся. И вдруг понял, почему рассмеялся. Как же он раньше не сообразил: ведь на всем пути до Нижнего, а потом до Казани не было ни одного агентурного кружка, ни одной радикальской квартиры, ни одной тайной типографии. Встреча с кем-нибудь из товарищей-народовольцев едва ли была возможной. Так, если случайно...

Прочь, держи-трава. Прочь, держи-прошлое! Какой чистый снег за окном. Стало хорошо, покойно. Кондуктор сообщил: через два часа — Нижний...

А дальше — санный путь до Казани. В дорогу купили полушубки, валенки, войлоки. Долго раздумывали, какой почтой ехать — казенной или вольной? Не спешили: уж если не арестовали в поезде, то теперь-то и подавно не арестуют.

Сперва мчались по большаку, но уже у Лискова спустились на волжский лед и понеслись еще быстрее. Мелькнула торчащая из снега елка, дальше еще одна и еще...

— Скажи-ка, что за чудо-елки на льду? — крикнул в ухо возницы.

— А это значит полыньи, барин. Глаз Волги, — не поворачивая головы, отозвался тот. — Давеча приказчики ехали, не заметили елочку в потемках. Сгнули, Господи пронеси...

Поужился. И тут же сзади раздалось: «Дорогу! Пади, пади!» — как в сочинениях поэта Пушкина. Их обогнала хрипящая, закуржавевшая тройка; ударило колким вихрем, безудержностью жаркого бега, из-под полсти мелькнула го-

---

лубая пола жандармской шинели — ни с чем не спутаешь. И все унеслось прямо к солнцу в радужной оболочке, и не к одному, а сразу к трем — два солнца сияли вверху, одно внизу, под семицветным кругом. «Кажется, это к скорой метели...»

— Кабы какого злополучия не вышло! — закрутился на облучке возница.

И точно в воду глядел. Не проехали и с полверсты, как сквозь пелену поземки увидели страшную картину. По снегу были разбросаны елочки, а в дымящейся полынье хрипели лошади, уходящие под лед вертикально, как шахматные фигуры. Несчастные животные взбивали копытами густую воду, в которой захлебывался человек с окровавленной щекой и белыми, вымороженными ужасом глазами. Набухшая шинель с одним уцелевшим золотым погоном тянула вниз, в самый «зрачок» Волги, где только что сгинула тройка с санями и кучером.

— По... Помогите...

Распластавшийся у кромки полыньи возница уже совал бедняге кнутовище. Тихомиров на бегу сбросил шубу и упал в снег рядом. На мгновение поймал взгляд утопающего: «Жандарм! Не он ли брал Капелькина?» Замешкался, одолевая брезгливость, мотнул головой и тут же быстро протянул руку полковнику.

Глава вторая

И зачем только Коленька Капелькин из благодатного Симферополя переехал в Петербург? Это с его-то слабой грудью... К чему он, незаметный судейский письмоводитель, променял солнечный воздух Крыма на мглистый туман неvkских болот? Уж лучше бы к маменьке в Пензу вернулся.

Самый страшный год — 1878-й. Жить не хотелось. Причина стара, как мир: любовь, разбитое сердце.

Трепетное судейское сердце разбила Дашенька Поплавская, смешливая особа в гроденаплевом платье и с тревожным аламандином в колечке на розовом мизинце. Николай декламировал ей из Надсона — про гнетущую тоску и оскорбленные идеалы. Дашенька вздыхала, боролась с зевотой и, в конце концов, вышла замуж за сына богатого крымского винодела.

Капелькин хотел застрелиться. Но из Петербурга приходили вести — одна интереснее другой. Шумный процесс пропагандистов, выстрел бесстрашной Веры Засулич в градоначальника Трепова; среди бела дня отчаянный Кравчинский закалывает кинжалом шефа жандармов Мезенцева. И воз-

---

мутительные правительственные репрессалии. Видано ли (о, душители свободы!): теперь всякий уездный исправник вправе заарестовать подозрительных лиц без санкции прокурора! С непокорными разбираются быстрые на расправу военнокругные суды. Студенчество протестует против «Временных правил», стеснительно регламентирующих его жизнь. Газеты называют борцов за народное счастье «великанами сумрака». «Именно так. Именно!» — билось сердце Капелькина. Ему виделись красивые великаны, которые, совершив подвиг, таинственно пропадают во мраке ночи.

А что, если?.. Примут ли его? Сможет ли он, Николай Капелькин, встать плечом к плечу? Что там писал поэт Надсон: «И блеснул предо мною неведомый путь...»

Блеснул рельсовый путь. Простучали колеса. В декабрьский день, окутанный сырой стужей, Капелькин приехал в Петербург, где жили две его землячки, только что отучившиеся на Аларчинских женских курсах. В первый же вечер пели:

*За идеалы, за любовь
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром. Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.*

«Не даром, не даром! — бил Капелькина восторженный озноб. — Я готов умереть. Дайте мне револьвер или стилет. Или бомбу. И пусть со мной умрет кровавый сатрап. Пусть Дашенька узнает, кого она отвергла...»

Спустя неделю им подпевал, чуть фальшивя, полноватый белокурый человек с насмешливыми и пронзительными синими глазами: Дворник. Девицы под большим секретом шепнули потом: «Это сам Михайлов, Александр Дмитриевич... «Земля и воля» — слышал?» Взяли с Николая клятву, что он это имя тут же забудет. Затем появился еще один — тоже из великанов сумрака. Роста, правда, не великанского — коренастый, с украшенным рыжевато-каштановой растительностью широким лицом. Одет крайне неряшливо: на платье жирные пятна, следы пищи. Серые глаза, несмотря на беготню, светились умом: Тигрыч, второй в партии после Дворника. Голова у судейского юноши пошла кругом: счастливая судьба тут же свела его с первономерными фигурами! Он мысленно видел себя удалым метальщиком, швыряющим динамит под ноги губернатору Грессеру или даже... Страшно подумать: самому царю! И пускай осторожничает этот Плеханов: «С борьбой против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Разрушить систему мо-

---

жет только сам народ. Поэтому главная масса наших сил должна работать среди народа...»

Красиво, да сердцу тоскливо. Скука смертная. Нет, это не для него. И Капелькин выжидающе смотрел на Дворника и Тигрыча: когда ему дадут шестиствольный револьвер? Он помнил: такой был у Нечаева.

Но у Михайлова были свои виды на отвергнутого влюбленного.

— На углу Невского и Надеждинской проживает некая Анна Петровна Кутузова, — начал Дворник издалека. — Она содержит меблированные комнаты — уютные и дешевые...

— Благодарю, но я вполне устроен, — на впалых щеках Николая заиграл нетерпеливый румянец.

— Это хорошо, очень хорошо! — вдруг расхохотался Дворник. — Да вот штука какая... Анна Петровна молодая вдова, и так уж мирволит юному студенчеству, что это юное студенчество ей все и рассказывает. И такое подчас рассказывает, что сидит потом под арестом.

— Выдает полиции? Так ее убить мало...

— Зачем же, Николай Корнеевич? Надобно пользу извлечь. Ибо у вдовушки есть кузен, который служит в III Отделении.

— В чинах? Его застрелить? — Капелькин заметно нервничал.

— Да что же вы право, кровожадный какой! — хмыкнул попивающий чай и до этого молчавший Тигрыч. — По виду не скажешь...

От волнения у Капелькина запотели очки. Дворник положил тяжелую руку на его острое плечо.

— Стрелять не надо, — наставительно сказал он. — Думаю, найдутся стрелки и получше. — И вдруг спросил: — А в карты вы играете?

Николай готов был заплакать. Еще бы: ведь он приехал в Петербург совершенно с определенным прожектом — умереть на террористическом акте! А тут... Нет, ему не доверяют. Но прямо сказать не могут: тоже мне, великаны сумрака! И в Симферополь ему путь заказан: там вечная боль, там Дашенька. Родители в письмах зовут в Пензу. Что ж, значит снова туда — в пустую, бессодержательную жизнь.

— Играю! — ответил он с вызовом. Напоследок захотелось надерзить этим могущественным революционерам. — Я, знаете ли, долго жил в глухой провинции, среди чиновников. Дрязги и попойки — у нас привычное дело. А карты... Ну как же без картишек? Не бунтовские же прокламации с гектографа читать...

Подвижные глаза Тигрыча заискрились и забегали еще быстрее. А Дворник улыбнулся и по-братски приобнял Капелькина.

— Не обижайтесь. Надеюсь, вы не последователь Валерiana Осинского, у которого на печати были вырезаны пере-
крещенный топор и револьвер? — глянул Дворник на изящ-
ные пальцы Николая. — Ну и славно. Тогда к делу.

Дело заключалось в следующем. По заданию «Земли и воли» Капелькин должен был переехать в комнаты Кутузовой, большой любительницей перекинуться в картишки. Очаровать тоскующую хозяйку, сблизиться с ней, как только возможно. И затем...

— Ее кузен Георгий Кириллов состоит в должности заведующего 3-й экспедицией III Отделения собственной царской канцелярии, — почему-то торжественно произнес Тигрыч. — И главное его дело — политический сыск. Вы понимаете...

— Понимаете, насколько нам важно, чтобы в экспедиции служил наш агент? — продолжил нахмурившийся Дворник. — Партия несет большие потери. Необходимо обезопасить себя от шпионов. Нужно, чтобы нас предупреждали за-
года о готовящихся арестах и репрессалиях. Вот ваше место в боевом строю. Надеемся на вас...

Николай Корнеевич задрожал, как осиновый лист. Одно дело мгновенная гибель в пламени динамита, другое... Он представил, как его, разоблаченного, месяц на пыльном полу тяжелыми жандармскими сапогами. Это невыносимо. Даже отец, гневаясь на сына, ни разу и пальцем его не тронул.

— Нет. Не знаю... — с трудом зашевелил Капелькин онемевшими губами. — В этом вместилище сыска... Они все прочтут в моих глазах.

— Ничего они не прочтут! — воскликнул Дворник. — Это же ограниченные людишки. Где уж им додуматься, что вы подосланы нелегальной партией! К тому же вас порекомендует сестра самого Кириллова.

Что же делать? Быть может, вернуться в Симферополь и на пыльной Дворянской самоубиться на глазах у Дашеньки Поплавской? Капелькин закашлялся, вынул платок. На платке увидел точку крови; совсем маленькую, почти незаметную.

— Согласен. Но если меня заарестуют... Если... Позвоительно ли будет сказать, что я работал на вас за деньги? Это понятнее. Не сразу убьют.

Дворник и Тигрыч переглянулись.

— Хорошо. Обольщайте несравненную Анну Петровну. И почаще проигрывайте ей. Она это любит...

За месяц новый жилец проиграл хозяйке почти триста рублей. Дворник озадаченно наморщил широкий нос, но денег добавил. Спросил только: во что играете? Капелькин про бурчал что-то невнятное.

А играли все больше в ландскнехт. Эту игру обожала мадам Кутузова. Ей нравилось думать, что в ландскнехт перекидывался еще Людовик XIII, нравилось быть банкометом, и когда по обе стороны вдруг выходили одинаковые карты, она громко вскрикивала «плие!», снимала деньги и передавала колоду Капелькину, норовя коснуться горячими пальчиками его руки.

Деньги Капелькин проигрывал с легкостью и неповторимым изяществом (и это нравилось вдове!). Почти как ее покойный супруг, пять лет назад насмерть поперхнувшийся на Троицу куском свежайшего пармезана. Но Николай Корнеевич еще и пел под гитару:

*Я ее не люблю, не люблю...
Это — сила привычки случайной!
Но зачем же с тревогою тайной
На нее я смотрю, ее речи ловлю?*

Однажды понтировал сам Кириллов, и не без успеха. Уходя с хорошим выигрышем, мурлыча что-то из Аполлона Григорьева, он неожиданно посетовал: мало, ох, как мало служит преданных Отечеству и престолу молодых людей...

Это и поторопило Николая Корнеевича. Когда остались с хозяйкой одни, он вздохнул:

— Как же хочется найти место в каком-нибудь почетном учреждении! Дело не в деньгах. Я обеспечен вполне. Однако... Нерастраченные силы... (После слов про силы Анна Петровна со значением посмотрела в его глаза).

— Вы очень благовоспитанны, Николай Корнеевич! — порывисто подалась к нему. — Но непозволительно скромны. Сказали бы моему братцу.. Впрочем, я поговорю с ним сама. Думаю, все устроится. Согласны ли послужить в III Отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии? — спросила она.

— Я?.. Безусловно... — залепетал новоявленный конспиратор: он и ждал и одновременно страшился этого момента. — Почел бы за честь.

Он разволновался вконец. И от волнения проиграл Анне Петровне на целых три рубля больше обычного (как отчитаться перед Дворником?), чем растрогал ее до предела.

— Завтра сыграем в мушку. Прелестная игра... — пропела она загадочно.

Канцелярия III Отделения — это не то учреждение, куда попадают с бухты-барахты. Об искателе места наводились подробнейшие справки. И только 25 января 1879 года в светлое-серое здание на Фонтанке вошел стройный молодой человек, одетый в двубортное пальто с меховым воротником. Это был Николай Корнеевич Капелькин, сын пензенского архитектора, бывший служащий Симферопольского окружного суда, ныне секретный агент, коллежский регистратор с жалованьем 30 рублей в месяц. Он тотчас же поразил начальство аккуратностью и каллиграфическим почерком: так уж выписывал ферты и ижицы, что каждая напоминала гатчинского гвардейца в парадном строю, а завитки иных букв подходили на размашистые крылья альбатросов; и поскольку сам Кириллов прежде служил в гвардии, а в юности мечтал о мореплавании, то все и решилось: уже в марте Капелькина назначили помощником делопроизводителя с окладом 900 рублей в год. Но самое главное — ему вскоре выдали ключи от ящика конторки, где хранились секретные бумаги. Тигрыч и Дворник ликовали: лучшего и придумать было нельзя!..

Вообще, Петербург Капелькин не любил, боялся этого «самого умышленного» города. Ему казалось, что все эти туманные острова, все перекинутые к ним мосты зыбки и ненадежны, и стоит лишь чуть нарушить соединения, как горделивые дворцы и прокопченные фабрики, улицы и переулочки с доходными домами, летящими санями и беспечными людьми, вся слишком тяжелая для островов самодержавная столица стронется с места, а после медленно пойдет ко дну, чавкнет болотиной напоследок, сгинет навек в глубине, и вскоре сомкнутся над былым угнетающим великолепием лиловые невско-ижорские волны, уносящие последние воспоминания в пучину хмурой Балтики.

Он подошел к окну. Продышал дырочку в причудливых ледяных узорах. Морозный пар плыл над Фонтанкой.

— Ваше служебное усердие достойно похвалы, — вздрогнул Капелькин от голоса Кириллова. — Но и отдыхать надобно...

— Простите, Георгий Георгиевич. Нижайше прошу позволить задержку в присутственном месте сверх положенного срока. Ибо... Дома меня не ждут, а для дела бы поспешествовать...

— Хорошо, хорошо, — добродушно улыбнулся Кириллов. — Но как не ждут? А Анна Петровна? Сидит, поди, с кохырями из новой колоды... А?

И снова заскрипело перо. Одна бумага переписана, другая. Но что это? «Довожу до Вашего внимания... Уже извест-

---

ные Вам субъекты... Вышеназванные Степан Халтурин и Александр Михайлов... Первый считает, что рабочие сами организуются на бунт, безо всякой интеллигенции... Михайлов (Дворник) спорит с ним... Его поддерживает Тихомиров (Старик, Тигрыч)... «Северный союз русских рабочих»... Главари — Халтурин, Обнорский, Моисеенко... Свержение самодержавия...»

В канцелярии было прохладно: печи успели остыть. Но Капелькин взмок. Выходило, что рядом с Дворником, Тигрычем — шпион. Кто? Подпись под донесением вызывала лишь недоумение: Резец. Какому агенту в канцелярии могли дать такую кличку? Дантисту, если предположить, что резец — это зуб? Николай прижался горячим лбом к ледяному стеклу. От напряжения застучало в висках, пробила голову зубная боль. Чушь! Разве встречаются дантисты-революционеры? Нет, конечно. Скорее, это заагентуренный земледелец — струсивший, дрогнувший, а теперь из кожи лезущий, чтобы доказать свою верность охране; впивается, вгрызается зубами: а вдруг простят, сыпанут в потную ладонь горсть иудинных серебряников? Отсюда и — Резец. Так? Вероятнее всего. Потрясенный Капелькин провел рукой по горлу, словно и впрямь ощутил вонзившиеся предательские резцы. «Прочь, наваждение! Подумаем спокойно...»

Он перебрал окружение Дворника, Тигрыча — всех, кого знал. Баранников, Колодкевич — это связные на случай, если возьмут Дворника. Тигрыч не в счет: он — мысль организации, а конспиратор никудышный. Две Аннушки — Якимова и Прибылева-Корба. Обнорский, Халтурин. Со Степаном Халтуриним, неизменно одетым в клетчатую косоворотку, нередко приходил веселый рабочий Матвей Остроумов. Казалось, парень и спал с гармоникой: слушал товарища, а сам нежно поглаживал затертые басы, и вдруг рвал мехи, оглушал прокуренное собрание и, ослепляя всех улыбкой на изъеденной железной пылью лице, безудержно кидался в спор. И спорил со всеми. Даже с напористым Степаном.

— Беда с вами, умствующими людьми, — приступал Халтурин к Дворнику. — Едва рабочее дело чуть наладим, как шарах — пошли клочки по закоулочкам! Швырнула интеллигенция бомбочку, а у нас провалы.

— Остуди резцы, Степа! — кидался защищать Дворника гармонист Матвей, не задумываясь, ждут ли от него защиты. — Взорвем царя, взорвем и царизм. Тогда и восплает заря свободы...

Больше Николай Корнеевич никого не знал: конспиратор Дворник берег его от лишних связей. Сегодня вторник, сви-

---

дание с Дворником вечером в четверг. Впереди целых два дня! А если полиция ударит раньше? Вдруг уже по адресам несутся сани с вооруженными жандармами?

Ничего не придумав, Капелькин вышел из канцелярии. На Невском вскочил в конку, поехал домой. Поужинал, не помня чем, прямо в комнате, а вскоре горничная, потупив хитроватые глазки, пропела: «Анна Петровна ждут-с...» «Подождут-с!», — чуть было не сорвался, но вспомнил строгие глаза Дворника, да еще вспомнил (как же забыл!), что сегодня вечером приглашен играть в какую-то неизвестную ему мушку.

В широких воздушных одеждах несравненная Анна Петровна сама шла навстречу, и в ее бархатном, вдруг вспыхивающем взоре плыл на встревоженного квартиранта застарелый огонь неутоленных чувств.

А мушка — игра простая. Суть в том, что играют в нее исключительно вдвоем.

Вздыхалась грудь Анны Петровны, как тугая волна у федосийского маяка, обещающая скорый шторм. Полные и одновременно легкие руки выныривали из ажурной пены оборок и складок, трепетно выискивая заветного пикового туза. Но туз хозяйке так и не попался. Зато попало колено Николая Корнеевича; ладонь хозяйки поползла выше, рассыпались карты, Кутузова забормотала с застенчивой страстностью: «Отчего трепещу я неволью...», а он подхватил безотчетно: «Если руку ее на прощанье пожму...», хотя пожимал далеко не руку. Не помня себя, Капелькин очутился в широкой постели азартной Анны Петровны. «Нет, уж лучше было самоубиться в Симферополе!», — ударило в голову штормовой волной. Уже погибая в пучине одеял и подушек, на вспененном гребне страсти он вдруг понял: «Резец! Рабочий Остроумов!» Конечно, конечно, как он раньше не догадался! Нужно было нравственно пасть. Нужно было...

Анна Петровна спала. В уголках сочных губ подрагивала улыбка. Капелькин благодарно поцеловал женщину и вынырнул из постели.

Он только теперь осознал значение своей мелкой должности в канцелярии Кириллова. Ведь именно от него, Николая Капелькина, мечтающего о нечаевском револьвере, зависела жизнь многих людей, известных ему и совсем незнакомых. Обостренным бессонной ночью слухом уловил их встревоженные голоса и шаги, увидел вопрошающие взгляды. «По плечу ли тебе спасти «Северный союз рабочих»? Или жалок твой регистраторский удел, и дело твое — день ото дня выписывать буквицы в виде гатчинских гвардейцев, под барабанную дробь которых будут вздергивать лучших товарищей?»

Этого Капелькин допустить не мог. Ноги сами вынесли его на улицу, тускло освещенную подрагивающими от ветра фонарями. Мелькали дома, лавки, черные подворотни. В памяти вспыхивали картины: вот токарь Остроумов уходит вместе с Халтуриным. Какая же у него (у Резца?) пролазно-вкрадчивая походка, и почему он раньше не замечал? Еще вспомнилось: странно тот чинил карандаши — на себя; и еще — в гостях засиживался дольше всех. Интересно, как он пришивает пуговицы на рубашке? Проталкивает нитку в ушко или надевает иголку на нитку? Если так, то, по науке Дворника, портрет безвольного человека составлен достаточно полно. А безвольный — без пяти минут предатель. Крути им как хочешь.

Николай не заметил наледи, поскользнулся, растянулся на снегу, но боли не почувствовал: громада доходного дома, где жил Михайлов-Дворник, смотрела на коллежского регистратора глазами темных окон. Нашел знакомое: третий этаж, пятое справа. Сигнал безопасности — чуть загнутый угол занавески — в порядке. Давно отказались от горшков с геранью, самоваров, ярких шляпных коробок: слишком приметно, а в полиции тоже не дураки, после налета на квартиру восстанавливают все, как было.

— Что вы крутитесь макакой в клетке? — вздрогнул Капелькин от знакомого голоса. — Идите за мной. Но не ближе двадцати саженой. По Тележному, свернете на Конную. В Перекупном — третий дом, где мясная лавка... Ждите в подворотне.

Конечно, «макака в клетке» — это обидно. Но Капелькин стерпел. Михайлов был явно недоволен его внеурочным появлением. Да еще среди ночи.

— С ума сошли? Вы не цените своего места! — накинулся он на Николая.

— Помилуйте, Александр Дмитриевич, но у вас под носом шпион! Резец, токарь Остроумов. Надо предупредить Халтурина, Обнорского...

— Уверены?

— Совершенно!

— Доказательства? — строго спросил Дворник. — Обвинение слишком серьезное. Вы, надеюсь, понимаете, что станется с изменником?

— Я снял копию с его донесения. Читайте...

— Спасибо, — с чувством сказал Дворник и вдруг обнял Капелькина. — А вы говорите: шестиствольный револьвер. Да у вас он стоствольный! А предателю пощады не будет. Виктор Павлович Обнорский человек решительный. Даром, что слесарь с Патронного завода.

Они расстались.

А вечером снова была мушка, снова сполохи во влюбленных глазах Анны Петровны, измятый пиковый туз в ее правой руке, откинутой на подушку, счастливый вздох: «Капелька моя...»

Но уже набрал полный ход поезд Петербург—Москва, и уже пил крепкий чай в купе второго класса молодой крупноголовой человек, почесывая русую бородку и, скользя сероголубым прищуром по снежной законной сумятице, упираясь порой в собственный взгляд на бликующем, летящем в ночи стекле. Это был мастер на все руки Виктор Обнорский. Он ехал в Москву не один. Рядом аппетитно хрумкал сахарком его товарищ по «Союзу», малословный литейщик Мустагов — из сибирских шорцев-промысловиков — с квадратным подбородком и темными стальными ладонями. Спустя три дня этими ладонями он задушит члена «Северного союза русских рабочих» и агента III Отделения токаря Матвея Остроумова. Это случится в Мамонтовской гостинице, куда веселого гармониста заманят из Питера его бывшие соратники. Предатель рванет было мехи, да назад свернуть уже не успеет.

Такая вот мушка — игра исключительно для двоих.

Глава третья

— А знаете ли вы, в чем разница между жандармом и беременной женщиной? Ах, не знаете? Что ж, скажу: беременная женщина при некоторых обстоятельствах может и не доносить. А жандарм донесет непременно! Ха-ха!

Тихомиров заметил, как вздрогнула Катюша (беременная!), но скоро справилась с собой и улыбнулась, пусть и жандарму.

— Простите, я не представился: полковник Кириллов. Господь мне вас послал. Спасибо. Я ваш должник. А в долгу, что в море: ни дна, ни берегов, — поежился полковник: видно вспомнил, как пропадал в ледяной глубине.

Голубая шинель, как и остальная одежда спасенного, сохла у раскаленной печи. А он сам, блаженно кутаясь в тулуп хозяина заезжей станции, с наслаждением пил чай и говорил без перерыва — возбужденно, даже горячечно.

Тихомиров назвал себя: профессор Алещенко, Тихон Львович.

«Кириллов... Кириллов... Неужто тот самый, у которого служил несчастный Капелькин? Год прошел со дня его ареста. Нет, больше...»

— Был полковник, стал покойник. Кучер мой так выразился. Народ, знаете ли... Утонул, бедняга. А народ наш... Трясет меня всего, точно в лихорадке. Сейчас вспомню... Ах, вот: идеализация нецивилизованной толпы — одна из опаснейших и наиболее распространенных иллюзий. Догадываетесь ли, чье умозаключение? Известного вольнодумца Ткачева Петра. Слышали? Нынешние нигилисты-народники за своего почитают...

— Не имею чести знать, — соврал Тихомиров. Ткачева он прекрасно знал. Читал его «Разбитые иллюзии», «Люди будущего и герои мещанства». — Я исследую быт и верования волжских инородцев. И замечу, ни одного бунтовщика среди них.

— Отрадно. Ибо любящий Отечество, правду и желающий зреть повсюду царственную тишину и спокойствие... Потщится на каждом шагу все охранять... И тем быть сотрудником благих намерений Государя... — Голова полковника Кириллова сонно качнулась. — Известно ли вам, что писатель Достоевский списал своего Раскольниково именно с Ткачева? Приукрасил, конечно. Топорик вручил... А нас бранят. Ведь не любите вы жандармов, господин профессор?

— Отчего же? Необходимость... — пробормотал Тихомиров.

— Вот-вот, — устало и грустно вздохнул Кириллов. — А между тем не проходит в столице дня, чтобы начальник округа, дежурный штаб-офицер... Да, простой штаб-офицер... Дня не случается, чтобы не устраняли они вражды семейные, не доставляли правосудия обиженному, не искореняли беззакония и беспорядков. Увы, увы! О хорошем молчат, а малейшее дурное стараются выказать, точно зло важное...

— Вам бы, Ваше высочорodie, водки выпить. Глядишь, и обойдется, — заморгал преданными глазами хозяин станции. — Монополька царицынская, аки слеза. К случаю припасена.

— Неси, братец!

Тихомиров насторожился: сейчас жандарм выпьет водки, разговорится и вдруг удастся узнать что-нибудь о Капелькине. Однако полковник, стремительно осушив полграфина, поднял на «профессора» тяжелый тусклый взгляд:

— Народ... Не интеллигенция, нет! Народ называет нас... Вы не поверите: больницей неизлечимых. Ибо не отвергнут... И это вселяет... — Мысли Кириллова стали путаться. — Не переустройство, а оздоровление... Идеал благосостояния и спокойствия...

Полковник мотнул головой и забормотал, торопясь и сбиваясь. О каком-то платочке, да-да, о платочке...

Внезапно он привстал и посмотрел на Тихомирова протрезвившими на миг глазами: — А я вас вспомнил! Вы... — но тотчас же качнулся, пробормотал: — Малютка безвинный... От арестанта понесла... — и, рухнув на стол, заснул, точно умер. По распоряжению хозяйина дюжие ямщики бережно унесли полковника в комнату для почетных постояльцев.

«Малютка? При чем тут малютка? Арестант...» — рассеянно подумал Тихомиров.

Ну что за беда — снова спастись карцгалопом, снова и снова — бежать! Неизвестно, что вспомнил жандарм, с чем он проснется. Конечно, поспит полковник не один час, но засиживаться нельзя, нужно оторваться, лучше съехать с тракта. Где? Да хотя бы у Свяжска. Скрыться по свиным дорожкам, по непроторенным путям, чтобы следов не нашли...

Но отчего так беспокоило заняло в груди? Ну, конечно, конечно, — о Свяжске рассказывала Верочка Фигнер, кареглазая красавица, каких поискать. Из лесничества, из тетюшской чащи, где зрела костяника и цвел на Ивана Купалу редкий папоротник, восьмилетнюю Верочку привезли в Свяжск на богомолье. И вот тут-то она впервые увидела свою маленькую кузину; но чудо: девочка играла на фортепиано, говорила по-французски и самое восхитительное — танцевала болеро и качучу. Кузину готовили в Родионовский институт благородных девиц, который она должна была закончить непременно с золотым шифром. Но все сложилось иначе, и Верочка, а не кузина поступила в институт и вышла из него именно с золотым шифром, что открывало путь в придворные фрейлины.

Смешно сказать: Вера Фигнер — фрейлина! Активный член исполкома «Народной воли», выданная жандармам кем-то из своих же. Кем? В этом еще предстоит разобраться. Участница хождения в народ. Не раз была под арестом, скрывалась от полиции, правда, не слишком успешно: плохой из нее конспиратор. И еще...

Где это было? В Липецке или уже в Воронеже? Они вошли в лес, на несколько минут оставив на поляне товарищей, выносящих смертный приговор царю Александру II. И вдруг... Вдруг Верочка шагнула, почти бросилась к нему, приблизив, трогательно скосив сияющие глаза:

— Ты так говорил... Твоя программа... Я... Я люблю тебя!

Да, да: красота — это всего лишь обещание счастья. Обещание, которое не всегда выполняется. Устоять было трудно. Красота манила. Но что он мог ответить, когда его тут же позвали — Плеханов или Михайлов? Когда он все еще мучился Перовской, но уже муку эту рассеивала очарователь-

---

ная Катюша Сергеева. Новой любви пока не было, но он жил ее предчувствием. А Вера Фигнер? Она казалась слишком красивой, недостижимой в этой красоте. Наверное, так и есть: красота никогда не уяснит себе своей сути. Он не был готов. Что-то пробормотал. Его снова позвали. Тихомиров сжал руку Верочки и удалился на зов.

Давно это было.

Тихомиров бросил виноватый взгляд на жену: не прочла ли она его мыслей, не заревновала ли? Но Катюша спокойно и быстро собирала вещи: нельзя терять ни минуты. Слышно было, как за стеной храпит спящий жандармский полковник...

До Свияжска — часа три езды. Город сказочно и холмисто всплыл над снегами — купола, колоколенки, шпили. Лучше бы так и пролететь мимо, не подниматься в кочковатые извивы неприглядных улочек, с удивлением обнаруживая, что попал в бедный и ничтожный городишко. Тоска сжала сердце. Может быть, погнать дальше — до Услона, к Адмиралтейской слободке? Посмотрел на жену: какая уж ей дорога, корчится от боли. Еще напасть: сильное расстройство кишков; попробуй-ка, попутешествуй с такой болезнью, да к тому же зимой...

На станции узнал, что в городке ни одного доктора. Впрочем, нет и аптеки. Оставалось искать магазин, чтобы купить бутылку хорошего вина: вспомнились рецепты отца, военного врача черноморской Береговой линии.

— Как же, батюшка, есть такая лавка. По Ямщицкой пойдешь, влево свертка будет — Заовражная. Так пятый дом от угла... — напутствовала его неряшливая обывательница, одетая кутафьей. Пропела вдогонку: — Эх, на Волге вино по три деньги ведро: хоть пей, хоть лей, хоть окатывайся! — И запунцовела веселым старческим личиком.

В магазинчике стоял отвратительно кислый дух. Но приказчик был приветлив и бодр.

— Из крепких смею предложить тенериф с мадерцей. И столовые, пожалуйста: сотерн, лафитец высшего сорта. Плохого не держим, поскольку на государевом тракте месторасположение имеем... Водка из сарачинского пшена. А вино отъемное — лучшее, первого спуска. И то: какво винцо, таково и заздравьице! — суетился он, словно бы рассказывал совершенно о другом товаре, а не о том, что прогибал уходящие к потолку полки.

Тихомирова охватило отчаяние: такой откровенной подделки, таких ужасных самодельных ярлыков на бутылках он никогда не видел. На этикетках, нарисованных каким-то развязным маляром, красовались нимфы вперемишку с

пышнотелыми прелестницами, на которых с порочным прищуром взирали румяные офицерики, одетые явно не по Правилам о воинской форме. Но делать нечего. Купил, как ему показалось, наиболее приличную бутылку: на ярлыке виноградная гроздь, поддеваемая загадочно улыбающейся девушкой. И скоро понял, чему она улыбалась. На станции открыл вино, сначала глотнул сам, и тут же выплюнул, скривившись от отвращения. Такой напиток больной давать было нельзя.

Лишь к вечеру ямщики подсказали, что за городом все же есть земская аптека, отпускающая лекарства бесплатно, но не каждому, а только деревенским. Он почти побегал туда.

Вошел в темные сени, распахнул первую дверь; вторая дверь была приоткрыта. В хорошо освещенной комнате, совсем не похожей на аптеку, сидели гривастые молодые люди и девицы в глухих коричневых блузках. Все курили. Принюхался: папиросы «Вдова Жоз», их курили Сонечка Перовская, Вера Фигнер и даже Катюша, тогда по фальшивому паспорту Анна Барабанова, игравшая роль кухарки в квартире с тайной типографией.

Собрание в аптечной комнате мало напоминало профессиональную встречу провизоров. Здесь говорили о чем угодно, только не о лекарствах. Порой переходили на крик.

«Всякому гимназисту известно: история движется революциями!..» — «Но как будто наметилось благоденствие...» — «Что? Перечитайте письмо исполкома Александру Ш...» — «Идеал философии — философия дела! Братья Игнатовичи погибли как герои...» — «Сколько крови... Жаль молодые жизни... Для России...» — «Да для России больше пользы принесли славные смерти ее лучших представителей!..» — «Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям...»

Нарастающее раздражение вдруг охватило Тихомирова. Что они, эти мальчики и девочки, понимают в настоящей революционной борьбе? Видели ли казнь товарищей, любимой женщины (хорошо, пусть когда-то любимой), и леденели ли их сердца от позорного бессилия? А знают они, чем пахнет тяжелый студень взрывчатки? И на сколько саженой разлетаются отравленные стрихнином шарики? Томились ли годы на каторге или в Алексеевском равелине?

Он открыл пошире дверь и посмотрел на свияжских карбонариев, как смотрят выдавшие виды командиры на фурштатов-обозников. Спросил лекарство.

— Ничего нет. Отпускаем только крестьянам. А вы, похоже, как раз безлошадный крестьянин и есть? — с вызовом

спросил юноша, напомнивший ему Андрея Желябова в гимназические времена. (Керчь, ватаги взрослеющих приятелей. Давно это было!)

Вот-вот: ничего нет. Никакой работы. Только громкие слова, только взоры восхищенных барышень. Да «Вдова Жоз» в говорящих возбуждающую крамолу дерзких губах. Он вдруг испугался этой мысли. Отогнал ее прочь.

— Прошу.. У меня жена... («Сказать бы, кто я. Как бы забегали, смотрели б, как на Бога! Сам Тигрыч! Идеолог родовольцев. Автор грозного письма Александру III. Да нельзя. Не имею права...»), — попросил смиренно.

— Не желаете белил шпанских? — хохотнул «Желябов».

— Подождите, у меня микстура из висмута с опиум припрятана, — сжалилась одна из девиц. — Должна помочь.

Микстура и вправду помогла. Спустя два дня засобирались в дорогу.

Отъезжали всего ничего: версты три-четыре, как мрачноватый возница остановил лошадей и принялся поправлять сбрую. То же самое повторилось еще через пару верст. Тихомир не выдержал, отбросил тяжелую полсть, утонул в снегу. Кряжистый ямщик, не то поругиваясь, не то напевая, возился с упряжью, державшейся — о, ужас! — на хлипких веревках и веревочках. Он что-то усердно вязал и надвязывал, и на каждом гнилом узелке крепил другие узелки и узелочки, которые иной раз рассыпались в его черных цепких пальцах.

— Пропадем, братец. Свалимся в овраг! — крикнул мужику в ухо, перекрывая шелест летящего снега. — Не вытянут кауры с такой упряжью...

— Господь милостив. Небось, барин, — повернул тот спокойное задубевшее лицо.

Он не успел ответить, как навстречу из колкого искристого облака вылетела храпящая тройка, багрово вспыхнули трясущиеся щеки ямщика, мелькнул из-под медвежьей полсти край жандармской шинели, — прохрапело, вспыхнуло, промелькнуло, и исчезло все, ухнуло в затуманенную низину, откуда начинается подъем к колоколенкам и шпилям обманного Свяжск-града.

«Полковник Кириллов. Возвращается... Слава Богу — не заметил. Задремали, Ваше высочорodie? Надеюсь, больше не встретимся...» Он улыбнулся. Он вдруг подумал совсем о другом. О полуразгромленной «Народной воле». Странные были мысли, очень странные.

Господь милостив... Возница с его гнилыми веревочками-узелками... Ненадежно, зыбко, случайно... Доедем — не доедем... А если дальше: взорвем — не взорвем, арестуют типог-

---

рафию — не арестуют, уйдешь от филера — не уйдешь. Какой-то неясно-сумрачный вопрос растревожил его сознание. Перед ним проплывали лица товарищей по революционной борьбе, их вера в необходимость жертв и акций. Но почему тогда в исход схватки непременно врывался случай — узелок, связанный какими-то силами? Этот случай способствовал то народовольцам, то правительству. Казалось, дни организации сочтены, силы на исходе. Но тут врывался случай, и приходило спасение. Когда казалось, что до победного венца оставалось с полнотка, являлся случай, и все рассыпалось в прах. Был ли он бессмысленным? Нет, конечно, нет — знал Тигрыч определенно. И еще догадался: случай был нужен для того, чтобы бесконечно поддерживать борьбу, не давая победы ни одной из сторон. Но почему? Для чего?

Ах, что за пустяк — случай! Нежданное, внезапное, нечаянное. Логический факт, определяемый неизвестными причинами. А если у этой «причины» свои цели, отличные от человеческих, земных? Если она распоряжается силами людей нередко без их ведома? Почти мистическое чувство охватило Тихомирова. Подставив пылающее лицо снежному ветру, он вспомнил, как нелепо погиб конспиратор Александр Михайлов: пошел в ателье за фотографиями недавно арестованных товарищей. Он, Михайлов, — Дворник, Хозяин, Всевидящее око «Народной Воли». Сама осторожность, гений подполья, вождь организации, выработавший способность одним взглядом выхватывать знакомые лица (и шпионовтоже!) в сутолоке Невского или Большой Морской. Какая муха его укусила 28 ноября 1880-го? Почему он уперся: «Сам пойду!» Что, послать было некого? Да нет же, было кого. И чего стоит записка из Петропавловки: «Завещаю вам, братья... беречь силы от всякой бесплодной гибели...» Насчет бесплодной — вот уж верно.

А 1 марта 1881 года? Покушение на Александра II...

Угрюмый возница покончил с узелками на упряжи, откинул полсть, изобразив на свекольном лице некое подобие улыбки: пора, мол, ехать, барин... Тихомиров сел в сани, прильнул к жене; Катя что-то прошептала в истомной дреме: обессилела за дни болезни, отсыпается теперь. Возница вдруг разговорился, забормотал:

— Эх, случай неминуций! В Нижней Слызговке кучер в ведре утоп. Пил в наклон, а перевясло закинулось на затылок. Захлебнулся... Ну-у-у, пошли! — дернул мужик залубенвшие вожжи. — Пушай конь горбат, да мерину брат! — крикнул и опять умолк.

Да-да, убийство государя... Почему удалось это покушение? Ведь заговор был слаб и нелеп. Нужно признаться: «На-

---

родная воля» дышала на ладан. Жандармы обезглавили организацию, уже схватили Дворника, Желябова, Баранникова, Колоткевича, Капелькина. Да и он, Тигрыч, чудом уцелел. Мина на Садовой — неудача! Никто не верил в успех акции. Ведь было уже шесть покушений на царя, и каких: Каракозов, Березовский, Соловьев, Халтурин, две попытки взрыва царского поезда. И вот седьмое. Но что могли эти оставшиеся на свободе мальчишки, увлекаемые упрямой Соней Перовской? Конечно, если бы царь и теперь спасся, охота на него прекратилась бы. Но и это не все. Когда Перовская махнула платком, а следом перепуганный Рысаков бросил в карету бомбу, и после этого государь остался цел. Почему, почему же он тотчас не уехал? Подошел к умирающему мальчику (случай: пробежал мимо, засмотрелся на царский выезд), к смертельно раненному казаку. И потом направился к толпе. А в толпе — Гриневицкий со снарядами в платке. Зачем? Зачем царь пошел именно в эту сторону, к убийце? Ни надобности, ни смысла. Ох, так ли?

Тихомиров беспокойно заворочался под полстью. Жена очнулась: «Что, Левушка, приехали?» — «Спи, спи, Катюша...»

От напряжения заломило в висках.

Александр II был убит тогда, когда были истощены все средства народовольцев, когда революционеры ничем, казалось бы, не могли ему повредить. Верно. Но... Постой-ка, это, похоже, у Толстого (у горделивого графа случаются блистательные места). Какая глубокая мысль: человек умирает только от того, что в этом мире благо его истинной жизни не может уже увеличиваться, а не от того, что у него болят легкие, или у него рак, или в него выстрелили или бросили бомбу... А ведь он давно думал об этом, видел гибель людей, что-то такое отслуживших, исполнивших порой и неведомое им. Он, идейный руководитель «Народной воли», всегда был уверен: пока человек верно исполняет свое *нечто* — он не погибнет. Для него, Тигрыча, этим *нечто* многие годы была революция. А теперь?

«И теперь, и теперь!» — жарко зашептал Тихомиров. Но уверенности это почему-то не прибавило. Он устало прикрыл глаза. На душе — точно черти горох молотили. Терзали сомнения: хорошо, из сотен революционных мальчишек путем гибели девяти десятых снова подберется горсть сильных личностей, таких, к примеру, какими были Саша Михайлов, Соня Перовская, Андрей Желябов. Хорошо... Но скажите: чего достигли эти герои, эти великаны сумрака? (Жандармский инспектор Судейкин пустил из Питера бонмо: были ве-

---

ликаны, стали тараканы...) Где они? Где их творческое дело? Все разбито, уничтожено, а враг стоит, как стоял...

Впрочем, довольно. Пора успокоиться. До Казани еще далеко, надо бы уснуть. Скорей, ямщик, скорее — в тишину, уединение, где множество дум и сомнений, терзающих его в последние месяцы, быть может, найдут спокойное и ясное разрешение.

Он снова подумал — с некоторой неотвязной досадой: да, мы, люди, — орудия чего-то, и есть какая-то сила, над которой мы не властны. Сквозь меха, шарф, рубашку рука пробралась к образку Святителя Митрофана Воронежского, висевшему на шее. Образок был теплым. Тигрыч расстегнул пуговицы, рванул шарф и высвободил образок на свет, почувствовав, как в открывшуюся грудь ударило ледяной струей. Вгляделся. Над головой Святителя поднималось сияние, он смотрел на беглеца взыскующими глазами.

Нет, не знал беглец, что спустя более чем столетие малоизвестный образ Митрофана Воронежского будет обретен в день прославления мощей Святителя; и именно тогда же прославят сонм русских новомучеников, возглавляемый Царственными страстотерпцами. На обороте счастливой находки прочтут: образ сей в июле 1837 года поднесен Цесаревичу Александру Николаевичу в Воронеже, во время его многомесячного путешествия по Империи. Того самого путешествия, которое с легкой руки поэта Жуковского, воспитателя наследника, стало обручением будущего Александра Второго с Россией...

Тихомиров задохнулся от ветра. На миг почудилось, что он понял, почему Александр II пошел к толпе, в которой стоял с адской машиной бледный Гриневицкий. Мысль возникла — неясно, робко, пропадала и скоро пропала вовсе. Он уснул, сжимая образок в покрасневшей от стужи руке.

...Поздним мгlistым вечером в служебной квартире на Невском проспекте сидели за ломберным столиком спасенный Тигрычем полковник Кириллов и новый инспектор Санкт-Петербургского охранного отделения жандармский подполковник Георгий Порфирьевич Судейкин, плотного сложения молодой мужчина с насмешливыми умными глазами. Над их головами, как раз на уровне картины «Торжества в Царском Селе», висело облако папиросного дыма.

— Мнится мне, узнал я его, — раскуривая новую папиросу, простуженно сказал Кириллов. — А когда в себя пришел, этого «профессора» и след простыл.

— Понимаю, Георгий Георгиевич, — снисходительно улыбнулся Судейкин. — Монополька царицынская после прору-

---

би — первейшее дело. Говорите, глаза у него — точно убегают? А на платье — непременно пятно от пищи?

— Именно!

— Пачкун. Щец александровских с толком похлебать ему некогда: торопится, бестия, прокламации сочинять... — мотнул крупной головой инспектор. — Вот капуста-то с ложки, да на чесучевый пиджачишко.

— Одна незадача: брови уж больно кустистые, аки пальма эфиопская, — засомневался Кириллов. — И пятно родимое на правой щеке. С пятиалтынный, пожалуй...

— Сие ничего не значит, — пожал тяжелыми плечами Судейкин. — Этим террористам внешность сменить, как нам галстук. Одного брали... В жизни красавец писанный, а из печатни подпольной выскочил — страхолюдина горбатая, ну прямо песиголовец сказочный. Жуть! Да еще с «бульдогом»... Так что насчет бровей эфиопских или бородавок...

— Пожалуй, — задумался Кириллов. — Теперь уверен — он, Тигрыч! Глаза, повадки, говорок. Иду я по Фонтанке — люблю вечерние променады! — и вижу: мой любимчик Капелькин из кондитерской с кем-то выходит. Говорят о чем-то, негромко, но горячо. Заметили меня, Капелькин ступешелся, а приятель его уставился, лицо мое рассматривает: не разобрался, я ж без мундира... И еще раз его же встретил... Он самый, «профессор Алешенко», Лев Тихомиров!

— Стало быть, сбежал из Москвы, от самого Скандракова. На Волгу-матушку подался, — хмыкнул Судейкин. — Прямо Стенька Разин. Жаль, опростоволосились вы, Георгий Георгиевич, с этим вашим Капелькиным. Змею на груди пригрели.

— Увы, мне, увы... — вздохнул полковник Кириллов. — Доверился кухне, Анне Петровне. Несчастливая, она ведь влюбилась в него, как кошка. Все музицировали вместе, да картишками баловались, онерами-мушками... Добаловались. Когда злодея арестовывали на квартире нигилиста Колодкевича, Анна Петровна была на четвертом лунном месяце... Малютку-мальчика родила. Выходит, от арестанта...

— Мальчика? Смотрите-ка, с моим сыном ровесники! — растрогался Судейкин. — Вы коньячком-то угощайтесь. Старинного свойства, из винограда уни-блан. Угадываете? Выдержан в бочках из лимузенского дуба...

— Благодарю. Чудесный напиток! — кивнул полковник и вдруг расхохотался: — Вы бы видели, Георгий Порфирьевич, вы бы только видели!

— Чему вы смеетесь? Что... Что с моим мальчиком... ровесник?

— Да нет же! Помните, в декабре 80-го сыск по политическим делам передали частью от нас в ведение градоначальства? Вот уж наш Капелькин повертелся, как бесенок на сковороде! Попробуй тут предупреди своих бунтовщиков о готовящихся арестах, ежли к нам в экспедицию сведения не поступают, а? А я все в толк взять не мог: чего это мой протеже ходит чернее ночи...

— Ну да будет об этом, Георгий Георгиевич, — разогнал рукой дым Судейкин. — Капелькин в равелине под замком, ваша кузина плачет над малюткой, а Тигрыч на воле. Не дело это... Но есть у меня на примете один человек...

— Мое агентурное отделение готово содействовать...

— Один человек... — словно бы не расслышал жандармский инспектор. — Бывший штабс-капитан кронштадтской артиллерии. И тоже в рядах преступной «Народной воли» состоит. Да не просто... А в члены исполнительного комитета выдвинут. Поиграем-ка мы с ним, — Судейкин встал и, не прощаясь, пошел к выходу.

Глава четвертая

Тигрыч спал долго. Со скользкой кручи он снова падал в держи-траву, из которой его сильными руками поднимала мать, веселая и молодая. А он все донимал ее: «Какая завтра погода будет? Скажи, скажи!» — «Либо снег, либо дождь, либо ведрышко», — серьезно отвечала мама. Он знал, что это шутка, хотел рассмеяться, но сил рассмеяться не было; губы словно сковала стужа, странная для Новороссийска; потом губы скривились в младенческом плаче, он увидел себя в люльке над пропастью, и в люльку смотрели сияющие глазенки старшего брата Володи, пускающего радостные пузыри:

— Ура! У нас снова есть Лева!

Братишке невдомек, что тот Левушка умер, не прожив и полгода. А накануне умер из-за открывшихся ран благородный генерал Лев Львович Альбранд, начальник Береговой линии, в честь которого военный врач Александр Тихомиров и назвал своего сына.

Альбранд, Альбранд... Вот и он, идет навстречу. Весь израненный, потерявший в Чечне руку — в перевязках и лубках. Какая-то женщина (генерал преклонялся перед женщинами) падает перед ним на колени: благодарит за спасенного в бою мужа. Это немыслимо, невозможно! Генерал силится поднять несчастную. Ему тяжело, больно, он чувствует, как из разверзшихся ран потекла кровь... Отважный воин теряет

сознание. Его уносят. К утру он умирает, а дама, невольно погубившая благодетеля, в отчаянии рвет на себе волосы.

Рыцарственный Лев Альбранд...

Но дело в том, что маме тоже приснился сон. Набожной Христине Николаевне явился святитель Митрофан Воронежский, как бы благословивший рождение третьего сына. Конечно же, он будет Митрофаном. Но все решил Володя: «Пусть у меня опять будет брат Лева!» Родители попытались настоять на своем. Володя уперся, слезы брызнули на оловянных солдатиков, ребенок был близок к истерике: «Лева! Хочу, чтобы был Лева!» Взрослые дрогнули.

А образок святителя мама все же купила...

Тигрыч очнулся. Ветер стих, в спокойном синеющем небе мерцали первые звезды. Ямщик остановил лошадей и теперь снова колдовал над рассыпающимися узелками упряжи.

— Небось, барин! Последняя станция скоро. А там уж Казань-город...

Он узнал это небо. Так же спокойно синело оно в тот день в узком окне камеры Петропавловки, в которой он просидел более четырех лет.

Что-то странное творилось в рavelинах крепости с самого утра. На прогулку никого не вывели. Время от времени в коридорах раздавались возбужденные голоса тюремщиков, кто-то бегал взад-вперед, испуганно звеня шпорами по каменному полу. Загремели запоры, и к заросшему бородой узнику просунулась плоская лысина Ирода, тюремного смотрителя Соколова, уже, что никогда не бывало, в третий раз за день. Ирод косоглазо и тревожно осмотрел камеру, нахмурился и почему-то погрозил корявым пальцем: дескать, вот я тебе...

— Отчего нет свидания? Ко мне должна была придти невеста... — спросил Тихомиров.

— Невеста без места, месит кислое тесто, — скривился Ирод, и плешь его исчезла за дверью.

Сегодня время тянулось особенно медленно: он ждал Соню Перовскую, с которой не виделся целых пять дней. Это было невыносимо.

В минувшую среду Сонечка незаметно сунула ефрейтору местной команды двугривенный, и их оставили одних. Они кинулись друг к другу, задохнулись в объятиях. Он снова пил эти розовые полные губы, в затхлом полумраке рядом светились любимые голубые глаза. А ведь прав был мудрец Гельвеций: прижимая губы к губам, обмениваются душами... Ему страстно хотелось этого обмена. Без него не вынесешь смрада тюремной одиночки.

— Вот видишь, запонку от рукавичек потеряла... — трога-

тельно морща свой высокий чистый лоб, шептала она. — Потерпи, Левушка! Еще год-другой, и в России начнется революция!

— Год-другой? Но...

— Не думай, мы тебя тут не оставим... — еще тише зашептала Соня. — Устроим побег. Помнишь того стражника, через которого передаем записки? И еще людей найдем... Да и ты молодец! — кивнула она на кучку песка в углу камеры.

Чтобы вовсе не захиреть в этом каменном мешке, Лев придумал себе упражнение: по несколько раз в день пересыпал песок с одного места на другое. Посмеивался над собой: пора, дескать, заводить песочные часы...

— Я тебе кое-что принесла... Ведь не догадаешься? — Перовская шагнула к двери, приложила ухо к железу, прислушиваясь. — Смотри-ка!

Она сняла круглую бархатную шляпку с серым пером, отогнула подкладку; тоненькая брошюрка оказалась в ее руке.

— Что такое, Соня?

— Левушка, да это твоя «Сказка о четырех братьях»! Ведь Николай теперь в Америке. Вместе с этим... С Маликовым... богочеловечеством увлекся.

— Какой Николай? — отрешенно спросил Тихомиров.

— Да что ты, что ты! Забыл? Коля Чайковский, наш кружок, сиделки у Синегуба за Невской заставой. Натансон, Сердюков, Лермонтов, Чарушин...

— Ничего я не забыл, — чуть обиженно поморщился Лев. Ему не нравилось, когда Соня подлавливала его на мелочах. — Просто... Америка, Чайковский, моя книжка... Не ожидал.

— У Чайковского заграничные связи. Помогли издать. Третьего дня доставили... — Перовская снова оглянулась на дверь. — Сказку читают. Особенно рабочие. Жаль Николая, с этим его... Богочеловечеством... — разочарованно вздохнула она. — Мракобесие какое-то.

Почему-то его всегда волновали эти Сонины вздохи. Трогала стремительная перемена в ее лице, когда она сердилась, негодовала, и тут же скоро радовалась другому враз набравшему чувству; свежий голос ее уже звенел, и так нежно и чисто вздрагивала необыкновенная линия полудетского подбородка. Была ли она совершенной красавицей? Нет, пожалуй, нет. Облик ее не ослеплял с первого взгляда, но удивительное дело: чем больше Тихомиров всматривался в Сонино лицо, тем прекраснее оно ему казалось.

— ...Исходили мы всю Русь-матушку, и одно мы повсюду видели: везде богатые грабят бедного, везде давят народ мисроды проклятые, те дворяне, фабриканты и хозяева! — ус-

---

лышал он негромкий голос Сони; узнал: Соня читала его «Сказку». — Ах, счастливое же будет времечко, как не будет на земле никакого зла, ни неправды, ни прижимки, ни насилия... Будет, Левушка, будет!

Она расстегнула коричневое пальто с котиковой отделкой, принимая бледного узника в свои объятия; Лев с судорожным вздохом прильнул к ней, вдруг почувствовав, что от любимой веет свежим запахом геленджикской магнолии; это потрясло его: невероятно, сюда, в мертвый склеп равелина, ворвался с детства родной аромат черноморского юга, обещающий скорое счастье. Не хватало лишь запаха волн, отдающих солоноватое солнечное тепло...

— Ты не поверишь, Левушка! — вдруг рассмеялась Перовская. — Через отца я узнала: Коля Муравьев сделался прокурором. Он же сын бывшего псковского губернатора, наши дома отделял лишь забор. Мы лазали друг к другу, катались на паромчике по их пруду...

— К чему это ты, Соня? — чуть раздраженно спросил Тихомиров.

— Право же, не знаю... Мы с братом очень жалели Николашу, когда у него умерла мать. И однажды... Да, он упал в пруд и начал тонуть. А мы, маленькие совсем, спасли его. Надо же: важный теперь — прокурор! А тогда... Тогда он был влюблен в меня...

— Влюблен? Что ж, превосходная партия...

— Не ревнуй. Это детская влюбленность. Такая трогательная... — обняла его Перовская. — Представляешь, он собирал тесемочки от моих башмачков, хранил букетики иммортелей, которые я ему дарила. И он мне дарил. А однажды... — она рассмеялась, да так, что Левушка ей все простил. — Однажды Коля взял огарок свечи и накапал на мой мизинец, чтобы снять с него формочку. Потом долго берег отпечаток моего детского пальчика. Говорит, берег, как драгоценность. А может, и теперь? Вот смеху-то: строгий прокурор — и мой мизинчик...

Но где же Соня? Тихомиров в нетерпении прошелся по камере, снова прислушиваясь к звукам в гулких каменных коридорах. Нагнулся над кучкой песка, взял пригоршню и отнес к противоположной стене. Вернулся, опять погрузил ладони в холодную сыпучую глубину. Привычные восемь шагов — восемь туда, и обратно восемь. Шестнадцать, тридцать два, шестьдесят четыре... Сыплется, струится песок, будто в цилиндре беззвучных часов, где реальность тягивается в удушливо-узкую горловину, где под вязкой тяжестью гаснет, пропадает неподвижное умирающее время.

Лев вспомнил, как в тот день вдруг сжались, затвердели Сонины нежные губы, и она отчужденно вырвалась из объятий, почти оттолкнула его; заговорила — порывисто и недобро:

— Юрковский и Попко убили шпиона Тавлеева... Вера Засулич стреляла в градоначальника Трепова. Это не только ему, это суд народа над правительством — за истязание розгами Боголюбова. Дейч и Малинка в Елисаветграде оглушили предателя Гориновича, залили ему лицо серной кислотой. Получили свое еще несколько изменников. Надвигается кровь... «И от голоса того мужик ободряется... закипает в нем кровь ключом... загудит, зашумит Русь-матушка...», — узнал он снова свою «Сказку».

Неужели сегодня Соня не придет?

Он нес последнюю пригоршню песка (последнюю — это запомнилось!), когда оглушительно загрели запоры, дверь распахнулась, сердце рванулось навстречу, но в полутемную камеру влетела не Соня, нет. В камеру, тяжело ступая в ботфортах, вошел император Александр II. Песок просыпался из дрогнувших рук, колко набиваясь в растоптанные арестантские башмаки.

Лев потерял покрасневшие веки. Сомнений не было: перед ним стоял российский самодержец, голубоглазый деспот, венценосный красавец-тиран и с пристальным спокойствием смотрел узнику прямо в глаза. Тихомиров невольно склонил голову, и лишь теперь заметил, что царь пришел к нему не один. Согбенный испуганный Ирод стоял с яркой лампой, заметно дрожащей в его нелепо задранной руке. А это кто же? Никак генерал Ганецкий, новый комендант крепости. А справа... Темные закрученные усы... Шеф жандармов Николай Владимирович Мезенцев. Рядом с ним сутулится седой, как лунь, старик: тюремный врач Вильмс, известный своей грубостью и нахальством. И далее, за царской спиной — закрученные усы, эполеты, сановитые взоры. Свита...

— Ах, бедный Ганецкий! — дрогнули в улыбке губы государя. — Поди ж, легче было на поле брани с турецкой Портою драться да зеленое знамя у Осман-паши захватывать? — Александр II едва заметно вздохнул. — Нежели... С нигилистами, с ниспровергателями безбожными... Что, Иван Степанович?

— Видит Господь, легче, Ваше величество! — подался вперед честный генерал. — Однако...

— Знаю, знаю. Ты верно служишь престолу и Отечеству... В войсках у тебя был порядок, теперь и в крепости. Но кто же перед нами? — царь снова посмотрел на Тихомирова. У того вдруг застучало сердце. — Условия содержания? Прощения?

— Лев Александров Тихомиров, 26 лет от роду, внук священника, сын военного врача Береговой линии, кавалера Анны III степени...— Видно было, комендант Ганецкий хорошо изучил его дело.

— Военврач Тихомиров? Что-то припоминаю... Мне докладывал о кавказских делах покойный Альбранд. И о коллежском асессоре Тихомирове, который... Похоже, он отличился в экспедиции на Вулканке?

— Это мой отец...— с усилием произнес Лев, не узнавая собственного голоса.

— Вот как? — сдержанно удивился Александр II. — Стало быть, «Опора милая стареющих отцов, молодые сыновья...»? Хороша опора... Что натворили?

Генерал-адъютант Мезенцев склонился к царскому уху. До арестанта донеслось:

— ...Тайный кружок Чайковского... Распространение порочащей власть литературы... Дух отрицанья... Сочинение сказок зловерного свойства... Пропаганда социалистических идей... Разврат рабочих книжками Лассаля, Маркса, Луи Блана, Вермореля... «Исторические письма» революционера Лаврова... Крамольная брошюра Берви... Сходки в Кушелевке... Арестован на квартире нигилиста Синегуба... По делу 193-х...

— Разумеется, вы вины за собой не признаете, — холодно сказал венценосный гость. Нахмурил высокий лоб, задумался: — Что с бедной Россией? Как аплодировали либералы оправданию Засулич! Воистину, необразованная толпа по своей нравственной чистоте стоит выше толпы образованной...

— Напротив. Я очень виноват... — с каким-то странным, облегчающим сердце чувством негромко произнес Тихомиров. Показалось, что эти слова слетели с подрагивающих губ без его воли, сами собой. И еще показалось: нет, не смалодушничал он, не покривил душой; все так и было: он — виноват. Перед отцом, мамой, перед этим рослым человеком со спокойными голубыми глазами, чьи портреты висят в каждом доме.

— Как вы сказали? — Царь уже собирался уходить, но удивленно остановился. — Мы обошли нынче десятки камер. В них — ваши друзья, мои враги. И все, точно стоворились, утверждали: мы невиновны! И заперли под замок их напрасно. Оклеветанные агнцы... Один вы признали свою вину.

Генерал Ганецкий контуженно повел широколобой головой, шеф жандармов Мезенцев дернул себя за острый ус, побагровевший Ирод еще выше вскинул руку с лампой, в лучах которой, сияя орденами и позументами, качнулась свита.

— А если сие так... — вдруг улыбнулся император, — полагаю невозможным содержать одного «преступника» среди стольких «невиновных». Монаршей милостью дарую вам свободу!

Хлопнула тяжелая дверь, стихли шаги. Лев снял башмаки и вытряхнул из них песок. Слезы текли по бледным щекам. Но он не чувствовал слез.

Глава пятая

Кажется, вчера это было.

Легкая коляска, запряженная парой лошадей, уносила его все дальше от дома. Он покидал родной Новороссийск; впереди была Москва, университет: отец закончил там курс, теперь учился брат Володя; стало быть, и ему учиться, и тоже на врача.

Кто-то спустил с цепи огромного пса Орелку, и тот размашистым наметом мчался за юным хозяином, порой совсем пропадая в густой пыли.

— Орелка! Иди домой! Ну же... — махнул Левушка рукой.

Пес и без того стал отставать: не для него, приученного сидеть на цепи, этот степной марафон; вот уж вывалился черный язык, все чаще вздымаются под клочковатой шерстью ребра, все тяжелее, надраснее бег.

А какой праздник был вчера на графской поляне, за городом! Прямо в лесу сложили сказочные шатры из парусов, где вместо паркета — тоже паруса, натянутые туго на тщательно выровненной, утрамбованной земле. Из гибких веток согнули обручи и туда воткнули длинные штуцерные штыки, а в них — свечи: ну чем не канделябры? Золотистый волшебный свет скользил по стволам деревьев, задерживался на трубах музыкантов-матросов и долго сиял в карих глазах девочки, которую он так и не решился ангажировать на вальс. Левушка думал об этой девочке, и еще думал, что Андрюша Желябов, однокашник по керченской гимназии, ни за что не упустил бы случая. Вот уж по всем статьям удалец: и курс кончил с золотой медалью, и безобразничал до самозабвения. Хрупкий, высокий юноша с длинными тонкими руками, точно скрученными из тугих прутьев.

Кто бы мог подумать, что со временем он превратится в силача, поражающего товарищей по «Народной воле» веселым молодецеством.

— А что, Лео, бывал ли ты на Миллионной? — раскуривая в сквере папиросу, спросил однажды Желябов. (И что за дурацкая манера звать его Лео?)

Миллионная, знаменитая керченская Миллионная — это где публичные дома. Конечно же, Левушка обходил пыльную улицу десятой стороной. Да и допустимо ли, чтобы благодарившему гимназиста, пусть и старшеклассника, заметили в этом «вместилище порока»... Тихомиров покраснел, что-то пробормотал в ответ. Впрочем, и настроение было не то. Потому что...

Шел урок русского языка. Щуплый, начисто обритый, в просторном вицмундире Николай Иванович Решиков, рассердившись на нерадивого «камчадала», смешно переходил с фальцета на бас, стремясь придать голосу строгость; при этом он еще и принимал устрашающую позу — вот уж потеха при его-то крохотном росте! Гимназисты прыскали в кулачки, однако зла не держали: пусть и таскал Решиков за ухо, но русский язык любил, и любовью этой умел заразить других. Учитель не успел соорудить очередную «фигуру», как в класс влетел всегда неторопливый Матвей Иванович Падрен де Карне, директор гимназии.

— Господа, господа! Ужасная весть! — голос директора дрогнул. — В Петербурге... У Летнего сада... Злодей покусился на жизнь Государя Александра Николаевича! Но Провидение сохранило Императора... Господа, 4 апреля — страшный день для России.

— Кто же? Кто злодей? — прилетело с «камчатки».

— Какой-то Ка... Каракозов... — Матвей Петрович близко уткнулся в газету: «...около 4 часов пополудни, когда Государь Император, по окончании прогулки... приблизился к своему экипажу, неизвестный человек, стоявший в толпе народа... выстрелил в священную особу Его Императорского Величества... Крестьянин Костромской губернии Осип Комиссаров, увидевший направленный против Государя Императора пистолет, толкнул преступника в локоть, вследствие чего пуля пролетела над головою Его Величества. Сделавший выстрел пробежал вдоль Невы, по направлению к Прачешному мосту, но был задержан городовым, унтер-офицером Степаном Заболотинным, который вырвал у него двустольный пистолет, и унтер-офицером Лукьяном Слесарчуком и доставлен в III Отделение собственной Его Императорского величества канцелярии. При задержании выстрелившего... сверх пистолета отобраны: 1) фунт пороха и пять пуль; 2) стеклянный пузырек с синильной кислотой, порошок в два грана стрихнина и восемь порошков Морфия; 3) две прокламации «Друзьям рабочим»...

— Каракозов. Кара... Черный. Черт... — выдохнул, крестясь, побледневший Решиков. — Бесы... — Учитель присло-

---

нился к стене, спрятал личико в ладонях, и его острые плечи затряслись от рыданий.

— Занятия отменяются. Все в храм, господа... — вздохнул вошедший директор. — Возблагодарим Господа Бога.

Когда гимназисты нестройной гурьбой шли в церковь, когда уже миновали Строгановскую и подходили к шумной Воронцовской, Левушка догнал Желябова. Андрей как ни в чем не бывало говорил о своих походах на Миллионную, на освещенную аляповато-красными фонарями Миллионную, где миллионами и не пахло, где грешили против седьмой заповеди — *прелюбы творити* — за пару потертых целкачей, а то и того меньше.

— А не хочешь ли со мной? — спросил вдруг Желябов, глядя в упор на Левушку; того даже пот прошиб, а под ложечкой сделалось холодно, будто лед проглотил. — Не то давай, завтра с латыни откачарим. У меня там девицы знакомые. Аня, она Антуанеттой велит себя называть, а еще — Капа, по прозвищу Клоп, потому как к ночи пахнет от нее не то коньяком, не то клопами...

К такому повороту событий Левушка не был готов. Он шел на золотую медаль, числился в первономерных гимназистах, ходил в любимчиках у Падрен де Карне, не единожды спасая честь учебного заведения во время всевозможных смотров и высочайших инспекций. Недавно в присутствии нового министра народного просвещения графа Толстого Левушка по памяти нарисовал карту Африки — со всеми реками, горами, туземными и европейским владениями. Граф был потрясен.

Все так, но и отказаться Левушка не мог. Желябов бы тотчас начал ерничать, и назавтра бы все узнали, что «барин» Тихомиров побрезговал компанией «крепостного»: отец Андрея и вправду был крепостным у помещика Нелидова; обученному грамоте сыну повезло: добрый барин подарил ему «Золотую рыбку» Пушкина, ласково погладил по голове и определил в уездное училище.

— Знаешь, Андрей... Я бы... — проямлил Левушка.

— Знаю, Лео! И на елку бы влезть, и коленки б не ободрать... — расхохотался Желябов, показывая ослепительный ряд крепких крестьянских зубов.

С урока латинского они сбежали — откачарили. Долго шли — почти крались! — по переулочкам-тропинкам, где Андрей знал всякий камень, но едва вышли на широкую мостовую, и до Миллионной оставалось пару кварталов, как наткнулись на ватагу парней, в поисках удалой забавы заб-

---

редших сюда не то с Соляной пристани, не то с Глинища. Левушка и глазом не успел моргнуть, как получил тычок в подпупок, а следом наглый и хлесткий «шарлатан» заехал ему в правое ухо. У Желябова из расквашенного носа текла кровь, но тот отбивался короткими и точными ударами. «Круши красную говядину! — вопили парни; так звали «шарлатаны» городских гимназистов — за форму с красным воротником и околышем. — На-ко, гадина — красная говядина! Вот те свежий лещ, вот те ссадина...»

Словом, досталось им. Еле ноги унесли.

Мама разохалась, а отец, знакомый с полевой медициной не понаслышке, велел смачивать синяки утренней мочой и прикладывать листы подорожника.

Когда следы неудачного похода к жрицам любви почти сошли с угреватых гимназических лиц, Желябов после уроков отвел Левушку под раскидистые каштаны.

— Хочешь познакомиться с Антуанеттой и Капой? — спросил, разминая табак. — Девушки с Миллионной...

Левушка отшатнулся и побледнел, да так, что на лице опять проступили боевые отметины.

— Не трусь. Соберемся у приятеля моего, у студента Пругавина. Его из новороссийского университета исключают.

— За что же? — как во сне, спросил Тихомиров.

— За Писарева, критика, — рассеянно ответил Андрей, ловко нанизывая кольцо из папиросного дыма на ветку каштана. У Левушки голова пошла кругом: все смешалось — кумир молодежи Писарев, кокотки с Миллионной, какой-то студент Пругавин...

Оказалось, что профессор назвал Писарева умалишенным; да еще прибавил про припадок на почве душевной болезни, после чего несчастный был помещен в психиатрическую лечебницу, где дважды покушался на самоубийство. Весьма живописно лектор рассказал студенчеству о побеге властителя дум из «скорбного дома» — с переодеванием в санитаря, сидением в дупле старого дуба (шесть часов кряду), ловким выбрасыванием из лодки сплеховавшего служителя (чуть не утоп, бедняга; зато критик оттолкнулся веслом и был таков!) и прочими ухищрениями, выказывающими в авторе «Борьбы за жизнь» умение бороться за эту самую жизнь и недоужинную художественную натуру.

Аудитория зароптала. А студент Пругавин кинулся с кулаками защищать честь своего любимца. Напрасно кричал профессор: «Да ваш Писарев закончил курс с крайне посредственными знаниями и весьма невысоким умственным развитием!» От его манишки студента оторвал лишь городо-

---

вой, кликнувший с улицы расторопным дворником. Забияку представили к отчислению...

Левушка опоздал к назначенному часу. Вошел и смутился: с засаленного дивана на него уставились две девицы; причем одна с отвращением курила, другая безостановочно поглощала монпасье, по-детски причмокивая размалеванными губами. По углам сидели всклокоченные молодые люди — человек пять-шесть. Желябов жестом завсегда так приветливо махнул рукой от окна. Посредине комнаты стоял Пругавин с книгой.

— Вслед за великим Писаревым я призываю вас... — поднял он палец к низкому потолку. — Естественным наукам — да! Искусствам, воспевающим праздность...

— А я люблю праздники! — вскинулась курильщица. — Клиент тогда добренький. Пахитоской угостит. Или тенерифчиком...

— погоди, Капа! — поморщился Пругавин; вздохнул, прошелся по комнате — Думающая молодежь наша должна проникнуться глубочайшим уважением и пламенной любовью... Да-да, любовью! Любовью к распластанной лягушке... Вспомните Базарова...

— Меня содержательница наша Агрипина Оскаровна на базар взяли-с. Перед заговеньем на филипповки... Там и привязался, французик-то. Лямур, бает. Втетюнькался. Красивый! Губки мокренькие... Нравилось при свете. И чтоб лягушкой я... Лягуська — одно слово и знал...

Погрозив ей кулаком, Пругавин продолжил:

— Тут-то именно, в самой лягушке, и заключается спасение и обновление русского народа... Мы развиваем искусства, преклоняемся перед Пушкиным... В то время как есть голодные, есть падшие, и это... Да это сравнимо с дикарем, украшающим себя драгоценностями! Творчество — вздорная потребность...

Но Капа-Клоп все время норовила вставить свое путаное словцо. В конце концов Пругавину это надоело, и курящую девицу на извозчике отправили обратно в бордель. Вторая девушка, Антуанетта, расправилась с фруктовыми леденцами и настороженно притихла.

Студент Пругавин захлопнул книжку Писарева и принялся ругать графа Льва Перовского, прежнего министра внутренних дел; это он добился государственного признания домов терпимости и настоял, чтобы всех бланковых проституток собрали с панели в бордели.

— У девушек отобрали желтый билет, взяли на полный пансион... — подал голос упитанный юноша с румянцем до

ушей. — Но тут-то, господа... Конечно, платье, обувь, питание — и все втридорога. Я справлялся: долг девицы перед содержательницей не должен превышать 25 рублей серебром...

— Верно, Курбатов! — поддержал юношу Пругавин. — А на деле — и 30, и 50, и 100 рублей! В долгах, как в шелках. До гробовой доски. А как их осматривают...

— Давеча дохтур в покойницкой осматривал...— вдруг хихикнула Антуанетта. — У меня еще Варька Мордовка билет выпросила. Венерой захворала, ну а работать-то надо. Народец всякий шныряет, а мы в чем мамка родила... Хорошо хоть сотерну выпили. А то сраму... Я, правда, больше лафитец люблю...

— Видите, врожденная стыдливость не утрачена...— воодушевился Пругавин. — Мы должны спасти падшую женщину, пока ремесло разврата окончательно не погубило ее душу. Господа, вспомним «Что делать?» Чернышевского. Вспомним швейную мастерскую Веры Павловны, где был устранен элемент эксплуатации работниц. А разве мы не можем устроить нечто подобное? Да так, чтобы у девушек была хорошая общая квартира, сытный стол, некоторые развлечения и, наконец, частица свободного времени для умственных занятий! Господа...

— Следует собрать средства, — кивнул головой Курбатов. — Пускай каждый подумает...

— Я к помещику Нелидову съезжу. Он даст! — раздавил ногой окурочок Желябов. — А коли не даст...

— Без горячки, Желябов! — осадил его Пругавин. — Начнем с малого. Вот хотя бы с Анны...

— Нюркой-Анькой я в сенных девках звалась! — обиделась любительница монпасье. — Я теперича — Антуанетта!

— Хорошо, пусть будет... Господа, мы выкупим Ан... Антуанетту из дома терпимости! Мы будем ее учить, развивать.

— Ах, ты мой зефирчик! Ах, ты мой ангелок с перышками! — Девица вскочила и чмокнула Пругавина в щеку. — Только чтоб с монпасье... Такое в коробочке, и на крышке детки на салазках... И лафиту — с графинчик...

— Чтобы отучить несчастную от разврата, — и бровью не повел Пругавин, — мы должны назначить ей... Да, назначить ей в сожители одного из нашей среды. Для этого кинем жребий.

Шумно искали фуражку, шумно перемешивали в ней скрученные бумажки. Но тянуть подходили по одному — подчеркнуто вежливо уступали друг другу место, перетаптывались с какими-то ужимками, поклонами и рассеянными улыбками на отчужденных лицах.

Жребий выпал Курбатову. Тот еще сильнее покраснел и взмок. А будущая свободная швея Антуанетта тотчас же влезла к нему на колени и стала просить справиться ей платье из розового гроденапля.

— И шляпку выездную с лентами, — ластилась девушка к пунцовому избраннику. — И себе заведи — цилиндр из твердого припаса с подхватом. По воскресеньям швейцар такую надевает. Мусчина-а-а! Мурашки ажно бегут...

Под вечер Тихомиров с Желябовым вышли из дома студента Пругавина. И в благоухающем палисаднике было слышно, как рыдала Антуанетта, оплакивая предстоящую разлуку с добрейшей Агрипиной Оскаровной, которая платила ей до сорока целковых в месяц, куском хлеба никогда не попрекала, да еще — родительница незабвенная! — отдавала к Троице туфельки со своей ноги, и туфельки были всегда впору. Горевала Антуанетта и по своим пальчикам: ох, огрубеют они, исколотые, на швейном деле; больно, поди, будет монпашешки одну от другой отковыривать...

Улица, покрытая теплой пылью, уходила к подножию горы Митридат. Гимназисты зашагали по ней — все быстрее и быстрее. Наконец, они побежали. Дорога поднималась вверх. Легкий, пружинистый Желябов был впереди, Левушка лишь на локоть отставал от него.

Потные, с колотящимися, еще не знающими перебоев и боли сердцами, они поднялись на самую вершину. Морская даль упругим ветром ударила им в лица. Серебристо светящиеся барашки волн неустанно катились навстречу, точно пытались донести на своих спинах какой-то драгоценный дар, но снова и снова рассыпали его в брызги прибоя, теряли у скал, а после другие такие же светящиеся барашки все с тем же упорством повторяли извечный бег — с наивной надеждой (уж они-то — смогут!) доставить свою таинственную ношу.

Гимназисты молчали. Они не знали, что совсем скоро по серому берегу другого моря, Балтийского, пройдет высоколобый молодой человек с тревожными глазами. Несмотря на начало июля, в курортном Дуббельне будет пасмурно и ветрено, и волны принесут свинцовую муть, отбивая всяческую охоту искупаться. Но молодой человек разорвет бумаги, исписанные круглым падающим почерком, разденется и войдет в воду. Вслед ему залает собака — никого больше на пляже не будет. Собаке все одно, на кого лаять — на подгулявшего ли приказчика или на кумира мыслящей юности критика Дмитрия Ивановича Писарева. А именно он, надломленный отказом очаровательной кузины, бледностью последних ста-

---

тей в «Отечественных записках», до синевы сжав губы, плыл и плыл по беспокойной воде.

Одинокий купальщик не любил салонных бесед про шляпки и соленые грибы, но мелькнувшая в гроздьях сирени шляпка сестры и рыжики после баньки в Знаменском доставляли, чего греха таить, земные радости.

Вот это-то и выводило его из равновесия. Ведь он сосредоточил в себе самом все источники счастья, построил целую теорию эгоизма, любовался ею, считая ее нерушимой. Но... Он все время что-то отрицал. И не одни грибы. Например, художников; пловец сравнивал их со старухами, которые белятся и румянятся, а архитекторов — с кухарками, выливающими клюквенный кисель в замысловатые формы. Все это — никчемные эстеты, эксплуататоры людской глупости. Поэзию он разрешал. Но с одним условием: поэты должны выражать только то, что требуется в практике жизни. Стихи надобно читать, как газетные репортажи в разделе полезных событий. Потому что... Да потому что достоинство телеграфа в быстроте передачи известий, а не в том, чтобы телеграфная проволока изображала собой извилины и арабески.

Пушкин и есть та самая проволока. Проволока, возмнившая себя телеграфным аппаратом. И тут одинокий пловец готов был расплеваться даже со своим кумиром Чернышевским, не говоря уже о Белинском. От Пушкина его трясло.

Чтобы унять дрожь, купальщик сильнее заработал руками. Еще он хотел прогнать воспоминания о сне. Под утро приснился профессор Гумбольдт, чье «Языкознание» его заставляли переводить в университете. Но самое неприятное — приснился и Пушкин. Поэт предстал опутанный телеграфной проволокой. И смотрел с укором: «Это ж ты связал меня. И приписал, чего я и не говорил. Что, твоему Эркману-Шатриану можно сочинять про историю, а мне — нет? стыдно уходить в мертвое прошедшее... Ишь, каков! Выкраиваешь людей на одну мерку с собой, отрицатель луны и солнца?»

Во сне зазвучали стихи. Писарев ощутил какое-то неприятное наслаждение, которое всегда отрицал; с ним немедленно случилось «витание в заоблачных высях», над которым он поиздевался в журнале у Благосветлова...

Руки слабели. Волны становились холоднее и круче. В ушах нарастал шум — скорее всего, от швейных машинок в мастерской, так удачно устроенной сонливой Верой Павловной. Свободный труд, отрицающий эксплуатацию. Кажется, там подрубали саван... Нет, это счастливые работницы шили себе на выход платья из белого атласа.

С луной и солнцем было давно покончено. В запасе оставалось последнее отрицание — отрицание самого себя. Навязчивые машины грохотали во всю мощь. Пловец опустил голову в волну — все стихло. А если... Он услышал собственный голос: «Работнику надо отдохнуть...» Он никак не мог вспомнить, из какой это статьи. Впрочем, неважно. Отдохнуть, отдохнуть...

Одинокий пловец перестал грести. Но теперь он не был одинок. Он слышал бодрые голоса, и это, бесспорно, были голоса новых людей, на которых он надеялся и очень любил. Когда-то пловец звал их в светлое будущее, теперь они звали его.

Желтовато-серая муть обступила утопающего со всех сторон. Не помня себя, он вдохнул, и бушующая толща прекратила дыхание и остановила измученное сердце.

Собака на берегу перестала лаять, беспокойно забегала от сосны к сосне, а потом завyla — пронзительно и тоскливо.

В университете, после первого коллоквиума, Левушка услышал, как стихи о Писареве читает студент Зборомирский:

*Не унывай, пловец! Как сон, минует горе,
Затихнет бури свист и ропот волн седых,
И покоренное, ликующее море
У ног уляжется твоих.*

Зборомирский был старше Тихомирова, происходил из семьи священника, да и сам успел немного поучиться в семинарии. Он тут же огорошил Левушку своеобразным толкованием «воздавайте кесарю кесарево».

— Кто на рудниках добывает золото? Мужик?

— Вроде...

— Вроде Володи, на манер Кузьмы. Мужик, понятное дело!

— Выходит... — кивнул Тихомиров.

— Кто золото перевозит? Тоже мужик. А кто монеты чеканит? Да все он же, мужик! Ясно тебе?

— Ясно, — согласился Левушка, не понимая, куда клонит новый приятель.

— А ежели ясно, то... — со значением произнес Зборомирский. — То и деньги, чего проще, принадлежат мужику. И, стало быть, «воздавать» их кесарю нет никакого основания.

Нервный, вспыхивающий порохом Зборомирский всегда задавался вопросом: а почему принято так, а не иначе? Почему монархия, а не республика? Почему, к примеру, никто не ходит пешком из Петровско-Разумовского в Москву? И про-

---

шел верст десять по шоссе, сбив ноги до хромоты. А почему студенты не работают на фабрике молотобойцами? Странное дело, его приняли, и бывший семинарист, едва поднимая тяжелый молот, бился с ним у наковальни неделю кряду, чуть было не погибнув в жаркой кузнице; после двух обмороков его выносили «на воздушок» сердобольные мастера с настороженными, как у всех тугоухих, глазами.

Однажды Тихомиров заехал к Зборомирскому. В грязноватой комнате на виду валялся молот с перебитой ручкой, и пахло жареным мясом, но мясом не совсем обычным: сквозь синеватый чад резко пробивался сладковато-муторный дух грязной паленой шерсти, и еще чего-то, уж очень гадкого, гнездящегося в затхлых щелях и выгребных ямах. К горлу Левушки подкатилась тошнота. Но хозяин глядел молодцом, упруго ходил вокруг стола, словно готовясь совершить нечто знаменательное. Наконец, замер над тарелкой.

— Знаешь, Тихомиров, — проговорил он так, точно звал друга вступить в тайную организацию, — я давно задавался вопросом: а отчего не едят мышей? Я вчера поймал мышь, сжарил и съел. — Зборомирский расхохотался, точно помешанный, широко раскрыв губастый рот.

Левушка с отвращением посмотрел на его язык; ему показалось, что изо рта приятеля еще торчали хрящи вонючей твари.

— Нет, Тихомиров, — погрозил липким пальцем Зборомирский. — Не-е-ет! Читая Лассаля или нашего... Этого... Сопливого враля Флеровского революционером не станешь! «Азбука социальных наук» ему... Слышал?

— Знаю... — зачем-то соврал еще не пришедший в себя Левушка

— А у меня другая азбука! Я с точностью понял одно, Тихомиров: бунт — это крайность, тут уж надобно кадык распускать... Революция — это когда переступаешь через привычное. Ну и какой ты революционер, коли мышь съесть не можешь? То есть, переступить... Всякое большое дело с малого начинается. Такая азбука: поймай мышку, да сжарь. Тогда и о революции поговорим...

О революции Левушке говорить не хотелось. Особенно в этой смрадной комнате. Да и чего было говорить. Еще с гимназии он знал несомненно: мир развивается революциями, и по-другому развиваться не может. Отрицать это — все равно, что отрицать вращение Земли вокруг Солнца. Нравится или нет, да куда денешься?

Но это в гимназии, а раньше? Да нет же, нет: в семье он был очень набожным мальчиком, молился со слезами, прося Бога на херувимской о своих детских нуждах, и искренне верил, что

Господь все устроит и разрешит. Отец говорил с ним о России, и он любил Россию — самую лучшую, самую большую страну на свете. Отец говорил о Государе, и Левушка любил Государя, всемогущего и всевысочайшего. Но почему, за что — он понимал смутно; отец об этом не говорил, монархизм Тихомирова-старшего был негромким, само собой разумеющимся, каким-то обыкновенным. Правда, на загородной прогулке, остановившись у раскидистого дуба-великана, отец мог спокойно бросить: вот, мол, чудесное дерево, дюжину повстанцев можно повесить... При этом у него в добрых друзьях ходили поляки (были они и на прогулке), но когда речь заходила о целостности Империи, которую все эти подпольные варшавские жонды хотели разрушить, отец становился неумолимым и жестким.

Но то, что Левушка узнал в гимназии — было необыкновенным. Демократ Герцен выглядел необыкновеннее консерватора Каткова. Задиристый Писарев поражал энергически взрывами своих статей. (О чем они — это уж десятое дело!). Поразительно: Левушка читал их в «Русском слове», которое нашел в шкафах родного дяди Андрея Петровича Савицкого, монархиста, боготворившего Каткова. Потом в руки попали переводы Минье, Карлейли, Гарнье-Пажеса. И свои — Добролюбов, Чернышевский... Голова пошла кругом. К тому же и историки (милейшие, образованные люди) учили: республика — это прогресс, монархия — разумеется, реакция.

Так кто же прав, Циммерман с его «Миром до сотворения человека» или ветхозаветный Моисей? Бог или... Или керченский нигилист Караяни? Правда, вскоре этот ниспровергатель изрядно подмочил свою репутацию: обворовал не то казначейство, не то кассу и скрылся с фальшивым паспортом за границу.

Но почему после выстрела Каракозова плакал только один седенький учитель Решиков? Возможно, лишь он просил у Бога прощения за то, что русский человек хотел убить русского Государя. Старик каялся в то время, как вокруг служили благодарственные молебны. Левушка чувствовал: что-то здесь не так — в день траура благодарить Бога. А это траур — учитель знал: православный по рождению юноша стреляет в Помазанника. Что-то случилось с Россией. Какая-то страшная болезнь вползала в ее имперское сердце. Потому что в семье скромного керченского чиновника Феоктистова расуждали за вечерним чаем:

— Вот не вышло у Каракозова, так все его и ругают...

— А вышло бы вдруг, то и благодарили бы...

И Левушка удивился, но не возмутился; душа замерла, словно в парке на качелях: интересно-то как! Потом посмеи-

---

вались над костромским картузником Комиссаровым: будто бы он спяна толкнул руку царевнийцы, тот и дал маху. А еще позже — над потомственным дворянством, которое пожаловали мещанину за спасение Государя...

Старого учителя Решикова Тигрыч вспомнил через много лет в Париже, когда доктор ставил мушки умирающему от менингита Сашеньке, сыну. Был апрель 1886-го. Ночной ветер, завывая в каминной трубе, насквозь продувал безлюдную гие Дагу. «Мы должны сделать все, пока он жив...» — говорил врач, и Тихомиров, нелепо тряся головой, соглашался: «Мы должны сделать все... Все, я больше не могу!»

За тонкой стеной рыдала жена. После мушек и компресса мальчик затих, уснул. Тигрыч поправил сбитое одеяло и почти упал на стул; отупело уставился в темный угол полупустой комнаты. Мрак багрово дрогнул, заклубился, почему-то превращаясь в сухонького керченского учителя Решикова, чью легкую фигурку, должно быть, занес сюда волглый парижский ветер. Тигрыч прикрыл глаза, чтобы лучше рассмотреть Николая Ивановича. А тот молчал. И только слезы капали на золотые пуговицы его вицмундира. Одна слезинка, сияя все ярче, вдруг сорвалась и полетела к лицу Тихомирова. Он испугался, очнулся.

Француз-врач стоял в дверях, терпеливо ожидая гонорара.

Глава шестая

Москва, Москва... Он мало что запомнил, пока они с братом Володей неслись с вокзала на Спиридоновку. Разве что огненный куст боярышника за чьим-то забором да московский выговор извозчика: «Первый... Первый поворот, барин!»

Устроился на Стрелке у кухмистра Моисея Ивановича Ульянова. Комната с зеленоватым, как дома, абажуром, уютная и светлая. Радовало и то, что за умеренную приплату можно было столоваться прямо у хозяина. Постояльцев все больше потчевали гурьевскими кашами и солянками, но по воскресеньям кухарка готовила щи с головизной, котлеты с куриной кнелью и грибами, подавали и соусы с эстрагоном, а на сладкое — мусс клюквенный с мороженым.

В университете Левушка набросился на учебу — с интересом, даже с пылом. Не пропускал ни одной лекции, на практических занятиях смело резал трупы, пытался делать препараты, хотя это и не позволялось студентам-первокурсникам. Все тот же Зборомирский свел его со сторожем мертвецкой, который за полтинник продал Тихомирову тельце ре-

---

бенка, и теперь вечерами он был занят: кромсал трупик, добирался до мускулов, отгоняя брезгливо-пугливые мыслишки, укрепляя дух базаровским — работать неумоимо, повиноваться непосредственному влечению, действовать по верному расчету.

Самостоятельно заспиртовал ладошку безродного младенца в какой-то научной банке, Левушка показал ее сокурсникам и тут же почувствовал сладкое бремя известности; о нем заговорили, показывали друг другу, даже старшие студенты на равных пожимали ему руку, зазывая в свои компании с настоящими модистками. От этого сладко ныло под ложечкой.

На одной из лекций профессор Зернов заметил, что между весом человеческого мозга и умственными способностями нет пропорциональной зависимости.

— Что скажете, Тихомиров? — спросил сидевший рядом Николай Морозов.

— Думаю, Зернов говорит тенденциозно... — важно произнес Левушка. — Немецкий зоолог Карл Фогт...

— Именно! — жарко прошептал Морозов. — Здоровый материализм Фогта легко опровергает это утверждение.

Они сошлись на том, что профессор Зернов заурядный реакционер. И перестали посещать его лекции.

Хозяин Моисей Иванович был человеком строгим: порядок чтил. Когда что не так, он и полицию мог позвать. Например, к соседу и однокашнику Левушки студенту Шульге, истинному геркулесу и забияке, чей прадед, говорили, выкрал из султанского гарема первую красавицу. Шульга мог выпить за один присест двадцать бутылок пива, да и водки — сколько поставят. В минувшую субботу, похоже, этот медвежеватый потомок запорожца принял на широкую грудь не то пива перербродившего, не то злого черкизовского горлодера, поскольку явился на Стрелку пьян-распьян, полночи плясал в комнате камаринскую, лужено выкрикивая: «Мамзель, пообождите, куда вы так спешите? Вы, может быть, хотите...», а полночи отбивался от полиции, которую вызвал разгневанный хозяин. Тот был неумолим — выгнал Шульгу вон.

Но совершенно другим делался Моисей Иванович, когда к нему приезжал сын Костик, студент Петровской академии, важный малый в синих очках, смазных сапогах и котомкой за костистыми плечами; из котомки всегда торчали грязно-зеленые перья лука и потертые корешки книг. Костик появлялся всегда неожиданно, появлялся не один — в компании таких же нечесаных юношей. Гости вели себя вполне по-хозяйски — топали по комнатам в обуви, картузы и шляпы

кидали куда попало, оглушительно хохотали, переговаривались резко и громко. Моисей Иванович делал брови строгой «птичкой», и буфетчик сам, хотя и без желания, тащил в залу самовар, ворча под стариковское шарканье подошв: «Энти... Глисты-неглисты пожаловали. Обереги, Царица небесная!» Нигилисты, стало быть.

— Мы поколение ниспровергателей...

— Уничтожение устаревших ценностей — вот задача...

— Отрицание всех и вся — это способ изменить сознание...

— Вместо веры — разум, вместо теорий — эксперимент, вместо искусства — наука...

— Да, главное суеверие — эстетика... — доносились до Левушки обрывки фраз.

Он стоял в коридоре у окна, бахрома коленкоровой занавески путалась в густых бальзаминах. Левушка готов был уже выйти к ниспровергателям (как интересно, ярко!), шагнул к открытым дверям, но тут на пороге заметил Моисея Ивановича, строгого хозяина, от строгости которого не осталось и следа. Вся крупная фигура кухмистера сжалась, поникла; он мелко и как-то униженно тряс седой головой, словно бы заранее соглашаясь с каждым словом Костика, и не сводил с него преданных, мало что понимающих глаз.

— Ох, уж оно так, сынок! Естетька эта... Круши ее, лови по углам! — вдруг почти крикнул Моисей Иванович, пытаясь напустить на себя самый передовой вид. И это вышло так нелепо, смешно, что студенты грохнули, и только Костик, позеленев от стыда и злости, выбежал из комнаты, чуть не свалив горшки с бальзаминами на оцепеневшего Левушку.

Оставшиеся нигилисты помолчали с минуту, а потом один из них стал рассказывать, как еще гимназистом, вкусив в церкви Святых Даров, не проглотил причастия, а отошел подальше и выплюнул его за углом. Товарищи посмотрели на него, точно на героя.

Левушка ушел к себе. Через неделю он съехал из комнаты на Стрелке.

В тесных номерах мадам Келлер, что в Мерзляковском переулке, пахнет мышами, грибной плесенью и томпаковым жаром пузатого, уютно посвистывающего водогрея с изящной чеканкой на сверкающем боку: «самовары братьев Лисицыных». Подгнившие половицы ходят ходуном под ботинками Шульги; а огромный буян прохаживается взад вперед по комнате, бережно держа под ручку помятую красавицу Фрузу, которую называет исключительно Ефросиньей Петровной и которая жеманно поводит плечиками, выдвывая из капризного

ротика сладковатый дымок папирос. Время от времени Шульга замирает у столика, чтобы пропустить рюмочку, и снова продолжает променады по стонушему полу. У Левушки на коленях сидит толстенная модистка Нора, ерзает задом и хихикает. Левушка был бы рад спихнуть ее, но у товарищей на коленях восседают такие же девицы, и терпеть этот пахнувший духами и потом гнет — дело чести для настоящего мужчины.

— Представьте, Ефросинья Петровна, жил такой чудик — Герберт Спенсер, — потешается Шульга.

— Ах, да будет вам! — томно отмахивается Фруза.

— Против свободы воли выступал, зато за свободу индивида как самоценности. Путаник...

— Ах, уж какие у вас ценности? Вошь на аркане.

— И что придумал: правительство — это, мол, мозг. Торговля в обществе — кровообращение, а телеграфные провода сравнил с нервной системой.

— Ах, да никаких невров, головой от ландрина болею. Хрумкаю, вот в темечко и отдает...

— Да еще, — опрокинул рюмку Шульга, — гомогенности ему мало было, гетерогенность социальную утверждал...

— Пс... Псу... — наморщила лобик Фруза. — Пси.. «Психтер с гетерами». Я в одном доме на Тверской была... Так там картинка такая, в рамке. Только вот клопов да блох в той квартирке — ох, видимо-невидимо!

Левушка поморщился. Отчего-то вспомнилась добродушная морда мохнатого водолаза Цезаря, ловко и хитро избавляющегося от блох. Умный пес, верный товарищ по лодочным походам в бухте, вбегал в море и терпеливо ждал, когда блохи перекочуют на сухую часть его шерсти; потом погружался глубже, пока докучливые насекомые не сбегались на его макушке. Тогда Цезарь опускал и голову, выставив наружу только нос и, выждав, когда блохи почти залепят ноздри, нырял в глубину, смывая глупых паразитов.

Шульга влил в себя новую рюмку. Водка пошла «вкривь», Шульга закашлялся.

Боже мой, и стоило ради этого ехать в Москву! Поступать в университет, о котором отец всякий раз говорил с почтительным придыханием. Брат, наконец, отцовские деньги на учебу...

А не счастливее ли был он, гимназист Левушка Тихомиров, в часы одиноких прогулок по каменистым новороссийским предместьям или по старым кладбищам, где под надгробьями покоились люди, тоже зачем-то прожившие свой век? Он со всеусердием предавался смутным раздумьям об этом, и душа наполнялась странным очарованием — неизъяснимо сладким и тревожным.

Но душа жила сама в себе. Приятелей — множество, да не было друга, с которым хотелось бы разделить эти прогулки, который бы так же сердечно откликнулся на песню старого шарманщика: «Одинок я сижу и на небо гляжу, но что в небе ишу — я про то не скажу...»

Не скажу, не скажу... А кому сказать-то? В гимназии — франтику Есакову, доброму, но ленивому малому? Или Желябову, затянувшему его на Миллионную, к девкам? А здесь, в Москве, — Шульге, тискающему Фрузу? Но этот великан еще ничего — не дубина стоеросовая; читал что-то, да того же Спенсера, к чему-то стремился (учиться! в университет!), о чем-то думал. Стихи писал. Одно рассказал ему, Левушке: «О альма матер, наш университет, питомец твой свой шлет тебе привет...» Игриво, весело, шутовски даже, но вдуматься — горько, безысходно. Привет университету, все заглушившему, ничего доброго не давшему. (А может, еще проще: не умели брать?)

Пустота душевная. Кажется, это устраивает начальство: пусть уж лучше с модистками пьют, о карьере думают, зато никакой опасности, никакого вольнодумства. Властям спокойнее.

Пустота... Но она жаждет наполнения. Да разве русское юношество может прожить без идеала, одной лишь карьерой?

Тихомиров потом, намного позднее, поймет: революции рождаются именно из пустоты...

Вот «горький пьяница» Рудковский заговорил о совершенно неожиданном — о женском вопросе, да такими словами, каких раньше ни при какой погоде не произносил. Швембергер пояснил с таинственной улыбкой: дескать, с Рудковским они теперь вхожи в один почтенный дом, где хозяйева — просвещенные люди, новых убеждений и передовых взглядов. Пойдешь? А почему бы нет? Все лучше, чем эта бульварная гоньба за жеманными белошвейками-модистками...

Квартира у Лашкевичей оказалась большой, богато обставленной. За просторным овальным столом — молодежь: все больше студенты, курсистки, начинающие чиновники. А во главе стола — немолодая дама, похоже, изрядно вкусившая на своем веку и не желающая понимать, что век ее прошел; хозяйка дома Надежда Сергеевна, жена знаменитого украинофила Лашкевича. До Левушки долетело: «Эскирос... Эскирос...» Рудковский представил его.

Левушка не успел и глазом моргнуть, как пышногрудая Надежда Сергеевна взяла его на свое попечение, да так напористо, что спустя четверть часа сообщила вполне достоверно:

— А, знаете ли, Лев Александрович, с мужем своим я не живу...

— Э-э... Так? Почему же? — спросил зачем-то, ложкой вычерчивая на скатерти вавилоны.

— Рутинер совершеннейший. Отсталый человек. Да, я вышла замуж... Я не малороссиянка... Но он — известный украинофил, да! Вы понимаете?

— Я... Но не разделяю...

Госпожа Лашкевич словно и не слышала его. Продолжила с нарастающим волнением:

— Обряды, этнография... Песни-танцы в национальных костюмах. Я ждала, когда же начнется дело? Да, дело, господа! — обвиняла, обличала она своего мужа, глядя в глаза Тихомирову, уверенная, что тот разделяет ее негодование.

— Дело? — вдруг осклабился молодой человек с колючими глазами, ревниво прислушивающийся к беседе. — Дело, Надежда Сергеевна, у Сережи Нечаева, у комитета «Народной расправы». Дело — предателя убить...

Госпожа Лашкевич вздрогнула, но ей не дали и рта раскрыть: студенты и курсистки возмущенно загалдели: «Нечаев — убийца, шпион, полицейский агент-подстрекатель... Он скомпрометировал революционное действие... Его система — насилие, шарлатанство... Никто так далеко идти не собирался...»

— Юлиан, зачем ты?.. — с нежным негодованием повернулась Надежда Сергеевна к молодому человеку.

— Вздор! — не глядя на нее, крикнул Юлиан. — Нечаев верит в скорую народную революцию! Всесокрушающую. А кто расчистит ей путь? Молодость, молодежь наша... Он и призывал...

— Юлиан... — влюблено выдохнула госпожа Лашкевич.

— Но ваш Нечаев, — подскочил Рудковкий, — постыдно бежал в Швейцарию. А в это время суд приговорил его товарищей к каторге! Бесчестный человек. Честным, открытым путем он не смог бы наберечь приверженцев...

«Вот тебе и горький пьяница!» — удивился Тихомиров. Впоследствии он не раз поражался: гуляет студенчество, напиваются до положения риз юные вертопрахи, в библиотеку заглядывают, чтоб только отметить: книг не брали, а после вдруг — как гром среди ясного неба! — впутываются в какое-нибудь «дело», устраивают бестолковую демонстрацию, что и мизинца не стоит; и ведь, головы еловые, ставят на карту судьбу, карьеру, о которой, казалось, всегда лишь и пеклись. Чудеса, да и только.

— Хочу успокоить вас, — горько улыбнулся Юлиан. — Во вчерашних «Московских ведомостях» сообщили: Нечаев выдан России как уголовный преступник.

Над столом нависла гнетущая тишина.

— Давайте-ка лучше выпьем, господа! — вскочил с бокалом Швембергер. — Тем паче, как говаривал великий узник Бастилии Мишель Монтень, плоды смуты никогда не достаются тому, кто ее вызвал; он только всколыхнул и замутил воду, а ловить рыбу будут уже другие.

— За других! Ура! — облегченно зашумело застолье. — Но будем помнить, господа: мир развивается революциями!

— Одно смущает, — негромко, точно про себя, сказал юноша с чуть заметными усиками, — идея революции все же намного моложе идеи существующего порядка. То, что вырабатывалось веками...

На юношу зашикали, и он смущенно умолк.

Снова стали пить, чокаться, шуметь, целоваться; при этом курсистки пили наравне со студентами, курили, выпуская дым к розовому абажуру, рассуждая между папиросами о женских правах, о равенстве полов. Потом по кругу пошли карточки этих же курсисток в мужских костюмах. Потом ослабевший Рудковский положил всклокоченную голову на колени одной из барышень да так и уснул.

— Господа! — сверкнул зелеными глазами Юлиан. — Все вздор. В мире нарождается новая религия. Да! Христианство разрывает нас на две половины — дух и тело. Но наука... Да, рацию... Наука доказывает: человек един и целостен! Христианство заставляет нас бороться с плотью и этим унижает тело.

Надежда Сергеевна не сводила с Юлиана восторженно-влюбленных глаз. Левушка даже испуганно покосился на дверь: если бы сейчас вошел отсталый украинофил Лашкевич, то он бы в припадке ревности непременно убил бы свою передовую супругу.

— Пора, давно пора оправдать тело, — продолжал красавец. — Дух — это оно и есть! В теле нет и быть не может греховных побуждений. Оно свято! Следует найти мужество и безоглядно подчиниться ему, а не бороться, нет! Дайте же свободно проявляться всем его стремлениям, и тогда... И тогда они сольются в братской гармонии желаний всего человечества!

Госпожа Лашкевич просияла, громко заплодировала. Но Юлиан даже и не взглянул на нее. Он уже что-то шептал на ушко своей соседке — хорошенькой курсистке, и от этого жаркого шепота белокурая прядь барышни чуть заметно трепетала.

«Нет, все не то. Не то...» — тоскливо стучало в висках, когда Левушка спешил к себе в Долгоруковский. Он снова ушел в затвор, погрузился в свое одиночество. Эх, сейчас бы к милым берегам, к цемесским скалам, где всегда упруго дует ве-

---

тер и немолчно кипит у камней беспокойное море! Там дом, где молится под мерцающими образами мама, куда возвращается из госпиталя отец, спокойный и сильный; никогда не повысит голоса, но как надменно твердеет его всегда добродушное лицо, как отчужденно леденеют глаза, если рядом сподличали или солгали. Нет, лучше бы кричал...

Интересно, а что бы отец сказал о Юлиане, о новой религии? Хотя яснее ясного — назвал бы зеленоглазого красавца фатом, альфонсиком с паутиной в башке. А вокруг твердят: неприлично не быть передовым... неприлично защищать монархию... Прилично же — верить в республику, социализм, хотя даже если и не понимаешь, что это такое. Существующее — скверно, душно, а грядущее — прекрасно и свежо. Правда, наступит все это еще не скоро...

Отец всегда поощрял его первенство. В гимназии — Левушка один из лучших, даже самолюбивому Желябову помог на экзамене. И в университете — тоже, особенно в начале курса. А теперь что же? Теперь, когда уже произнесено: критически мыслящая личность имеет право (!) свои субъективные идеалы ставить во главу угла при изучении истории. Таких личностей — раз, два и обчелся... Люди в основном живут либо в сонной праздности, либо в бесконечном труде, обеспечивающим праздность немногих. Мысль спит. Но вот просыпается студенчество. Просыпается после «нечаевщины». Создаются коммуны, кассы, общие библиотеки, кухмистерские. Ярко, притягательно, ново. Неужели — отстраниться, отсидеться в затворе, даже не попытаться понять... О чем шумим, братцы?

Где же здоровое честолюбие? Что скажешь, отец?

Часы скрипуче пробили полночь; дрема обступила засыпающего теплой толчеей черноморских волн. И сквозь этот плеск Левушка уловил чуть слышный голос матери: «И ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных...»

Глава седьмая

В доме Риттиха, что на Малой Никитской, начальник Московского губернского охранного отделения генерал-майор Слезкин, как всегда, с утра просматривал донесения агентов. Агент Авгур... Иван Львович глотнул чая, усмехнулся: и что за кличка? придумают же... Авгуры — да это ведь римские жрецы-птицегадатели, их шарлатанство и обман известны со времен Цицерона. Такого наплетут, слова в простоте не скажут — мудрено все, непонятно, тайной покрыто. А что наш Авгур? Да нет, ясно излагает:

«Между некоторыми студентами Московского универси-

тета, собирающимися у себя на квартирах под предлогом научных занятий, проводится идея основать «тайное юридическое общество», цель которого заключалась бы единственно лишь в распространении всевозможными способами в массах народа образования социального, при посредстве которого и создавалась бы почва общественного мнения в духе направления чисто социального...»

Начальник охранного отделения задумался: социально-го? Читай: социалистического... И как это у них ловко выходит: как будто знание, науку рекомендуют — благое дело. А где эту науку прикажете искать? Разумеется, в книгах. И что же за книги подсовывают? А книги все, как на подбор, революционные. Хитро, тонко придумано: дескать, господа хорошие, наука и революция говорят одно и то же. Не открыто революцию советуют, а только науку, и прямехонько приводят к революции. Мудрецы! Как их... Радикалы!

Нет, не по нутру вся эта софистика генералу. Ему с молодых лет ближе ясное и понятное дело. Почтовое, например. Когда-то ему, еще полковнику корпуса жандармов, предложили контракт «на содержание станций и лошадей для отправления почтовой гоньбы между Орлом и Ельцом». Тут как раз новый тракт проложили — от Орла до Ливен, да вот незадача: Малоархангельск остался в стороне... Несправедливости Слезкин допустить не мог — и сохранил не только старую станцию, но и новую построил, в Сорочьих Кустах. И губернии польза, и ему неплохо: за две почтовые станции орловское земство обязалось платить 1707 рублей 19 копеек ежегодно.

Любил песни — протяжные, ямщицкие. А ямщиками служили все больше его редкинские крестьяне, поскольку был Иван Львович еще и орловским помещиком — весьма добродушным и щедрым. Еще до отмены крепостного права отпустил часть крепостных, тех, что достались ему по купчей от надворного советника Булгакова, а после заменил обычные визиты на праздник Рождества Христова пожертвованием в пользу детского приюта в Орле...

Но в Орле жил дворянин Петр Зайчневский, и это крайне раздражало генерала Слезкина. Этот краснойбай, якобинец, заслуживший «мученический венец» недолгой сибирской каторгой на заводах, был большой бонвиван; когда он говорил, глаза женщин увлажнялись от восторга. Особенно потрясала нежные сердца его знаменитая прокламация «Молодая Россия», где Зайчневский превозносил французских якобинцев, звал «в топоры!», дабы истребить императорскую фамилию, мечтал о красном республиканском знамени со-

---

циальной и демократической России (вон когда еще!), о государственном перевороте путем заговора и захвата власти революционной партией. Всем этим он перепугал Герцена, насторожил Чернышевского, даже анархиста Бакунина оттолкнул. Герцен воскликнул: «Террор революции с своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношам так, как террор сказок со своими чародеями и чудовищами нравится детям...».

Зловещее совпадение: в дни выхода прокламации столицу Империи охватили пожары. Достоевский буквально ворвался в квартиру к Чернышевскому, прося, нет, требуя заявить порицание опасной и безрассудной выходке. На бледном лице писателя, казалось, пляшут огненные отсветы...

А Зайчневский? Да что он: в камере сидеть — красота! Посещение — всем, кто захочет, и во всякое время. Пока шло следствие, его одиночное узилище сделалось настоящим студенческим клубом. Шум, дым коромыслом. Приезжала к смельчаку не только молодежь. У него можно было застать разодетых светских дам со шлейфами; дамы прибывали в каретах с ливрейными лакеями, привозили с собой цветы, вино, фрукты, любимые конфеты узника. Время пролетало в оживленных спорах, легких влюбленностях. Все ждали, когда в Сенате будет слушаться дело орловского ниспровергателя...

Был в Орле и второй проповедник — Леонид Оболенский, философ, беллетрист, и тоже дамский любимец, строил им куры направо-налево; привлекался к суду по каракозовскому делу о покушении на жизнь Государя Императора, да вот не пошел урок впрок.

До революционной партии донжуаны-пропагандисты не дотянули — кишка тонка. Но Оболенский, томно сощурился арлекинские (разноцветные) глаза на курсисток, говорил, что все эти французы-просветители, все эти вольтеры, дидро, гольбахи и прочие гельвеции с кондильяками — молодцы: Бога отрицали.

«Мы для этих... — торопливо думал Оболенский. — Да, мы почти — божества! И для Верочки Сосницкой... Кажется, натура страстная. Вряд ли уступает Кате Сергеевой. Но Катенька — слишком крепкий орешек. Бог уж с ней... Еще Маша Оловенникова. Все бы хорошо, да слишком уж дворянка, львица светская; весьма бессердечна, мечтает о Петербурге, заговоре; открыть что-то наподобие салона мадам Роланд... Нет, Верочка, милая Верочка... А Зайчневский пусть уж займется Ниночкой Слезкиной, которую давеча Катя привела...»

Беда в том, что Нина Слезкина была родной дочерью жандарма Слезкина, но данного обстоятельства ни якобинец Зай-

---

чневский, ни будущий либерал Оболенский не знали. Нина приехала из Москвы погостить в родовом имении, заглянула в день ангела к давней подруге Катюше Сергеевой, которая и привела ее к Зайчневскому: «Ах, какие там люди — живые, оригинально мыслящие...»

За неделю опытный Петр Григорьевич вскружил голову Ниночке; отчего-то пуще всего подействовала на нее фраза: «не устраненные несчастья влекут за собой революцию», после которой она согласилась на решающее свидание, и не где-нибудь, а на почтовой станции в Сорочьих Кустах. Здесь смотрителем служил шурин Зайчневского; с его-то помощью сластолюбивый автор прокламации и намеревался устранить все «не устраненные несчастья»...

Однако хоть и называлась сия почтовая гоньба вольной почтой, но государственные ссуды получала в срок, и не зря получала: всякий проезжий записывался в книге регистрации, виды (паспорта то есть) отмечались дотошно и строго, — одним словом, вольная почта отслеживала все передвижения по любому губернскому тракту. В общем, Ивану Львовичу как-им-то образом донесли. Разъяренный отец кинулся в Орел.

Поздним вьюжным вечером к Сорочьим Кустам подъехал утепленный возок и остановился у самого крыльца. (Ни дать, ни взять — просто пушкинская «Метель»!) Истомившийся якобинец прямо в чесучевом пиджачишке выскочил под снежный ветер встретить Ниночку: а в том, что это была она, сомнительно не сомневался. Почему-то барышня долго не выходила. Зайчневский бросился к возку, нырнул в его теплое нутро, твердя заветное: «не устраненные несчастья», уверенно запуская руку в меха, ища бородатым лицом нежные Ниночкины губы.

Но пальцы нащупали холодную позолоту жандармских пуговиц, а за длинную бороду (жаль, не подрезал!) вдруг так дернули, что слезы брызнули из глаз. Бас рыкнул из темноты: «Что, штафирка, попался? Опять захотел сибирскую музыку на ноги, ну?!» Музыкой на ноги каторжане называли кандалы. Это Петр Григорьевич понял. Ступни тотчас отяжелели, словно их уже заковали в железо.

Избитый генералом Слезкиным, потерявший голову Зайчневский долго бежал по снежному тракту в сторону Покровского, удаляясь с каждым неверным шагом от Орла. Дважды или трижды его чуть не сшибли фельдъегерские тройки, но и без того он скоро бы замерз в ледяной круговерти. Случай помог. Да и Бог, которого якобинец-женолюб отрицал. Заметил его старый ямщик Тихон Кудряшов, тот самый, которого жандарм Слезкин много лет назад дал вольную.

А что же Леонид Оболенский? Он хотя и отрицал Бога, но в большую революцию не лез, дабы не свернуть шею; ограничивался написанием либеральных статей под псевдонимом М. Красов. Верочку Сосницкую, самую красивую из своих учениц, он вскоре сделал своей любовницей, и они стали жить втроем — юная курсистка, жена Оболенского и сам Леонид Егорович, теперь и на практике осуществляющий отрицание старомодных нравственных основ. Был он при этом чрезвычайно бодр, даже начал издавать журналы «Свет» и «Мысль», подумывал и о «Русском Богатстве». А что ж, все очень прогрессивно.

...Угрюмый вахмистр принес горячего чая, взамен остывшего. Генерал-майор Слезкин, поблагодарив его сдержанным кивком головы, продолжил чтение.

«Обществу этому иметь свою кассу и свою библиотеку с подбором книг определенного направления... Устраивать в Москве мастерские на началах ассоциации с целью улучшить быт рабочих... Общество должно знакомить молодых людей с революционными идеями и песнями... Изыскивать способы к печатанию и литографированию запрещенных книг и распространению их и иметь сношение с пограничными деятелями... Настоящую цель общества, а равно и все меры, им предпринимаемые, должны знать только главные члены общества...»

Та-а-ак! И кто же эти «главные члены»? И нет ли среди них Петра Зайчневского? По агентурным донесениям, этот бланкист (последователь самого Огюста Бланка!) так и не успокоился и уже несколько раз тайно наведывался в Москву. Нет, зря не оторвал ему... Иван Львович хмыкнул. Причинное место... Вот пыл бы и угас.

Предупредительный помощник Воейков, изящно звякнув шпорами, положил перед начальником пространный список. Взгляд генерала Слезкина цепко забегал по фамилиям.

Ну-с, посмотрим... Присяжный поверенный Московской судебной палаты Федор Плевако, князь Александр Урусов, кандидат прав Тростянский, студенты Виктор Гольцев, Абрам Гуревич, Владимир Вагнер, Лев Рагозин, Александр Саблин, Николай Цакни, Самуил Клячко. Приписка: «Последний уважается обществом как один из весьма полезных и энергичных деятелей».

— Вставайте, Левушка! Проснитесь же! — Тихомиров подскочил в постели от громкого, настойчивого стука в дверь. Едва сбросил засов, как в комнату влетела бледная Наташа Армфельд, барышня огромного роста. Она грузно забегала

от окна к печке, нервно ломая пальчики, пытаюсь при этом раскурить мятую папиросу.

— Что случилось?

— Беда! Беда... Ночью жандармы забрали в Басманную часть Клячко и Цакни! — захлебываясь дымом, выдавила перепуганная гостья.

У Левушки гулко застучало сердце — ведь рядом с ним впервые кого-то по-настоящему заарестовали; и даже не просто кого-то, и не в увлекательном книжном романе, а вполне конкретных людей, старших опытных товарищей, которые встретились ему в студенческой кухмистерской, которые совсем недавно вывели его из одинокой замкнутости в Долгоруковском. Теперь он распространял книги, более того, сам написал детскую «Америку», где нарочито простеньким словом повествовал о доблестях жителей Северо-Американских штатов в борьбе за свободу. Простота изложения особенно понравилась Самуилу Клячко; он-то и подвиг Левушку к написанию другой брошюры «Емелька Пугачев, или бунт 1773 года». Тихомиров только начал работу над ней.

Барышня Армфельд продолжала мотаться по комнате; мебель дрожала от ее тяжелых шагов.

Нельзя сказать, что Тихомиров испугался. До него как-то не сразу дошло... Что ж, арестовали, значит, арестовали. Всякое случается. Должно быть, скоро отпустят. К тому же Левушке иной раз казалось, что вяловатые и чуть барственные Клячко и Цакни занимаются радикальскими делами словно бы по обязанности, через силу, как будто сами не слишком верят в результат. Да, он знал от старших о существовании в Петербурге революционного кружка чайковцев, знал также, что ядро кружка — Чайковский, Натансон, Сердюков и Лермонтов — в Москве опирается именно на Клячко и Цакни, однако сам ни в какую организацию не входил, ни одного руководителя в глаза не видел. Кроме того, чайковцы были все же больше книжники, но книги читали и распространяли особенные, — по тому списку, что составил великий Петр Лаврович Лавров, тогдашний пророк молодежи.

Чайковцы рассуждали: дескать, молодежь потрясена делом Нечаева, погромом его организации. Молодежь пребывает в полной апатии — разобщена, полна недоверия... Нужно поднять ее дух, выработать молодежь. Потом повести ее на борьбу с деспотизмом...

Слышал Левушка и о «кружке двадцати двух» — о долгушинцах, которые, говорили на сходках, нарочно перебрались в Москву, чтобы посмеяться над книжниками чайковцами и

вскоре поднять народ на восстание, доказав этим «букинистам», что начинать дело надобно прямо с бунта. Но это все — разговоры, обрывки, слухи...

— Мы засиделись... Пошли провожать Николая Петровича... А в его комнатах — жандармы... — лепетала Армфельд.

— Успокойтесь. Я чаю вчера купил в лавке... — сказал Тихомиров, едва успевая отскакивать от бегающей великанши. Полами распахнутого пальто она все же сшибла со стола пару пустых стаканов, осколки полетели во все углы.

— Ой, простите! Но вы главного не знаете: в кармане у Цакни нашли рукопись вашей «Америки»... — с высоты своего роста Наталья рухнула на диван, издавший какой-то предсмертный скрип. В глазах барышни мелькнуло восхищение — вот он, автор тех самых страниц...

Он поддался. Он дрогнул. Сладковато-отвратительный страх тотчас же ткнулся под сердце, подрубая колени постыдным дрожью, отгоняя здравый смысл. Армфельд все так же не отводила взгляд. И Левушка зацепился за этот взгляд, вырвался из мгновенного ужаса.

Хорошо, пусть Цакни взяли с его рукописью. Но в «Америке» не было ничего запретного. Более того, Тихомиров по совету Клячко готовил брошюру для цензуры: чтобы всякий мог прочесть, без оглядки...

Левушка посмотрел на Армфельд, на ее массивные колени под черной юбкой, на гигантские ботинки, в которых запросто бы утонула его тоже нельзя сказать, чтобы миниатюрная нога; почему-то представил себя в ее объятиях, и вдруг расхохотался — безудержно, до слез, чуть подражая и в смехе балаклавскому полугреку Николаю Цакни.

— Да что же вы? — непонимающе воскликнула Наташа. — Мы должны предупредить Рагозина. Нужно успеть... С обыском могут придти и к нему. Пойдемте же...

Тихомиров представил, как они вместе с Армфельд спешат по московским улицам; при этом барышня на голову возвышается над толпой, люди оглядываются на них, перешептываются, посмеиваются: не каждый день такое увидишь — тулья кавалера вровень с плечом очаровательной спутницы. Какая уж тут конспирация? Так, кажется, все это называется...

Словом, к Рагозину он пошел один.

Лев Федорович Рагозин был из «столпов», «хранителей священного огня» революции; год назад его уже привлекали к суду по делу о московских кружках, близкие звали его Лео — как романтического героя романа Фридриха Шпильгагена

«Один в поле не воин» Лео Гутмана («гутман» — по-немецки: хороший человек), аристократа с демократическими убеждениями — и в этом источник его душевной драмы.

Где-то Рагозин прочел, что такие люди почти по-фаустовски томятся жаждой тонкого наслаждения и обладают громадными духовными силами, которым, увы, не находят применения в жизни. Это ему понравилось. К тому же он недавно обвенчался с Полиной, прелестнейшим созданием — с бездонными глазами и ломким трепетным станом, и уже успел свить семейное гнездышко в тихом арбатском переулке.

— Лео, милый мой... Кажется, к нам пришли... — томно потянулась жена и нежной ручкой, пропахшей духами, провела по волевому подбородку супруга. — Дуняша, слышу, открыла...

«Лео... Да, разумеется, мужественный, самоотверженный Лео, — на ходу, поймав свое отражение в трюмо, подумал Рагозин. Расправил плечи, нахмурился. Взял со столика зачитанного Шпильгагена; так с книгой и вышел. — Именно Лео! Великое время революции в Германии! Сомневаться в этом могут только эгоисты или безумцы...» — ему нравилось так размышлять. Он знал, что Полина не сводит с него восхищенных глаз.

Тихомиров почтительно склонил голову — это получилось невольно: Рагозин — имя, фигура. На мраморном челе «Лео» залегли складки мучительных раздумий.

— Нет, вы только послушайте... Э-э-э... — защелкал нервными пальцами Лев Федорович: он силился вспомнить имя юного визитера.

— Тихомиров... — выдавил Левушка, скосив глаза на приоткрытую дверь спальни; в розоватом сладком полумраке он успел заметить угол кровати и мелькнувшую женскую ручку, обрамленную воздушными кружевами.

— Я помню, юноша! — Рагозин нашел страницу. — Послушайте... «Наш идеал свободы и братства вечен... Мы знаем, что ночь реакции доставит свободе свежие силы, с которыми она, пробудясь от сна, приступит к продолжению своего дела...» Да, тысячу раз прав Шпильгаген: нужно подняться над узкими горизонтами...

— Меня послали предупредить. Могут придти с обыском...

Но Рагозин не слышал. Он увлекся. Глаза его горели:

— ...над горизонтами своих личных интересов и желаний. И осуществить в несколько месяцев идеи, для которых требуются столетия!

— Ночью арестованы Цакни и Клячко! Возможно, явятся и к вам. Нет ли запрещенных брошюр? — почти закричал Тихомиров.

Рагозин вздрогнул, захлопнул книгу. Метнулся было в розовый зовущий полумрак, но остановился на пороге, повернулся к Левушке, вперив в него враз поблекший тоскливый взгляд. И — забегал кругами по просторной передней:

— Заарестованы?! Что же делать? Что же... У меня книги. Будет обыск, их найдут!

Признаться, такого поворота Левушка никак не ожидал. От героического «Лео», приветствующего революцию 1848 года, не осталось и следа.

— Нет ли у вас, куда спрятать книги? А если к вам?.. — с какой-то глуповатой радостью кинулся Рагозин к Тихомирову.

— Да... Но мою рукопись нашли у Цакни! У меня есть знакомый, попробую у него... — смущенно, стыдясь рагозинской беготни, пробормотал Левушка.

— К знакомому! Непременно к знакомому! — просиял Лев Федорович; щеки его опять заиграли румянцем.

Тихомиров едва дотащил до извозчика два набитых книгами чемодана. При этом литература была в основном цензурная, но Рагозин швырял все книги, без разбора. Не пожалел и Шпильгагена.

Пока пролетка через весь город несла Левушку к вокзалу Рязанской железной дороги, он слушал свое ликующее, почти поющее сердце, и сердце сжималось — тревожно и сладко. Точно с братом Володей они играли в прятки, и он хитро затаился в посуднике, восторженно и нетерпеливо дрожа, а брат никак не мог его найти. Или с тем же Володей они лезли все выше и выше на скалистую гору, захлебываясь сиреневой морской далью, увлекаемые крутизной, где совсем другой ветер пузырил рубахи, обещая неопасный и вольный полет... И вот надо было возвращаться; спускаясь, они едва не разбились. Или еще — шторм в открытом море... Или... Да, прыжок змеи, которую Левушка хотел прижать палкой; змея пролетела над ухом, обдав щеку холодком своей скользкой кожи. А еще... Это и вовсе в детстве: нападение горцев на гарнизон в Геленджике, и отец, выбежавший в темноту с пиштолетом и тяжелым палашом. И крик мамы...

Ему и сегодня, в этот звенящий весной день, хотелось, чтобы извозчик проехал как можно ближе к жандарму в медной каске, — лихач, словно бы услышал, так и сделал, но Тихомирову этого показалось мало. Он приказал остановиться, выскочил, купил у торговца сладостями ландриновых леденцов, нарочно пройдя мимо жандарма, да так, что даже чуть толкнул его. Рванул с головы кожаную фуражку, раскланялся: простите, мол, оступился. Унтер благосклонно скривился багровым ликом.

«Эх, знал бы ты, братец, что я везу!» — подумалось весело, азартно. Левушка совсем забыл конфуз матерого радикала Рагозина, забыл, что книги, от которых раздулись чемоданы, не запрещены к чтению. Да и как об этом помнить, если хозяин квартиры Коля Морозов, радостный и бодрый, уже сжимал Тихомирова в крепких объятиях.

Морозов был чуть моложе Левушки, но жил вполне самостоятельно, снимая квартиру прямо в здании вокзала Рязанской железной дороги. Квартиру выделили отцу его гимназического приятеля, какому-то путейскому чину, но жилье оказалось семье ни к чему (обитали в центре города), и пустующие комнаты занял Морозов — за незначительную плату.

Быстроногий, сильный Коля тут же схватился за чемоданы. Извозчик отъехал. Левушка обернулся, цепко пошарив глазами по закоулкам-переулкам: так положено; а вдруг слежка? Поди у генерала Слезкина полно шпионов...

— Не так... Не оглядывайся! — зашептал Морозов. И вдруг рассмеялся.

— Ты чего? — вырвал Тихомиров один из чемоданов.

— Няню свою вспомнил, в имении нашем под Мологой. Вы, говорила, барин, ночью на Хохотку-речку не ходите — привидения там... А ежели пошли, да увидели, то идите без оглядки. Иначе...

— Что иначе? — чуть раздраженно спросил Лев: до шуток ли тут.

— Оглянешься — всему конец! Вскочит в тебя привидение и удушит, — Николай бросил чемодан за шкаф и сделал страшное лицо.

Теперь рассмеялся и Тихомиров. Оживленный хозяин уже разливал чай из давно не чищенного томпакового самовара. До чего же быстр в движениях этот вчерашний гимназист! Не шагает по комнате — летает. И ландрин не сосет, как положено, а нетерпеливо разгрызает крупными зубами, запивая перловским чаем.

Ничего, ну почти ничего не боялся Коленька Морозов, сын родовитого ярославского помещика и красавицы-крестьянки. По научению няни ребенком еще шептал: «Свят, свят, свят, Господь Бог Саваоф, исполнь небо и земля славы твоя!», и ночью шел на лунные берега озера, где с бьющимся сердцем ждал встречи с русалками или мертвецами, танцующими до рассветного часа, покуда петухи не пропоют. Хотелось убежать, но он не убегал. И на другую ночь, зная (все от той же няньки), что в темноте портреты выходят из своих позолоченных рам, он шел в задрапированную залу, куда прислуга в эту пору и носа сунуть боялась, и долго стоял со свечой в руке, встретившись с мрач-

---

ным взглядом прадеда Петра Григорьевича, высокомерным обликом напоминающего древнего маркиза. Стоял и ждал: вот-вот треснет багет, дрогнут складки темного плаща, и нога знаменитого предка в невероятном ботфорте опробует скрипучий паркет... Ужас охватывал мальчика, холод пробегал по спине и затылку. Но Коленька не уходил...

Одного боялся Морозов — выдать чужую тайну, подвести товарищей.

— Жаль Рагозина, — перевел он разговор. — Был человеком — женился! В нашем деле (с деланной солидностью) семейные узы — тяжелее цепей шлиссельбургских...

Сказал, да и позабыл. А знать бы ему, легконогому Коленьке Морозову, что отсидит он 21 год в одиночке именно Шлиссельбурга, что в 1910-м (в 56 годков!) станет авиатором и полетит не то на шаре, не то на «этажерке», напевая в седые пышные усы первую в мире «Песню летчиков» собственного сочинения: «Вперед на крыльях белой птицы! Легко нам в вольной высоте! Там белых тучек вереницы нас встретят в дивной красоте...»

Глава восьмая

Морозов подлил Тихомирову чаю и опять испытующе посмотрел ему в глаза.

Конечно, конечно, про «Общество естествоиспытателей» Тихомиров знал, да в том и не было секрета. Собирались у Шанделье, сына инженерного генерала, пили чай, читали рефераты, спорили. Пылкий Морозов убеждал: без естественных наук человечество не выбралось бы из нищеты, и лишь благодаря им люди скоро возьмут полную власть над природой и тогда... Да, тогда настанет бесконечное время счастья, такого ослепительного счастья, которого мы пока даже представить себе не можем.

Какой-то молодежавый кандидат естественных наук тут же почтил юношу беседой «о разных предметах», в конце которой почти торжественно вручил адрес некоего студента-малоросса, заведовавшего тайной библиотекой, где своим выдавали книги по научным и общественным вопросам — как русского издания, так и заграничного. Кандидат так и сказал: «своим», и от этого Коленька возликовал; голова пошла кругом. А дальше — больше...

В две ночи он проглотил несколько номеров запрещенного журнала «Вперед» (сам Петр Лавров выпускал его за границей!), книжку «Отщепенцы» Николая Соколова, и книжка потрясла его.

Потом по малознакомым переулкам его вел темнобородый Николай Саблин и строго наставлял, то и дело оглядываясь: — О квартире, куда мы идем, никому ни слова! Иначе погибнет много хороших людей...

А Коленька слышал и не слышал. Юная душа наполнялась восторженным трепетом; он шагал, нет, летел, не чувствуя под собою ног.

Из серого мрака наплыла белая громада какого-то дома, тяжело хлопнула входная дверь... Почему-то его повели не по парадной лестнице, а по узкому коридору направо. Дверь, звонок, тесная передняя, где скинули пальто и калоши. Еще шаг, еще... И вдруг...

Перед Морозовым распахнулась огромная гостиная, из прокуренной глубины которой к нему повернули головы несколько миловидных девушек и десятка два молодых мужчин. Он перевел растерянный взгляд на рояль у окна, и уж лучше бы не переводил: за роялем сидела чудно красивая дама в красной блузе и смотрела на Коленьку останавливающими сердце большими карими глазами.

— Липа Алексеева, — зашептал Саблин. — Наша Липочка, хозяйка... К слову, жена богача, помещика тамбовского. Умом, несчастный, тронулся — на третьем году супружеской жизни. Из поместья — да напрямиком в дом скорби...

Алексеева грациозно перекинула тяжелые русые косы на грудь, улыбнулась какому-то внутреннему чувству и, простучав сперва по клавишам бравурным аллюром, запела глубоким и сильным контральто (удивительно: такого Коленька не слышал даже в театре!): «Бурный поток, чаща лесов, голые скалы, — вот мой приют!»

Морозов испугался. Показалось, что все происходит в дивном сне, и любым неосторожным словом он может легко разрушить прекрасные видения и снова очутиться в серой обыденности, где день да ночь — сутки прочь, а там и годы, и вся жизнь — прочь, прочь; с наукой, минералами, мечтаниями, предчувствием любви — сгинет, рассеется в прах.

Он не помнил, как очутился рядом с роялем, вцепился в крышку и с нарастающим восторгом смотрел во все глаза на вдохновенное, раздумянившееся лицо певицы, и лицо это точно бы светилось и летело навстречу, вытесняя меркнувший облик гувернантки Машеньки.

Раздались аплодисменты. Громче всех хлопал уже влюбленный по уши Морозов.

— Bravo, Липушка! — вскричал высокий, крепко скроенный Сергей Кравчинский, сверкая умными глазами и встряхивая крупной головой с шапкой курчавых волос.

Коленьке предложили чаю. Какой-то юноша с узким сен-жюстовским лицом потянулся к нему, горячо доказывая: не-чаевцы проиграли, потому что вели пропаганду среди интеллигенции, а это — в основном испорченная паразитизмом аристократия или буржуазия. Какой тут толк?

— Нам нужно сбросить это ярмо, — настаивал «Сен-Жюст», — забыть все, чему учили в гимназиях и университетах, и идти в народ. Именно! И там искать обновления. В опрошении искать...

— Какое ярмо? Науку? — не узнал Морозов своего голоса.

Про обновление в народной массе он уже читал в журнале «Вперед». Да, это нравилось ему, звучало красиво, точно поэзия Майкова, но слишком уж далеко от жизни. Тут было какое-то недоразумение, какая-то ошибка: то, что он видел в отцовской деревне, те мужики и бабы, которых он встречал, были совершенно не похожими на описанных в заграничном журнале Петра Лавровича Лаврова; и единственное, чему Коленька научился у «народных мудрецов», так это ругательствам и припевкам непристойного свойства, быстро прилипшим к его ушам. Возможно, его новым друзьям были известны какие-то другие крестьяне, обитающие в далеких от Мологи уездах — идеальные, неиспорченные, что скоро откликнутся на призыв не отдельными лицами, а целыми массами.

И, кроме того, один случай... Страшный, кровавый, упрямо хранимый семейными преданиями. И случай этот не давал покоя. Теперь Коленька вспомнил...

Как звали любимого дедушкина камердинера — никто уж и не знал. Одно говорили: красивый юноша из крестьян, но с привитыми в Петербурге манерами, начитавшийся романов до умопомрачения, и вот из-за этих романов влюбившийся в уездную барышню, которая ничего не подозревала. От обычной застольной службы он был освобожден, но во время пышного бала ему пришлось — за недостатком сбившихся с ног лакеев — тоже разносить блюда, да еще в присутствии предмета обожания. Юноша сконфузился и разлил соус на подол знатной дамы. Алексей Петрович в гневе вышвырнул влюбленного из столовой. И тогда...

Камердинер решил убить барина. Вместе с дворецким они подкатали под спальню бочонок с порохом, и в полночь взорвали его. Деда с бабушкой насмерть раздавила рухнувшая печь. Злодеев судили, секли плетьюми и выслали в Сибирь.

Нет, с народом все было не так просто.

И чтобы ради этого предать науку — такого нельзя и пред- ставить. Он собрал все свое мужество, заговорил:

— Мне кажется... Видите ли... Полагаю, что пропаганду следует вести во всех сословиях. Ибо... Да, в нравственном отношении интеллигенция испорчена. Но...

— Вздор! — перебил его «Сен-Жюст». — Народ — вот наш Бог. Мы пойдем в деревню...

— Довольно, Аносов! Дайте же ему высказаться... — осадил «Сен-Жюста» Кравчинский.

— Верно, привилегированное положение портит интеллигентные классы... — поймав ободряющий взгляд Алексеевой, продолжил Морозов. — Однако наука... Наука же расширяет умственный кругозор, а привычка к мышлению развивает более глубокие чувства. И еще... Еще рождает в душе такие порывы, что неведомы неразвитому человеку. Вот...

В комнате повисла тишина. Отчаяние охватило Морозова. Неужели все? Но ведь ему так хотелось сойтись с этими удивительными людьми. И, тем не менее, он должен был им противоречить. Противоречить, потому что поступиться своими убеждениями не мог. Нет, никак не мог — ведь тогда следовало бы отказаться (да что там — предать дорогое!), перечеркнуть мечтания о полезных открытиях (а он их совершит! дайте срок!), которые, бесспорно, осчастливят человечество, развеют суеверия, помрачающие людские умы. Не зря же опьяненный старинным девизом французских республиканцев, — свобода, равенство, братство — он сам прибавил к нему свое слово: наука. Потому что верил: всякое новое в естествознании — это все равно, что еще одно окно для свежего воздуха и ясного света, а посему труженики науки — такие же герои, как и борцы за свободу. В удивительной книге Эгера вычитал Коленька: в скромном человеке, собирающем с котомкой за плечами растения или уединенно рассматривающем в телескоп звезды, скрывается победитель мира. Помнится, в какой восторг пришел от этой мысли верный друг Шанделье...

Не знал Коленька, что через отодвинутую драпировку на него скрытно и пристально смотрят два человека; один, ни дать, ни взять, — симбирский мужичок в засаленной фуражке, черном кафтане нараспашку, наброшенном на пестрядинную рубаху, другой — темноволосый, с офицерскими усиками, в изящной коричневой паре. Первый был Дмитрий Клеменц, выдающийся участник кружка чайковцев, второй — Леонид Шишко, недавно ушедший в отставку подпоручик артиллерии. (О подпоручике порывистый Кравчинский после скажет: «Офицер, порвавший со своей средой, чтобы нести новое Евангелие социализма в рабочие кварталы Петербурга...»)

— В этом Морозове много самомнения. Да и франтовства вдобавок... — проворчал томимый жаждой Клеменц; накануне он выпил лишнего и теперь тяжело ворочал пересохшим языком.

— Зато с убеждениями. И отстаивать их умеет, — возразил с улыбкой Шишко: вчерашний гимназист определенно понравился ему.

— Науку ему жаль! Вот и пусть в обычные идет... — Клеменц нервно одернул жилет с медными пуговицами. — А по мне... Нынче стать ученым — значит переметнуться к филистерам. У нас столько работы, более важной...

— И кто же ее будет делать, Дмитрий? — повел широкими плечами бывший артиллерист, как и Клеменц давно разыскиваемый полицией. — По человеку надобно вырабатывать, бережно...

Расстроенный, Коленька уже надевал в передней кожаную фуражку, накидывал толстый плед, как в полумрак неслышно вошла Липа Алексеева, дружески пожала его дрогнувшую руку.

— Считайте, что мы приняли вас, — сверкнула небесной улыбкой.

— Мы? Как же?... А кто — вы? — спросил невпопад.

— Мы, радикалы... — ответила загадочно. — За вас горой стоял Кравчинский. И Цакни с Клячко. А все барышни — особенно!

— Но я их не знаю.

— Успеете, — снова улыбнулась. (Лицо ее совсем рядом. Смешались дыхания. Сейчас выпрыгнет от страха и счастья бедное сердце). — Приходите. Адрес запомнили?

Он шел по звонким темнеющим бульварам, шел своей подпрыгивающей походкой, порой безудержно переходящей в бег; в пылающую голову почему-то лезло что-то из Лапласа, из его гипотезы, и эта гипотеза, развитая Коленькой в докладе «Обществу естествоиспытателей», сегодня очень нравилась ему. Ах, как это славно и просто: если число атомов в каждой изолированной звездной системе ограничено, то, конечно, ограничено и число их комбинаций в пространстве. Любой звездный мир с точки зрения механики сводится к комбинации атомов, и вся его жизнь определяется этими комбинациями... И что же это означает? Да то, что история одной мировой системы в точности повторяется... Ну хорошо, хорошо — должна повторяться в бесчисленном количестве других систем — прошлых, настоящих, будущих. Миры сменяются мирами, как волны в море.

Через квадрильоны лет после смерти он, Николай Морозов, может опять оказаться в той же прокуренной радикаль-

---

ской комнате, и прекрасная Липа Алексеева, как ни в чем не бывало, будет петь «Бурный поток», а он, влюбленный, еще не осознавая, что влюблен, едва не лишится чувств в полумраке передней, и только, теряя голос, снова скажет: «Приду. Непременно...» И недавно вернувшийся из ссылки Аносов («Сен-Жюст») вместе с Саблиным все так же заговорят о том, что русская деревня давно готова подняться на борьбу с угнетателями, — надобно только уйти в народ, объяснить крестьянам, что почем. А Сергей Кравчинский...

С Кравчинским они подружились сразу. Спустя пару дней тот затащил Николая в харчевню на Разгуляе, перед этим облачив в поношенный рабочий костюм. Здесь Сергей намеревался познакомить нового члена кружка с бытом простого народа.

За грязными столами сидели извозчики. Извозчики интересовали Кравчинского — ведь многие из них были из крестьян. Друзья скромно устроились у окна.

— Чего вам? — неласково спросила дюжая хозяйка. — Щти имеются...

— Хорошо, налейте щец! — с деланной небрежностью бросил Сергей.

— С солониной аль с щековиной? — хмыкнула дотошная баба, с явным подозрением поглядывая на белые руки «рабочих».

Вопрос поставил в тупик даже бывалого Кравчинского. А Коленька и вовсе растерялся: что это за щековина такая, и с чем ее едят? Пауза затянулась. Смачно хлебающие свои щи извозчики с интересом поворачивали бородатые лица к замешкавшимся посетителям. Но Кравчинский, обожавший все неизведанное, к облегчению Морозова вдруг уверенно улыбнулся хозяйке:

— Ну дык... Ясное дело, со щековиной!

Им принесли пылающие щи в общей миске, две огромные деревянные ложки и краюху хлеба. В миске плавали куски соленых бычьих щек; с души отлегло: секрет загадочной «щековины» был раскрыт.

— Платите вперед, — нахмурила низкий лоб трактирщица. — По четыре копейки...

Коленька дал ей двугривенный, и баба ушла, как ему подумалось, за сдачей. Кравчинский ободряюще подмигнул Морозову, и они не без опаски принялись за щековину. Но Сергей времени зря не терял: отправляя в рот ложку за ложкой, он успевал подцепить извозчиков ядреным словцом, а следом завести разговор про политику.

— Из деревни? Давно ли? — спросил он парня с молодой рыжеватой бородкой.

— Я-то? Так с Рождества токмо... — ответил тот, дохлебы-
вая щи принесенной с собой ложкой; ложку он по-крестьян-
ски облизал и завернул в чистую холстину.

— Ну а земля... Она у помещика-мироеда.

— А что земля? — нехотя переспросил извозчик; ему явно
было не до разговора.

— Она ведь общей должна быть. Потому как Божия, а? —
взял быка за рога Кравчинский.

Морозову это понравилось. Какой же молодец Сергей! Он
стал ждать, что ответит рыжебородый.

— Земля любит навоз, а лошадь овес... — загадочно про-
бормотал собеседник. И вдруг громко добавил: — Божия
земля там, где никто не живет. А где люди, там она челове-
ческая...

Подобного ответа друзья предвидеть не могли. Коленька
даже поперхнулся бычьей щечкой. Настороженная трактир-
щица прошла мимо их стола, и Коленька вспомнил про сдачу.

— А что же мои 12 копеек? — спросил он.

— Какие 12 копеек? — вскинулась хозяйка.

— Сдвугривенного. Сдача...

— Чиво-чиво? — развернулась трактирщица, избоченясь.
И завизжала: — Ах, зенки твои бесстыжие! Да за такую ще-
ковину — да по четыре копейки?! Ты эфто... Смеяться взду-
мал?! Бродяга ряженный, и с бродягою пришел... Гольтьба бес-
паспортная! Держи-и-и!!! Егорка, городского кликни...

Верткий колченогий половой тут же бросился из харчевни.
Морозов увидел, как побледнел широкий лоб Кравчинско-
го, как вздулись вены на костистых кулаках.

— Ты чего, тетка? Белены объелась? Остынь... — попытал-
ся утихомирить Сергей хозяйку. — Вот мой паспорт... — по-
лез в карман за поддельной бумагой.

— Люди добрые! Поди ж, и левольвер у него! Такие вот... за
12 копеек... И в государя, прости Господи, пулями литыми
пуляли...

Коленька, никогда прежде не попадавший в подобную
передрагу, растерянно огляделся по сторонам, ища поддерж-
ки у помрачневших извозчиков. Но те были явно на стороне
трактирщицы; откуда-то прилетело хрипловатое:

— И то вишь ты... Про землю все... Чтоб, стало быть, не
пахать, а бунтовать. Петуха пускать, как Емелька Пугач. И
начальство истреблять. Эх, ухо-парни.

— А не повязать ли их? — неожиданно предложил рыжебо-
родый.

Визжала красномордая баба, угрюмые тени извозчиков
грозно двигались в полумраке, приближаясь к пропагандис-

там; кто-то — это Коленька увидел боковым зрением — уже обходил их сзади.

— Смотри, Морозов! — крикнул Кравчинский, мотнув кудрявой головой в сторону засиженного мухами окна.

По дорожке к харчевне семенил половой Егорка, за ним широко шагал рослый городской, на ходу расстегивая кобуру.

— Не трусь, — шепнул Сергей. — Рама-то на живульках. Выбьем, уйдем. Попомнят нас гужееды...

— Я... Я ничего... — пролепетал Коленька, прижимаясь лопатками к широкой спине друга.

Рыжебородый бросился первым. Тогда Кравчинский ослабленно швырнул к его носу свою длинную хлесткую руку и лишь в самом конце удара сжал побелевший кулак. Из носа брызнуло, вчерашний крестьянин охнул, упал на стол, сметая миски с остатками щей. Бычьи щечки разлетелись во все стороны. Морозов тоже ткнул куда-то кулаком, но и сам полочкой затрещину, и крепкую — в глазах аж потемнело.

— Лицо закрой! Стекло... — заорал Сергей, вскочив на подоконник и двинув по раме сапогом. Раздался звон, трактирщица завизжала еще пронзительнее. Чьи-то цепкие мослаки пытались ухватиться за смазные голенища. Кравчинский безжалостно ударил по ним каблуком. — Назад, мужварье!

Разбитая рама вылетела прочь. В окно подуло мартовским холодком. Кравчинский буквально вытолкнул Коленьку, сам прыгнул за ним в ноздреватый сугроб. Пружинисто вскочив, они кинулись за угол харчевни, потом по переулку повернули еще и еще. Позади глухо гремели револьверные выстрелы, стихал топот тяжелых ног.

В подворотне отдышались. С высокой крыши капало, со звоном разбивались о камень упавшие сосульки. Морозов посмотрел на взъерошенного друга и вдруг безудержно расхохотался: в густой бороде Кравчинского запуталась ленточка квашеной капусты. Тьфу ты! Сергей с брезгливой миной выпутал из волос следы пропагандистского обеда, ободряюще хлопнул Коленьку по плечу: ничего, дескать, лиха беда начало. Хмыкнул:

— Ладно уж. До Левушки Тихомирова мне далеко. У того во щах все, вся одежда пятнами — и манишка с галстуком, и пиджак...

Коленька сунул руку в карман рабочего пальто и извлек оттуда остывший кусок бычачьей щеки, липкий, противно пропахший кислятиной. С отвращением бросил в подтаявший снег. Тотчас же из подвала выскочил кот с расцарапанным носом, схватил добычу и кинулся прочь, дрожа в брезгливой побежке облезлыми мартовскими боками.

Но напрасно Коленька таился перед Тихомировым: Лев даже раньше его стал членом подпольного общества, которое вскоре назовут «Большое общество пропаганды».

С Цакни и Клячко Левушка познакомился в студенческой кухмистерской. На собрании у доброй великанши Натальи Армфельд наметили задачи: приобретать и самим издавать книги по дешевым ценам; снабжать ими студенческие библиотеки в Москве и губернии по тем же низким ценам; содействовать устройству новых библиотек и кружков самообразования.

Из рук в руки передавали потрясающие «Исторические письма» ветерана революционной теории Петра Лавровича Лаврова, члена I Интернационала, преданного друга парижских коммунаров — Варлена, Малона, Виктора Клемана и Шарля Жерардена, которым он тайно привез деньги на военную поддержку Коммуне, но, увы, было поздно: французская революция пала, утонула в крови; и все же деньги не пропали, с их помощью удалось спасти от гильотины, вывезти за границу многих и многих борцов.

Женскую часть общества — строгую Армфельд, восторженную Варю Батюшкову — умилило, что Лавров в молодые годы женился по любви против воли отца, взял вдову с двумя детьми и, лишенный за это наследства, сам добывал средства для содержания своей семьи. Мужчина, каких поискать!

Но Лавров словно бы грозно (и со слезой тоже) вопрошал: а вы, образованное, привилегированное меньшинство, вы позаботились о распространении света, культуры в среде обездоленных? или все так же бездушно пользуетесь их трудом и страданиями, забывая, что за ваше развитие заплачена страшная цена? ощущаете ли нравственную ответственность перед народом за это? Поистине, человечество «слишком дорого заплатило за то, чтобы несколько мыслителей в своем кабинете могли говорить о его прогрессе...»

Нравственная ответственность... Сердца переполнились высокими чувствами. Руки тянулись к делу.

Однако после ареста Цакни и Клячко работа кружка замерла. Тихомиров снова ушел в затвор: сидел в своем Долгоруковском над первыми литературными опытами, делал наброски сказки «О Правде и Кривде». Русской деревни он совсем не знал. Если Морозов долго жил в отцовском поместье, многое там повидал и честно признавался Левушке, что в мужика не верит, а только жалеет его; и более того, когда б

его, Коленьку, спросили, в ком он видит самого страшного врага идеалов свободы, равенства и братства, и вообще — умственного и нравственного развития человека, он бы тотчас ответил: в русском крестьянстве.

Но незнание давало свободу. И Тихомиров придумал: пусть будут четыре брата-хлебопашца, обитающие свободно в полях-лесах, ведать не ведающие о мерзостях устроенного людьми порядка. И вот пошли они на все четыре стороны: белый свет посмотреть, себя показать. И нигде не нашли счастья — всюду их обижали, всюду притесняли; во всей Руси великой не было уголка для правды и справедливости.

Левушка маялся над концовкой сказки, когда в его комнату без стука вошел высокий молодой человек в огромных синих очках. Глядел он поверх стекол, словно бы исподлобья, но крайне спокойно и самоуверенно. Бросил глухо:

— Я — Чарушин.

Никакого Чарушина он не знал. Гость тряхнул длинной русой прядью, а Тихомиров с тоской подумал: шпион?

— Простите, не имею чести... — сказал звонко, отчетливо. Добавил: — Что вам угодно?

— Вот как? — удивился молодой человек. — Я из Петербурга. Нам о вас писали Клячко и Цакни. Они сообщили, что вы заканчиваете «Сказку о четырех братьях», о правде и кривде. Сказку ждут в Питере. Она нужна для пропаганды среди фабричных рабочих.

— Какая сказка? И что за Клячко с Цакни? — с деланным равнодушием пожал плечами Лев. — Ищите ваших знакомых сами...

Тревожно взглянул на двери. Вот сейчас створки разлетятся от удара тяжелого сапога, и к нему ворвется усатая свора жандармов, приведенная этим хитрым филером. Скрутят, повалят на пол, будут сказку читать, — тут уж тебе, брат, и конец и концовка. Жаль, переписать не успел, один экземпляр всего...

— Искать? — усмехнулся гость. — Вы же знаете, они заарестованы. Собственно, я по поручению Чайковского...

— Но я такого не знаю! У меня нет времени. Прошу, оставьте меня! — натопорщился Тихомиров.

Молодой человек нервно заходил по комнате. Он был явно огорчен таким приемом. Достал папиросу, закурил, не спросив разрешения. Лев демонстративно подошел к дверям: дескать, пора и честь знать...

Станный гость поправил синие очки, надел широкую шляпу и уже шагнул было к выходу, как в окно так сильно и

бесцеремонно застучали, что Тихомиров испугался за прочность стекла. Он уперся в подоконник, вглядываясь в сумерки, и что же — на него с улицы смотрело улыбающееся чернявое лицо арестованного неделю назад Самуила Клячко! Левушка опешил. Потер глаза, отгоняя наваждение. Забыв про оставленного в комнате шпиона, в чем был, выскочил на звонкий весенний холодок. У крыльца стоял Клячко и радостно скалился; за его спиной маячил краснощекий жандарм, неуверенно поигрывая темляком сабли.

— Принимай гостей, Тихомиров! — кинулся с объятиями арестант.

Лев попятился: что это? Или Самуила жестоко мучили на гауптвахте, и он, несчастный, не выдержал — выдал Тихомирова с потрохами, даже привел с собой вооруженного унтера, должно быть, для ареста товарища по кружку. Левушка всмотрелся в лицо Клячко — ни страданий, ни следов побоев на нем не было. А если?.. Если бедняга просто свихнулся, и эта радость, эта счастливая и словно порхающая улыбка — всего лишь всплеск ускользающего в бездну сокрушенного разума?

— Ну, чего ты стоишь истуканом? — веселился Клячко. — Приглашай в дом...

— Как? И его?.. — шепнул Тихомиров, покосившись на жандарма.

Нет, определенно Самуил не сошел с ума. Но что же все это значит?

— Ясное дело! Или ты унтера Крапивина хочешь на морозе оставить? — подмигнул черным игривым глазом Клячко. — Ведь он, Крапивин, меня в баню сопровождает. Я его едва уговорил, чтоб мимо дома твоего пройти...

— Не положено, господа хорошие! — сипловато подал голос жандарм. — Следуем в баню, ужо и мыльник, поди, зажался. Там-то все и смоете, злоумышленность бунтовскую вашу...

— Ах, молодец, Крапивин! — расхохотался Самуил. — Но будь человеком: позволь чайку у приятеля попить, да и попрощаться.

— Никак невозможно! — мотнул головой Крапивин.

— Нет, ну что ты за темная личность, Крапивин! — огорчился арестант. — Да разве с такими одолеешь деспотизм? Ладно, пошли Тихомиров. Пускай рубит меня, убивает...

С этими словами Клячко повернулся спиной к унтеру и легко взбежал на крыльцо; махнул рукой: дескать, не отставай.

— Эй-эе-ей! Назад! Не положено... — крикнул Крапивин, но в голосе его не было решительности. Рванул из ножен саблю, не сильно рванул — на треть, и с тоскливым криком «эх!»

толкнул сверкнувший клинок обратно. И уже ворча, проклиная свою судьбу и пеняя на семь шкур, которые спустит с него «их высокоблагородие», с тяжелым вздохом застучал сапогами в передней.

К удивлению Левушки, арестант Клячко сразу же узнал таинственного незнакомца в синих очках-консервах, который так и сидел в комнате под абажуром.

— Чарушин! Николай Аполлонович! — бросился к нему.

— Самуил Львович! Как же? — вытаращился поверх стекла гость и тут же отпрянул, сунул руку в складки черного пледа, потянул тяжелую рукоятку револьвера: в дверях топтался краснощекий жандармский унтер. Клячко едва успел перехватить ловкую кисть Чарушина, вернуть оружие в карман. Шепотом все объяснил, и громко, как и подобает руководителю кружка, распорядился:

— Тихомиров, чаю всем! Крапивину покрепче... — при этом изысканным жестом фокусника сунул полтинник за обшлаг жандармской шинели. Унтер строго шевельнул усами и сразу обмяк лицом. А Клячко хлопнул Чарушина по плечу: — Говорил же я: всегда выйду, не в ту дверь, так в другую, а?

Час кряду они вчетвером пили чай; Левушка бегал в лавку за баранками — их с детства жаловал унтер Крапивин. Уже не таясь, обсуждали список запрещенной литературы, которую следует распространять среди демократической общности. Клячко рассказывал, как в Цюрихе встречался с русскими политэмигрантами: говорили об издании революционных книг и журналов и доставке их в Россию. Хвастался, что это он перевел «Гражданскую войну во Франции» прогрессивного экономиста Карла Маркса, а еще дружески снесся с контрабандистом Мовшей Вульфовичем Эдельштейном — вот уж кто сможет тайно переправить нужную литературу куда угодно. И в Россию, конечно.

Потом все вместе отправились в баню. Там долго хлестали друг друга вениками, и распаренный Клячко воинственно поднимал связку прутьев над всклоченными головами единомышленников, потрясал горячими листьями и лез к жандарму Крапивину с надоевшей загадкой: «А кто в баньке главный начальник?» — «Не могу знать!» — с перепугу вскрикивал взмокший унтер, в распахнутой шинели то и дело заглядывающий в парилку: дабы чего не вышло... Клячко снисходительно хмыкал: «Да веник же, темнота! Ну, разве с этими построишь республику?!»

И Левушка поддался всеобщему оживлению. Запел, разгоня тенорком жаркое марево, — сперва народное, слышанное от отца: «Блошка банюшку топила, вошка парилася, с

полка ударила...», а потом — и грозное, нелегальное: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног!», и нещадно оттирал пемзой пятки, словно снимал с них презренный прах самовластья и тирании. Даже строгий Чарушин выхватил у Самуила велик и с его помощью принялся доказывать важность крепкой подпольной организации.

— Все, господа хорошие, шайки ослобоняйте, сдавайте венники! Помывка закончена. Не то к ужину на гауптвахте не поспеем... — крикнул Крапивин.

— Ну, вот: из баньки да в ямку... — взгрустнул Клячко.

Друзья принялись утешать его. Даже унтер Крапивин проворчал добродушно:

— Эх, слаб народ умственный. Волнительный шибко. Надобно балдырьяном, травкой лечиться...

Когда жандарм уводил замотанного в шали и полотенца размякшего Самуила, Тихомиров поймал себя на мысли: а может, и ничего, что Клячко с Цакни арестовали? Вон Самуила даже в баню водят... Нет, нельзя так, стыдно! Стыдно, да только... Только, кажется, наступает его, Левушки, звездный час. Он покажет, на что способен. Не зря же его знают, о нем говорят питерские радикалы-подпольщики.

С этого банного дня началась у студента Тихомирова настоящая революционная жизнь. Для многолюдных сенок его жилье в Долгоруковском стало слишком тесно, и он переехал в Брюсов переулок, в дом Олениной, где нанял приличную и просторную комнату. Старшему брату Володе, занятому дипломным сочинением, он по-прежнему говорил, что пропадает в университете, а сам ходил туда через пень-колоду и вскоре вовсе забросил лекции, охладел и к опытам в анатомическом театре.

Чарушин познакомил Левушку со студентом Петровской академии Аносовым; впрочем, с бывшим студентом: тот только что вернулся из ссылки по нечаевскому делу и, разумеется, был исключен. Аносов тут же отвел нового приятеля в парк, где показал, точно достопримечательность, заброшенный грот, в котором Сергей Нечаев застрелил студента Иванова; потом намотали на шею несчастного красный шарф, привязали камень и бросили в пруд. Похоже, экскурсию Аносов проводил не раз, и, должно быть, немного гордился принадлежностью к знаменитым «Петровкам» — там все бродило, бунтовало; там даже празднично шатающиеся — делали это крайне революционно.

— Поймите, Тихомиров, — взялся наставлять Аносов, построжав сен-жюстовским лицом. — Революционер — человек обреченный. Он живет в этом мире, чтобы его уничто-

---

жить. К чему ему науки этого мира? Ему ведома лишь одна наука — разрушение. Для революционера все морально, что служит революции...

Левушка понимал, что Аносов говорит с чужого голоса, с нечаевского, но терпеливо слушал: Аносова он уважал, тот был в настоящей ссылке; не сбежал за границу, как Нечаев, не бросил товарищей. И все же не удержался:

— С разрушением ясно. А что же построить?

— Нынче для нас главное — разрушить! — рубанул рукой Аносов. — Разрушить и уйти в сторону. Народ сам решит, что он возведет на обломках деспотизма. Но народ надобно готовить, образовывать. Для этого мы пойдем к рабочим...

Сперва отправились на Маросейку к рабочему Семену, распропагандированному еще нечаевцами. Но Семен, бело-брысый, прилизанный человек без возраста, все больше вспоминал, как бражничали со студентами, как сбивали со следа шпионов, а одного даже поколотили на задворках Хитрова рынка. Правда, с его помощью вышли на артель, где верховодил мастер Василий, тут же развязно плюхнувшийся на грязную скамейку рядом со смущенным Левушкой:

— Грамоте хотите обучить? Ну-ну... — прищурился подозрительно. Обвел умным взглядом темные углы и нары. — Только уж без меня, господа студенты. Я республиканцем не буду! Нас тут ваши учили. Теперь у меня лавка торговая в деревне своя. Доход! — важно поднял мастер указательный палец.

По пути домой Аносов негодовал:

— Вот дела-то, Тихомиров! Убили на этого Василия уйму времени — образовывали, пропагандировали. А он выучился и в родной деревне лавочником заделался. Кулаком.

Другой рабочий, Моисей, сам явился в Брюсов переулок; угрюмо просидел полночи, выпил дюжину стаканов чаю и, поскольку когда-то был в услужении у либеральствующего профессора, то время от времени повторял, убежденно и бездумно, точно священную формулу: «Спит народ, будить надобно». Хлебнет из блюда, и опять. При этом рябоватое лицо освещалось вспышкой мгновенного удовольствия. Но больше Моисей не приходил. Спустя месяц Левушка случайно увидел его в трактире на Солянке среди одетых в серые блузы собутыльников.

Он понял тогда: нужно ехать в Питер, в Центр кружка, где старшие и более опытные товарищи научат начинающего радикала успешнее вести пропаганду. К тому же в столицу его давно звал Чарушин.

Но прежде Левушка решил заглянуть к Наташе Армфельд. Точнее, в богатый особняк генеральской дочери его позвал с

собой Николай Морозов, с которым они объяснились и знали теперь, что состоят в одном тайном обществе. По дороге зашли в ресторан «Тверской», где в отдельном номере уже сидели Клеменц и Кравчинский.

Говорили о полумиллионе рублей, пожертвованных кружку богатым студентом Лизогоубом, о программных разногласиях с Лавровым, решившим издавать журнал «Вперед» самостоятельно: эх, а сколько же было совместных планов, когда неистовый Герман Лопатин под именем штабс-капитана Скирмунта устроил Петру Лавровичу побег из заметенного метелями Кадникова. Говорили о кружках Долгушина, Ковалика и отдельно — о южном кружке Войнаральского. Тихомиров и Морозов почтительно внимали старшим.

— Сейчас от Войнаральского придут, — опустил усы в мадеру Клеменц. — Хороша мадерца. Разымчива.

— Дельце затевают. Обдумать вместе надо, — нахмурился Кравчинский.

В этот момент бархатная штора колыхнулась, и в кабинет мягко вошел рослый смуглый человек в таких же, как у Чарушина синих очках-консервах. Он не назвался, не снял очков и сразу заговорил — о восстании. И не просто о восстании, которым когда-нибудь в отдаленном будущем полыхнет матушка-Русь, а о восстании в определенном уезде, в конкретных деревнях, и что крайне важно — через неделю-другую.

Вот оно! У Левушки сердце застучало в горле. Морозов ткнул его в бок. Показалось: в синих стеклах посланника уже пляшет пламя крестьянского бунта.

— Нам бы фосфору, — просительно сказал посланник. — Войнаральский говорил, вы можете получить его, сколько надо, в знакомой аптеке.

— На что вам фосфор? — перешел на лафит Клеменц.

— Как же: лес-то крестьянский, а суд присудил его помещику. Мужики хотят лес поджечь. А становой грозитя: если полыхнет, он силой пошлет всех тушить. Мужики сердиты, обещают станового исправника в колья принять, ежели пошлет... — нервно осушил стакан пива человек от Войнаральского.

— Но фосфор-то... — закурил Кравчинский.

— Мы задумали сами лес поджечь. Фосфором деревья смазать, чтобы лучше... А когда исправник погонит народ на пожар, тогда... — потерял дыхание посланник. — Тогда поднять восстание, и уже не против одного помещика, а против властей. Ситуация подходящая. А там пойдет — от уезда к уезду...

— Поджогами мы не занимаемся! — отрезал Клеменц.
— Следует бороться с вредными идеями, а не с природой, — поддержал его Кравчинский.

Посланник подавленно замолчал. В кабинете повисла тягелая тишина. И вдруг...

— Я не понимаю... — как будто со стороны услышал свой голос Морозов. — Вы же говорили... Мы все желаем народного восстания. Отчего не пожертвовать одним несправедливо отнятым лесом ради... Ведь мы и сами жертвуем тем, что имеем...

— Любой из нас, — ледяным тоном отчеканил Клеменц, — имеет право жертвовать всем своим, но не имеет права жертвовать ничем чужим! Ясно?

— Ясно. Но... Как же тогда принудительная передача частной собственности народу? Разве это не жертва — чужим? — зарделся Коленька.

— Ну, ты и софист, Морозов! — рассмеялся Кравчинский. — Да, передачу собственности мы признаем. Но не уничтожение. И передачу из частного владения, допустим, твоего папеньки в общее владение. При этом и прежний собственник получает свою равную долю. Утешь родителя, отрок. И вообще, идите-ка к Армфельдам. Там дело для вас...

Ишь, поджигатели! — Клеменц встряхнул бутылку: осталось ли чего? Повернулся к посланнику. — Совсем в лесах одичали. Да неужели вы не понимаете: из бунта этого ничего не выйдет, кроме порки крестьян? Хотите пожарами то там, то здесь разжечь страсти, поднять общее восстание... Но если в основе его ненависть, то чего ждать — только кровь да вражда. Какая уж тут сознательность! У нас другая цель: идейно подготовить народ к социальному перевороту, чтобы он разумно и справедливо устроил свою жизнь.

Тут уж пришла очередь недоумевать Тихомирову. О какой еще подготовке народа идет речь? Когда на всех собраниях — и у Липы Алексеевой на бульварах, и у него в Брюсовом переулке, и у Кравчинского в пыльных номерах — шумно утверждалось, что именно крестьянство с его общиной и простотой жизни — вот идеал, вот совершенство. И не народ надо готовить и учить, а у него учиться, слиться с ним, бедным и страдающим.

Продолжение следует

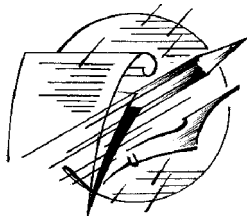
О состоянии русской нации и путях выхода из либерального тупика

Журнал «Молодая гвардия» открывает дискуссию на крайне важную для всей России тему:

О состоянии русской нации и всего российского народа, об отношении к нынешней власти и о путях выхода из системного тупика (морального, политического, экономического, национального и т.д.), в который завела Россию либеральная ложь.

Мы надеемся, что в этой дискуссии примут участие русские идеологи, серьезные писатели и политики, не равнодушные к судьбе своего народа и ближайшему будущему России. Настало время сказать прямо и четко, куда и к чему привела нас либерально-демократическая система жизни, чем она обернулась для нашего народа и как нам выбираться из вакханалии развала, политической продажности, бесконечного роста цен, повальной коррупции, безумной преступности и национального унижения. Власть продолжает самовлюбленно надувать щеки и имитировать какую-то деятельность. Однако вся эта деятельность подобна горящей «Хромой лошади», в которой обреченно исчезает российское население.

Русским мыслящим людям пора, собравшись на страницах нашего журнала, высказаться так, чтобы власть их услышала. А не услышит — тем хуже для нее. Эти размышления и предложения пора наконец собрать воедино как альтернативу нынешнему провально-беспросветному курсу властей, а также в качестве основы будущей программы развития России и национального восстановления нашего народа.

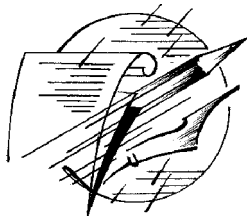
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ЛИБЕРАЛИЗМ — СМЕРТЬ РОССИИ

Пусть мировая экономика и мировая политика проживут без нас. Пусть кто-то другой строит закрытый акционерный рай, поднимает доллар и роняет биржи. Нам сегодня есть что терять — себя. Сохранив же себя, мы приобретем все три мира — верхний, средний и даже нижний. И все облигации этой вселенной не стоят слезы русского ребенка и боли русской старухи.

Сегодня наша страна стоит перед странной и парадоксальной угрозой «второго издания» (хорошо еще, что не «третьего срока») либерализма образца начала девяностых. Всё те же лица, всё те же слова о «месте в международном разделении труда», «недостаточной рыночной эффективности», необходимости в «структурных реформах», выражающейся прежде всего в отказе от «чрезмерных социальных обязательств» и освобождении от «избыточного населения и избыточной территории».

Это воскрешение опереточного злодея из сказок ельцинской эпохи тем более парадоксально, что оно происходит на фоне общемирового системного кризиса той самой либеральной модели, апологом которой выступает наш оживший покойник. Наглядная демонстрация неэффективности, опасности, по-

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

просту жупльнического, в самом простом уголовном смысле этого слова, характера неолиберальной модели, приводит в сегодняшней России к парадоксальному результату — предложениям занести к себе ту самую заразу, от которой вымирают жители соседней деревни и от которой мы, вроде бы, только что получили надежную прививку.

Конспирологические, мирсистемные причины этого найти не сложно. Америка твердо и внятно встала на путь социализма. Социализма в одной стране. Социализма, который, точно в насмешку над утопическими чаяниями прошлого, оставит капиталистам их прибыли, однако возложит на трудящихся издержки за поддержание дорогостоящей финансово-спекулятивной инфраструктуры. Платить будут, кстати, прежде всего не простые американцы, а простые индийцы, простые китайцы, простые арабы, простые корейцы и простые русские. Собственно, необходимостью убедить нас платить, необходимостью выбить наше согласие на роль страны-донора, роль страны третьего мира и обусловлена приключившаяся среди зимы либеральная весна.

Лейтмотивы её соловьев вполне очевидны — прежде всего это — «чрезмерность». Чрезмерность взятых на себя властью в последние годы социальных обязательств и модернизационных планов, чрезмерность возложенного на себя после «пятидневной войны» курса на внешнеполитическое великодержавие, чрезмерность вообще самого существования России, слишком огромной и не по широтам густонаселенной. Избавиться от этой «чрезмерности», сократить «непрофильные активы», урезать расходы и консолидировать доходы и предлагают сегодня защитники неолиберального выбора.

Во имя чего предлагается консолидировать доходы? Конечно, вам никто не признается в том, что во имя сохранения сверхдоходов узкой прослойки обитающих большей частью даже не в России бизнесменов, во имя освобождения их от необходимости тратиться на *эту* страну и *это* население. Речь ведется о другом — о *сохранении* и *укреплении* в условиях спада «экономической эффективности». Нам предлагают пожертвовать всем во имя «здоровья экономики».

Что ж, в этом либеральный «панэкономический» подход к миру и человеку по-своему честен. Либерализм можно определить как экономическую и социальную доктрину, проповедующую необходимость принесения здоровья общества в жертву здоровью экономики. Необходимость этой жертвы обосновывается тем, что только «здоровая экономика» способна вытянуть за собой все общество, которое является лишь надстройкой над экономическими процессами.

Аргумент совершенно лживый, поскольку под «здоровой экономикой» либералом подразумевается совсем не совокупность первичных аграрных, индустриальных и сервисных мощностей общества, необходимых для его самообеспечения, а система глобальных финансовых связей и соглашений, набор высокоуровневых финансовых инструментов, позволяющих опытным игрокам извлекать сверхприбыли. Именно о «здоровье» этой наднациональной и внесоциальной системы и говорится в первую очередь, именно эта экономика, не зависящая от своих реальных и конкретных агентов — живых людей, и является подлинным фетишем либерализма.

Сегодня, поскольку ресурс нефти и золота иссяк, этого молоха предлагается кормить человеческим мясом, дабы за счет сокращения «соцобязательств» сохранить значение России как инвестора для этой экономической системы. Все камлания представителей либеральной экспертной панели сводятся к этому. И они искренне стараются — ведь только навязываемый ими России «неолиберальный» выбор может ресурсно обеспечить «социальный» выбор обамовской Америки.

Что мы, русские консерваторы, можем противопоставить этим восставшим из ада? Только отказ от каких-либо риторических и идейных компромиссов, только последовательное исповедание доктрины, полностью противоположной либеральному экономоцентризму. Суть этой доктрины, назовите ее как хотите — консерватизмом, социализмом, социальным консерватизмом или как-то еще, состоит в том, что экономика рассматривается как институт живого общества, а не общество сводится к «надстройке» над экономикой. Базовые элементы общества (люди и нация), их организация (гражданское общество и государство), занимаемые ими территории и освоенные ими ресурсы не могут быть принесены в жертву так называемому «экономическому здоровью».

Все мировые финансовые рынки не воскресили еще ни одного умершего человека. Два живых человека создадут сколь угодно сложную экономическую и финансовую систему когда и где угодно. Сегодня тем более нет никаких оснований (кроме, может быть, шкурных для отдельных лиц) для того, чтобы превращать Россию в участника спасательных работ на руинах мировой финансовой архитектуры и капиталистической мир-экономики.

Сегодня у России есть все основания заняться тем, что действительно важно и что по-настоящему опасно для долгосрочного выживания нас как страны и как нации. И во имя выживания общества (раз уж приходится выбирать), если это

будет надо, можно пожертвовать и экономикой. Сегодня России необходимо не ослабление, а усиление внутренней социализации. Грядущие голые годы грозят нам социальным распадом, разрастанием социальной аномии, то есть уклонения людей от поддержания должного порядка в социальных связях. Аномия — это рост числа суицидов и смертей от алкогольных отравлений. Аномия — это новая волна преступности от мошенничества и хулиганства до насилия и грабежа.

Аномия — это падение национального и патриотического сознания, неготовность и нежелание защищать Родину перед лицом внешних и внутренних угроз. Заглядывая за метафизический порог, аномия — это пришествие антихриста, ибо он воцарится среди «тайны беззакония» и, по словам св. Иоанна Златоуста, «после того, как водворится безначалие (анархия. — Е.Х.), ...он будет стремиться похитить всю — и человеческую и божественную власть».

Но даже не уходя в мистику, аномия — это смерть. В самом буквальном и непосредственном смысле смерть русских как нации, смерть российской популяции как этносферного феномена. В прошлом году вступило в активный репродуктивный возраст самое малочисленное и проблемное из наших поколений, поколение 90-х. И без того мизерное количественно, и без того слабо мотивированное на будущее, о чем напомнил последний Всемирный Русский Народный Собор во главе с нынешним Святейшим Патриархом, оно рискует прожить важнейшую часть своей жизни в грядущие голые годы.

Только серьезная социальная политика сможет заставить это поколение дать потомство: хотя бы два ребенка на семью. «Экономически эффективный» сброс социальных обязательств приведет лишь к тому, что поколение 2010-х попросту неспособно будет сохранить существование страны и народа, демографическая яма превратится в воронку.

Уже сегодня мы слышим о распространяющейся по стране со скоростью эпидемии волне абортот. И вместе с каждым убитым сегодня ребенком убивается и наше будущее. Хорошее, плохое, лучшее, худшее. Любое будущее.

Любая нерешительность, любые колебания в отвержении либеральной догмы о том, что экономика выше общества и экономическая эффективность важнее социальной устойчивости, означают полное и окончательное закрытие истории России в течение первой половины XXI столетия. Дальше пустота. Ничто. Дальше неинтересно.

Что мы можем противопоставить этой идеологии суицида? Только ясную и последовательную политику выживания нации, сбережения народа. Политику, подаваемую не как

щедроты с барского плеча Роснефти, Газпрома, Лукойла и прочих, а как политику, являющуюся безусловным национальным и государственно закрепленным приоритетом. Вместо щедрого распахивания кредитов жуликам на покрытие их жульничеств необходимы внятные программы по купированию социальных метастаз кризисной экономической опухоли. Как и всякое циклическое явление, кризис кончится, хотим мы этого или нет. А вот последствия его метастаз останутся и могут уничтожить организм.

Нам необходима программа купирования масштабной «великой депрессии» — не экономической, а психологической, самой страшной спутницы кризиса. Нам необходимы программы, которые переломят сопутствующие этой депрессии алкоголизацию, наркотизацию и абортацию страны. Нам необходимы масштабные и жесткие вливания в систему здравоохранения и постановка задачи по увеличению продолжительности жизни, что становится в условиях кризисного спада критически важным. Нам необходимы серьезные вложения в доступности и качество образования, то есть создание у молодых позитивной программы будущего, формирование персональных целей, к которым люди будут стремиться.

Важной задачей является создание необходимой инфраструктуры для существования в режиме честной бедности. Что это значит? Это значит совсем не систему ночлежек, бесплатных супов и прочего нищевродства, понимаемого как образ бедности. Это значит формирование инфраструктуры нормальной и достойной жизни для человека, которому кризис не позволит иметь высокие доходы.

Сегодня в России такой инфраструктуры нет. Напротив, очень многие уверены в том, что если они не ездят на «Феррари», не ходят в одежде от Версаче или хотя бы от Зайцева, не смотрят Петросяна на метровой плазме и не имеет валюты на съём проституток, то они — чмо и лузеры.

Сегодня стране нужна обширная система бесплатных библиотек и недорогих кинотеатров, нужны качественные высокодуховные фильмы, глубокие и познавательные книги, просторные зеленые парки и чистые улицы, по которым можно гулять без чувства омерзения. Нужны красивые дома и журчащие фонтаны, нужно работающее без сбоев метро и нераздолбанные троллейбусы. Человек не должен перестать хотеть жить оттого, что закрылась его компания по *девелопменту лизинга на аутсорсинге*.

Только эта последовательно консервативная, последовательно антилиберальная социальная политика, категоричес-

---

ки отвергающая мысль о том, что «тот, кто сдох с голоду, был неэффективен», допустима сегодня в России, если мы хотим сохранить хоть какой-то шанс на будущее.

России пора перестать строить чужие хоромы на костях своих детей и из обломков своего дома. Это касается и экономической, и внешней, и оборонной политики. Мы не можем и не должны поддаваться соблазну включиться в строительство американского миропорядка, даже если нас соблазняют статусом «привилегированного партнера». Мы должны раз и навсегда отказаться от широких жестов сверхдержавы, разбрасывающейся ради улыбки из Вашингтона союзниками и боеголовками.

Мы должны разорвать пуповину советского разоруженческого процесса. Мы должны признать, что давно уже не сверхдержава, что наши возможности сегодня скромнее, чем возможности Китая или Индии. Мы имеем огромную территорию, ослабленную и еще более ослабляемую реформами армию и полуразрушенный ВПК.

И именно потому, что мы слабы, мы не можем «разоружаться» и делать эффектные жесты миролюбия, не можем принимать на себя громкие обязательства и разыгрывать драму «Большой Игры». Пусть Америка разводит на участие в этом спектакле Китай — с интересом посмотрим, что у нее получится. Мы же должны разобраться с Грузией и Украиной и собирать, копить, строить, сохранять точно по заветам Ивана Калиты.

И вновь повторю: пусть мировая экономика и мировая политика проживут без нас. Пусть кто-то другой строит закрытый акционерный рай, поднимает доллар и роняет биржи. Нам сегодня есть что терять — себя. Сохранив же себя, мы приобретем все три мира — верхний, средний и даже нижний. Все облигации этой вселенной не стоят слезы русского ребенка и боли русской старушки.

ПАДЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ: ФАКТОР КУЛЬТУРЫ

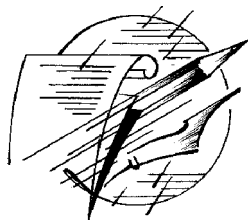
В 1993 г. в издательстве «Наука» вышла книга «Население Советского Союза. 1922—1991». Это изложение динамики демографических процессов в нашей стране. В главе 11 даны три варианта прогноза на 2000 г. — «оптимистический», «пессимистический» и «демографическая катастрофа»*. Последний вариант считался маловероятным.

Что же авторы обозначили термином «катастрофа»? Снижение ожидаемой продолжительности жизни мужчин-горожан в 1995 г. до 63,1 года (с 65,4 года в 1988 г.). А что же произошло на самом деле? Уже в 1994 г. этот показатель упал до 57,9 лет! На 4,2 года жизни ниже того, что считалось катастрофой. Это случилось всего за два с половиной года после написания книги — но такая ситуация даже в воображении не могла привидеться демографам. Так что *катастрофа* — научное и подтвержденное опытом определение нашего состояния.

В упомянутой книге демографы в прогнозе «демографическая катастрофа» считали, что рождаемость в городе упадет с 15,4 (на 1 тыс. населения) в 1988 г. до 10,8 в 1995 г. На деле же она упала до 8,6!

---

* Оптимистическим был и прогноз ООН для СССР. В докладе «World Population Prospects. 1988» продолжительность жизни в 2005—2009 г. должна была составлять у нас 70,4 года для мужчин и 78,2 года для женщин.

Ряд российских демографов отвергают тезис о демографической катастрофе в России на основании того, что и на Западе наблюдается спад рождаемости. Они считают, что низкая рождаемость — признак «высокого уровня жизни», и этот признак Россия в ходе реформы уже приобрела. В целом с этим согласиться нельзя. На Западе наблюдается плавный спад рождаемости, а в России динамика рождаемости обнаруживает *разрыв непрерывности* — резкий обвал, вызванный быстрыми кардинальными изменениями жизнеустройства.

Тем не менее необходимо осмыслить опыт Запада, ибо в реформировании России у Запада заимствовано очень многое, причем гораздо более фундаментальное, нежели «высокий уровень жизни». Придание этому фактору статуса причины сокращения рождаемости не имеет оснований. Между ними существует *корреляция*, но причинно-следственной связи нет. Правильнее рассуждать так: в ходе реформ мы переняли у Запада нечто такое, что привело к падению рождаемости. Это — общее предположение, и в этом смысле наша демографическая ситуация может иметь общие с Западом причины.

Демография регистрирует убыль коренного населения в развитых странах Запада по причине резкого сокращения рождаемости. Рождаемость в Европе снизилась до отметки 1,34 ребенка на женщину. В некоторых странах Европы, в частности, в Италии уровень рождаемости составил 1,1. Уровень рождаемости, необходимый для простого воспроизводства населения, составляет 2,1 рождения на женщину.

В прессе можно прочесть такие прогнозы: «Европа исчезает как социокультурный организм, к 2050 г. она сократится на 100 млн. человек» (без учета иммиграции — на 120 млн.). Все страны Запада пытаются восполнить спад рождаемости замещающей миграцией — «импортом людей». Европейский рекорд держит Швейцария, где каждый пятый житель — иностранец. В ФРГ живет 10 млн. турок, но, по расчетам демографов ООН, к 2050 г. население страны сократится с 82 до 58,8 млн. человек.

Поскольку на Западе, в общем, достигнут высокий уровень личного благосостояния («потребления»), а в бедных странах семьи охотно производят новую жизнь и радуются детям даже впроголодь, становится чуть ли не общепризнанным выводом, что материальное благополучие подавляет материнский «инстинкт».

И кажется даже благоразумным решением, что женщина стала откладывать материнство на более поздний возраст или вовсе отказываться от рождения детей.

В общем, этот ход рассуждений неверен. Известно, например, что население богатых исламских стран (Саудовской Аравии и т.п.) вовсе не следует примеру Запада. Более того, и на самом Западе богатое меньшинство вовсе не собирается «вымирать» — многолетние семьи там обычное дело.

Утрата «материнского инстинкта» — болезнь именно **среднего класса** буржуазного общества. И болезнь эта является **болезнью духа**, не предопределяемой непосредственно уровнем материального благосостояния. Эта болезнь среднего класса в ходе *вестернизации* распространяется и среди тех слоев населения бедных стран, которые возомнили себя средним классом и приняли его мировоззренческие установки — даже если по западным меркам их можно было бы причислить к бедноте.

Средний класс — основа буржуазного общества, генератор и носитель «духа капитализма». Богатое меньшинство приобрело характер сословия, почти аристократии, оно утратило «буржуазность». Важная черта мироощущения среднего класса — *антропологический пессимизм*. Это — неверие в человека, в его благое предназначение.

Мы видим, что этот пессимистический духовный фон жизни на Западе стараются подавить различными способами. Иногда этому способствуют периоды процветания, иногда, наоборот, кризисы и даже бедствия типа войн. Иногда массу людей увлекают приступы фанатизма, как во времена фашизма, в благополучное время — сексуальные революции или приступы потребительской лихорадки. Но за всем этим мы видим проявление антропологического пессимизма, которое выражается в неприязни к *живым* структурам, к зарождению и пестованию жизни. И напротив, тягу к разрушению или хотя бы к зрелищу и вообще образу разрушения, что красноречиво отразилось в культуре (кино, телевидение, музыка, мода).

Известно, что православное общинное мироощущение было *жизнерадостным*. Оно было наполнено верой в лучшее будущее. Важно наблюдение А.В. Чаянова: в русском крестьянстве совершенно не было мальтузианства, запрета на «размножение бедных», а в сознании крестьянства Франции оно было очень сильно. Еще более жизнерадостным было космическое чувство советского человека — мы именно обладали «уверенностью в завтрашнем дне», что никак не сводилось к сытости.

Исследователь фашизма Л. Люкс пишет по этому поводу: «Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии... Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский про-

---

летариат был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции».

На короткий период и в сознании народов Центральной Европы, втянутых в орбиту «советского лагеря», возобладал антропологический оптимизм. Но там, где население радикально вырвали из «полусоветского» состояния и вернули в лоно «среднего класса», в отношении к рождению детей произошли коренные изменения. Это показал опыт ГДР. В 1994 г. был опубликован важный доклад: за четыре года после воссоединения Германии рождаемость на восточных землях упала более чем вдвое! Как сказано в докладе, «социальная нестабильность и отсутствие будущего привели к головокружительному росту добровольной стерилизации восточных немцев — более чем на 2000% за четыре года». Формулировка неверна — социальная стабильность (сытость) была обеспечена крупными субсидиями. Но вернулся западный страх перед бытием, антропологический пессимизм.

Глотнув этого страха и этого пессимизма, стали меньше рожать и женщины России.

Культурная программа реформы

Человек живет в искусственном мире культуры. Важная его часть — мир *вещей*. Он связан с миром идей и чувств. Воздействуя на отношение людей к вещам, можно изменить и их отношение к людям и к своей собственной жизни. Отношение людей к вещам — один из главных фронтов борьбы за души людей.

Человек создан культурой, и его потребности — также продукт культуры. Любой народ, чтобы сохраниться, должен обеспечить безопасность «национального производства потребностей» от вторжения чужих «программ-вирусов». Обновление системы потребностей как части национальной культуры должно вестись в соответствии с критериями, которые нельзя отдавать на откуп «чужим».

Последние двадцать лет граждане России были объектом небывало мощной и форсированной программы по созданию и внедрению в общественное сознание новой системы *потребностей*. Это было одно из главных орудий «демократической революции». Быстрое изменение системы потребностей (и материальных, и духовных) толкает общество к революционному изменению жизнеустройства, вплоть до *самоотречения* народа.

В ходе этой программы сначала молодежь, а потом и основную массу граждан втянули в то, что называют «революцией притязаний». То есть добились сдвига к принятию российских гражданами постулатов и стереотипов западного общества потребления. В России произошло ускользание национальной почвы из-под производства потребностей, и они стали формироваться на Западе. Такие народы можно сравнить с аборигенами, чахнувшими от европейских болезней. Западных источников дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности западные.

Масса людей в России стала вожделеть западных стандартов потребления. **Так жить нельзя!** — вот клич человека, страдающего от невыполнимых притязаний. Чтобы получить шанс, пусть эфемерный, на обладание вещами «как на Западе», надо было сломать многие устои «прежней жизни», отбросить многие заданные ею «обязанности». И первая, самая наглядная обязанность, мешающая потребительству, — это обязанность каждого *воспроизводить* себя и народ в следующем поколении. Она и была отброшена — в числе очень многих других обязанностей и повинностей.

Когда идеологи и «технологи» реформы планировали и проводили эту акцию, они преследовали конкретные политические цели. Но по здоровью страны был нанесен удар, несопоставимый с конъюнктурной задачей — был создан порочный круг угасания народа.

Мы оказались в «экзистенциальной» ловушке — как и перед революцией начала XX века. До начала XX века почти 90% населения России жили с уравнильным крестьянским мироощущением («архаический аграрный коммунизм»), укрепленным Православием (или уравнильным же исламом). Благодаря этому культуре России было чуждо мальтузианство, так что всякому рождавшемуся было гарантировано право на жизнь.

Даже при том низком уровне производительных сил, который был обусловлен исторически и географически, ресурсов хватало для жизни растущему населению. В то же время было возможно выделять достаточно средств для развития культуры и науки — создавать потенциал модернизации. В начале XX века под воздействием импортированного зрелого капитализма это устройство стало разваливаться, но кризис был разрешен через революцию. Она сделала уклад жизни более уравнильным, но и более производительным. На этом этапе также не было мальтузианства, так что население росло и осваивало территорию.

В 70—80-е годы большинство населения обрело тип жизни «среднего класса». В массовом сознании стал происходить

сдвиг от советского коммунизма к социал-демократии, а потом и либерализму. В культуре интеллигенции возник компонент социал-дарвинизма, он стал просачиваться в массовое сознание. Право на жизнь стало ставиться под сомнение — сначала неявно, а потом все более громко.

Одновременное снятие норм официального коммунизма и иссякание коммунизма архаического (при угасании Православия) изменило общество так, что сегодня, под ударами реформы, оно впало в демографический кризис, обусловленный не только и не столько социальными, сколько мировоззренческими причинами. Еще немного — и новое население России ни по количеству, ни по типу сознания и мотивации уже не сможет не только осваивать, но и держать территорию. Оно начнет стягиваться к «центрам комфорта», так что весь облик страны будет быстро меняться. Такие проекты уже предлагаются.

Переход к импортированным из иного общества «несбыточным» потребностям — это социальная болезнь. Болезнь эта страшна не только страданиями, но и тем, что порождает порочный круг, ведущий к саморазрушению организма. Разорвать этот круг нельзя ни потакая больному, частично удовлетворяя его несбыточные потребности за счет сограждан, ни улучшая понемногу «все стороны жизни».

Философ А.С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании как «*бунт юноши Эдина*», бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода.

Исход зависит от того, сможет ли та часть интеллигенции, что осознала опасность и сохранила силы для действия, собрать то зеркало, в котором каждый сможет увидеть себя и свою судьбу как частицу судьбы народа. Государство могло бы сильно помочь этому делу, но пока что оно, скорее, ему мешает.

Криминализация российского общества

Положение таково. В 1987 году, последнем году перед реформой, в РСФСР от убийств погибло 11,3 тыс. человек (с учетом смерти от ран и травм) и произошло 33,8 тыс. грабежей и разбоев. В 2006 г. от преступных посягательств погибло 61,4 тыс. человек и получили тяжкий вред здоровью 57 тыс., а число грабежей и разбоев достигло 417 тыс. И число этих преступлений стабилизировалось на высоких уровнях. В 2007 г. от преступных посягательств погибло 54 тыс. человек, получили тяжкий вред здоровью 52,9 тыс., зарегистрировано

---

340 тыс. грабежей и разбоев. Число тяжких и особо тяжких преступлений уже много лет колеблется на уровне 1,8 млн. в год (к тому же, по общему мнению специалистов, регистрируется примерно треть реального числа таких преступлений).

А ведь это — новое явление в истории. Был у нас в 60—70-е годы преступный мир, но он был замкнут, скрыт, маскировался. Он держался в рамках теневой экономики и воровства, воспроизводился **без расширения масштабов**. Общество — и его нравственность, и хозяйство, и органы правопорядка — не создавало питательной среды для взрывного роста этой раковой опухоли.

Причины ее нынешнего роста известны, и первая из них — социальное бедствие, к которому привела реформа. Из числа тех, кто совершил преступление, более половины составляют теперь «лица без постоянного источника дохода». Большинство из другой половины имеют доходы ниже прожиточного минимума. Так изменились социальные условия — реформа «выдавила» массу молодежи в преступность.

Преступность — процесс активный, она затягивает в свою воронку все больше людей, преступники и их жертвы переплетаются, меняя всю ткань общества. Бедность одних ускоряет обеднение соседей, что может создать лавинообразную цепную реакцию. Люди, впавшие в крайнюю бедность, разрушают окружающую их среду обитания. Этот процесс и был сразу запущен одновременно с реформой. Его долгосрочность предопределена уже тем, что в ходе реформы в России сильнее всего обеднели именно дети (особенно семьи с двумя-тремя детьми). Это — массивный социальный процесс, который не будет переломлен небольшой «социальной» помощью. В 2005 г. по отношению к 2000 г. распространенность алкоголизма среди подростков увеличилась на 93%, а алкогольных психозов на 300%. Большая масса подростков стала вливаться в преступный мир.

Но только от бедности люди не становятся ворами и убийцами — необходимо было и разрушение нравственных устоев. В России возникли новые *культурные* условия жизни, когда множество молодых людей идут в банды и преступные «фирмы» как на нормальную работу. Преступное сознание заняло господствующие высоты в экономике, искусстве, на телевидении. Этот сдвиг — важный предмет современной философии. На Западе уже в середине неолиберальной волны был сделан вывод, что цена ее оплачивается прежде всего **детьми и подростками**.

Американский социолог К.Лэш пишет в книге «Восстание элит»: «Самым тревожным симптомом оказывается об-

---

ращение детей в культуру преступления. Не имея никаких видов на будущее, они глухи к требованиям благоразумия, не говоря о совести. Они знают, чего они хотят, и хотят они этого сейчас. Отсрочивание удовлетворения, планирование будущего, накапливание зачетов — всё это ничего не значит для этих преждевременно ожесточившихся детей улицы. Поскольку они считают, что умрут молодыми, уголовная мера наказания также не производит на них впечатления. Они, конечно, живут рискованной жизнью, но в какой-то момент риск оказывается самоцелью, альтернативой полной безнадежности, в которой им иначе пришлось бы пребывать... В своем стремлении к немедленному вознаграждению и его отождествлению с материальным приобретением преступные классы лишь подражают тем, кто стоит над ними».

Именно это, причем в гораздо большей степени, произошло в России. Без духовного оправдания преступника авторитетом искусства не было бы взрыва преступности. Особенностью нашего кризиса стало включение в этическую базу элиты элементов преступной морали — в прямом смысле. Преступник стал положительным лирическим героем в художественной прозе и даже в поэзии — таков был социальный заказ элиты культурному слою.

Но преступник — это культурный тип, который воздерживается от того, чтобы иметь и воспитывать детей. Это — охранительный культурный механизм. В глубине души у преступника сохраняется чувство греховности, и он как бы не имеет права на ребенка, он оберегает *своего* ребенка от собственного примера.

Вследствие этого в России сильно сократилось и продолжает сокращаться число мужчин, готовых иметь семью и детей. Ежегодно к уголовной ответственности привлекается 1 млн. мужчин в возрасте старше 18 лет, совершивших преступления. Из них к лишению свободы приговаривается примерно 350 тысяч. Примерно столько же выходит ежегодно из мест заключения. Число мужчин в возрасте 18—60 лет в России 44 млн. В этом возрасте, когда и вступают в брак, и становятся отцами мужчины, они пребывают 22 года. За этот срок около 8 млн. из них выходят из тюрьмы. Почти 20% мужчин травмированы совершенным преступлением и пребыванием в местах заключения.

Культурная травма и качество жизни

Выступая 5 сентября 2005 г. в Большом Кремлевском дворце с программным заявлением перед всей «властной верхуш-

---

кой», В.В. Путин сказал: «Основной целью нашей с вами деятельности, ключевым вопросом государственной политики является существенное повышение качества жизни граждан России».

Каков же общий фон *качества* нашей жизни сегодня? Этот фон — жизнь в постоянном тяжелом стрессе (75% россиян) и жизнь в постоянном страхе (50%). Медики говорят даже о массовом нарушении динамического стереотипа — способности ориентироваться в социальном пространстве и времени. Это приводит к физиологическим нарушениям (ослабление иммунитета), что выражается в аномально высокой заболеваемости и смертности.

Большинство граждан испытывают постоянные душевные муки, видя вокруг себя страдания своих соотечественников, выброшенных реформой на социальное дно — бездомных и нищих, проституток и беспризорников. Они стали важным элементом структуры нашей *повседневности*. Кто-то надевает маску равнодушия или цинизма, кто-то утешает свою совесть подавнием, но все это слабая анестезия.

По главным индикаторам благосостояние самой массовой социальной группы за 18-летний срок резко снизилось, эта часть общества *обеднела* и скатилась вниз по лестнице социальных статусов. Люди стали намного хуже питаться и одеваться, меньше потреблять платных услуг и продуктов культуры, меньше ездить и отдыхать. У большинства ухудшились условия работы, труд стал менее содержательным и сложным, полученные ранее квалификация и творческие навыки не востребованы. Быстро сокращается и упрощается структура потребностей.

Таким образом объективно структуры повседневности большинства населения России претерпевают *регресс*, причем темп его таков, что люди не успевают привыкнуть. Это вызывает *культурную травму*.

Например, в 1999 г. была перейдена пороговая точка в динамике ветшания жилищного фонда России. Оставленное после 1991 г. без капитального ремонта жилье «дозрело» до такого состояния, в котором темп старения качественно изменился — в огромных количествах реально идет переход жилья в категорию ветхого и аварийного.

С городской инфраструктурой (теплосети, водопровод и канализация) положение не лучше. Большая часть их мощности выработала свой ресурс, но ни капитального ремонта, ни прокладки новых сетей практически не ведется. Страна превращается в трущобу, и это порождает *страх перед будущим*.

Эта ситуация чревата большими рисками. На всех лежит ответственность за этот поворот, поэтому люди считают себя обязанными терпеть ухудшение, пока не истечет негласно установленный срок, пока не будет истрачен кредит времени, отпущенный реформаторам. Беда в том, что ни общество, ни власть не обладают инструментами, чтобы измерять остаток этого кредита и скорость его иссякания. Обвал может произойти в любой момент. Люди живут под гнетом *неопределенности*. Это — важный фактор отказа от рождения детей.

Второй блок показателей качества жизни выражает актуальную *безопасность* людей. Чем больше угроз ощущает человек, тем выше сдвигаются эти показатели вверх по шкале приоритетов. За последние 15 лет они ползут вверх безостановочно, иногда скачкообразно. Структура угроз, перед которыми оказался житель России и его близкие, за годы реформ кардинально изменилась. На первый план вышли угрозы *социальные*, о которых до реформы вообще не думали. Более того, все эти угрозы вошли именно в атмосферу повседневной жизни, их образ знаком большинству.

Массовым является страх перед бедностью, которая может свалиться на голову по не зависящим от личности причинам. Безработица, смерть или увечье кормильца, утрата сбережений, стихийное бедствие — все эти угрозы бродят рядом с нами, а привычные социальные системы защиты от них ликвидированы реформой. Более того, реформа парализовала производство, и никакая добыча природных ресурсов не может его заменить как источник жизненных благ для большой страны. Тяготы по поддержанию изношенной технологической сферы власть решила возложить на население, и над всеми повис дамоклов меч немислимых платежей (налог на недвижимость, исчисляемый по ее рыночной стоимости, обязательное страхование жилья, тарифы). Этот меч опускается постепенно, но опускается.

Другая угроза — преступное насилие. С ним за годы реформ столкнулась уже едва ли не каждая семья, и это оставляет рубец, который ноет постоянно. Масштабы насилия поражают. Десятки тысяч человек пропадают за год без вести. Разбой и грабеж с насилием стали обычным явлением. Появились новые виды преступного насилия, которые еще недавно не были даже предусмотрены уголовным кодексом — похищение людей (в том числе и детей), взятие заложников, убийства по найму, едва прикрытое рабовладение. В судебной практике многие из этих преступлений трактуются в рамках действующих статей Уголовного кодекса, что лишь мас-

---

кирует угрозу, мешает осознать масштабы этой угрозы для государства и общества. А ведь речь идет о становлении в лоне России *постмодернистской криминальной цивилизации*. Она энергична, склонна к экспансии, является частью глобальной сети и активно вращается во власть.

Положение усугубляется тем, что государство и общественные организации, на которые граждане могли возлагать свои надежды в советское время, находятся в полуразобранном состоянии или вообще ликвидированы. В Москве 75% жертв разбойных нападений не заявляют о них в правоохранительные органы — считают это бесполезным. Более того, для некоторых категорий граждан существенным стал риск стать жертвой насилия со стороны самих этих органов.

Как, например, можно ожидать высокой рождаемости, если в 2003 г. даже в Москве 50% опрошенных первой проблемой своей жизни назвали «страх за свое будущее, будущее своих детей» (а в Северной Осетии такой страх назвали первой проблемой 60% — еще до трагедии в Беслане). Ведь это ощущение не устранить увеличением детского пособия, это **фундаментальный** фактор.

Объективно, качество жизни в таких условиях является очень низким. От массового психоза страну выручает лишь исключительная культурная устойчивость населения и инерция советского мировоззрения и советского школьного образования. Люди перешли к совершенно иному, нежели в стабильное время, образу жизни и критериям оценки — к критериям *военного времени*. Трудно сказать, насколько вообще правомерно в такое время обычное понимание самого термина «качество жизни».

Восприятие опасностей, в общем, никогда не является адекватным. Какие-то страхи нагнетаются политиками и телевидением (например, страх перед терроризмом) и в восприятии людей преувеличены, к другим люди легко привыкают и их недооценивают. Видимо, в целом большинство населения считает опасности для личности в России неприемлемо высокими и мириться с таким положением не собирается.

Иными словами, в этот «переходный период» люди не ведут нормальную жизнь, а *переживают* его. В такие периоды рождаемость всегда снижается.

Наконец, третий комплекс показателей качества жизни отражает возможности проектировать свою жизнь, строить планы на будущее и иметь доступ к ресурсам для реализации этих планов. Здесь имеет место очевидный и бесспорный регресс.

Быстро снижается качество и доступность образования, ухудшается здоровье населения и сокращается доступ к слож-

---

ной медицинской помощи, меняется тип того культурного воздействия, которое оказывали на человека СМИ, телевидение, кино. Эти общественные институты целенаправленно сокращают поток сообщений, созданных по типу «университетской» культуры, и заменяют их на продукты культуры «мозаичной» — формируется «человек массы» с невысокими притязаниями. Для молодых людей «старой» культуры невыносима мысль, что их дети перейдут в качественно иной, «чужой» тип культуры, а они не смогут им помочь. Они *не чувствуют себя вправе* завести детей при этой своей беспомощности.

Жизнь обедняется, личность принижается, и этот процесс идет с ускорением. Качество жизни снижается, хотя жертвы этого процесса все менее способны это чувствовать. То, что раньше было народом, разделяется на *классы* — сначала по отношению к собственности и гражданским правам, теперь и по типу культуры. При этом надо заметить, что и господствующее меньшинство («элита») оказывается вырожденным и неспособно быть носителем элитарной культуры.

Все эти группы показателей соединяются в сознании людей в интегральное ощущение *фундаментального неблагополучия*. Это выражается в том, что более половины населения отвечает, что «в жизни стало меньше счастья» и что «страна идет в неверном направлении». Проект реформ *не принят* большинством общества, он противоречит его разуму, здравому смыслу и совести. Значит, на этом пути улучшения качества жизни ожидать не приходится. И предпринимаемые именно для этого «национальные проекты» вызывают не энтузиазм и надежды, а тяжелое ощущение беспомощности. Они, предполагая некоторые денежные вливания, несколько не касаются главных бед, которые пожирают саму нашу жизнь и жизнь нашей страны.

Видимо, власть совершила ошибку, подняв проблему качества жизни. Но раз уж это сделано, надо пойти на серьезный откровенный разговор. Если этого не будет, власть активизирует развитие угрозы отчуждения общества от государства. И это — одна из фундаментальных угроз.

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН

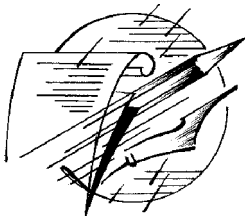
О СОЗДАНИИ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ГОСУДАРСТВА

Слышал ли кто из в свет рождённых,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побеждённых?
О стыд, о странный оборот!

М.В. Ломоносов

Предвижу, что у кого-то может возникнуть вопрос: почему именно Русское государство? Ведь страна-то у нас многонациональная?

Да, страна наша многонациональная. И общество наше многонациональное, а вот государство, как основной политический, экономический, социальный, военный и правовой институт, может и должно быть именно русским. Это предопределяется не только тем, что в составе населения страны на долю русских людей приходится 82 процента его общей численности, но главным образом тем, что русские — государствообразующий народ. Именно русский народ создавал и отстаивал на протяжении веков великую многонациональную державу — Россию. Так было в истории, так остается это и в наше время, так будет и в будущем. Создание могучего государства, способного обеспечить величие страны, по силам только великому народу. Необходимо особо подчеркнуть, что величие народа определяется отнюдь не только его численностью, сколько его жизнеспособностью, созидательным талантом,

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

одухотворенностью. Этими качествами судьбой и Богом в полной мере наделен русский народ.

В.О. Ключевский в своей знаменитой речи на собрании Московской Духовной академии в память о 500-летию со времени преставления преподобного Сергия Радонежского, по этому поводу говорил: *«Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или нескольких великих людях, которые выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу».*

История России — это история православного русского народа в его благотворном взаимодействии и сотрудничестве со всеми народами и народностями, населяющими огромные пространства Евразийского континента. Плодотворность такого взаимодействия и его высокая эффективность в сохранении и развитии всех российских этносов достигалась прежде всего за счет высокой духовной культуры русского народа, проистекающей из православия и утверждающейся православием. «Наша история, — пишет И.Л. Солоневич в своей прекрасной монографии «Народная монархия», — есть история того, как дух покоряет материю, а история САСШ (США. — М.Л.) есть история того, как материя подавляет дух».

Строительство Русского государства и должно осуществляться с учетом этого нашего уникального исторического опыта. Этот уникальный опыт нашел свое литературное воплощение, в частности, в шедевре русской мысли — «Домострое». В этом бесподобном своде нравственно-этических и хозяйственных норм русской жизни, написанном священником Сильвестром в начале XVI века, речь идет не просто об обустройстве дома и семейного уклада жизни, но и о богоугодном поведении русского человека.

Приведу лишь один фрагмент из «Домостроя» о праведном житии: «А если кто по-божески живет по заповедям господним, по отеческому преданию и по христианскому закону, то есть если владыка судит справедливо и нелицеприятно и одинаково всех, богатого и бедного, ближнего и дальнего, известного и неизвестного, — такие, конечно, будут вознаграждены за свои справедливые решения».

Легко заметить, что эти поучения об обустройстве русского дома непосредственно вытекают из великого учения самого Иисуса Христа. Вот тому подтверждение.

«Всякий, приходящий ко Мне и слушающий слова Мои и исполняющий их, скажу вам, кому подобен:

Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне, почему, когда случилось наводнение, и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне.

А слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое» (Святое Благовествование от Луки. 6; 47-49).

«Камень» — это и есть истинная вера. Итак, только истинная православная вера позволит нам не просто возродить, а воскресить Россию — Дом Пресвятой Богородицы.

О возрождении России в наши дни говорится и пишется много. Это стало для многих как бы неким заклинанием, а заклинание, как известно, плохой помощник в богоугодных делах. О возрождении России, хотя и сквозь зубы, хотя и лицемерно, говорят даже «демократы». При этом они представляют себе это возрождение в форме федерации так называемых независимых государств — бывших республик Советского Союза.

Но почему же федерация? Крупнейший русский философ-государственник И.А. Ильин убедительно показал, «что федерация совсем не есть ни единственный, ни важнейший способ срастания малых государств друг с другом».

История показывает, что малые государства нередко сливались в единое большое — не на основе федерации, а на основе поглощения и полного сращения в унитарную державу. *«Вспомним, как Франция, — пишет И.А. Ильин, — в III—IV столетиях срослась в современное единство, состоя первоначально из одного королевства, одного курфюршества, 26 герцогств, 6 княжеств, одного маркграфства, одного вольного графства, 77 графств, 19 вице-графств, 14 владений, одного «маркизата», одного «капталата» и 13 духовных владений. Революционный «жирондизм» был последней вспышкой распада во Франции. К началу XIX века от всего этого множества государств не осталось почти и «швов».*

Италия еще в середине XIX века (1815—1866 гг.) состояла из Королевства обеих Сицилий, Ломбардско-Венецианского королевства (под Австрией), Королевства Сардинского, Герцогства Савойского, Великого Герцогства Тосканского, Герцогства Моденского, Герцогства Пармского, Княжества Пьемонта и Церковного Государства. Давно ли это было? В единой Италии остались одни «названия» и «титулы».

История хранит еще память о том, что Испания несколько сот лет тому назад распадалась на три королевства: Кастилию, Арагонию и Гренаду; что имелись на ее территории и дру-

---

гие государства — Астурия, Леон, Наварра, Маркграфство Барселона... Но все срослось в единую Испанию.

Во всех этих случаях, — подчеркивает И.А. Ильин, — малые государства объединились, не федерируясь, а поглощаясь одним из них или сливаясь. Нации ассимилировались, и народы заканчивали период политической дифференциации и полугражданских войн — унитарной политической формой. Глупо и смешно говорить, что унитарная форма государства уходит в прошлое. Нелепо утверждать, что все современные «империи» распадаются: ибо одни распадаются, другие возникают.

Один путь — договорного объединения (федерации), другой путь — политического включения, экономического срастания в унитарное государство».

Думаю, непредвзято мыслящий читатель согласится, что России присущ исторически predetermined и показавший свою уникальную эффективность именно второй путь.

Возможно, некоторые скажут, что суждение великого русского мыслителя изложено им полвека назад, а теперь, мол, другое время. Да, время действительно другое. И надо сказать, далеко не лучшее. Тем не менее, даже в это лихое время два германских государства слились в одно, а предложения некоторых экстремистов-французов, проживающих в провинции Квебек в Канаде, об отделении ее от Канады отвергнуто референдумом — 1,5 миллионами самих же французов, населяющих Квебек. Даже в Южной Африканской Республике, где наблюдаются серьезные противоречия между белыми и цветными гражданами страны, те и другие решили сохранить единое унитарное государство.

В Новом Завете прекрасно сказано об условии надежного устройства дома. Но ведь дом наш — это не только скромная сельская изба, городская квартира или загородная дача, не только наш семейный очаг, — это и наше Отечество, и наша Православная Церковь, и наше Русское государство. Так как же нам строить наш общий дом?

Нынешним лукавым правителям РФ и их идеологам, чуждым истинным интересам России и русского народа, разглагольствующим о будущем процветании страны, ее возрождение мыслится до убогости просто. По их убеждению, а точнее сказать, лукавому намерению, для этого следует втиснуть Россию в прокрустово ложе демократии. Но ведь это в корне противоречит русскому православному мировоззрению. Демократия — по самой сути своей — это преобладание формы над содержанием, законов — над совестью, лжи — над моралью. Все это в душе чуждо русскому православному человеку.

Нашему народу навязали демократию по типу той, которая существует в Америке. Вот это уж подарок! Хочу оговориться, что резко отрицательное отношение к демократии, здесь мной высказываемое, относится не вообще к демократии как некоему идеальному общественному устройству. Но демократии как единственного государственного строя просто не существует. По существу своему демократический строй практически в каждой из стран, где он провозглашен, сугубо различен. В этом можно легко убедиться, если сопоставить реальное проявление демократических норм в Соединенных Штатах Америки, в Швейцарии, в Объединенных Арабских Эмиратах и в Корейской Народно-Демократической Республике.

Весьма знаменательно, что за демократию в России почему-то активно выступают иностранцы — преимущественно американские, немецкие и израильские лидеры и нынешние российские «демократы», узурпировавшие власть в стране и толкающие ее как великую державу к разложению и гибели. Но России демократия не нужна. Русский народ несет свои самые тяжкие страдания именно от демократии, утвердившейся в ее уродливых формах. Революции, навязанные России в 1917 году и проведенные под демократическими лозунгами, дали народу России «право на бесчестие» (Ф.М. Достоевский), право на безбожие, право на грабеж, право на нарушение всех нравственных норм. Революция 80-х годов — «перестройка», усвоив эти же «права», разрушила государство, узаконила уголовщину, превратила политику в гигантскую арену преступности. С великой душевной болью пережили это все русские люди, озабоченные судьбой своего Отечества.

Так какова же альтернатива? Где выход из трагедийной ситуации, созданной в России ее ненавистниками? Выход можно найти, и он будет найден. Прислушаемся не к лукавому мнению «демократов» и «либералов», а к мудрым предвидениям русских мыслителей. И.А. Ильин с поразительной прозорливостью обращался к нам, свидетелям нынешнего кризиса в России: *«Когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг «Народы бывшей России, расчленийтесь!», то откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои руки крепкие «бразды правления», погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране; или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия».*

Такая спасительная и созидательная диктатура только и может быть организована посредством создания Русского государства, способного не допустить дробление России и восстановить историческую традицию русского народа в формировании и защите единой и поэтому могучей унитарной державы. Необходимость и закономерность унитарности Русского государства диктуется самим национальным составом населения страны. Численность лиц так называемой титульной национальности, по которым получили наименования ныне существующие республики в составе РФ, составляет лишь 8,9 миллиона человек, при этом многие представители этих национальностей проживают за пределами «своих» республик. Так, только 36% башкир живет в Башкирии, более половины марийцев — за пределами Марий-Эл, а 70% мордвы — вне Мордовии. В общей сложности лица «титульных» национальностей составляют 6% населения страны. О какой же серьезной федерации народов можно вести речь? Тем не менее представители (начальники) национальных республик составляют 26% численности Совета Федерации. Не очевидно ли, что это «федерация» бюрократов, чиновников высшего звена власти — президентов, председателей пародийных законодательных собраний и правительств? А о засилье т.н. «либералов» нерусской национальности в центральной исполнительной власти, особенно в президентских структурах, всем прекрасно известно.

Создание Русского государства вовсе не означает ущемление интересов других народов, проживающих в России. Напротив, оно должно выступать гарантом равных прав и свобод для всех своих граждан, включая, конечно и свободу вероисповедания. Разумеется, за исключением тоталитарных, деструктивных и сатанинских сект, на опасность деятельности которых указывал еще Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Вот его предостерегающие, проникновенные слова: «Дорогие мои! Не нужно думать, что время борьбы со лжеучениями прошло и осталось в далекой от нас эпохе Вселенских соборов. И сегодня Господь зовет нас отстаивать Истину Православия от умножившихся проповедников тьмы».

С чего может быть начато строительство Русского государства? Убеждён, что начало этому должны положить разработка и принятие новой Конституции России, которая законодательно закрепит права русских людей как православного государствообразующего народа. В ныне действующей, а точнее говоря, бездействующей Конституции РФ, сочиненной ненавистниками России, этих прав у русского народа

попросту нет. В ней демонстративно вообще не содержится упоминания о русском народе, а говорится о мифическом «многонациональном» народе, что с точки зрения этнографии является чистейшим абсурдом. Там можно встретить такие безликие понятия, как малые, коренные, репрессированные народы, но не оказалось места великому русскому народу — носителю суверенитета и источнику власти в России.

Нельзя без возмущения относиться и к тому, что в нынешней Конституции РФ никак не учитываются интересы миллионов русских, оказавшихся за пределами незаконно провозглашенной федеративной республики.

Совершенно неприемлемым является утверждение, содержащееся в Конституции (ст. 1, п. 2) о том, что «наименования Российская Федерация и Россия равнозначны». Провозглашение «равнозначности» этих наименований есть не что иное, как жульническая попытка уравнивать две принципиально разные формы государственного устройства и разных целей политического, социального и экономического развития страны. По сути своей, эта конституционная норма является антирусской и антироссийской.

В русском народе, равно как и в других народах, населяющих Россию (исключая их «демократичных» президентов и чиновничью верхушку) вполне осознается необходимость создания Русского государства и принятия новой Конституции России. Появились уже заслуживающие внимания проекты Основного закона будущего государства. В частности, я имею в виду проект, подготовленный «Лигой защиты национального достоинства». Приведу преамбулу предложенного проекта:

«Мы — Русский Народ, сознавая свою ответственность перед Богом, свято чтя память наших предков, создавших Киевскую Русь, Московскую державу, Российскую Империю и выстоявших в трагических испытаниях XX века, воодушевленные желанием охранять свое национальное и государственное единство, права и свободы человека, тысячелетиями складывавшиеся территорию и культурные устои Российской цивилизации, завещая нашим потомкам любовь и преданность Нации и Отечеству, уважение к Человеку, на основе естественного права народов на самоопределение создаем свое независимое национальное государство Россия и принимаем его Конституцию».

Укажу лишь на необходимость принципиальных уточнений в данной преамбуле. По моему глубокому убеждению, следовало бы говорить не о Российской, а о Русской цивили-

---

лизации и не о «независимом национальном государстве России», а о **Русском православном государстве**.

Ставя вопрос о единении Православной церкви и Русского государства, хочу привести на этот счет высказывание одного из самых выдающихся иерархов Русской православной церкви митрополита московского Филарета. В своем слове на память святителя и чудотворца Алексия, произнесенном 12 февраля 1847 года, он отмечал: «Как крепко у нас Церковь и Отечество друг друга обнимали и поддерживали! Как благотельно было твердое единство священноначалия при недовершившемся еще единстве государственном! Как чудно против тяготевшей над нами силы чуждого неверного народа поставлена была духовная сила Церкви, чтобы несколько уменьшить и сдержать сию разрушительную тяжесть, доколе возрастут и созреют для ее отражения победоносные государственные силы».

Речь шла о мрачном времени татаро-монгольского ига, тяготевшего над Русью, но разве не такой же мрак навис над нашим Отечеством в наши дни? О благодатной роли Русской Православной Церкви в жизни нашей страны убедительно говорит незабываемый духовный и гражданский подвиг патриарха Гермогена, по молитвам и призывам которого Русь преодолела страшную смуту начала XVII века. Москва была захвачена поляками, на царском престоле сидел злодей Лжедмитрий, в стране царили разбой и междоусобица. Государственная власть оказалась не в состоянии защитить и сохранить Россию. Твердое стояние Патриарха за веру, его призывы собрать ополчение и освободить Москву отрезвили русский народ и обратили его к покаянию. Патриарху это стоило жизни: поляки, засевшие в Кремле, уморили его голодом. Но и из заточения рассылал Патриарх грамоты через верных и бесстрашных людей.

Вот одно из последних его посланий: «Писать в Казань к митрополиту Ефрему, чтобы крепко стояли за веру и не пускали сына Маринки на престол — не благословляю. Писать в Вологду к властям и святителю Рязанскому, чтобы тоже писали в полки... чтобы клали живот за Дом Пречистыя, как обещали. Да и во все города пишете... говорите везде моим именем».

Через девять дней после его кончины русским ополчением под руководством Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина была освобождена Москва. Этот живой исторический опыт имеет наиважнейшее значение для построения будущего Русского государства. Вполне осознаю, что это задача предстоящих обсуждений и дискуссий, неизбежных при разработке

Основного закона страны. В данный момент я ограничусь лишь соображениями об организационных формах создания и функционирования Русского государства. Основу его могли бы составлять выборные органы местного, уездного, губернского самоуправления, при которых формировались бы и исполнительные органы — земские управы. Состав представительных и исполнительных органов власти должен определяться свободными выборами на пропорциональной основе, определяемой национальным составом населения указанных административных единиц. Высшим органом управления на этих уровнях управленческой иерархии должны стать Земские собрания. На этих собраниях избираются члены Земского Собора — Верховного органа власти Русского государства, определяющего политику, стратегию и тактику развития страны и важнейшие вопросы духовной, культурной и социально-экономической жизни российского общества. В земских органах управления всех уровней должны быть представлены все сословия и все народы и народности, проживающие в России. Из состава Земского Собора, впредь до учреждения народной монархии, избирается Высший Государственный Совет-Триумвират в составе Патриарха Русской православной церкви, Верховного главнокомандующего и Главы правительства.

При таком государственном устройстве России не нужны будут ни чуждые ей республиканские «одежды», ни президентские, ни парламентские. Не нужны ей будут и различные партии, разрывающие единый организм российского общества.

Россия в страшном кризисе. Задача создания Русского православного государства несказанно трудна, но это единственный плодотворный путь к спасению и воскрешению России. Поручкой продвижения русского народа по этому пути является вера православная. Россия оживет только верой, которая хотя во многом и порушена, но жива. Об этом прекрасно сказал в своих стихах Ф.И. Тютчев:

*Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь.
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.*

Эти призывные строки были написаны замечательным русским поэтом и мыслителем более полутора веков назад, но для нас они ныне сверхактуальны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

РАССКАЗ

Проход с трудом приподнялся на руках, посмотрел в сторону остановки автобуса: четверо крепких парней в кожаных куртках пересекали дружной стайкой дорогу, над ними вспухали голубоватые дымки. Никто из них даже не обернулся — настолько он был им неинтересен. Вспомнилось, как один из них сказал, и тоже равнодушно, но с нотками превосходства над другими:

— Хватит его месить: нам за лишнее не платят.

Тогда самый молодой и особенно ретивый последний раз ткнул Прохора ногой по ребрам и, сплюнув, хохотнул:

— А я только разошелся, блин!

И после этого Проход еще некоторое время лежал, не шевелясь, парализованный всем случившимся, слыша лишь удаляющиеся шаги.

Его били недолго. Он даже не пытался сопротивляться: и потому, что ничего не понял, а более всего — не успел. Они, четверо парней, встретили его, когда он, покинув рынок, свернул в переулок, направляясь к автобусной остановке, и тот, по чьей команде закончилось избиение, плотный, рослый крепыш, спросил равнодушным голосом, заступив Проходу дорогу:

ПРОЗА

— Тебя предупреждали, чтобы ты здесь больше не появлялся? Предупреждали. А ты не внял... — И тут же коротким, но таранным ударом под дых заставил Прохора согнуться.

А потом удар под колени, по ребрам. Он даже не понял, как очутился на грязном асфальте: то ли его сбили, то ли сам лег, и теперь лишь прикрывал лицо руками да поджимал к животу ноги, не зная, что именно так и должен поступать в подобных случаях, руки и ноги сами знали, что им делать.

Прохор был мужиком здоровым и сильным, таким добродушным сорокадвухлетним увальнем. Он шутя поднимал десятиведерную бочку с солеными огурцами или квашеной капустой, и, может быть, поэтому никогда не занимался спортом, полагая, что его силы хватит на все — в том числе и на то, чтобы постоять за себя, и теперь, лежа на холодном, грязном асфальте, чувствовал себя не просто избитым, а униженным и оскорбленным.

Мимо него шли люди, шли торопливо, никто не остановился, не спросил, в чем дело, — и это тоже было тем новым, что пришло в их жизнь с новыми порядками.

С трудом поднявшись на ноги, Прохор постоял, кряхтя и оглядываясь: болели ребра, спина, особенно сильно под коленом, дышать приходилось через боль. Подняв свою сумку, он поплелся к автобусу. Парни ничего не взяли: ни деньги, ни сумку. Они не были грабителями. Да, его предупреждали, чтобы он не ходил на вещевой рынок со своими пирожками. Так ведь он продавал их не в открытую. Он разносил их по точкам, исключительно по заказу: одним пять пирожков с картошкой, другим десяток с капустой, третьим с яблоками или творогом. Пирожки пекла жена, а она умела это делать отменно: ее пирожки, пироги и торты хвалили все, кто их пробовал, и поначалу она же и носила продавать, но ее как-то прижали в темном углу, вырвали сумку, оставшиеся пирожки вытряхнули в грязь и предупредили: больше не появляться.

— Все, — произнесла Дарья устало и обреченно, бросив пустую сумку возле порога. — Отторговалась. — И, не раздеваясь, села на ящик для обуви.

— Кто? — спросил Прохор, сжимая огромные кулаки. — Мы сейчас с тобой пойдем туда, и я их...

— Не выдумывай, — отмахнулась Дарья. — Пырнут ножом — вот и все твое геройство. А у нас дети, родителям помогать надо...

И тогда Прохор, привыкший во всем слушаться более практичную в житейских делах жену, предложил:

— Ладно, я буду разносить: меня-то уж не тронут. Пусть попробуют.

Дарья долго не соглашалась, с содроганием вспоминая грязный, вонючий контейнер, куда ее впахнули, когда она проходила мимо, вспомнила тот ужас, который испытала, понимая, что находится в полной власти этих чужих в ее городе людей. Она даже не решилась закричать, понимая, что не успеет открыть рта, как ее... как ей... она готова была исполнить любое их приказание, лишь бы ее отпустили. А ведь с Прохором они церемониться не станут.

Но Прохор настаивал, доказывая, что с ним ничего не случится, и она сдалась, в конце концов: может, и правда, не тронут. И почти неделю Прохор ходил на рынок со своей сумкой, и все ждал, что вот сейчас подойдут, окружат или еще что, и он... Что будет дальше, он представлял с трудом, но был уверен, что рассчитается и за жену, и за себя, если они посмеют только... только посмеют поднять на него руку.

Конечно, был указ, что без лицензии, санитарного контроля и прочее торговать съестными товарами нельзя. Но куда деваться, если ничего другого они с женой придумать не смогли? А лицензия, контроль — это ж черт знает что такое! — в том смысле, что попробуй-ка походить за всякими справками, да тому дай на лапу, да этому. А еще потребуется «крыша» и со стороны бандитов, и со стороны милиции. Это сколько же времени пройдет! А жить надо сегодня, сейчас. И самим кормиться, и детей кормить, одевать-обувать. А с чего? Завод, на котором работал Прохор токарем высшего разряда, а Настя — контролером ОТК, закрыли, все его помещения раздали под склады и офисы. Когда вся эта муть с приватизацией начиналась, им внушали, а они верили, — и Прохор вместе со всеми, — что если завод станет акционерным обществом, дело пойдет лучше, потому что свое, не дядино. И акции раздали всем работникам в зависимости от стажа, и совет акционеров создали, но стало не лучше, а хуже: ни работы, ни зарплаты. А вскоре объявились какие-то темные личности, стали скупать акции, завод обанкротился и пошел с молотка.

Нет, когда Прохор с женой и сотнями других таких же оказались на улице без гроша в кармане, до пирожков они еще не додумались. Вернее, Дарья не додумалась, потому что сам Прохор ни до чего додуматься не мог. Дарья поначалу взялась «челночить» то в Турцию, то в Польшу, покупая там всякое тряпье. А Прохор занялся частным извозом, но не прошло и месяца, как «жигуль» его сожгли, а тещу свой «Москвичок» пожалел. Да и то сказать: дача без машины, считай, пустое место. И Прохор вынужден был идти в напарники к своей жене. Однако из нужды вроде бы вылезли. Деньжата

появились, подумывали о новой машине. Но они занимались куплей-продажей сами по себе, еще по старым, совковым, правилам: пришел на рынок, уплатил за место, разложил свой товар и торгуй. Да только вскоре обнаружили, что на барахолке все места заняли приезжие, и теперь, куда ни ткнись, везде они, и если хочешь торговать, то плати им же, делай то, что велят, иначе... Короче говоря, дело это стало невыгодным и опасным: помотайся-ка по аэропортам и вокзалам, где тоже царят волчьи законы, и не только в России, но и за границей, где можно лишиться и товара, и денег, и жизни, выдержи-ка всю эту нервотрепку. Поэтому пирожки стали как бы следствием их пятилетнего опыта. И все шло более-менее нормально, пока об их новом бизнесе не прознали новые хозяева рынка. И не потому они на них ополчились, что ревностно блюли российские законы, а потому что отнимали едоков их чебуреков, шашлыков и цыплят-гриль, бог знает из чего сделанных и в каких условиях.

Прохор брел домой, с трудом переставляя ноги, стараясь дышать ровно, едва-едва, и более всего боясь, что Дарья, увидев его избитым, беспомощным, потеряет к нему, такому сильному и уверенному в себе, всякое уважение. И не только она, но и дети, и все, кто его знает.

Он брел, то и дело останавливаясь и отдыхая, оглядываясь и пытаясь понять, почему в этом мире все продолжает стоять на своих местах или двигаться, как стояло и двигалось до этого, в то время как он... как его... и почему он сам принимал так равнодушно сообщения о том, что где-то кого-то ограбили, убили, изнасиловали? Не верил, что это могло случиться и с ним самим? Или потому, что все эти годы со всех сторон, изо дня в день так и сыпались всякие ужасы, так что люди, как и он сам, привыкли к чужим страданиям и покрылись коркой равнодушия? И получается, что кто-то очень старался и старается до сих пор, чтобы все они сделались равнодушными к чужому горю, ни во что не вмешивались, все мерзости принимали как должное.

Каждый за себя, один Бог за всех... Разве это правильно? Разве это по-человечески? Да и какое до них дело Богу? И есть ли он на самом деле? Раньше не было, а теперь, говорят, появился вновь. Все повторяется, все повторяется...

Прохор переступил порог своей квартиры и сразу же наткнулся на испуганный взгляд Дарьи.

— Что случилось? — прошептала она, прижимая руки к рту, удерживая крик.

— Ничего, — ответил он тоже шепотом.

— Как же ничего! — вскрикнула Дарья, всплеснув руками. — Ты посмотри на себя в зеркало! Тебя били?

— Не кричи: дети услышат, — постарался успокоить ее Прохор, а сам вдруг почувствовал, что вот-вот расплачется.

— Детей нет дома: они в школе. Так что же все-таки случилось?

— Мне бы умыться, — давился он словами, не отвечая на Дарьины вопросы, лишь теперь осознав в полной мере, что с ним произошло. И не только с ним, но и с Дарьей, и с детьми.

Жена помогла ему раздеться, приготовила ванну, заварила какой-то травы, и хлопотала над ним, как над ребенком, обмывая его тело, покрытое синяками и ссадинами. Она обтерла его махровым полотенцем и принялась смазывать ссадины йодом, а синяки заграничной мазью.

— Я их еще встречу, — грозился Прохор, хотя вряд ли узнал бы кого-нибудь из своих обидчиков. — Я им покажу, где раки зимуют. Они у меня попомнят...

— И не думай, горе ты мое луковое, — ворковала Дарья, точно рада была возможности поухаживать за своим мужем, вдруг ставшим таким беспомощным. — Одного ты, может, и поколотишь, а потом они тебя так разделают, что я и-и... и не знаю, что с тобой будет. Они ж все боксеры да каратисты, а ты в жизни своей ни в какие секции не ходил. Где уж тебе, горе ты мое.

— Что ж, по-твоему, простить?

— Не простить, а плюнуть. Ты нам живой и здоровый нужен.

— А такой вот, значит, не нужен, — обиделся Прохор.

— Ну что ты такое говоришь? — возмущалась Дарья. — Сам-то себе такой нужен? А калекой ты себе нужен? Они же звери! В них ничего людского не осталось! Их, может, убивать надо. Но не тебе же. Ты, вспомни, даже курицы зарезать не смог — к соседу пришлось идти...

— Значит, тебе я уже не нужен? — упрямо гнул свое Прохор, задыхаясь от обиды.

— Да что ты такое говоришь! — всплескивала руками Дарья. — Да ты мне даже без ног, не дай Бог случись такое, будешь нужен! Да я тебя никаким не брошу!

И вдруг уткнулась ему в плечо и разрыдалась.

Прохор гладил волосы жены своими большими руками и, запрокинув голову, смотрел в потолок ванной комнаты, а потолок этот, давно не знавший ремонта, шевелился в его глазах белой пеной.

На другой день они отправились в травмпункт. Доктор-хирург, торопливо сунув в карман протянутую Дарьей купюру, осмотрел Прохора, ни о чем не спрашивая, и направил на рентген. Там выяснилось, что у него сломаны два ребра, а из

внутренних органов вроде бы ничего не пострадало, но действительно ли не пострадало, выяснится лишь какое-то время спустя.

— Покой и никаких физических нагрузок, — сказал доктор. — Рекомендую бальзам Сидорова, хвойные ванны, витаминны и глюканат кальция. А вообще — и так пройдет: организм у вас здоровый, сильный, он с этими болячками справится сам.

— Ну, вот и хорошо, — сказала Дарья, едва они покинули травмпункт. — Скоро у детей летние каникулы, поедем в деревню, надо на зиму запастись овощами. Заведем кур и кроликов, может, поросенка. Наделаем колбасы, сала засолим. Я носки стану вязать, из кроличьих шкурок можно будет делать шапки... Помнишь, какая у меня в детстве была заячья шапка с длинными такими ушами? — воскликнула она и радостно рассмеялась. — Помнишь? Ты еще любил дергать за эти уши. — Прохор молчал, и Дарья, вспомнив детство, грустно улыбнулась и вздохнула: — Таких теперь не делают. А мы возьмем и сделаем. Правда? Ничего сложного... А можно продавцом куда-нибудь устроиться. Или нянкой, — тараторила она, стараясь отвлечь Прохора от мрачных мыслей. — Вон Ленка Кулакова, посмотри: устроилась нянкой в китайскую семью и очень довольна. Правда, все у них там расписано по часам и минутам и чтоб ни-ни-ни, так они за это и деньги хорошие платят...

— С трудом представляю тебя нянкой, — проворчал Прохор.

— А торгашкой ты меня лет десять назад мог представить? А себя с пирожками? Мы всегда смотрели на этот народец с презрением. Я и на себя точно так же смотрела совсем недавно. Гляну в зеркало — и аж в дрожь бросит. И сама же себе и скажу: «Дашка, до чего же ты докатилась!»

— Теперь все поставлено вверх ногами: торгашу почет, а работяге плевки да подзатыльники, — проворчал Прохор.

— Ничего! — воскликнула Дарья с непобедимым оптимизмом. — Ничего, ничего! Все образуется — вот увидишь. Как-нибудь переживем это гнусное время, а дальше... Не век же вся эта мерзость будет продолжаться. Да и власти, похоже, стали за ум братья. Поняли, что на нефти да газе не проживешь. Давеча по телевизору президент так и сказал...

— Говорить-то они все горазды. Толку-то с их говорильни никакого. Им главное — свои карманы набить, а чуть что — собрали свои манатки и за границу.

— Ах, Проша, ну ты опять за свое. А Варюхе на следующий год в институт поступать. Вот и думай, в какой.

— Сама выдумает. Нас не спросит. Мы-то не спрашивали...

И до самого дома они шли молча.

Тут как раз подошли школьные каникулы. Ребра у Прохора если еще и не срослись окончательно, то и не болели, хотя дышать в полную силу не позволяли. Зато он в эти дни вынужденного безделья по винтику перебрал старенький «Москвичок» своего тестя, без которого и дача не дача, а одно сплошное мучение. Дарьины родители еще раньше уехали в деревню, так что Прохору особенно и не пришлось в земле ковыряться, но все остальное: полив, окучивание, удобрение, строительство курятника и клеток для кроликов он взял на себя. С поросенком, правда, не получилось: поздно спохватились, когда поросят уже и не осталось. А купить подростка не хватило денег. Потом, уже в начале июня, когда ребра срослись окончательно, Прохор присоединился к тестю, который подряжался на всякие работы у богатых дачников: кому лужайку расчистить, кому дорожку выложить плитами, кому что-то по плотницкому делу. Правда, и здесь была конкуренция со стороны заезжих арбайтеров из бывших «братских республик», но не такая жестокая, как на рынке, то есть пока еще без драк и поножовщины.

А еще Прохор вкопал за избой толстый столб, обмотал его старым матрасом и долбил его кулаками, пинал ногами, имея в виду когда-нибудь встретить своих обидчиков и расчесться с ними по полной программе, а более всего так, на всякий случай.

Утро выдалось серое, мглистое, но без дождя. В последнее время неделями так длится и длится, а ученые предсказатели погоды каждый день уверяют, что вот-вот погода изменится к лучшему. Но погода не хотела внимать заклинаниям небритых предсказателей и длинноногих предсказательниц, и серые дни и ночи тянулись нескончаемой чередой. Хоть бы ветерок подул откуда-нибудь, хоть бы гроза разразилась какая. Нет и нет. Серое равнодушное одеяло висело над головой, заслонив и солнце, и звезды, нагоняя тоску.

Была среда. Дарья вдруг с утра пораньше засобиралась в город посмотреть квартиру — не обобрали ли? — купить лекарств и кое-каких продуктов, потому что в здешних магазинах, прилепившихся к дачным поселкам, все вдвое дороже и хуже.

— Может, на машине поедешь? — спросил Прохор.

— А бензин, знаешь, сколько нынче стоит? — вскинулась Дарья. — На автобусе дешевле.

Прохор вызвался ее проводить, а уж потом идти на работу. Они с тестем недели две назад подрядились к одной денежной бабе, служившей в нотариальной конторе, спланировать ее дачный участок на английский манер, вырыть и устроить фонтан с небольшим бассейном по картинке из какого-то специального журнала. Большая часть работ была выполнена, оставалось немного, и тут тестя скрутил радикулит, так что Прохору теперь надо было отдуваться за двоих.

— Ты что-то там завозился... у этой нотариусши, — произнесла Дарья, искоса поглядывая на Прохора, когда они вдвоем шли к автобусной остановке.

— Завозился... Скажешь тоже. Это ж все перелопатить и передвинуть, что там машинами разворочено. А у ней пятнадцать соток. А бассейн забетонировать да облицевать плиткой — такую-то ямищу, а обваловать вокруг... Я и так стараюсь, чтобы побыстрее, да выше головы не прыгнешь.

— Да видела я, как ты стараешься. Пять минут работаешь, а полчаса перекуриваешь. А эта... толстомордая... так вокруг тебя и вьется, так и крутится, хапуга конторская. Вот уж наплодилось всякой дряни, так наплодилось. И откуда только взялись такие наглые? В телевизор, как ни глянешь, так одни мордороты, одни жулики на тебя пялятся — плюнуть некуда...

— Ну, чего ты, Даш, в самом-то деле? Я что, виноват, что ли? Она меня и обедать оставляет, и ужинать, я ж не остаюсь, домой хожу. А ты... это самое... выдумываешь все.

— Ничего я не выдумываю! — озлилась вдруг Дарья. — Это ты ничего вокруг себя не видишь! Она клинья под тебя так и подбивает, так и вколачивает. У ней деньги куры не клюют, а уж мужиков-то она перетаскала к себе самых разных, да, видеть, сквалыга та еще, никто возле нее не держится...

— А я-то тут при чем? — хмурился Прохор. — Нужна она мне, как собаке боковой карман. Мне и тебя хватает по самую маковку...

— Вот-вот... То-то же вчера вечером... я к нему и так, и этак, а он хоть бы что, будто я уже и не женщина...

— Да устал я, — оправдывался Прохор. — Потаскай-ка тачки с песком да гравием, да бетонные плиты, да все остальное. Рук и ног не чую к вечеру. А ты... это самое.

— Раньше чуял, а теперь вдруг перестал. Ты мне мозги не пудри.

И Дарья вдруг хлопнула носом и отвернулась.

Прохор шел, хмурился и молчал. Думал: «Всегда у этих баб одно на уме, мужику подумать и порассуждать о жизни как следует не дадут со своими бабскими затеями».

Проводив Дарью, Прохор свернул к дачному кооперативу. Тропинка велась среди столетних сосен, могучие стволы которых, покрытые панцирной корой с сиреневым отливом, уходили в поднебесье и там бронзовели, окутанные зеленой хвоей. Затем тропинка нырнула в темный ельник и выбежала на поле, на котором когда-то растили хлеба. Теперь здесь грудились двух-, трехэтажные кирпичные коттеджи с высокими крышами под цветной черепицей.

Прохор остановился у знакомой калитки из кованого железа, открыл замок собственным ключом и сразу же направился к сараю, где хранились все необходимые для его дела инструменты: механический культиватор, лопаты, ломы, кирки и грабли. Хозяйка, Инесса Аркадьевна Воловец, дама лет тридцати пяти, обладающая пышными формами, которые распирала ее платье во все стороны самым решительным образом, приезжала на дачу по выходным, но в последние дни, когда Прохор стал работать один, без тестя, появлялась по вечерам и в будни, и Прохор, как ни занят работой и по природе своей ненаблюдателен, почувствовал, что Инесса Аркадьевна приезжает сюда исключительно ради него. Тут Дарья совершенно права, и ей для своих выводов хватило всего лишь одного раза побывать на даче у юристки. Бабы, они, известное дело, соперницу чувят за версту. Но Прохору эта толстомыкая юристка и с большой приплатой не нужна, тем более что если поставить ее рядом с Дарьей, то и подумать даже смешно, кто из них лучше.

В этот день Прохор работал как проклятый: он до обеда закончил выкладывать дно бассейна кафельной плиткой и сразу же, без долгого перекура, начал обваловку его бортов снаружи гравием и песком. Оставалось уложить вокруг бетонные плиты и соединить бассейн бетонной же дорожкой с другой такой же. Затем прокультивировать прилегающий к бассейну участок и засеять семенами газонных трав. И все. И работа закончена. Если поднажать, то дня через три-четыре он ее и закончит.

И все-таки Дарьины обидные попреки сидели в его голове и странным образом поворачивали мысли к Инессе Аркадьевне, как бы защищая ее перед Дарьей и даже оправдывая.

«Ну и что? — думал Прохор, трамбуя деревянной трамбовкой землю и гравий. — Ну и что, что подбивает клинья? На то она и баба, чтобы подбивать. Тем более что холостая. И главное — не дура какая-нибудь. Эвон какой домище отгрохала. Дворец, да и только. А что она работает в нотариальной конторе, так в этом нет ничего худого. Было бы у меня или у Дашки соответствующее образование, и мы, может быть, работа-

---

ли там же. И зашибали деньги, какие нам и не снились. Ведь она же, Инесса эта, не с ножом к горлу подступает к своим клиентам, чтобы ей платили, а по тарифу. А без нужной справки попробуй-ка куда-нибудь сунуться. Вот и дантисты тоже гребут лопатой, а без зубов попробуй-ка походи. Пожуй-ка без зубов-то. То-то и оно. И нечего тут завидовать и проклинать».

Проخور отер пот со лба тыльной стороной ладони и огляделся. Хотел было закурить, но передумал: после курения дышалка уже не та, а трамбовка — в ней два пуда с гаком. Сам такую соорудил, по собственным силенкам. Однако помаши-ка ею с полчаса, и руки отвалятся у какого хочешь силача. Но Прохору нравится чувствовать себя сильным. На этой работе он животик свой порастряс, и теперь, поднимая и опускавая трамбовку, чувствовал, как играют его мышцы, каким богатырем он видится со стороны. Вот и Инесса эта... И вовсе она не такая уж мясистая. Просто баба в теле, не то что Дашка. Правда, Дашка тоже не худая, но до Инессы ей далеко, хотя именно тонкость фигуры так нравилась ему в будущей жене с самого начала: рядом с ней он чувствовал себя не просто сильным, а прямо-таки могучим. Возьмешь ее, Дашку-то, на руки, а она как перышко невесомое, обнимешь, а она как былинка прильнет к тебе, и хочется ее защищать от кого-то, прикрывать своим телом, чтобы и видно не было со стороны. И никогда он не жалел, что взял ее в жены, хотя, если быть честным с самим собой, это Дарья взяла его в мужа своей настойчивостью и ласками. А он и не сопротивлялся. И ни разу ей не изменял, ни разу не... Впрочем, нет, иногда засматривался, но дальше этого дело не шло, хотя глазки ему строили многие. Но нынешние бабы не чета прежним: у тех главный интерес в удовольствии, а у нынешних — в этой самой... как ее? — в меркантильности. А какой с него меркантилист... при его-то достоинствах? Никакого. То-то и оно.

Обедать Проخور, как всегда, пошел домой. И как всегда, за ним прибежали его ребятишки — по Дарьиному, ясное дело, наущению.

— Папа, бабушка уже обед приготовила! — кричала еще издали тринадцатилетняя Натаха, такая же самостоятельная — вся в мать, хотя обличьем в Прохора. А одиннадцатилетний Антон — копия матери, характером — в отца, подходил молча, останавливался рядом и ждал, когда на него обратят внимание. Вот только старшая, Варвара, ни в мать, ни в отца, а, скорее всего, в обоих сразу. Да еще от дедов и бабок что-то прихватила: серьезная не по годам, рассудительная, и в то же время мягкая, как нагретый на солнце воск.

Бог знает, что из них получится при таком противоречивом сочетании содержания и формы.

Мысль эта принадлежит не Прохору и даже не Дарье, а отцу Прохора, архитектору по профессии. Вот и Прохор пошел ни в отца, ни в мать, не взяв от них ничего, разве что мелочь какую-нибудь, и судьбу выбрал совсем другую. Так в чем тут его вина? Ни в чем. Шел, куда вели обстоятельства. Повели бы в другую сторону, пошел бы в другую. Легко шел по жизни Прохор, и все у него получалось, чего он хотел. А хотел он, если по мерке «новых русских», совсем немного: семью, дом и работу. Да только жизнь вдруг повернулась к нему боком, как и к миллионам других, и путь стал тернистым, и не видно, что там, впереди. И никакая свобода при таких порядках не нужна. Что с нее толку, если свобода эта не у тебя, а у других, и заключается в том, что эти другие могут тебя грабить, а ты не можешь этим грабителям не только морду набить, но даже приблизиться к ним на короткое расстояние.

Натаха держала шланг, поливала отцу спину и оглаживала ладонью, Антон ожидал с полотенцем. Вытеревшись, Прохор поочередно покидал ребятишек вверх, слушая с неизъяснимым наслаждением их визг, радостный и испуганный, чувствуя их легкие тела своими огромными ручищами. После этой обязательной процедуры, вышли за калитку, Прохор навесил замок, повернул ключ, и они отправились обедать.

Но и во время обеда смутные мысли не покидали Прохора. И когда возвращался на дачу Инессы Аркадьевны, они бежали наперегонки, сея в его душе растерянность перед тем, что могло бы быть, если бы он захотел. Но все дело в том, что он и сам не знал, чего хочет, и зачем суетятся в его голове все эти мысли и видения. А все Дашка со своими ревнивыми подозрениями.

Инесса Аркадьевна приехала, когда Прохор, уложив большую часть плитки вокруг бассейна, сидел на чурбаке, докуривая сигарету. Серая пелена в небе потемнела и не двигалась, точно зацепившись за бронзового петуха, восседающего на перекладине над замысловатой башенкой, выполненной в средневековой манере. Прохор слышал, как на улице затормозила машина, но даже не повернулся на этот звук. Во-первых, не обязан; во-вторых, он почему-то боялся сегодня встречи с Инессой Аркадьевной.

Сзади лязгнул открываемый замок, громыгнули железные ворота, заурчал въезжающий на территорию дачи черный лимузин. Затем повторилось в обратном порядке: ворота, замок, а уж потом по бетонным плитам дорожки зацокали каб-

---

луки, все ближе и ближе. И вот она, Инесса Аркадьевна, собственной персоной: в короткой юбке, прозрачной блузке, несколько выпирающий животик, высокая грудь, слегка прикрытая кружевами, густые черные волосы падают на плечи, спадают на высокий лоб, из-под тонких бровей смотрят на Прохора насмешливо черные глазищи; полные губы кривятся лукавой улыбкой, дорожку попирают довольно стройные ноги с полными икрами и круглыми коленками. Очень даже симпатичная баба, и просто удивительно, что не может обзавестись мужем при таких-то достоинствах и деньгах.

— Добрый день, Прохор Алексеевич, — прозвучал певучий голос хозяйки коттеджа.

— Здравствуйте, Инесса Аркадьевна, — ответил Прохор севшим вдруг голосом и медленно поднялся на ноги.

— Боже, как вы много сделали за эти дни, что я не была здесь! — воскликнула Инесса Аркадьевна. — И как это теперь здорово смотрится!

Прохор пожал плечами: не была-то Инесса всего лишь два вечера, — и поискал глазами футболку. Хотя он не впервой предстает перед взором Инессы Аркадьевны в одних только шортах, сегодня почувствовал себя особенно неуютно под ее откровенно изучающим взглядом.

— По-моему, вы заслужили премию за ударную работу, — продолжала хозяйка, обходя бассейн и приближаясь к Прохору.

Она остановилась в двух шагах от него, и он почувствовал терпкий запах ее тела, увидел влажную глубокую ложбинку в вырезе ее блузки, обрамленную тонкими кружевами, отдернул взгляд и произнес:

— Да я что, я не ради премии, а чтобы побыстрее закончить.

— Я понимаю, Прохор Алексеевич, но ведь это и мне выгодно. Согласитесь. К тому же, если мне положены бонусы за ускоренную подготовку документов, то и вам они тоже положены. Таков незыблемый закон, определяющий отношения работодателя с наемным работником. И в этом нет ничего зазорного. Все мы попеременно становимся то тем, то другим. Вы согласны со мной?

— Д-да... То есть я как-то не думал над этим. Но... чем быстрее я сделал одну работу, тем у меня больше остается времени для другой, — отбивался Прохор от каких-то там бонусов, боясь показаться жлобом, хотя лишняя сотня совсем не помешала бы...

— Это уж ваше дело. Ведь билет на самолет потому и стоит дороже, что быстрее. Не правда ли?

— Да, конечно, — согласился Прохор, вспомнив, что раньше при коммунистах, зарплата, даже сельщика, мало зависела от быстроты и качества, она зависела от тарифа, от разряда, от фонда заработной платы, который устанавливали сверху и который сокращали, снижая тарифные ставки, в плановом же порядке, будто бы стимулируя тем самым рост производительности труда. Все это были дебри, в которые Прохор не вникал. А нынче, значит, вон как... Впрочем, эту работу свою он работой не считал: халтура — вот что это такое.

— Так я это... на сегодня все, пошабашил, — пробормотал он, переминаясь с ноги на ногу, хотя, если бы не приезд хозяйки, он бы еще поработал.

— Вы примите душ, Прохор Алексеевич. Не идти же вам в таком виде. А я сейчас включу подогрев...

— Да ничего, спасибо, я так... из шланга.

— Ну, зачем же? Все можно сделать по-человечески, цивилизованным образом... Вы идите в душевую, через пять минут вода там будет горячей.

И Инесса Аркадьевна пошла к дому несколько тяжеловатой, но все-таки величественной походкой, а Прохор смотрел ей вслед, видел, как шевелятся и подпрыгивают ее ягодицы, как колышется спадающая на плечи густая копна черных волос.

Инесса Аркадьевна вдруг остановилась, оглянулась и, улыбнувшись лукаво, попросила:

— Вас не затруднит принести из багажника сумки? Я буду вам очень признательна.

У Прохора на миг сбилось дыхание. Он вообще-то думал, что вот она сейчас войдет в дом, он отнесет в сарай инструменты, за сараем же опрокинет на себя ведро воды, вытерется полотенцем и пойдет домой. А уж дома примет душ, как это обычно и делал. Но нельзя же отказать женщине в ее пустяковой просьбе. И он, почувствовав себя как бы приговоренным к чему-то неизбежному, что вытекало из причитаний Дарьи на пути к остановке автобуса, ее безосновательных попреков и подозрений, поплелся к машине, открыл багажник, вытащил из него две сумки и несколько пакетов, и потащил их к дому, уже ни о чем не думая и ничего не решая.

— Вот спасибо, дорогой мой! — воскликнула Инесса Аркадьевна каким-то особенным, журчащим голосом, появляясь в дверях в легком халате, по которому были разбросаны пальмы, хижины дикарей и сами дикари, танцующие какой-то свой дикарский танец. — Занесите, пожалуйста, в дом. Если вам не трудно.

Прохор молча переступил порог и вошел в просторный холл с кирпичными стенами, ажурной деревянной лестницей наверх, двумя дверьми, ведущими куда-то, с бронзовыми канделябрами, камином в углу, лосиными рогами, плетеными креслами, напольными вазами, икебанами из засохших веток и трав и еще какими-то причудами, ему совершенно непонятными. Он бывал здесь пару раз, но не дальше этого холла, и всякий раз чувствовал себя крайне неудобно, будто забрался в чужой дом с преступными намерениями.

Хотя Прохор вырос в семье известных в городе архитекторов, где все эти дачные причуды богатых горожан рождались на бумаге и к чему его готовили сызмальства, он так ничего и не почерпнул из этих премудростей, не проявив способности ни к рисованию, ни к лепке, ни к музыке. В школе учился кое-как, но в старших классах неожиданно обнаружил в себе тягу к математике, и едва закончил школу, был послан в Москву, в университет, на физмат. Как раз по математике он и провалил экзамены. И не очень огорчился из-за этого. К тому же Москва ему не понравилась своим шумом-гамом, спешкой, многолюдством и невозможностью от всего этого скрыться. То ли дело в их городе, хотя и не самом маленьком в России, но и не таком большом, как Москва.

Из столицы Прохор вернулся домой, где ему грозила армия, которой панически боялись его родители, но почему-то совсем не боялся Прохор. Может, потому, что не задумывался об опасностях, которые его там подстерегали, о возможности попасть в Афганистан. Он не стал прятаться, «косить» от армии, «отмазываться», то есть ходить по хорошо знакомым его родителям врачам, которые могли бы обнаружить в нем болезни, несовместимые с армейской службой, и когда пришла повестка, отправился в военкомат. Его, к ужасу матери, призвали во флот, где по непонятным причинам тонули подводные лодки и сталкивались надводные корабли, — особенно часто в последние годы. На флоте Прохор познакомился с живой техникой, познал радость подчинения этой техники своей воле и, вернувшись на гражданку, устроился на завод и стал токарем. Всего-навсего.

Поставив сумки у порога, Прохор попятился было назад, но Инесса Аркадьевна удержала его.

— Прохор Алексеевич, да вы проходите, не стесняйтесь! Вот там у меня душ, ванна... Можете принять ванну, если хотите...

— Да мне... мне инструмент еще надо убрать, — стал отговариваться Прохор. — Да и грязный я, в цементе весь, на-

---

пачкаю там у вас, — и он стал отколупывать ногтем прилипшую повыше колена цементную лепешку.

— Нет, ну право же, какой вы, однако... несмелый, — заворковала Инесса Аркадьевна. — Такой большой, сильный, а такой робкий. В наше время нельзя быть робким. В наше время надо быть не только смелым, но и нахальным, наглым даже, циничным, иначе сотрут в порошок... — И она вдруг повернулась как-то неожиданно и стремительно, хотя в этом вроде бы не было никакой нужды, легкие полы ее халата взлетели вверх и открыли ее ноги, бедра, охваченные кружевными трусиками, а на одном из бедер замысловатую татуировку в виде завитушек, листьев и переплетенных стеблей.

Ах, зря Инесса Аркадьевна так разоткровенничалась с ним, напомнив ему слякотный весенний день, темный переулочек и размешанную ногами грязь у самого лица. А татуировка — или как там она сегодня называется — лишь подчеркнула принадлежность этой бабы к тем парням, нахальным, наглым и, безусловно, циничным. И в душе у Прохора что-то поднялось темное и мохнатое, он сжал кулаки, повернулся и вышел на крыльцо.

Убрав инструменты, он даже не стал обмываться и переодеваться, собрал свою одежду, сунул в сумку и решительно пошагал домой, повторяя одно и то же, как привязавшийся мотив какой-нибудь глупой песни: «Значит, нахальным? Значит, наглым и циничным? Вот оно, оказывается, как. А я-то думал, что все они против своей воли. Жертвы обстоятельств, так сказать...» И останавливался, и мотал головой в изумлении, точно вся суть нынешней жизни открылась для него только сейчас, после слов Инессы Аркадьевны. Затем шел дальше, и снова те же слова, только в другой последовательности, возникали перед ним некой светящейся рекламой, тускнели и вновь проявлялись среди темных стволов деревьев.

Но дальше этих слов Прохор не углублялся, хотя в них и не было ничего необычного, но произнесенные Инессой Аркадьевной, они неожиданно приобрели особенно зловещий смысл, будто лишая Прохора будущего, обещая еще большую власть над ним и его близкими каких-то темных сил, возникших в его стране будто бы из ничего, прочно ухвативших своими грязными руками все рычаги власти и обыденной жизни, контролируя каждый его, Прохора, шаг, не позволяя отойти в сторону ни на миллиметр, хотя сами давно обосновались в каких-то запредельных далях, в стороне от жизни всего народа, и кривляются там, в этих далях, и похихикивают над ним, над Прохором и ему подобными

людьми, уверенные в своей безграничной власти над ними и безнаказанности.

И по-новому Прохор взглянул на окружающий его мир, ставший вдруг чужим, и кулаки его сами собой сжимались до боли в пальцах, и скулы сводило от переполнявших его чувств отчаяния и ненависти, каких он не испытывал в своей жизни еще ни разу. Даже и после того, как его побили. Но что делать, чтобы как-то изменить свое положение и обеспечить будущее своих детей, Прохор представлял весьма смутно, хотя и понимал, что дальше так продолжаться не может, что однажды что-то случится страшное и с ним, и со всем этим миром, потому что... потому что куда ж ему деваться, если все останется так, как есть?

Прохор не прошел и половину пути, не додумал свои тяжелые мысли, как на лесной дорожке появилась сама Дарья, да еще с детьми, — всеми тремя сразу, — словно шли они спасать его от когтей и лап неведомого чудовища.

— Господи! — воскликнула Дарья сварливо. — Мы уж ждем-пождем, а тебя все нет и нет. Загулял мужик... Вот, решили проведать, как ты тут управляешься...

— А чего проведывать? Маленький я, что ли? — сердито ответил Прохор, еще не отойдя от своих сердитых мыслей.

— Ну, не маленький, а все-таки... Устал, поди, — сразу же переменяла тон Дарья, увидев, что муж ее даже не ополоснулся после работы. — Небось, проголодался...

— Есть маленько.

— Ну, пошли, пошли...

Вечером, после ужина, сидели всей семьей перед телевизором. Только что закончилась очередная серия бесконечного сериала, в котором бесконечные любовные треугольники сменяли друг друга, кого-то убивали, кого-то ловили и разоблачали — все то же самое, что и в других сериалах. Затем стали передавать местные новости: заседания, совещания, дорожные происшествия, убийства, ограбления, пожары, рекламу машин, колбас, чудодейственных напитков. И вдруг диктор, молодой парень, сообщил, — как о событии весьма заурядном, то есть наравне с квартирными кражами и дорожными происшествиями, — что на местном машиностроительном заводе контрольный пакет акций выкупило государство, что в самое ближайшее время намечается возобновление производства металлообрабатывающих станков с программным управлением, что заводу требуются инженеры, техники и рабочие соответствующих специальностей.

— Чего-чего-чего? — вскинулся Прохор, возившийся с сыном.

— Наш завод открывают, — с изумлением произнесла Дарья и обвела всех испытующим взглядом, словно хотела удостовериться, что это сообщение ей не померещилось. И тут же, по обыкновению всплеснув руками: — Боже мой, так надо ж ехать! Бросать все и ехать в город! А то наберут кого ни попадя, а мы останемся с носом.

— Так ты ж ездила, неужто никто и ничего? — изумилась Прохорова теща, Таисия Егоровна.

— Да откуда ж, мам? — воскликнула Дарья. — Мне и голу не пришлось спрашивать. И к заводу я не ездила. Чего бы я там делала? Все по магазинам да аптекам. И никто ни словом, ни полсловом об этом не обмолвился...

И старики тоже заволновались, тем более что тесть всю жизнь проработал на этом же заводе сначала слесарем, затем мастером, а теща, хотя и не работала на самом заводе, зато работала медсестрой в заводском детсадики. И все продолжали тарашиться в телевизор в надежде, что повторят еще раз, объяснят подробнее, что и как, но молодого человека сменила молодая женщина, которая стала рассуждать о том, что модно в этом году на турецких, кипрских, тайских и прочих пляжах. Однако рассуждения эти лишь раздражали своей вопиющей неуместностью, и телевизор переключили на мультики.

— Эдак, того и гляди, и я там понадобится, — сказал тесть, Николай Степанович, и посмотрел с надеждой на свою жену.

— И не думай, и не мечтай! — отмахнулась Таисия Егоровна. — Мы свое отрубили. Хватит. Вы, значит, подадитесь в город, а я одна с детьми ковыряйся? Да огород на мне, да сад. Да живность. Это как понимать? Нет уж. Чай не молоденькая, силы уж не те. А они, сорванцы этакие, на месте и минуты не посидят. Где уж мне за ними усмотреть. Да Петька своих притащит, да Анька... Хоть ложись и помирай. Особенно с Анькиными балбесами...

— Мам, — вступилась за брата и сестру рассудительная Дарья. — Петру-то с какого боку наш завод? Он как шоферил, так и дальше шоферить будет. И Анне тоже ни к чему: она на цветах и так неплохо зарабатывает. И дети у свекрови пристроены. Да и вообще... Вы-то чего всполошились? Если мы с Прошей вернемся на завод, то все наладится...

Но, несмотря на столь решительное заключение, весь вечер разговоры только и вертелись вокруг сообщения и возможных изменений в их неустроенной жизни. И даже тогда, когда легли спать, Прохор все вздыхал и ворочался, вставал, выходил покурить, и Дарья слышала, как на крыльце бубнили два мужских голоса. Это продолжалось до тех пор, пока Таисия Егоровна не разогнала мужиков по спальням.

И тут Прохор, едва улегшись на кровати рядом с женой, почувствовав тепло ее тела, вдруг так отчетливо увидел взлетевшие полы халата Инессы Аркадьевны, что, не мешкая, повернулся к Дарье, притворявшейся спящей, осторожно обхватил ее своими лапами, прижал к груди, и оба засопели, копошась под одеялом.

Утром, за завтраком, решили, что в город снова, и сегодня же, поедет Дарья, все разuzнает, как и что. И Дарья тут же засобиралась, волнуясь, точно на собственную свадьбу. Прохор, как и вчера, пошел ее провожать.

На остановке автобуса собралось народу больше, чем обычно. И все разговоры вертелись вокруг вчерашнего сообщения об открытии завода. Даже бабки — и те туда же. Да и то сказать: сколько многие из них себя помнят, их жизнь была связана с этим заводом, построенным еще до войны, затем все расширявшимся и расширявшимся, так что его корпуса и прилегающие к нему жилые кварталы захватили несколько деревень и окружающие их поля. И вот, когда молодого человека с телевизионного экрана, который, скорее всего, даже и не представлял себе, что за весть он сообщил умирающему поселку.

Посадив Дарью в автобус, Прохор пошагал на дачу Инессы Аркадьевны с твердым намерением закончить всю работу послезавтра, и ни днем позже, хотя бы для этого пришлось расшибиться в лепешку. Затем воскресенье посвятить своей даче, чтобы в понедельник, с самого утра... Он шел с той спокойной уверенностью в себе, когда твердо знают, что ждет их впереди. А впереди его ждал завод, где не будет места таким стервам, как эта Инесса и всем прочим тоже, где не нужно становиться ни нахальным, ни наглым, ни циничным.

Хотя был четверг, то есть рабочий день, машина Инессы Аркадьевны стояла на своем месте под навесом, но самой хозяйки видно не было: спала, наверное. И Прохор приступил к работе. Он перетаскал из штабеля у ворот оставшиеся цементные плиты, разложил их вокруг бассейна и вдоль будущей дорожки, чтобы потом, начав укладку, иметь их под рукой, затем принялся дорожку засыпать песком, и когда уже почти закончил, на крыльце появилась Инесса Аркадьевна, все в том же халате, в босоножках и соломенной шляпе.

— Доброе утро, Прохор Алексеевич! — издали поприветствовала она его своим певучим голосом.

Прохор разогнулся, глянул на хозяйку, усмехнулся с видом человека, которому известно нечто такое, что не известно никому.

— Добрый день, Инесса Аркадьевна! — весело откликнулся он. А про себя подумал, снисходя к человеческим слабостям: «Время уж скоро двенадцать, а ей все еще утро».

— Не хотите ли кофе, Прохор Алексеевич?

— Нет, спасибо. Я уже пил.

— Ну, это когда было! Тем более что работа у вас такая тяжелая, скольких калорий требует...

— Работа как работа. Ничего особенного, — не стал кочевряжиться Прохор: пить, действительно, хотелось, и перекусить не мешало тоже. В конце концов, что тут особенного? Ничего. В иных местах он не отказывался от угощений, видя, что это доставляет хозяевам удовольствие. Да и как же иначе? — русские же люди, у которых хлебосольство в крови. Он бы и сам на их месте поступал бы точно так же. Правда, Инесса Аркадьевна совсем другое дело, но сегодня и она не имела над ним былой власти, которая могла бы возобладать, позволив он себе сделать в этом направлении хотя бы один шаг.

А с другой стороны рассудить, он ведь об этой бабе ничего не знает: ни где и как она росла, ни кто ее родители, ни в каких условиях она обретается в настоящее время. Неизвестно, каким бы стал он сам, окажись на ее месте. Опять же, вряд ли она счастлива со всеми теми качествами, которые считает необходимыми для современного человека. Уже хотя бы потому, что живет одна, как перст, в этих своих хороммах. Да и в городе, поди, квартира не хуже. А счастья нет. Вот и кидается на мужиков, потому что для бабы счастье — это когда семья, дети, муж, на которого можно положиться. Если бы ему, Прохору, предположим, подарили такой же вот дом и сказали, чтобы жил в нем один, без Дарьи и детей, он бы лишь посмеялся на такое предложение. А Инесса живет и, посмотреть со стороны, в ус, похоже, не дует.

И Прохору даже стало жалко эту неудачницу. А Инесса Аркадьевна уже рядом, в руках поднос, на подносе кофейник, маленькая изящная чашка и большая кружка, и все прочее, что положено для кофе. Прохор разогнулся, отряхнул с рук песок.

— Ну что ж, кофе так кофе, — произнес он благодушно.

Инесса Аркадьевна поставила поднос на борт бассейна, предложила, беря в руки кувшин:

— Давайте я вам полью на руки.

— Давайте.

Они пили кофе, сидя на углу бассейна, и Прохора уже не смущали взгляды хозяйки коттеджа, точно он был заговоренный. К тому же Инесса Аркадьевна вела себя не так развязно, как обычно. В ней даже выказывалась некоторая ро-

---

бость: она то и дело поправляла расползающиеся полы халата, прикрывая им колени, и верхняя пуговица на халате была застегнута, так что виднелась лишь часть ложбинки между грудями. Возможно, это была игра опытной самки, но Прохор так глубоко не вникал в ее поведение.

— Вот вы у меня закончите через несколько дней, — заговорила Инесса Аркадьевна, когда половина большой кружки Прохором была выпита и съедены две булочки. — И что будете делать дальше?

Прохор хотел сказать, что дальше будет завод, но вдруг испугом подумал, что это еще только, как нынче говорят, сообщение о намерениях, а когда эти намерения воплотятся в жизнь, не знает никто. Да и найдется ли ему, Прохору, там место? Вдруг не найдется? Вдруг заменят арбайтерами? Им же платить надо меньше, им и общежития хватит, а чуть что — и за ворота... Все может быть. К тому же не стоит загадывать заранее — нехорошая примета.

И он лишь пожал плечами, дожевал булочку, допил кофе и лишь после этого открыл рот:

— Еще не знаю. Там будет видно.

— А у меня есть к вам предложение. Только вы дайте мне слово, что не станете отказываться, хорошенько всё взвесив все за и против.

— Хорошо, даю, — великодушно согласился Прохор.

— Мне нужен садовник, сторож, короче говоря, человек, который бы следил за моей дачей, поддерживал здесь порядок и охранял ее. Я бы хорошо платила за эту работу.

Прохор в душе изумился столь неожиданному предложению, настолько оно показалось ему нелепым, унижительным и черт знает каким, то есть как раз таким, какое только что вызывало в его душе непонимание. Даже и за хорошие деньги. И он уж хотел все свое изумление выплеснуть на голову этой... этой бабы, но Инесса Аркадьевна выставила вперед раскрытые ладони, как бы защищаясь от его слов, готовых сорваться с языка и все испортить. И Прохор лишь передернул плечами.

— Спасибо за предложение. Я подумаю, — произнес он и широко улыбнулся, довольный, что сдержался и не наговорил дерзостей, а главное — не выдал своей тайны. — И за кофе спасибо тоже, — спохватился он, уже встав на ноги.

— Ах, какая у вас хорошая улыбка! — воскликнула Инесса Аркадьевна, и полы ее халата разъехались, открывая загорелые ляжки и знакомую татуировку.

— Извините, но мне надо работать, — произнес Прохор, с трудом отрывая взгляд от ее ног.

— Да вы отдохните немного! — продолжала Инесса Аркадьевна, тоже вставая. — Нельзя же вот так сразу... после еды: это очень вредно для здоровья.

— Мне можно, — не согласился Прохор. — К тому же на днях обещают дожди, а тут еще работы...

И он решительно подхватил тачку и покатил ее за очередной порцией песка.

Он не видел, с какой тоской смотрела на его широкую спину Инесса Аркадьевна, как теребили в растерянности пальцы ее рук витой поясок халата. И даже не чувствовал этого ее призывного взгляда. В Прохоре все ликовало и пело, точно он совершил нечто невероятное, или открыл что-то в самом себе и окружающем его мире, или освободился от чего-то такого, что и названия не имеет в человеческой речи.

Он кидал в тачку песок совковой лопатой и не чувствовал ее веса. А тут неожиданно выглянуло солнце, мгла разошлась, превратившись в легкие облачка, открылось синее-пре-синее небо. Прохор глянул в это небо, будто видел его впервые, и тихо рассмеялся. И подумал сам про себя: «Дурак ты, Прошка!», — подумал с радостью, даже с гордостью и глубоко вдохнул воздух, густо напоенный запахом цветущего жасмина, и запах этот напомнил ему сегодняшнюю ночь, Дарью, с таким неистовством целовавшую его, как не целовала в далекой молодости.

Когда от ворот он катил к бассейну тачку, с горой нагруженную песком, Инессы Аркадьевны уже не было.

— А я с хорошей вестью, — встретила Прохора Дарья, едва он вечером переступил порог из избы. — Была на заводе. Отдел кадров работает, людей набирают. Видела кое-кого из наших, из сборочного. Работают такелажниками, распаковывают оборудование, монтируют. Старый конвейер еще раньше растащили на металлолом. Даже провода и те повиыдергали. Теперь все делают заново. Строители работают, стены новые кладут, штукатурят. А в твоём цехе осталось всего несколько станков, и то самых старых: все растащили, разворовали. Говорят, начальник производственного отдела Скоков у себя на даче целую мастерскую открыл: там у него и токарные станки, и фрезерные, и какие хочешь. И всякого металла тоже натаскал. Делает кинжалы, сабли, мечи там и прочее и продает новым русским. А, помнится, был членом парткома, такие слова красивые говорил — и на тебе: жулик и вор.

— Так чего уж тут, — решил заступиться за бывшего начальника Прохор. — Жить-то и ему тоже надо как-то. Не челночить же. Вот он и крутился. А воровали все...

— Мы-то с тобой даже гвоздя с завода не принесли. Гайки паршивой! — воскликнула Дарья не то с возмущением, не то с сожалением.

— Так у кого было больше власти, тот больше и украл. А мы с тобой в это время ушами хлопали... И нечего об этом жалеть.

— Ладно, чего там! — махнула рукой Дарья. — Иди мойся, а то ужин стынет.

За ужином Дарья продолжила докладывать о том, что видела и узнала:

— Я в отделе кадров себя и тебя записала. Чтобы, значит, имели в виду. А открывать завод официально намечается к концу года. Но подготовительные работы идут уже полным ходом. Мне там работа по специальности пока не светит, говорят, что технических контролеров переучивать будут. А только курсы по переподготовке в октябре заработают. Можно, конечно, и мне устроиться: где чего помыть, почистить, убраться. Но там арбайтеров и без меня хватает. И платят мало. А ты хоть завтра можешь работать в инструментальном. Зарплата от двадцати тысяч и выше. Начальником там Васька Чугунов, ты его знаешь. Говорит, пусть приходит, с радостью возьму. Так что сам решай, что делать.

— Конечно, пойду, — удивился Прохор непонятливости жены. — Вот завтра-послезавтра закончу у Инессы. Чего мне тут зря околачиваться? А ты тут пока...

— Вот еще выдумал! — возмутилась Дарья. — Ты там, а я, значит, тут?

— И правда, поезжайте вместе, — поддержала Дарью Таисия Егоровна. — Без вас как-нибудь управимся с внуками. Не беспокойтесь. А то мало ли — займут ваши места, будете кусать локотки, да поздно.

На том и порешили.

На другой день Прохор на дачу к Инессе Аркадьевне пришел вместе с тестем. Тот вроде бы оклемался от своего радикулита после интенсивной терапии своей жены, а таскать культиватор, хотя тоже не легкое дело, однако, и не такое уж тяжелое. Вдвоем, глядишь, они сегодня и закончат все под чистую.

Так оно и случилось. И даже раньше, чем Прохор рассчитывал. Они убрали инструмент, собрали мусор, протерли бассейн и подмели вокруг, включили фонтан, отрегулировали струю, полюбовались немного и только после этого Прохор позвал Инессу Аркадьевну, загоравшую в шезлонге за домом, посмотреть и принять их работу.

Инесса Аркадьевна отложила книжку, встала лениво, с неохотой. Так же лениво, без всякого интереса окинула взо-

---

ром произведенные работы, покивала головой, ушла в дом, вернулась и вручила Прохору конверт с деньгами.

— Здесь вам, Прохор Алексеевич, и за работу, как договаривались, и за досрочное исполнение. Проверьте.

— Да чего там! — отмахнулся Прохор. — Я вам и так верю.

— Доверяй да проверяй, — произнесла Инесса Аркадьевна, но без былой убежденности, а как бы по привычке. А потом добавила без всякой надежды на понимание: — И все-таки вы не забывайте о моем предложении, Прохор Алексеевич.

Глаза Инессы Аркадьевны при этом были тусклыми, безжизненными какими-то, так что Прохору снова стало жаль ее, и до такой степени, что в нем даже шевельнулась мыслишка: «А может, надо было... того самого... человек все-таки... можно сказать, несчастный человек... и меня бы не убьют», — но мыслишка в голове его не задержалась, промелькнула и пропала без всякого следа.

— Вот нынче считается, что деньги — это все, — заговорил тесть, когда они отошли от дачи Инессы Аркадьевны на почтительное расстояние. — А для чего человек живет? Для денег? Нет, не для денег. Для счастья человек живет — вот для чего. У этой бабы денег куры не клюют, а счастья ни на грош. Я это еще два года назад заметил, когда она только начинала строить свой дворец. — И пояснил: — Я у нее тогда тоже подхалтуривал по земельной части. И парень какой-то возле нее крутился, лет на десять-пятнадцать моложе... из этих, из нынешних: муж не муж, а черт знает кто. Хахаль, одним словом. Ходит, поплевывает, все ему трын-трава. Он бы эту Инессу и убил бы за милую душу: такая у него, если приглядеться, рожа бессовестная. Да. И вот скажи мне на милость, как это они, молодые, настраивают себя на таких баб? Может, какие таблетки глотают, чтобы, значит, желание, появилось? А? Как ты сам-то на это смотришь?

— Может, и глотают. Кто их знает, — ответил Прохор и полез в карман за сигаретами, чтобы отогнать прочь воспоминания об Инессе Аркадьевне, которые, как он ни старался, продолжали будоражить его душу чем-то, что могло быть, но не случилось.

— Я бы ни в жизнь не сумел, — продолжал тесть, которого, видать, проблема эта задела за живое. И не сегодня она его задела, не сейчас то есть, а жила в нем давно. — А теперь у ней даже хахали перевелись, — добавил он будто бы даже с сожалением. И заключил: — Такая вот, брат ты мой, жизнь пошла по нынешним временам. — И захекал отчего-то, словно в горло мошка попала или еще что.

И Прохор догадался, что тесть подумал о том же самом, о чем полчаса назад шевельнулась в его голове бесполезная мыслишка, вызванная жалостью к одинокой бабе, но разубеждать тестя не стал, решив, что тесть, скорее всего, лукавит: он бы от Инессы не отказался, да только вряд ли ему и таблетки бы помогли.

Прохор шагал, тяжело переставляя ноги, не глядя по сторонам и ни о чем не думая. Он чувствовал себя уставшим до крайности и постаревшим лет на десять, если не больше, но почерпнувшим из жизни некую мудрость, которая примирила его со всеми сразу.

На оформление по специальности времени у Прохора ушло мало. Во-первых, начальница отдела кадров была знакомой женщиной, когда-то рядовой сотрудницей принимавшая его на работу. Во-вторых, народу в отделе кадров оказалось совсем немного, а Прохор-то думал, что там непременно образуются очередь. И в медсанчасти его продержали тоже не слишком долго, потому что там имелась его медицинская карточка еще с давних времен, и ни терапевт, ни окулист, ни хирург не нашли у него никаких отклонений от нормы, мешающих стоять за станком, — чай не в космонавты напрашивался. Затем его сфотографировали, и через десять минут он получил новехонький пропуск на завод, с магнитной полосой и еще какими-то ухищрениями. А завтра, значит, с утра на работу. Вот так вот сразу — с разбитого корабля на бал. Но на бал ли? — это как раз завтра и станет видно.

Утром Прохор проснулся рано, маленько помахал руками, затем тщательно выбрился и принял душ. А завтрак уже ждал его на столе. Дарья, тоже поднявшаяся ни свет ни заря, помогла ему одеться... не то чтобы как на праздник, но все-таки, тем более, что не на халтуру собирался ее муж, а на работу. И сидела рядом, подпершись по-старушечьи рукой, и глаз с него не спускала, так что Прохору даже стало неловко.

— Ну, чего ты уставилась на меня, будто я на войну собираюсь? — не выдержал Прохор.

— Да как же? — вздохнула Дарья. И добавила: — Даже и не верится. Еще дня три назад ломала себе голову, как зиму перекантоваться, а тут вот на тебе. Я уж и забыла, как это — идти на работу. Смотрю на тебя и думаю: пойдешь, а там опять что-нибудь придумают. Или банда какая-нибудь захватит завод. Или еще что. Все эти годы на нервах жила, казалось, что другой жизни будто бы и не бывает.

— Ничего, привыкнем, — утешил жену Прохор, который был почему-то убежден, что с того самого дня, и даже часа, как пере-

---

дали по телевизору о возрождении завода, он поверил в это возрождение накрепко, и потому никакие сомнения его не мучили.

Выпив кофе, Прохор встал из-за стола, поблагодарил, пошел в прихожую, обулся, надел куртку, Дарья его огладила, что-то сняла, что-то поскребла ногтем, вздохнула еще раз и сказала:

— Ну.. иди. Если что, позвони. Я ждать буду.

И Прохор, чмокнув жену в щеку, вышел на лестничную площадку.

Лифт был занят. Он то поднимался где-то там, вниз, то останавливался, то снова опускался, и Прохор, потоптавшись в нетерпении, потопал вниз: стоять на одном месте и ждать казалось ему делом совершенно невозможным.

Начальником цеха, действительно, оказался Васька Чугунов, теперь, правда, уже Василий Степанович. С ним они когда-то начинали работать на соседних станках, затем он, Васька то есть, выучился заочно на инженера, стал сперва технологом, затем начальником участка, а перед самым развалом, который назвали перестройкой — заместителем начальника цеха. Теперь вот и в начальники выбился. Он встретил Прохора как родного, буквально с распростертыми объятиями. И даже предложил пойти работать мастером, но Прохор отказался:

— Не умею я, Степаныч, людьми командовать. Пробовал — не получилось у меня. Я даже женой командовать не умею, — признался Прохор и поковырял мозоль на своей ладони.

— Так ты, Прохор Алексеевич, если насчет зарплаты, так не сомневайся. Теперь не старые времена. Теперь мастеру платят больше, чем самому квалифицированному рабочему, потому что от него, от мастера, зависят и производительность труда, и моральный климат в коллективе.

— Вот-вот, именно поэтому.

— Ну, тебе, как говорится, виднее. Пока могу предложить работу на инструментальном участке. Надо оснастку для основного производства делать, без хорошей оснастки, сам знаешь, поточное производство не наладишь. А потом, когда все утрясется, посмотрим, куда тебя определить. Пойдем, покажу тебе твой станок, познакомлю с мастером.

Они вышли из кабинета и пошли по цеху, где гремело железо, вспыхивали огни электросварки, тянули провода электрики, бетонщики готовили под станки фундаменты, стеккольщики вставляли новые стекла в огромные окна, под толком ползала кабинка крана... — и ни одного шатающегося без дела, ни одного дымка сигареты.

Инструментальный участок располагался в каком-то закутке. Здесь уже работало человек пять — все старики, все

хорошо известные Прохору люди. Но он не стал останавливаться, лишь помахал им рукой, шагая вслед за начальником цеха, и ему в ответ помахали, а кто-то крикнул:

— Привет, Проша! С праздником тебя!

И это было так хорошо, так легло на душу чем-то теплым и большим, что Прохор даже испугался: вдруг начальник цеха или еще кто увидит, как повлажнели его глаза.

Мастер инструментального участка был молод, долговяз, узок в плечах, носил очки. Прохору он был совершенно неизвестным человеком, в том смысле, что в заводском поселке Прохор знал всех, а этот, стало быть, со стороны.

— Павел Антонович Судариков, — представил мастера Василий Степанович. И, слегка подтолкнув Прохора к мастеру, пояснил: — А это Прохор Алексеевич, лучший токарь нашего завода. Прошу, как говорится, любить друг друга и жаловать. Дай ему, Павел Антонович, станок и обеспечь работой. А там посмотрим. — Тиснул Прохору руку, пожелал успехов, повернулся и пошел.

Павел Антонович подвел Прохора к станку, далеко не новому и не самому лучшему из тех, на которых Прохору доводилось работать, и, проведя пальцем по покрытому пылью зеленому боку, сконфуженно произнес:

— Вы уж извините, что такое старье, но новые ждем со дня на день, и как только придут, мы все это старье... а пока ничего не поделаешь...

— Все нормально, — постарался успокоить мастера Прохор. — Работать можно и на этом.

— Так вы пока приведите его в порядок, а я подберу вам работу.. — И спохватился: — Да! Вы же еще не получили спецформу! Пойдемте, я распоряжусь.

И через полчаса у Прохора была не только форма, очень похожая на ту, в каких ходят космонавты, то есть красивая и хорошо подогнанная, но и шкафчик в раздевалке, и талон на обед, и карточка для посещения бассейна.

Пока он возился со своим станком, к нему подходил то один рабочий, то другой. Жали руку, спрашивали, как и что, и он тоже спрашивал, и выяснилось, что из старых рабочих пришли на завод немногие: одни вышли на пенсию, другие неплохо устроились и не хотят покидать доходное место, а на заводе еще неизвестно, как получится, третьи чего-то ждут в надежде на лучшее.

Но все это было не главное. Главное началось тогда, когда Прохор, в новенькой форме, в какой не стыдно показаться и на людях, пошел в инструментальную кладовую, получил там штангели и микрометры, разные ключи, напильники, молотки, отвертки, наждачную бумагу, затем, разложив все это по

ящикам в железной тумбочке, ветошью протер станок, вычистил поддон, залил масло, нажал на черную кнопку — и станок зазвучал, что твоей симфонический оркестр, где, если прислушаться, можно различить и шелест шестеренок, и гул мотора, и тонкий повист приводных ремней.

А тут как раз мастер принес чертежи и, несколько стесняясь, попросил сделать кое-какие детали дня за два... если это возможно.

Прохор глянул в чертежи и, усмехнувшись, спросил:

— А вы, Павел Антонович, до этого где работали?

— Нигде, — вскинул голову мастер и поправил на длинном своем носу очки. — Но я, когда учился, проходил практику на мясокомбинате, — поспешно сообщил он. И пояснил: — Там тоже есть ремонтный цех, и станки имеются, и все прочее. Конечно, это не завод, но так уж вышло. — И спросил с тревогой: — А что, что-нибудь не так?

— Да нет, все так. Привыкнете. Тут работы на два-три часа, не больше.

— Да? Вот как! Но у нас, знаете ли, пока нет нормировщика, а сам я еще плаваю в этих вещах.

— Ничего, не все сразу, — успокоил его Прохор. — Разберетесь.

— Спасибо вам, Прохор Алексеевич. Я постараюсь.

И мастер отошел от станка, длинный, нескладный, какой-то чужой в этом гуле, грохоте и суете.

А Прохор, отрезав от болванки на механической пиле нужные ему по размеру стальные диски — заготовительный участок еще не работа, — вернулся к станку, зажал заготовку в патрон и вдруг почувствовал, что в груди у него все как-то сжалось, перебив дыхание, и все поплыло перед глазами, закружилось и не сразу встало на свои места. Он полез в карман, достал платок и сделал вид, что ему в глаз попала какая-то соринка. Потом огляделся. Но все были заняты своими делами, никто на него не смотрел, никто не заметил его минутной слабости.

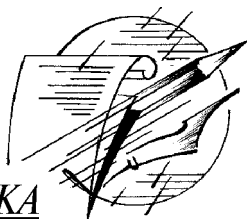
И Прохор, глубоко вздохнув, нажал кнопку, установил нужные обороты и подвел к вращающейся заготовке резец. И только после этого почувствовал, что вернулся в родную стихию, где все понятно и каждое его движение как бы освящено десятилетиями труда миллионов таких же, как он сам, тружеников. И каждый поступок, и каждое желание — тоже.

Резец коснулся заготовки — и стальная стружка, свиваясь в сизую спираль, поползла вниз... как и много-много лет тому назад.

БЕЗДОМНОСТЬ В РОССИИ

Развернутую картину всенародного бедствия и геноцида русского народа и других коренных народов России вследствие либеральных реформ ясно и точно описал депутат четырех созывов Государственной думы, заслуженный юрист, бывший работник Генеральной прокуратуры, доктор юридических наук РФ В.И. Илюхин в своей книге «Президент катастроф и трагедий, или Чем запомнится В.Путин»:

*«Страна без всякого внешнего воздействия понесла **потери, сравнимые с ущербом от широкомасштабной войны.** И не случайно в мае 1999 года Государственная Дума предприняла попытку конституционного отрешения Б. Ельцина от должности президента. Выдвинутое против него обвинение в совершении тяжких преступлений состояло из пяти пунктов, включающих в себя государственную измену, захват власти и злоупотребление ею, превышение должностных полномочий, истребление, **геноцид народов России.** В развернутом виде материалы Госдумы широко публиковались в российских и зарубежных средствах массовой информации, поэтому нет необходимости останавливаться на них подробно. Важно то, что подавляющее большинство депутатов тогда признали обоснованными все пять пунктов обвинения, в том числе и **геноцид русского народа.**»*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Ельцинский геноцид оказался изоциренным. В начале 90-х годов были обесценены все сберегательные вклады российских граждан, что ощутимо ударило по способности людей к выживанию. Самыми бездоленными в этой ситуации оказались пенсионеры, «носители советской идеологии», как их назвали современные реформаторы, полагавшие, что чем больше «носителей» вымрет, тем быстрее пойдут реформы. Следом за обесцениванием вкладов в стране в массовом порядке останавливалось производство, перестали выплачивать заработную плату, пенсии. Дефицит продовольственных и промышленных товаров тоже не заставил себя долго ждать, медицинское обслуживание скатилось на недопустимо низкий уровень. Не хватало лекарств, даже постельных принадлежностей в больницах. Это породило массовое отчаяние, безысходность, психологическую и нравственную неустойчивость. Самоубийства от невозможности выжить захлестнули страну. Молодые матери вместе с детьми выбрасывались с балконов высотных зданий. Ежегодно из-за унижений и отчаяния в Вооруженных Силах РФ более 400 офицеров пускали пулю себе в лоб.

Нищие и бездомные взрослые и дети заполнили города и села. Женское тело стало расхожим товаром как в стране, так и на вывоз за рубеж. Нация такого позора не испытывала, пожалуй, со времен монгольского ига. Но тогда страну разрушали и грабили внешние враги, сегодня — внутренние силы». (Здесь и далее выделено мной. — В.Ш.)

В СССР практически не было бездомных. Человек труда строил, созидал, умножал мощь великой державы, был исполнен чувства собственного достоинства и надежной социальной защищенности. Каждый гражданин был защищен от нищеты и бездомности законом и традицией, имел работу как источник дохода, обеспечивался квартирой, комнатой или местом в общежитии.

Даже выписанный из квартиры вследствие отсутствия более 6 месяцев, осужденный и освобожденный из заключения человек мог найти приют, устроившись на работу. Как правило, ему предоставляли место в общежитии, которое имелось при предприятии или при местном Совете. Идейным бездомным мог быть только лодырь, любыми способами отлынивающий от работы. Однако лодырей преследовали в уголовном порядке. В Уголовном кодексе была статья за тунеядство, которая предусматривала наказание лишением свободы. В годы реформ эту статью, как и многие другие статьи Уголовного кодекса, отменили.

Были в России бездомные в годы Гражданской войны, в годы коллективизации, в годы Великой Отечественной вой-

---

ны и в послевоенный период. Эта бездомность здесь не рассматривается. Бездомность, которая появилась в начале 90-х годов и нарастает в настоящее время, захватывая все новые слои населения, требует изучения в связи с необычными причинами ее появления. Это особенно важно на фоне того, что в 80-е годы велось широкое строительство жилья, государство концентрировало огромные амортизационные средства на капитальное строительство взамен устаревающих домов постройки 30-х годов. В конце 80-х годов **амортизационных средств** накопились **триллионы рублей**. В среднем в год возводилось около 1 кв. м жилья на человека. Достаточно быстро продвигались очереди на жилье, хотя у разных слоев населения были особенности потребностей в жилье. Одним требовалось скромное добротное жилье по существующим нормам. Другие требовали от государства комфортного и просторного жилья. Одни имели доход, обеспечивающий минимально необходимый достаток, другие имели высокие доходы, позволяющие покупать квартиры. И тем не менее, последние использовали всяческие ухищрения для получения бесплатной квартиры от государства. Существовал «черный» рынок жилья, которым пользовались, главным образом, люди с высокими доходами.

С распадом Советского Союза началась вакханалия в экономике и социальной сфере. Привлеченные в 70-е годы из деревни на стройки, заводы, фабрики кадры стали не нужны. Останавливались предприятия. Людей увольняли по сокращению штатов и выгоняли из общежитий на улицу. Было сокращено 14 млн. рабочих мест. Соответственно не менее 50 млн. человек (треть населения России с учетом состава семьи — муж, жена, дети) одновременно оказались без доходов, без источника средств существования.

Безработные отцы не имели шанса найти работу, поэтому нередко в поисках работы уходили из семьи, которую уже не могли обеспечивать доходом. Тогда и появились первые бездомные, которые были вынуждены искать ночлег в подвалах и на чердаках домов. А складывающийся дикий рынок требовал молодой, но уже опытной рабочей силы не старше 35—40 лет.

Основным источником появления и пополнения армии бездомных явилась легализация рынка жилья. В середине 90-х годов армия бездомных уже насчитывала 4 млн. человек. При высокой смертности бездомных их численность сохранялась на одном уровне за счет постоянного пополнения людей, лишившихся своих квартир криминальными усилиями жуликов, «черных» риэлтеров, угольников и т.п.

В 2007 году численность бездомных увеличилась на 0,5 млн. человек. Судебные приставы по решениям судов начали выгонять людей на улицу за коммунальные неплатежи, за их неплатежеспособность (за невыплаченные долги по банковским кредитам).

Как же получилось, что в мирных условиях в начале 90-х годов в России, и не только в России, образовалась большая социальная группа еще вчера защищенных государством и обществом рабочих, колхозников, техников, инженеров, которые вдруг остались без работы, оказались без жилья и стали изгоями в обществе? Почему проблема бездомности стала национальной проблемой, настоящим бедствием общества? Почему с 1992 года по настоящее время практически не принято ни Госдумой, ни правительством, ни президентом **ни одного государственного акта по социальной реабилитации бездомных**, по спасению людей от неизбежной гибели, по предотвращению **геноцида**?

Возникновение социального слоя, называемого «граждане без определенного места жительства и определенных занятий», явилось первым наблюдаемым результатом либеральных реформ, проводимых в формах массового ограбления и люмпенизации населения. Именно так для части народа (ибо бездомные были и остаются частью народа) оказавшееся в либеральных руках государство создавало условия для бездомности. Это было подлинное глумление над народом, прикрываемое лицемерно-фальшивыми словами об отсутствии альтернативы либеральным реформам.

Глобализация политических, экономических, экологических процессов рассматривается как внешнее условие появления бездомности в России и как следствие взаимозависимого характера государств.

«Ускорение процесса «глобализации» в мире как бы случайно совпало с началом распада Советского Союза и появлением так называемого «вашингтонского консенсуса», — пишет Леонид Лузан в статье «Случайное совпадение». Однако ничего случайного в природе не бывает, есть невыявленная связь следствий и причин. За договоренностями Горбачева с президентом США Рейганом 19—21 ноября 1985 г. в Женеве и 10—12 октября 1986 г. в Рейкьявике последовала хозяйственная реформа в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 1987 г. по либерализации экономики.

На встрече в верхах в Хьюстоне в июле 1990 г. главы государств и правительств семи развитых стран обратились к МВФ с просьбой провести в тесном взаимодействии с Ко-

---

миссией Европейских сообществ детальное исследование советской экономики, выработать рекомендации в отношении ее реформ и установить критерии, на базе которых экономическая помощь Запада могла бы оказать эффективную поддержку таким реформам. **В страну приехали 12 тысяч западных экспертов.** Правительство СССР в августе-декабре 1990 года привлекло к проведению консультаций с ними МИД СССР, Госплан СССР, Госбанк СССР, Минфин СССР, Госкомстат СССР, Академию наук СССР, другие союзные и республиканские министерства и ведомства. По результатам исследования и консультаций с западными экспертами указанных международных организаций был подготовлен доклад «Экономика СССР. Выводы и рекомендации», который содержал оценку мер, осуществленных в рамках хозяйственной реформы.

Леонид Лузан продолжает: *«Разочарование в социалистических идеях и принципах центрального планирования, которые в свое время были также распространены во многих развивающихся странах вне советского блока, создало острую и широкую потребность в альтернативном наборе идей относительно организации экономической и политической жизни. «Вашингтонский консенсус» стал неким временным заменителем всеобъемлющей идеологической конструкции, за которую хватаются миллионы людей в стремлении упорядочить свои мнения о событиях внутри страны и за рубежом, свои суждения о государственной политике и даже свое поведение в некоторых сферах повседневной жизни.*

Натиск «вашингтонского консенсуса» усиливался потребностью недавно избранных администраций, ориентированных на создание рынка, преуменьшить цену и раздуть достояние проводимых ими экономических реформ, а также отсутствием внушающих уверенность альтернатив, предлагавшихся пользующейся зачастую дурной репутацией оппозицией».

В статье «Что понимает Вашингтон под политикой реформ» (1989) автор выражения «вашингтонский консенсус» американский экономист Джон Уильямсон выступал за налоговую дисциплину, за «конкурентоспособный» обменный курс, за либерализацию коммерции, иностранных инвестиций, приватизацию и «дерегламентирование». Окончательно же сделало неотразимым такого рода идеологическую продукцию решение Всемирного банка и Международного валютного фонда подчинить выделение своих займов принятию политики, руководствующейся вышеназванным консенсусом.

Установки «вашингтонского консенсуса» преобразились в условия предоставления займов МВФ:

— политика, направленная на привлечение инвесторов, даже если это и происходит в ущерб правам трудящихся и окружающей среде;

— сокращение до крайнего минимума услуг и программ социального развития, превращение систем здравоохранения и образования в набор услуг, предоставляемых на платной основе, а также отмена дотаций на продукты питания и другие товары первой необходимости;

— настаивание на поддержании стабильности национальной денежной единицы, приносящей выгоду обладателям капиталов и играющей против наиболее обездоленных;

— ограничительная денежная политика (высокие процентные ставки), в большей степени выгодная богатым, чем бедным, так как первые располагают активами, в то время как вторые обременены долгами;

— упор, делающийся на создании валютных резервов;

— предоставление полной свободы («либерализация») передвижения капиталов;

— приватизация;

— налоговые реформы, преимущественно направленные на расширение налогооблагаемой базы (наиболее бедных слоев населения).

Как бы случайно оказалось, что «вашингтонский консенсус» стал основой ускорения глобализации, движущей силой которой являлись транснациональные корпорации. МВФ «неотразимостью» своих требований открывал для транснациональных корпораций (ТНК) границы государств для свободного перемещения капиталов, сырья, товаров, рабочей силы. «Неэффективное» население, а это дети, старики, инвалиды, оказалось излишним, помехой для «эффективной» экономики, а потому подлежало устранению. Современное «цивилизованное» общество не могло себе позволить открыто истреблять людей, а потому было запущено множество разнообразных программ сокращения населения планеты. СССР и Россия не являлись исключением из алчных интересов ТНК, напротив, мировая кладовая разнообразного сырья лишь возбуждала аппетиты и вожделения социальных паразитов. И многие наши соседи посматривали на 30 процентов от мировых богатств России с интересом изрядно проголодавшего волка.

Крупнейший военный теоретик генерал А.Е. Снесарев (1865—1937) в работе «Философия войны» показал, что объектом поражения кроме живой силы противника служат миро-

---

воззрение и сознание человека, а также нормы права. Победитель нормами права определяет условия жизни побежденным. Достаточно вспомнить указания Гитлера о режиме на оккупированных территориях СССР. Это еще один источник организационного оружия.

В начале 90-х годов против СССР и против России велась и продолжает проводиться в наше время война в таких формах, которые не воспринимаются населением как именно война. Насилие в этой войне приняло другие, закамуфлированные формы. Становится все более очевидным, что эта война является войной цивилизаций Запада и Востока.

США как государство с мощной экономикой и сильной военной машиной используется как инструмент глобализации. США внедряют в мир свои главные операционные средства, которые **дезавуируют права народов**, в том числе их право выступать в качестве полноправного политического суверена и в качестве единственного легитимного источника власти. А именно:

— насильственное принуждение национальных экономик к переходу на рыночную модель функционирования вне зависимости от исторических традиций и национальных возможностей;

— принудительное формирование правового обеспечения собственного «беспредела», в том числе и через гипертрофированное внимание к проблемам «прав человека» в ущерб правам народов и государств;

— изгнание из национальной экономики ее обязательной социальной составляющей, а также создание обстановки, в которой национальное развитие становится невыгодным, а честный, производительный труд — невозможным и непрестижным делом;

— недоступность основных конституционно гарантированных прав для абсолютного большинства населения государства;

— насильственная люмпенизация населения;

— всемогущество «административного ресурса власти», при котором воля народа ей просто неинтересна, так как она (власть) может производить необходимый результат.

При сопоставлении последствий реформ в России и требований «вашингтонского консенсуса» и МВФ наглядно видно буквальное совпадение многих пунктов и их причинно-следственная связь. После Горбачева реформы продолжил Ельцин. В 1992 г. Российская Федерация вступила в Международный валютный фонд. Правительство Ельцина—Гайдара подписало с фондом «Письмо о намерениях» для реализации

им «курса реформ» в РФ. МВФ взял на себя обязательства обеспечить правительство РФ всем необходимым для «перехода к рынку», а правительство РФ обязалось исполнять программы «переходного периода», законы, кодексы, конституцию, разработанные только экспертами МВФ. То есть де-юре в РФ было введено внешнее управление. Федеральное Собрание РФ обязано в нарушение статьи 3 Конституции Российской Федерации («Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ») исполнять функции только администрации субъекта внешнего управления. То есть органы власти обязаны исполнять только те программы, законы, кодексы, которые переданы им МВФ. На основании этого тайного договора президент, правительство и ФС РФ не имеют права вносить какие-либо изменения в программы «переходного периода» без согласия МВФ. Естественно, чиновники предпочитают помалкивать о факте внешнего управления. И понятно почему. Они обязаны исполнять не предложения граждан РФ, а только программы МВФ.

Ежегодно комиссия МВФ принимает от правительства РФ отчет о результатах реализации согласованных положений программ и его инвестиционной деятельности за прошедший год, доводит ему задания на предстоящий год по исполнению очередных положений программ, открывает кредитные линии для их финансирования, устанавливает параметры бюджета РФ, процент инфляции (темпы роста цен), величину Стабфонда и отчислений из бюджета для погашения госдолга, определяет направление и использование денежных потоков.

Когда по заказу созданного в 1968 году «Римского клуба» Форрестор и Медоуз написали исследование «Пределы роста», никто не думал, что закладывается новое обоснование старому тезису учения Мальтуса, сына английского сельского священника, который выдвинулся и получил известность благодаря «Британской Ост-Индской компании», послужившей моделью для создания Комитета 300. Президент «Римского клуба» Ауреллио Печчеи в книге «Человеческие качества» писал: «С тех пор, как человечество открыло «ящик Пандоры» с новыми технологиями, оно страдает от неконтролируемого прироста населения, мании роста, энергетических кризисов, фактической или потенциальной нехватки ресурсов, загрязнения окружающей среды, ядерного безумия и множества других подобных бедствий». Отсюда делается

вывод о необходимости ограничивать рост населения в пределах достаточности убывающих природных ресурсов.

Джон Колеман в книге «Комитет 300. Тайны мирового правительства» пишет: «Комитет 300 уже давно постановил, что в будущем мир должен стать лучше и меньше — намного меньше, чем сейчас. ...Миллиарды бесполезных едоков — потребителей ограниченных природных ресурсов — должны быть отбракованы и уничтожены».

Вот некоторые пункты, о которых пишет Дж. Колеман:

«Члены элитной группы, которые называют себя «олимпийцами», твердо верят в то, что они по божественному праву призваны осуществить следующее:

...5. Полное прекращение всякого промышленного развития и производства электроэнергии на ядерных станциях в так называемом «постиндустриальном обществе с нулевым ростом». Безработные, которые появятся в результате разрушения промышленности, либо станут наркоманами, потребляющими героин или кокаин, либо станут цифрами в статистике процесса уничтожения, который сегодня известен под названием «Глобал-2000».

...7. Сокращение населения больших городов по сценарию, отработанному режимом Пол Пота в Камбодже. Интересно отметить, что планы геноцида для Пол Пота были разработаны здесь, в Соединенных Штатах, одним из исследовательских центров «Римского клуба».

...10. Ослабить моральный дух нации и деморализовать рабочий класс созданием массовой безработицы. По мере сокращения рабочих мест, вследствие политики нулевого промышленного роста, проводимой «Римским клубом», деморализованные и разочарованные рабочие пристрастятся к алкоголю и наркотикам.

Молодежь страны, посредством рок-музыки и наркотиков, будет побуждаться к бунту против существующего порядка, в результате чего будут подорваны и в конце концов разрушены основы семьи.

11. Не допускать того, чтобы народы сами решали свою судьбу, искусственно создавая с этой целью различные кризисные ситуации с последующим «управлением» этими кризисами. Это ослабит и деморализует население до такой степени, что в условиях слишком широких возможностей выбора массы людей просто впадут в апатию. В США уже создано специальное агентство по управлению кризисами.

...16. Создание всеобщего кризиса в мировой экономике и порождение всеобщего политического хаоса.

...19. Внедрение подрывных агентов во все правительства и

ведение деятельности, направленной на разрушение суверенной целостности стран, изнутри этих правительств».

Автор сообщает, «...что «Римский клуб» организовал экономический кризис в Польше, который привел к политической дестабилизации страны. Точно такое же, с позволения сказать, экономическое планирование, будет навязано и России...

Комитет еще в 1981 году предупредил все правительства, включая правительство СССР, о том, что «наступит хаос, если Комитет 300 не возьмет на себя полный контроль за подготовкой к установлению Нового Мирового Порядка. Контроль будет осуществляться через наш комитет, а также посредством глобального планирования и управления кризисами».

«Я сообщил, — пишет Дж. Колеман, — об этих фактах через несколько месяцев после того, как я получил о них информацию в 1981 году.

Еще один факт, о котором я тогда сообщил, состоял в том, что «Россия была приглашена принять участие в приготовлениях к установлению единого мирового правительства».

Сегодня социальный заказ на геноцид официально существует в глобальном масштабе. ООН официально признала, что «устойчивое развитие» с ресурсами предназначено только для одного миллиарда из шести, а пять миллиардов «неосновного населения» заслуживают «гуманного сокращения», например, средствами «демографической коррекции» и «дезинфекции коренного народа».

В полной мере невыгодно «избыточное» население и правящей экспортно-сырьевой элите России и других стран СНГ. Ведь каждая живая душа, не занятая в сырьевом комплексе непосредственно, — постоянный источник расходов и открывающаяся угроза власти.

Известный философ России А.С. Панарин в последнем прижизненном выступлении, состоявшемся в дискуссии «Политическое положение России: взгляд в будущее», прошедшей в Государственной академии славянской культуры (2003 г.), дал блестящую характеристику современного состояния России и ее судьбы:

«Гражданское общество сегодня — это война всех против всех, война агрессивных индивидуалистов друг против друга, рудимент социал-дарвинизма. Оно замешано на расизме и ведет к расизму, порождает гражданскую войну, а вовсе не демократию, не плюрализм и не консенсус, как полагают очень наивные люди. В этом обществе победители не расценивают побежденных как людей: ни сострадания, ни жалости, ни участия.

В основе такого превращения лежит известная логика: если я, к примеру, ограбил вас, то я должен либо назвать себя негодяем и жить с осознанием этого, либо я должен сказать себе: ну и поделом потерпевшему, разве этот человек достоин собственности? В социал-дарвинистском гражданском обществе витает призрак внутреннего расизма: обделенные, потерпевшие поражение, не выдержавшие естественного отбора признаются недочеловеками. И это колоссальная историческая катастрофа, возврат к дохристианской эпохе, возврат к агрессивному язычеству, восстановление рабовладельческой картины мира. Да, вслед за расизмом приходит и призрак нового рабовладения...»

Бездомные в беспримерной исторической катастрофе российского общества явились первыми жертвами социал-дарвинизма и расизма. Идеология социального расизма начала свою торжествующую поступь с диффамации и стигматизации вчерашних созидателей и тружеников. Диффамация (умышленное унижение) значительной, до 3% населения страны была обеспечена существовавшим еще в советский период образом, обозначаемым словом милицейских протоколов — «бомж», которое является сокращением от словосочетания «лицо без определенного места жительства». И диффамация 4 млн. бездомных взрослых и детей была использована в полной мере, особенно, в 90-е годы. Эта диффамация граждан великой державы СССР была составным элементом унижения и подавления их воли и духа, а также служила наглядным уроком для обывателей, которым в подсознание вбивался страх перед возможным лишением доходов и жилья.

По представлению многих, это — заросший, грязный и всегда пьяный тип. Что-то промежуточное между человеком и животным. И этот образ всеми СМИ закреплен в сознании населения. Образ, вызывающий у нормального человека отвращение, был использован властями после терактов в Москве, Буденновске и других городах. Тогда по всей стране в ходе операции «Антитеррор» закрывали и заколачивали подвалы и чердаки, где спасались от холода бездомные. Многие из них тогда погибли от холода, голода и истощения. Обыватели, разделенные на атомизированные группы и зараженные «аскетизмом безучастия», в основном равнодушно смотрели на гибель, на «цивилизованное» истребление русских людей.

Осознание «идеологии смерти» — социального расизма (социал-дарвинизма), положения которого иногда прорываются из узкого круга и становятся достоянием общественности, происходило трудно. Вот что писала «Советская Рос-

---

сия» 2 ноября 2002 года: «Один из полномочных представителей президента одного из округов страны, выступая перед ответственными работниками одного весьма уважаемого государственного ведомства страны (и думая, наверное, что можно расслабиться и говорить откровенно), заявил: «В России, как и в любой стране мира, часть населения, составляющая «элиту» общества, должна иметь от жизни все. Удел остального населения — обслуживать своих лидеров. При этом естественным явлением будет и то, что часть населения будет умирать от голода, а часть будет находить пропитание на помойках».

Заместитель А. Чубайса г-н Поливанов публично по центральному каналу телевидения сообщал, что при нем Чубайс утверждал, что ничего страшного, если вымрет миллионов 30 россиян, — революция требует жертв.

Борис Миронов в 2008 году говорил в беседе с Ларисой Бочановой: «Недавно полдня давал показания по книге «Чубайс — враг народа». Спрашивают: «Как Вы можете писать, что Чубайс страшнее любого гитлеровского преступника, отправленного на виселицу Нюрнбергским трибуналом?» Достая диск с записью и распечатку интервью Чубайса израильскому телевидению, смотрите, читайте, что говорит Чубайс: «Ну, вымрет 30 миллионов, — ничего страшного. Народятся новые, а эти 30 миллионов просто не вписались в рынок». А теперь откройте Гитлера, почитайте Розенберга, кто-нибудь из них мыслил такими гигантскими чудовищными масштабами уничтожения людей? Или кто другой из гитлеровских преступников мыслил о **создании таких условий жизни**, при которых могут погибнуть 30 миллионов — больше, чем мы потеряли за всю самую страшную Великую Отечественную войну?!»

А журналист Сергей Луконин в 2003 году писал в «Литературной газете»: «Попала мне в руки брошюра, изданная под эгидой Центрального отраслевого бюро научно-технической информации Министерства труда и социального развития Российской Федерации: «Проблемы лиц без определенного места жительства (бомжей) и пути их решения». Документ занятый и путаный. И все же меня вот что насторожило в нем. Читаем:

«Их внешний вид и образ жизни не соответствует физиологическим нормам человека...»

«Лицо, как мужского, так и женского пола, трудоспособного возраста от 30 до 50 лет, в основном русской национальности...»

«Частная благотворительность в виде гуманитарной помощи скорее вредна, чем полезна.»

«...Если со стороны государства и дальше не будет принято адекватных мер с этим социальным злом, то мы столкнемся с армией людей, которые не знают производительной работы и живут за счет отбросов, но довольны таким образом жизни».

Надо обладать особой изворотливостью и возведенным в высшую степень цинизмом либерала, чтобы писать и говорить о принятии со стороны государства «адекватных мер с этим социальным злом», которое порождено захваченным либералами государством вследствие проведения людоедских реформ.

В начале нового тысячелетия в Интернете можно было найти ссылки на компьютерную игру «Убей бомжа». И не слышно, чтобы правоохранительные органы кого-либо привлекли к уголовной ответственности за идеологию социального насилия и практику геноцида коренного населения России. А в октябре 2007 года пресс-секретарь Архангельского суда сообщила об осуждении двух подростков, которые в центре города убили одного алкоголика и одного бездомного. Не под влиянием ли подобной человеконенавистнической идеологии были совершены эти преступления?

«Я старательно придерживался точного цитирования документа, но одно, на мой взгляд, требует обязательного тут же уточнения: мы не вымираем, не вымирает русский народ, как говорится в президентских документах; правильнее, честнее сказать — русских убивают, — пишет в своей книге Б.Миронов. — Вымирание населения, его физическое истощение и психологическая деградация представляют собой лишь наиболее важные симптомы запущенного «преобразователями» механизма национальной катастрофы... Духовное вырождение даже опережает физическое; ведь утрата смыслов, как некогда показал В. Франкл, лишает внутренней опоры материальное существование. Миллионы наших сограждан сначала были уничтожены нравственно и лишь потом добиты нищетой, голодом и вымерзанием».

О виновниках геноцида (или депопуляции) шли долгие споры, и никто не желал брать на себя ответственность за него. Но факт вымирания народа уже настолько неоспорим, что и возражения на этот счет давно угасли. «Новые русские первого класса, — подытожил все дискуссии на эту тему экономист А.П. Паршев, — объективно заинтересованы, чтобы население России вымерло поскорее и по возможности без скандала». В этом проступает глубоко человеконенавистническая, фашистская сущность системы.

Человеколюбие и социальная солидарность изгоняются из обихода ссылкой на «либеральные ценности», в соответствии

с которыми каждый должен себе помогать исключительно сам и не вправе рассчитывать на помощь государства или общества. Однако здесь творцы системы используют «двойную бухгалтерию» для оценки прав собственности своих и рядовых сограждан. (Не вспоминая уже о том, что игнорируется 7-я статья Конституции, говорящая о России как о «социальном государстве»). То обстоятельство, что номенклатурно-олигархический режим лишил каждого из нас законной доли собственности в общенародном достоянии, замалчивается.

«Наши элиты, — пишет А.С Панарин, — давно уже говорят о России и о нас с вами: «Этот народ, эта страна...» Они себя с ней не идентифицируют. Мало того, сегодня много говорят о поражении СССР в холодной войне. Но, знаете, немецкая и японская элиты переживали в 1945 году национальное поражение как свое собственное поражение. А наши западники ликуют! Получается как бы так: они вместе с Америкой победили «эту страну» и «этот народ». И в этих условиях, когда народы оставлены элитами, когда у них нет идейных, политических и интеллектуальных руководителей, возникает ситуация гетто, оставленного, кинутого, презираемого гетто. И стихия этого отчаяния может проявиться как угодно — в стихийных возмущениях, и в баррикадных стихийных боях (иногда безрассудных и бесперспективных), и в актах терроризма».

Инструмент «демографической коррекции» применяется не только к рождаемости, но и к смертности. Уход всей системы государственной власти от решения проблемы бездомности тому очевидное подтверждение. Отсутствие реальных мер со стороны властей по снижению уровня бездомности и ее предотвращению подтверждает, что **власти продолжают осуществлять «демографическую коррекцию» по отношению к бездомным, а заодно и «дезинфекцию коренного народа»,** например, алкогольным пойлом и т.п.

В основу «технологии» «демографической коррекции» взрослого населения положены два этапа, две ступени. Сначала — моральное убийство (безработицей, обнищанием, отчаянием, чувством безнадежности и утраты смысла жизни). Затем — физическое убийство, но «гуманными», «современными», «научными» способами (вместо бомб методы «демографической коррекции» — голод, бездомность, болезни, алкоголизм, наркомания, проституция и т.п.).

«Демографическая коррекция» через бездомность — это один из основных способов уменьшить население России в угоду Западу, то есть практическая реализация философии социал-дарвинизма и идеологии социального расизма.

А.С Панарин констатирует: «Слабые боятся свободы, предпочитая те или иные виды социального патернализма (отцовская опека). Либеральные критики патернализма нередко забывают, что предоставленные сами себе социально неэффективные, незащищенные люди могут попросту погибнуть. Применительно к ним либеральное государство, предпочитающее не вмешиваться и «умыть руки», означает на деле безжалостный социал-дарвинизм. Но всегда ли «приспособленные» являются лучшими по высшим критериям морали и культуры».

Либерализм у нас использован как технология проведения глобализации по-американски. Истинное предназначение либерализма проявилось еще в Февральской революции: «Первое, что мы увидим в ближайшее будущее, — это новую (под «старой» имеется в виду Французская революция. — В.Ш.) попытку построить на основе своих начал **общую мировую систему социализма...** В ближайшем будущем на Западе восторжествует демократия, но не социальная, а **либеральная**», — писал Б.Н. Чичерин.

Под маской либерализма скрывается **глобальный неофашизм** — форма изоциренного истребления пяти миллиардов населения планеты для благоденствия «золотого миллиарда». Мировой экономический кризис ведет к ослаблению влияния либерализма на людские массы. Чем более теряет либерализм свое влияние на массы, тем более ясно обнажается его фашистское мурло, его глубоко человеконенавистническая идеология, истинная сущность либеральных «ценностей».

Практическое применение эта идеология нашла в известном заявлении Аллы Гербер в выступлении на заседании клуба «Московская трибуна» в 1992 году: «У всего населения войной выработан колоссальный иммунитет против фашизма. Поэтому по телевидению, во всех средствах информации надо объяснять, что наши оппоненты — фашисты». За ширмой обвинения русского народа в фашизме протаскивается оголтело русофобский нацизм, поскольку находящаяся у власти «элита» прекрасно понимает, что обвинение русских в фашизме — это единственная возможность избежать ответа за бесчисленные преступления перед народом.

Вместе с тем либеральные «ценности» были использованы на российских просторах для покорения непокорного народа, для превращения его представителей в белых рабов. Ибо «фашизм — это теория и практика формирования и существования такого политического строя, который обеспечивает длительное и устойчивое господство замкнутой на себя

«Элиты» над основной массой населения, нещадную его эксплуатацию и унижение» (С. Строев)

Произошел драматический возврат к ветхозаветным временам социального расизма, человеконенавистничества, геноцида, полного истребления народов с возрождением на российских просторах рабства в новейших формах хазарского ига. Основной жертвой идеологии социального расизма, геноцида и либерального фашизма социальных паразитов является русский народ, составляющий более 80% населения России на момент переписи населения в 2002 году.

Этой фашистской идеологией бездомным отведено место беззащитной жертвы на алтаре мировой финансовой олигархии, намеревающейся осуществить новый передел мира, но обреченной на неизбежную гибель сконструированными либералами условиями. Население еще продолжает смотреть на страдания вчерашних трудящихся глазами человека, запрограммированного на безучастность и отказ от борьбы за общее спасение от истребления.

Понятие бездомности отсутствует в национальных юридических нормах. Это понятие встречается в международных правовых нормах, например, в Социальной хартии (статья 31 п. 2: «Предотвращение бездомности и сокращение числа бездомных, имея в виду постепенную ликвидацию бездомности»). Однако в России официально употребляется термин «бомж» — например, в нормативных документах Министерства внутренних дел РФ. Иногда этот термин употребляют другие ведомства, сочиняющие, например, правила строительства социальных ночлежек и социальных приютов или оказания медицинской помощи «бомжам». В этом смысле бездомные как социальная группа могут быть сравнимы с депортируемыми народами, однако здесь признаком **социальной «депортации»** служит не национальный, а социальный признак, когда большую группу людей перемещают из группы трудящихся в группу бездомных. А количественное преобладание русских в составе бездомных не исключает национальный признак. Настойчивое официальное употребление термина «бомж» свидетельствует о том, что государство молчаливо отказывало и продолжает отказывать бездомным в **статусе гражданина**, исключает из состава **народа**, провозглашенного Конституцией РФ единственным источником власти. Это и есть принудительная маргинализация, диффамация и стигматизация (клеймение) бездомных людей. В России слово «бомж» стало прикрытием массового геноцида путем создания условий для лишения вчерашних работни-

---

ков средств к существованию и крыши над головой и последующей их неизбежной гибели от голода, холода и болезней в богатейшей ресурсами России.

Казалось бы, какая разница между бездомным человеком и бомжем? Оказывается, есть и очень принципиальная. «Бомж» — аббревиатура, ставшая презрительной кличкой. А вот «бездомные люди» — это уже **проблема социальная**. Несколькими годами ранее понадобилось Министерству труда и социального развития, чтобы осознать разницу между терминами «бездомные люди» и «бомжи». Сколько же нервов попортили себе руководители обществ, чтобы, наконец, в нормативных актах появился термин «бездомные люди». Теперь Минтруда расценивает это принципиальное дополнение как один из выходов из тупиковой ситуации. Однако до сих пор нет законодательных актов по проблеме бездомности.

Если бомжей классифицировать как «бездомных людей», то государству надо будет взваливать на себя хлопоты по прописке, паспортизации, жилью, трудоустройству, словом, весь комплекс социальных программ. Чиновникам было выгодно перенесение негативного отношения от бомжей к бездомным, поскольку и сам термин «бомж», если не снимал, то в значительной мере маскировал социальную безответственность властей перед гражданами. При коллективной безответственности чиновников было трудно кого-либо привлечь к ответственности, когда люди лишались жилья, работы, семьи, когда они болели от антисанитарных условий, от дурного питания, голодали и умирали от голода, замерзали на улицах и в своих случайных укрытиях.

Уклонение властей в социальном государстве в нарушение п. 1 статьи 7 Конституции РФ от социальной ответственности перед гражданами России оформлено в 122-м и 131-м законах. В частности, 131-й закон передает решение вопросов «местного значения» и социальную ответственность перед гражданами **на уровень муниципальных образований**, а за федеральным уровнем и уровнем субъекта Федерации оставлено законодательство, сбор налогов, надзор. Вопросы бездомности переданы поселениям, районам, городам, но без нормативно-правовой базы для социальной реабилитации бездомных, а главное — без финансирования данной социальной ответственности. Федеральные чиновники оставили за собой прерогативу составлять правила жизни и инструкции, а выполнять их обязаны мэры городов и главы местных администраций. Власть ломает, разрушает, крушит традиционное мироустройство огромного большинства населения, проявляя заботу лишь об избранной, ничтожно малой части

населения. Той части, которая откровенно, открыто и цинично паразитирует на людях и природных ресурсах России.

Понятие бездомности можно определить как отсутствие у гражданина доступа к убежищу, отсутствие жилого помещения, обеспечивающего ему необходимый для жизни минимум санитарных, технических и бытовых условий, лишение человека права и средств на удовлетворение потребности в личной физической безопасности, вследствие чего гражданин обрекается на гибель в суровых климатических условиях России.

Юридический статус бездомного в России властями не установлен и не определен с целью избежать ответственности за проводимую политику и практику геноцида больших групп людей и прежде всего русского народа. Не случайно внесенный в 2007 году группой депутатов в Государственную Думу проект заявления «О геноциде русского народа» не получил поддержки Госдумы и не привлек внимания журналистов.

С переходом к рыночному капитализму и колониальной зависимости России население превращается в **излишнее**, что обусловлено сырьевой экономикой и «открытостью» общества. Д.Кортен (США) убедительно показывает, как современный капитал стремится дематериализоваться, т.е. освободиться от источника своего появления — труда, более того, вообще от человека. *«В современной экономике люди не только становятся все менее необходимыми, но даже превращаются в основное препятствие на пути повышения экономической эффективности...»*. *«Среди особых прегрешений финансовой системы — оборотня — происходит превращение корпорации... в людоедов, что делает социально ответственное управление практически невозможным и принуждает производящую экономику избавляться от людей как дорогостоящей помехи экономической эффективности»* — так он подводит черту под эволюцией мирового корпоративного капитализма.

Освобождение государства в ходе проведения либеральных реформ от ответственности за жилищную безопасность своих граждан привело к созданию условий для возникновения массовой открытой бездомности, абсолютной нищеты на основе неомальгузианства, социального расизма с последствиями социального остракизма и апартеида. Вместе со взрослыми страдают и дети, которые таким образом обрекались на сиротство, беспризорность и погибель в ставшем вдруг жестоким для них окружающем мире.

«В результате реформ в РФ образовалось «социальное дно», составляющее около 10% городского населения или 11 млн.

человек. В состав его входят нищие, бездомные, беспризорные дети и уличные проститутки. Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% — высшее. Такого «дна» не бывало в истории человечества ни в одной стране», — писал историк А.Г. Кузьмин.

В 2001 году вице-мэр города Москвы Шанцев отмечал: «Идейных бомжей единицы. Остальные — вынужденные: либо обмануты мошенниками, либо сами совершили преступление, отбыли срок наказания и потеряли квартиру. А заработать? Так сегодня человеку с нормальной анкетой непросто устроиться на работу. А что уж говорить о тех, кто побывал в местах лишения свободы или людях без прописки?»

Обращает на себя внимание тот факт, что бездомные — это в основном жители городов. В сельской местности бездомных почти нет, хотя там идет процесс угасания деревни. Большинство бездомных — это люди, вырванные в 60—70-е годы XX века из сельской местности на стройки, в промышленность, на лесозаготовки. Как правило, они уже успели утратить связь с местом исхода, а в городе не сумели или не успели приобрести новый способ организации жизни.

С началом реформ с отказом государства от участия в экономике и передачей общественной собственности в частную собственность передаваемые предприятия были освобождены от социальной ответственности. Вся социально-культурную сферу государство передало местным территориальным органам власти, а граждане с приватизацией квартир в законодательном порядке получили реальную возможность распоряжаться жильем (покупать, продавать, дарить, завещать, менять, закладывать). Приватизация повлекла за собой не столько решение жилищной проблемы для отдельных категорий населения, сколько явилась одним из криминогенных факторов, обусловивших преступный квартирный бизнес.

Формирующийся рынок жилья был взят под контроль организованной преступностью. При этом огромный пласт криминальных ситуаций в сфере недвижимости оставался и остается без судебной оценки. Анализ приведенных факторов (ослабление деятельности государственных властных структур, исчезновение контроля, спад производства, безработица, снижение жизненного уровня населения, искажение нравственных принципов, увеличение числа дефектов в сфере правосознания граждан) неизбежно приводит к выводу, что в целом по стране идут два взаимодополняющих друг друга процесса: криминализация всей экономической системы (в том числе и такой сферы бизнеса, как рынок жилья) и коммерциализация уголовной среды.

Организованная преступность в сфере квартирного бизнеса характеризуется тем, что преступные сообщества легализовались и работают под «крышей» риэлтерских фирм и созданных при них служб безопасности. В крупных городах ими открыты многочисленные агентства. Именно приватизация жилья явилась основным фактором, обеспечивающим резкий рост преступности в этой сфере. Практика говорит и о том, что должностные лица органов государственного управления и государственной власти нередко оказывают покровительство преступникам.

Наибольшее количество преступлений было совершено в 1993—1994 годах, когда проходил первый этап приватизации квартир. Именно в эти годы стремительно возросло количество бездомных граждан и сложилась социальная группа бездомных в России. Основное количество преступлений совершалось в отношении так называемых «групп риска» — инвалидов, пенсионеров, алкоголиков, наркоманов, слабоумных. Все вместе они составили 57,9% от всех рассматриваемых категорий потерпевших. Исследователи отмечали случаи посягательств на квартиры малоимущих, а также и среднеобеспеченных одиноко проживающих граждан без признаков социальной деградации (6,4% от общего числа потерпевших). Имели место посягательства не только на приватизированные квартиры, но и на неприватизированное жилье. При этом потерпевшие были выписаны из квартиры, которая затем была приватизирована прописавшимися туда преступниками без их (потерпевших) участия.

Вместе с тем продолжали выходить из колоний бывшие заключенные, которые также в большинстве оказывались без крыши над головой, то есть бездомными.

Большое количество граждан перешли в категорию бездомных в период массового банкротства предприятий, когда закрывались общежития, а здания продавались для погашения долгов. Такой статистики нет, однако множество крупных и средних предприятий имели общежития. Большая их часть сегодня не работает. Соответственно, уволенные работники этих предприятий выписывались из общежитий и обрекались на бездомность. Лишь кое-где можно найти информацию о борьбе жильцов общежитий за свои права на крышу над головой.

Огромная масса сирот, имеющих право на полноценное жилье (комнату или квартиру), получают место в общежитии. При закрытии предприятия, которому принадлежит общежитие, сироты пополняют армию бездомных.

Новым видом преступлений являются поджоги жилья с целью захвата земельного участка. Погорельцы нередко переходят в категорию бездомных, а поджигателей и их заказчиков, как правило, не находят и не наказывают.

Новый Жилищный кодекс (ст. 90 и 91) предоставляет новые возможности для лишения жилья граждан на основании неплатежей за коммунальные услуги. Возможности особенно широкие и «эффективные» с учетом нищенского уровня доходов четверти населения страны.

В последнее время появился еще один источник пополнения армии бездомных — это несостоятельность кредиторов, которых по судебным решениям судебные приставы выселяют на улицу, а их жилье продают для погашения кредита.

Передача в управление частным компаниям муниципального жилья — еще один источник для разных злоупотреблений и махинаций на местном уровне, итогом которого станет лавинообразное пополнение армии бездомных. Достаточно внести в уставной капитал закрытого акционерного общества 10 тысяч рублей, чтобы получить в хозяйственное ведение муниципальные квартиры, ресурсы от муниципальных образований и муниципальных предприятий и распоряжаться ими и финансовыми потоками по своему усмотрению. Государство для защиты граждан фактически предложило лишь закон «О защите прав потребителей», в остальном устранившись от обеспечения гарантий прав граждан, установленных Конституцией РФ.

Либерал-демократическое реформирование общества опирается на западную модель и парадигму культуры, чуждую Русской цивилизации. Поэтому составляемые либерал-демократами и их хозяевами правовые нормы навязываются обществу принудительно, насильно, с применением организованной силы государства для подчинения граждан и внедрения в отношения между людьми чуждых данному обществу норм взаимоотношений. Это явление еще называют организационным оружием. Именно таким образом происходит переформатирование Русской цивилизации на западный манер. Истинной целью такого переформатирования является истребление населения, уничтожение России и использование ее сырьевых ресурсов для выживания Запада. Глобальный экономический кризис показывает, что ресурсы России способны лишь отодвинуть гибель Западной цивилизации, но не предотвратить ее краха.

Нормативную и теоретическую базу нашей либеральной «революции» (и основу организационного оружия) состав-

---

ляют такие фундаментальные труды, как труд известного юриста профессора И.Д. Левина «Суверенитет». Хотя книга отражает давние годы, но резюме ее актуально и сейчас: «Суверенное государство является юридически неограниченным в том смысле... что суверенное государство, строго говоря, не несет юридических обязанностей в отношении своих граждан, а имеет только права», следовательно, «неограниченность юридического суверенитета означает юридически неограниченную свободу установления права государством». «Суверенитет мыслится как *верховная власть* центрального органа государства». Такая «суверенная демократия», независимая от «источника власти», напоминает позицию гитлеровских оккупантов на занятых территориях, диктующих аборигенам правила жизни. Даже если эти правила превращены в способы, методы «гуманизированного» истребления больших масс людей.

О том же пишет депутат Государственной думы В.И. Илюхин: «Наш народ насильно вовлечен во враждебный, эгоистичный мир, в общество, уже теряющее последние нравственные устои... Я уже не говорю, а кричу с парламентской трибуны: посмотрите, власть имущие творят преступление! Вот он — корень всех ваших бед и унижений!» А на пленуме КПРФ 31 октября 2009 г. В.И. Илюхин сказал: «Смею утверждать, что в стране не обеспечивается главное право человека и гражданина — право на жизнь».

Право человека на жилье является таким же естественным правом, как его право на питание, воду, одежду, то есть на предметы, обеспечивающие его право на жизнь. С лишением права на жилье человек утрачивает практически все продекларированные во Всеобщей декларации прав человека и в Конституции Российской Федерации права, и вследствие этого человек подводится к состоянию утраты права на жизнь.

В соответствии с Жилищным кодексом РСФСР бывшим воспитанникам детских домов советская власть предоставляла отдельное жилье вне очереди. При этом суды принимали решения по искам в пользу бывших детдомовцев о предоставлении им жилья независимо от их возраста — по факту воспитания в детдоме и отсутствия у них жилья. Постепенно в 90-е годы эта норма закона властями была свернута. Вместо нее был принят закон о предоставлении жилья выпускникам детских учреждений, в котором предоставление жилья ограничивалось возрастом в 23 года. Теперь на «законном основании» суды отказывают бывшим детдомовцам в предоставлении жилья, закрывая глаза на то, что истцы не имеют ни крыши над головой, ни работы, ни доходов.

Еще одну возможность властям вычеркнуть из жизни миллионы людей предоставил обмен паспортов. Основная масса бездомных не могла обменять паспорта по разным причинам. Многие из них утратили все документы в связи с бездомным образом жизни. С окончанием обмена документов в 2005 году миллионы граждан лишились гражданства не по собственной воле, а принудительно. Власть отдавала себе отчет в возможных последствиях обмена паспортов для бездомных граждан Российской Федерации, однако ничего не предприняла для предотвращения нарушений прав граждан на гражданство, обрекая людей на судебный способ восстановления гражданства. Лишь очень немногие из них сумели восстановить, точнее, заново получить российское гражданство в судебном порядке. Судебный процесс по восстановлению гражданства являлся ничем не обоснованным унижением людей.

Без паспорта бездомный лишался всех прав, предусмотренных Конституцией РФ, в том числе права на жизнь. Бездомный без паспорта не мог получить медицинскую помощь, социальное пособие, не мог оформить пенсию, не говоря уже об устройстве на работу или получении пособия по безработице. В этом случае бездомный человек существовал физически, но не существовал юридически. Иначе говоря, **законодатель и федеральные власти уничтожали юридическое существование миллионов бездомных граждан страны, а вместе с этим освобождали себя от социальной ответственности перед бездомными.** Власть ставили миллионы бездомных ВНЕ ЗАКОНА. Данное явление до сих пор серьезно не исследовано и не получило должной правовой и нравственной оценки в обществе.

Социальные приюты, ночлежки созданы в небольшом количестве прежде всего для освобождаемых из заключения людей. Бездомных туда берут неохотно, да и сами бездомные после некоторого ознакомления с этими учреждениями отказываются там проживать даже установленный месячный срок, поскольку в ночлежках царят нравы, немногим отличающиеся от порядков уголовной среды в тюрьме или зоне.

Попытка решения проблемы бездомных была сделана 12 лет назад сотрудниками Минтруда, Минюста и Госстроя, которые подготовили проект федерального закона «О социальной реабилитации лиц, оказавшихся без определенного места жительства и занятий». Однако этот одинокий и неграмотный законопроект «О социальной реабилитации...» не дошел до Госдумы, а затерялся в коридорах федеральной власти потому, что противоречил реально проводимой политике

освобождения властей от социальных гарантий и обязательств перед ограбленными приватизацией и рыночными реформами гражданами.

В 2006 году была образована Межведомственная рабочая группа «по вопросу правового регулирования в сфере профилактики *бродяжничества*». Предполагалось разработать проект федерального закона о бездомных до 2008 года. На 2009 год планировалось создание сети региональных центров социальной реабилитации. Однако ничего не было сделано.

В стране насчитывается около 1 млн. осужденных и свыше 4 млн. бездомных. Для осужденных из бюджета государство финансирует содержание тюрем, колоний, поселений, штата управления, obsługi и охраны. На радио России есть еженедельная передача «О заключенных и для заключенных». И почти ничего властями не делается для уменьшения и предотвращения бездомности. Вот сообщение в газете: «На Красной площади был задержан 30-летний бомж, уроженец Бурятии. Мужчина пытался сжечь себя на Лобном месте, пытаясь привлечь внимание президента к проблемам лиц без определенного места жительства».

Многие авторы в связи с глобализацией отмечают мутацию государственности в корпорацию-государство. Когда цель государства — экономическая конкурентоспособность в глобальном масштабе, социальная и национальная составляющие забыты. Для поведения государства как корпорации по отношению к своим гражданам характерны минимизация политических и социальных издержек — от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для нации-государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпорационно-государственной) точки зрения населения.

В недавно принятой государственной концепции демографической политики бездомные вообще не предусмотрены. Видимо, в надежде, что они вымрут до 2025 года.

Ратификация Россией в 2009 году Европейской социальной хартии в соответствии с установленным в Конституции РФ приоритетом международных правовых норм позволяет добиваться предоставления жилья бездомным по решениям судов на основании статей 30 и 31 Социальной Хартии о предотвращении бездомности. Однако знают ли бездомные об этой возможности?

Кроме бездомных взрослых в стране огромное количество бездомных и беспризорных детей. Их используют преступ-

---

ные группировки для попрошайничества и вовлечения в криминальный бизнес. Очень много детей пропадает бесследно. **Проблема загубленных поколений в России, в основном русского народа, является наиболее вопиющим и возмутительным следствием либеральных реформ и угрожает самому существованию российского общества и Русской цивилизации в целом.**

Основные причины попадания детей на улицу кроются в социальных проблемах, которыми поражено общество. 25 процентов ребят убежали из дома вследствие бедности и плохого питания, пятая часть (19 процентов) потому, что их родители — алкоголики или наркоманы, в целом около 28 процентов не выдержали плохого обращения со стороны взрослых. Как признавались сами дети, для их семей были характерны низкий уровень жизни, частые скандалы по поводу нехватки денег на самые необходимые продукты и товары. Нередко уставшие от постоянной борьбы за выживание родители обвиняли своих детей в собственных жизненных неудачах, попрекая за «лишний рот».

За последние 10 лет в России родились вне брака 3 991 570 детей. Сегодня в России 700 851 сирота, то есть больше, чем после Великой Отечественной войны (678 000 детей). Из числа детей-сирот становятся самоубийцами — 10%, алкоголиками и наркоманами — 40%, преступниками — 40%.

По статистике, из 15 тысяч ежегодных выпускников детских учреждений для детей-сирот до 30% в течение первого года становятся бездомными, около 20% попадает в тюрьму и почти 10% кончает жизнь самоубийством. Таков итог работы всех уровней социальных отделов государственного управления, который должен бы привлечь внимание прокуратуры. Однако ни серьезных расследований, ни громких уголовных дел нет. Почему?

Глава МВД Р.Нургалиев призвал всех милиционеров страны взять шефство над беспризорниками (которых по официальной статистике 700 тыс. чел, а по информации правозащитников — не менее 2 млн. чел.). Нургалиев призвал МО РФ, МЧС и других силовиков последовать примеру МВД.

Официальная пропаганда и СМИ вину за бездомность и беспризорность детей цинично перекалывают на родителей, тщательно обходя вопросы о грабеже и люмпенизации народа в период приватизации и баснословной безработицы в 20 млн. человек. Но теперь и власть готовит правовые основания для возложения всей полноты ответственности на родителей. Именно для этой цели Госдума рассмотрела в двух чтениях **законопроект «Основы законодательства о ювенальной юстиции»**. Данным законопроектом родители устраняются от

решения вопросов защиты прав своих детей и становятся предметом пристального контроля со стороны соответствующих органов. А семья как основа, как первичная ячейка общества уже на наших глазах подвергается ускоренному разрушению. Так продолжается агрессивное, насильственное навязывание народу правовых норм, не только противоречащих обычаям и традициям Русской цивилизации, но и угрожающих самому существованию России.

Финансирование государством созданной в 1992 году в России организации «РАПС» (Российской ассоциации планирования семьи), преследующей цель сокращения деторождения под прикрытием заботы о здоровье детей не отличается от практической реализации политики геноцида народа.

Воспитание детей в приемных семьях является еще одним объектом коммерциализации общественных отношений, выгодным бизнесом на детях. И столь же выгодным и удобным способом паразитирования отделов социальной защиты на детской беде.

Программа передачи детей в приемные семьи предполагает уничтожение у детей памяти о родителях и пращурах, об их занятиях, традициях, верованиях, нравах, культуре. Несмышленным чадам легко привить чужие и чуждые взгляды и нравы, вложить в их головы любую религию, любые мифы. Не потому ли так активно либерал-реформаторы продвигают проект с приемными семьями, что обнаружили способ сделать детей манкуртами. Эту технологию уничтожения русского народа можно назвать технологией Моисея, сорок лет водившего евреев по пустыне. Вместе с тем эта программа способствует забвению разрушения великой державы и чудовищного ограбления народа и, следовательно, уклонению от ответственности за преступления «реформаторов». **Таким образом Россию лишают ее будущего, подрывая корни и обрывая молодые побеги.**

Александр Дюков в книге «За что сражались советские люди» пишет: *«Это была война (Великая Отечественная война. — В.Ш.) на уничтожение нашего народа... Жестокость оккупационного режима была такова, что, по самым скромным подсчетам, каждый пятый из оказавшихся под оккупацией семидесяти миллионов советских граждан не дождался Победы...»*

Мировая олигархия руками российских коррумпированных предателей нанесла стратегические удары по ветеранам войны и труда, по пенсионерам и особенно по русским детям и молодежи...

Ожесточенным массовым «демографическим бомбежкам» подвергнуты все мегагорода, все крупные, средние и малые города, все поселки городского типа, все деревни и села, все области и республики, где преобладает русское население. Смертоносный меч гибели навис над всем российским, русским народом».

Немалую долю в демогеноциде нашего населения составляют бездомные. Доля бездомных в стране не менее 3% от общей численности населения. Смертность в среде бездомных — 7%, что является **сверхсмертностью**. Ежегодно погибает около 300 тысяч бездомных. Только официально, по данным Роскомстата, в России за 1992—2006 гг. население сократилось на 12 млн. человек. Доля бездомных в этом сокращении превышает 30%! С 1992 по 2006 год погибло, точнее будет сказать, убито бездомностью, голодом, холодом, болезнями **4,2 млн. человек**.

Геноцидные преступления сдвоенной «пятой колонны» Горбачева—Ельцина ради уродливого, коррумпированного чиновно-олигархо-мафиозного капитализма с его криминальной приватизацией, с крупнейшим разворовыванием национального богатства, с ограблением и обнищанием народа, с зияющим социальным неравенством, с беспрецедентной демокатастрофой — не имеют и не могут иметь срока давности и никогда не получают прощения народа, несмотря ни на какие временные индульгенции от кого бы то ни было. В самом сплетении этих трех прилагательных (чиновно-олигархо-мафиозный) отражен факт сращивания трех господствующих классов в формате навязанного России общественного устройства, не имеющего ничего общего с обычным рыночным капитализмом. Объективный суд над генеральными преступниками за геноцидные злодеяния — еще впереди. Министры социально-экономического профиля в правительстве, начиная с М.Зурабова, Г.Грефа, А.Кудрина, а также депутатский корпус в Госдуме и Совете Федерации РФ и губернаторский корпус соразделяют ответственность за геноцид и демокатастрофу в России — в своей доле и в своих пропорциях.

Демогеноцид русского народа и других коренных народов России теперь уже наращивается в новых формах. Приобретает черты оккупационности через навязывание законодательных актов, предусматривающих продажу земли иностранцам и закрывающих доступ к земле, воде, лесу населению России.

На конференции ученых в Москве «Россия в условиях глобализации» 14 марта 2009 года такой режим не без оснований

был назван **либеральным фашизмом**. Так «диктатура, переходящая в фашизм», за десять лет преобразовалась в либеральный фашизм. При этом режиме действует мораторий на смертную казнь, но народ массово убивают новыми формами оружия — информационным, организационным, финансово-экономическим, юридическим, биологическим и т.п. Демопотери уже вызывают опасение утраты малонаселенных территорий России.

Решение демографической проблемы невозможно, пока не решается проблема снижения смертности, ибо повышенная смертность в стране и бездомность являют собой ОБРАЗ несчастливого будущего для появляющегося на свет ребенка. Этот образ заставляет родителей на уровне подсознания отказываться от рождения детей. Явный и неявный отказ властей от реабилитации бездомных, от организации защиты и социального обеспечения пенсионеров, умышленное разрушение связи поколений и диффамация старшего поколения (при лицемерно-демонстративном проявлении гуманизма к инвалидам и сиротам) — все это является продолжением замаскированной государственной политики, направленной на сокращение русского народа и других коренных народов России.

Владимир БОЯРИНЦЕВ,
доктор физико-математических наук
Анатолий САМАРИН,
кандидат философских наук
Людмила ФИОНОВА,
доктор физико-математических наук

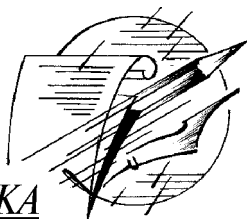
СПАСЕНИЕ НАУКИ — ОСНОВА ИННОВАЦИОННОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

Наука всегда была одним из стержней российской государственности. Сломать этот стержень — значит уничтожить страну. Очевидно, что именно такую цель преследуют те, кто уже двадцать лет под вывеской «реформ» разрушает русскую науку.

Наука успешно развивается только в таком обществе, где есть социальный заказ на научные разработки, где востребованы высококвалифицированные научные кадры. Известно, что мощное развитие науки в СССР стимулировалось постоянным ростом наукоемкой промышленности. Реформы превратили Россию из великой индустриальной державы в сырьевой придаток Запада, а сырьевой стране ни собственная промышленность, ни наука не нужны.

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ НАУКОЕМОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ?

Научные исследования в Советском Союзе были востребованы прежде всего военно-промышленным комплексом. ВПК демократической России ныне находится в катастрофическом состоянии. Сегодня более 30% организаций военно-промышлен-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ного комплекса имеют признаки банкротства, 50% предприятий относятся к потенциальным банкротам. Состояние ВПК столь плачевно, что появились случаи неисполнения зарубежных поставок, возврата иностранными заказчиками бракованной продукции.

О состоянии дел в судостроении говорится в статье «Гроза морей» (журнал «Forbes», январь, 2006 г.): «В начале 1990-х годов комплекс впал в состояние клинической смерти. Оборонного заказа не было и не предвиделось. Стоявшие на стапелях корпуса разбирали, железо отправляли в металллом... Нынешний Военно-морской флот России — лишь бледная тень могучего советского ВМФ. Несмотря на все усилия военных, в ближайшее десятилетие «морские мускулы» восстановлены не будут».

Казалось бы, одним из «локомотивов», который может вывести страну на путь инновационного развития, является ракетостроение. Но Ю.Соломонов — член-корреспондент РАН, директор и генеральный конструктор ФГУП «Московский институт теплотехники» (теперь уже бывший) отмечает, что намеченная президентом программа выпуска ракет «Булава» сорвана из-за отсутствия ее финансирования: она не была завизирована главным финансистом страны А.Кудриным. С 2000 года предполагалось выпускать ракеты «Тополь-М» в год по 30—40 штук, к 2010-му году довести их численность до 500—600 штук. Но и эта программа была сорвана. А без этого, как отметил генерал Л.Г. Ивашов, мы не будем способны вообще противостоять чему-либо.

Не лучше обстоят дела и в высшей степени конкурентоспособной на мировом рынке отрасли — авиастроении. За период с 1991 по 2004 год производство гражданских самолетов в России сократилось в 12 раз; большинство предприятий сократились до 10—20% от своего первоначального состава; основные серийные авиазаводы загружены не более чем на 30% своей мощности; 89,4% рынка пассажирских самолетов ныне поступает в Россию из-за рубежа; ежегодно из авиапарка выбывает 100—150 машин, в ближайшие три года российским авиакомпаниям придется заменить примерно 180 самолетов, а за десять лет — 1,5 тысячи машин; подавляющая часть грузовых самолетов списана по причине выработки ресурса — из двух тысяч наших гражданских самолетов более 800 имеют возраст свыше 25 лет; объем перевозок пассажиров снизился в пять раз; из 1302 аэропортов страны осталось 450.

Газета продолжает: «Министр промышленности и торговли Виктор Христенко... принародно расписался в полной

авиационной импотенции. Он заявил журналистам, что мы уже не способны выпускать дальние магистральные самолеты. А между тем именно на их долю приходится 98% мирового рынка авиапродукции. Оставшиеся 2% ? это региональные самолеты, одним из которых должен стать «Суперджет». Заметим, для эксплуатации этого самолета ввиду низкого расположения его двигателей нужны аэродромы 1-го класса, которых в России всего 3% от общего числа.

Один из ведущих специалистов авиапрома считает: «С приходом «Суперджета» у нас окончательно внедрилась так называемая отверточная сборка. Движки и вся интеллектуальная часть в этой машине иностранная. В результате такой политики КБ Яковлева — это 400 человек, КБ Ильюшина и Туполева — не больше, зато филиал «Боинга» в Москве — 1400 конструкторов. Причем наших. Весь наш огромный научный потенциал просто вымывается из России... Нас просто используют, чтобы «подносить патроны» — делать оснастку, проектировать какие-то второстепенные узлы, ящички, шторки... Глядя на такую кооперацию, можно лишь констатировать: Россия как авиационная держава расписалась в своем полном бессилии...» («Московский комсомолец», 31 августа 2009 года).

Отечественный автопром также превратился в отверточное производство. Под натиском мощного импорта иностранных автомобилей он просто погибает. Летом 2009 года конвейер автозавода в Тольятти был остановлен. Осенью было объявлено об увольнении трети персонала. За 2009 год производство автомобилей в России упало вдвое.

Практически полностью уничтожена электроника. Так, центр советской электроники Зеленоград, который является самым ученым городом Европы (людей с высшим образованием в Европе — 23% населения, в Лондоне — 37%, в Париже — 30%, в Москве — 41%, в Зеленограде — 44%) с началом демократизации получил самый высокий уровень безработицы и самую низкую заработную плату.

Судя по заявлениям наших руководящих чиновников, правительство приняло меры по исправлению положения. Но вот что пишет военный обозреватель «Комсомольской правды» (17 июня 2009 г.) полковник В.Баранец в статье «Как убивают оборонку?»:

«Делается попытка рейдерского захвата (после неудачи банкротства предприятия) Пермского порохового завода, на 85% обеспечивающего потребности страны в ракетном топливе.

Волгоградское оборонное предприятие «Баррикады», недавно входившее в список стратегических, теперь из него

исключено. Предприятие, имея долгов почти на один миллиард рублей, вынуждено продать ряд ключевых цехов.

Фактически уничтожен Московский вертолетный завод им. М.Л. Миля, машинами которого на 99% вооружена наша армия; его некоторые здания выставлены на торги, значительное количество акций КБ Миля скуплено иностранцами, что, естественно, не способствует процветанию конкурирующей с иностранцами фирмы.

Московский военно-промышленный комплекс «Базальт», производящий оружие и боеприпасы, не имеющие аналогов в мире, готовят к переселению после продажи 24 гектаров земли, на которых располагается головное предприятие.

Московский завод «Маяк», производящий авиационное оборудование, в течение 6 лет подвергается рейдерским захватам с продажей «лишних» цехов».

Всего с 1990 по 2008 год в стране было закрыто 70 000 заводов, страна потеряла 25% имеющихся технологий, т.е. демократическими властями была фактически осуществлена деиндустриализация страны, ради превращения ее в сырьевую колонию Запада и рынок сбыта продукции западной промышленности.

По данным Института международных экономических и политических исследований РАН, среди 49 стран, производящих 94% валового продукта мировой экономики, по «индексу технологий» Россия занимает последнее место. На мировом рынке высоких технологий в настоящее время вклад России составляет 0,5%, США — 60%, Сингапура — 6%.

РАЗГРОМ НАУКИ

В условиях уничтожения главного заказчика научных разработок — наукоемкой промышленности — крах русской науки был неизбежен. Вот некоторые данные о разгроме науки за время «реформ».

Финансирование науки сократилось в 10 раз по сравнению с периодом «застоя», и в настоящее время оно в 200 раз ниже, чем в США, в 40 раз ниже, чем в Китае.

За период с 1990 по 2003 год количество научных и проектных организаций сократилось в 7,8 раза, конструкторских бюро — в 3,6 раза, научно-технических подразделений на промышленных предприятиях — в 1,8 раза. В 90-е годы прекратили свое существование 800 институтов, что привело фактически к отмиранию понятия «отраслевая наука».

К 2006 году количество ученых-исследователей уменьшилось примерно в три раза по сравнению с 1991 годом. К 2007 году их осталось чуть более четырехсот тысяч человек.

Средний возраст работающих в науке превысил 60 лет. Если учесть, что наиболее активный период работы ученого приходится на 30—40 лет, то творческий потенциал науки приблизился к нулю.

Эмигрировали более 800 000 научных сотрудников в основном из области технических и естественных наук, обескровив реальный сектор. Ежегодно страну покидает до 15% выпускников вузов. По подсчетам экспертов ООН, отъезд за рубеж человека с высшим образованием наносит стране ущерб размере от 300 тысяч до 800 тысяч долларов.

За последние 10 лет уровень изобретательской активности в стране снизился на 90%.

Возраст большей части научного оборудования превысил 20 лет.

В 2003 году вклад российской науки в мировую составил 3,75% и если не принять экстренных мер, то этот вклад в скором времени снизится до 2,0%, для фундаментальной науки это означает, что полный крах ее в ближайшее время неизбежен. По данным В.Маркусовой, научного руководителя гранта INTAS, вклад России в мировую науку за пятнадцать лет (начиная с 1991 года) сократился в 15 раз.

Трагичным в период «реформ» стало положение научных городков. В Черноголовке общая численность работающих в научных организациях сотрудников сократилась на 40%, в Институт физики твердого тела РАН за все 90-годы на работу пришел только один молодой специалист.

Газета «Аргументы и факты» (№43, 2009 г.) приводит данные: доля затрат в общей сумме бюджетных расходов на науку в 2008 году в США — 6—7%, в европейских странах — 4—5%, в России — 0,8%! При этом не будем забывать, что ВВП России не намного превышает экономический продукт американского округа Лос-Анджелес.

Вывод из всего сказанного такой: восемнадцать лет демократии поставили науку в России на грань гибели. Потерян авторитет, который столетиями имела русская, а затем советская наука в мире. Многочисленные правительственные обещания сводятся к мелким подачкам, которые едва позволяют стремительно стареющим научным кадрам прокормиться.

Казалось бы, государство, озабоченное сохранением своей независимости, должно принять срочные меры по исправлению катастрофического положения в науке.

Однако Министерство образования и науки, которое сегодня в научном сообществе называют «Министерством обрезания науки», выпустило документ под названием: «Кон-

---

цепция участия Российской Федерации в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере науки».

Предполагается «оптимизировать организационно-правовые формы государственных организаций науки», для чего планируется: преобразование государственных унитарных предприятий в акционерные общества; значительное сокращение числа государственных учреждений путем их объединения, ликвидации и приватизации; количество бюджетных учреждений в сфере науки должно сократиться примерно на 40%.

По этому плану Федеральный сектор науки должен включать в себя всего 400 организаций. Из них исследовательское «ядро» составят всего 100—200 научных организаций. Предполагается изменение структуры институтов РАН: создание гибких, мобильных научных коллективов. Планируется также провести своеобразное «разделение труда» в РАН: одна часть институтов будет заниматься фундаментальными исследованиями, другая — прикладными, третья продажей этих результатов всем заинтересованным лицам.

Документ предусматривает меры по приватизации институтских зданий. Именно здания институтов являются желанной целью госчиновников, вызывая у них неотступное желание науку «реформировать». И процесс по изгнанию коллективов институтов из зданий уже пошел: в сентябре 2009 года стало известно о передаче здания Института философии РАН музейному городку Музея изобразительных искусств имени А. Пушкина. При этом перспективы предоставления институту другого здания туманны. Коллектив обратился с открытым письмом к президенту РФ Д. Медведеву. О реакции властей пока ничего не известно. Зато обсуждается перспектива сокращения или полного прекращения преподавания философии в институтах.

Российский Фонд фундаментальных исследований сократил гранты на 30%. В результате многие научные программы прекращены, а от тех, что остались на урезанном финансировании, требуют прежнего объема выполнения работ.

С мая 2006 года согласно постановлению правительства численность научных сотрудников была сокращена более чем на 20%. Общее число принудительно уволенных составило 22 тысячи. В мае-июне 2007 года прошло новое сокращение. Поскольку обычно в институтах Академии наук количество ученых находится на уровне 50% от общей численности сотрудников, сокращение ученых приводит к уменьшению их удельного веса в научных учреждениях. На-

---

учные сотрудники стали никому не нужным, лишним звеном! Без них, как выясняется, наука может спокойно обойтись.

Демократические власти неизменно сохраняют ситуацию неконкурентоспособности и непривлекательности научного труда по сравнению с другими видами деятельности, хотя в нормальном государстве уровень доходов ведущих ученых должен обеспечивать их принадлежность даже не к среднему классу, а к элите. Сегодня ученые не могут принять участие в международных и даже российских конференциях из-за отсутствия денег, ибо стоимость билета соизмерима с их зарплатой, поехать же за счет Академии наук невозможно — нет средств. Отсутствие профессионального общения неизбежно скажется негативно на уровне научной продукции. И ни в одном государственном плане не предусматривается восстановления материальной базы институтов. Сегодня денег хватает только на покупку компьютерного оборудования для таких служб, как канцелярия, бухгалтерия и т.п.

Создавая себе пропагандистскую славу радителей отечественной науки, власти в действительности ее уничтожают. Из науки изгоняются последние из тех, кто не занимался собственным обогащением, кто делал науку, а не карьеру. Убирают известных ученых, независимых, самостоятельно мыслящих, критически настроенных, сопротивляющихся разрушению науки. Сокращают по возрасту, хотя при нынешней ситуации, когда из науки выпало целое поколение 30—40-летних, пожилые ученые могли бы стать наставниками, учителями, спасителями умирающих научных школ.

Возрастные ограничения не касаются «возвращенцев» — ученых, покинувших Россию, а затем вернувшихся после того, как им уже нечем было больше поделиться (в том числе и со спецслужбами) в иных государствах. Не подлежат сокращению также те, кто уехал работать за рубеж, но продолжает числиться в институте. Затрагивать интересы иностранных государств, питающихся за счет разграбления научного ресурса России, не велено. Не подлежит сокращению и администрация институтов, для которой развал науки стал поистине золотым временем обогащения за счет сдачи в аренду опустевших помещений, за счет коммерциализации вспомогательных подразделений и т.п.

Сложилась парадоксальная ситуация — администрация институтов, то есть люди, которые несут персональную ответственность за разрушение науки, рассматриваются как самые ценные кадры, которые следует сохранить.

Никакие сокращения не касаются и членов-корреспон-

дентов и академиков РАН. Для себя академики в новом уставе РАН не ввели возрастные ограничения при выборах на все руководящие посты. Вот как обстоят дела с возрастным составом Академии наук: «с 1 января 2008 года из 500 человек в академии меньше 80 человек будут моложе 70 лет и меньше 100 — моложе 65 лет» («Известия», №54, 2007 г.).

Президент Российской Академии наук Ю.Осипов всегда хранит молчание, какие бы издевательства над наукой не чинила власть. Так, в гробовом молчании он и ведет вверенную ему отрасль к окончательной гибели. Должно быть, за это и наградили его орденом летом 2006 года В.Путин. За это и избран был вновь Ю. Осипов, несмотря на преклонный возраст — 71 год, президентом РАН в мае 2008 года на следующие пять лет, хотя находится он на этом посту с 1991-го года и согласно этическим, хотя и не прописанным в уставе нормам, много превысил все приличные президентские сроки.

Сегодня ситуация в науке характеризуется как «парадокс Осипова»: по мере того, как число научных работников сокращается, количество членов-корреспондентов и академиков растет: вдобавок к 1344 уже существующим действительным членам и членам-корреспондентам Общее собрание РАН в мае 2008 года избрало 44 новых академика и 112 новых членов-корреспондентов. Столь обильное пополнение отнюдь не связано с бурным развитием науки, большинство кандидатов шли с классической формулировкой: «за значительный вклад».

Президиум РАН ограничил свою деятельность исключительно повышением благосостоянием членов Президиума, который превратился в некое акционерное общество закрытого типа. Об этом свидетельствует и уровень зарплат академической администрации, и списки лауреатов научных премий, состоящие преимущественно из академиков. И премиальные суммы в этих списках значатся немалые. За что премируют академиков? Ответ однозначен: за молчаливое согласие с развалом науки.

Вот как формулирует позицию Президиума РАН академик В.Накоряков в статье «Российская наука и российская элита» («Наука в Сибири» от 18 января 2008 года): «Мы должны... научиться компромиссу с властью, понимая, что целиком зависим от государства...»

Что касается науки, то на Общем собрании РАН в мае 2008 года академики объявили, что главной задачей академии является борьба с лженаукой и экстремизмом. Актуальные проблемы страны и науки Президиум РАН обсуждать избегает. Как вырвать Россию из лап чудовищной гиперсмертности? Как вывести из кризиса экономику страны, балансирую-

---

шую на грани коллапса? Все эти вопросы бесполезно задавать членам нынешней Академии по причине их недееспособности.

Но именно в таком виде члены РАН наиболее «ценны» для власти: надбавки академикам и членам-корреспондентам РАН в мае 2009 года были повышены до 50 и 25 тысяч рублей соответственно.

И избрание Ю.Осипова, и щедрые надбавки членам академии, и прочие бюджетные милости являются ясным знаком — власти академиками довольны. Почему? Да потому что именно верхушка академии в годы варварского уничтожения науки создает иллюзию нормальной работы Академии, что в высшей степени устраивает власть. За плотной ширмой молчания и лжи академиков власти могут спокойно и незаметно для посторонних окончательно удушить русскую науку. Академики — это такой научный ОМОН, который отгораживает ученых от власти, отгоняя дубинками «экстремистов», которые дерзают бороться против разрушения науки.

Все, что сегодня осталось от академической науки — это мощный бюрократический аппарат РАН. Выполняя «государственную» задачу уничтожения науки, этот аппарат заинтересован в том, чтобы сделать этот процесс вялотекущим, что обеспечит чиновникам от науки возможность безбедно существовать некоторое количество лет.

«Старой советской академической номенклатуре, которая окопалась в Российской академии наук, не нужны никакие перемены, — отмечает доктор технических наук Ф.Ф. Менде, — ей и так хорошо, когда без какой-либо видимой отдачи можно спокойно жить и преуспевать».

Парфразируя знаменитое выражение, можно сказать: у русской науки друзей нет. Есть два врага: Министерство образования и науки и Президиум Академии наук.

Академическая администрация способствовала разрушению естественной структуры науки. Хотя центральную роль всегда играла фундаментальная наука, сегодня ее уничтожают в первую очередь.

Во-первых, стала проповедоваться (и небескорыстно) достаточно безумная идея о том, что-де для России фундаментальная наука уже не по карману и потому ее требуется свернуть. И дело здесь не ограничилось словесными декларациями, хотя именно наличие мощной фундаментальной науки в СССР и ее опережающий рост были сильнейшими стимулами к развитию образования и высоких технологий. Ликвидировать фундаментальные науки — значит сгубить остаток русской науки вообще.

Во-вторых, уже резко ослаблены основы фундаменталь-

ных наук — от философии до математики. Реформаторы ориентируют общество на утилитарное практическое знание, вынося за скобки любую методологию или теорию, как некие излишества. Уже было немало попыток вывести общетеретические предметы за пределы высшего образования, а в академической среде можно наблюдать, как методом «слияния» упраздняют любые научные структуры, где в названии еще есть слово «теория».

Рассматривая катастрофические результаты «реформ» науки, нельзя не учитывать внешнего фактора, определившего ситуацию в России — встраивание страны в мировую ростовщическую финансовую систему в качестве донора. В документах Международного валютного фонда с середины 90-х годов содержатся рекомендации о трехкратном снижении потенциала российской науки и образования. Во многих отношениях «реформаторами» это указание уже перевыполнено. Бывший госсекретарь США Г.Киссинджер, который продолжает играть важную политическую роль в американской элите, заявил в 2004 г: «Существование науки в государствах недружественных США рассматривается как стратегическая угроза США». Проекты демонтажа науки и образования в России разрабатывают люди, живущие на американские деньги и исполняющие заказ своих спонсоров.

При этом США успешно осваивают научные ресурсы России, используя два пути:

1. Организация выезда интересующих их категорий ученых на постоянное или временное жительство в США;
2. Развитие системы грантов, выделяемых для работающих в России ученых, для проведения исследований, в которых заинтересованы США;
3. Организация совместных производств с использованием разработок русских ученых, предпочтительно на территории России — так выгоднее.

В результате «реформ» русская наука погрузилась в тяжелый кризис, это признают даже сами «реформаторы». Правильнее было бы сказать, что в результате целенаправленного разрушения русская наука оказалась на грани полного исчезновения.

ОБРАЗОВАНИЕ — ФАБРИКА ДУРАКОВ

Разгром наукоемкой промышленности и науки создал ситуацию, когда образование, высокая квалификация оказались не востребованными в России. Выступая на съезде мо-

---

лодежного движения «Наши» на озере «Селигер», министр А. Фурсенко критиковал советскую систему образования, которая создавала творцов, и говорил о том, что нужно взрастить потребителя, который может правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими. В журнале «Итоги» министр писал, что рабочий на конвейере не должен рассуждать, он должен делать то, чему его научили. Иными словами, обучать обитателей сырьевой колонии — России следует лишь настолько, чтобы они смогли открывать задвижки на трубопроводах и торговать западным секонд-хэндом.

Сегодня, подчиняясь требованиям времени, большинство молодых ищет в вузах не знания, а избавление от военной службы и корочки диплома, но корочки можно купить — все равно знания для работы не пригодятся.

«Мы приступили к реализации масштабного национального проекта в образовании. Необходимо поддержать школы, вузы с инновационными программами, дать фору талантливым преподавателям и одаренным ученикам» — так говорил президент В. Путин в 2005 году. А вот чем обернулись эти речи на деле.

Если в развитых странах расходы на образование постоянно увеличиваются и составляют в процентах от ВВП, например, в Скандинавии — 7,6—8%, то в России они сокращаются и ныне находятся на уровне Турции, где эта величина равна 3,5%. В 70-е годы по числу студентов на 10 тысяч человек населения Россия занимала второе место в мире. Сейчас по этому показателю (179 студентов) нас обогнали Канада (299), Австрия (227), Бельгия (224), Финляндия (220), Испания (187) и некоторые государства Латинской Америки. В Советском Союзе было 900 высших учебных заведений, к 2007 году их осталось 650. В планах министра А. Фурсенко уменьшить это число до 200.

Период «реформ» ознаменовался переводом высшего образования в стране на частную основу, заменой государственного финансирования образования платным обучением, которое ныне охватывает уже более половины студентов. При этом о сокращении бюджетных мест хлопочет министр образования и науки.

Попытаемся оценить современное российское высшее образование по критерию «цена—качество». По международным оценкам, в список из 200 наиболее успешных и востребованных высших учебных заведений в мире в его конец вошли только Московский Государственный Университет и Санкт-Петербургский Государственный Университет.

Это — качество образования, а теперь посмотрим на цену, которую надо заплатить в год за учебу: Парижский университет в Сорбонне — от 250 до 1000 евро (12—50 тысяч рублей); Мюнхенский технический университет — около 1200 евро (55 тысяч рублей); МГУ — от 173 000 до 220 000 рублей (на факультетах журналистики и юридическом).

Интересно, что обучение в МГТУ им. Баумана, который готовит специалистов для оборонного комплекса, куда дешевле: 58 — 82 тысячи рублей.

Сегодня Минобрнауки проводит в жизнь реформу высшего образования по западному образцу: внедряется «двухступенчатый» уровень обучения (4 года — бакалавр, еще два года — магистр). Утверждение, что замена бывшей лучшей в мире советской системы образования чужеродной западной (присоединение к «болонскому пространству») позволит договориться о взаимном признании российских и европейских дипломов, не выдерживает никакой критики, т.к., во-первых, российские специалисты и без того в высшей степени востребованы во всем мире, и во-вторых, заботиться об облегчении экспорта наших мозгов — значит занимать антигосударственную позицию.

Новая система приведет к снижению профессионального уровня выпускников, к закрытию кафедр, выпускающих людей с полным высшим образованием, к увольнению их сотрудников. Заметим, что именно на этих кафедрах была сосредоточена научно-исследовательская работа в вузах, здесь трудились специалисты наиболее высокого класса. Итогом явится полная ликвидация подготовки в стране специалистов-профессионалов для реального сектора экономики.

Вот как мотивирует А. Фурсенко необходимость реформы: «Министерство ставит задачу перехода на бакалаврскую подготовку и более узкую — магистерскую, когда будущий студент будет «затачиваться» под конкретного работодателя». А. Фурсенко даже пояснил, под какого конкретного работодателя: «Мордашов и Лисин говорили, что им крайне важно, чтобы доводку специалисты проходили после того, как уже отработают на предприятии». Газета «Твой день» (№53, 2007 г.) по этому поводу замечает: «Как вы думаете, Мордашову с Лисиным нужны, к примеру, историки, философы, кибернетики, физики-ядерщики, микробиологи, генетики, социологи, режиссеры, литераторы?..»

В период «реформ» сильно пострадало и школьное образование. Укомплектованность сельских школ преподавателями в 2008 году составляла менее 70%, их материальная база пришла в полную негодность. Только за один 2007 год число

школ сократилось на 1 тысячу, количество школьников за период 2002—2007 гг. снизилось с 20 до 15 миллионов. В 2008/09 учебном году закрылось примерно 300 школ, за последние десять лет число школьников сократилось на 8 миллионов человек.

В школах сокращается программа изучения русского языка и литературы (с романом «Война и мир» дети знакомятся по тоненькой брошюрке), преподаватели русского языка, как и прочих предметов, зарабатывают существенно меньше учителей английского языка. Такова колониальная реальность!

Даже министр А. Фурсенко признал, что уровень школьного образования резко упал: «...25% школьников не знают математики и примерно столько же — не знает русского языка». Это заявление прозвучало как отчет разрушителей перед своими нанимателями — задача уничтожения системы образования в России успешно выполняется.

В школах также внедряется реформа западного образца — Единый государственный экзамен (ЕГЭ) — система блокирования творческого мышления у детей. Система приучает детей к зубрежке, настраивает мозг на деятельность в режиме магнитофона — записанная информация в точности воспроизводится без малейшего анализа или осмысления по типу игры «Что? Где? Когда?».

Первый опыт массового применения ЕГЭ в школах весной 2009 года принес ошеломляющие результаты. Почти 30 000 выпускников не сдали экзамен. Что будет с этой армией молодых людей, павших жертвами чудовищного эксперимента, вышедших в жизнь без аттестата зрелости? Очевидно, именно это и было задачей А. Фурсенко — выбросить как можно больше молодежи России из созидательной жизни в безработицу, наркоманию, пьянство, криминалитет.

Официальной версией введения ЕГЭ была борьба с коррупцией. Освобожденный от коррупции ЕГЭ выдал удивительные итоги: средний балл оказался выше на многих национальных окраинах (Чечня, Ингушетия, Калмыкия). Согласно данным ЕГЭ, там знают математику и русский язык лучше, чем в признанных образовательных центрах, таких, как Москва и С.-Петербург.

Заместитель председателя Комитета Государственной думы по образованию О. Смолин считает, что новая система коррупции в образовании увеличила, перенаправив потоки взятки: теперь берут и в школе, и в вузе. «По моим данным, «хороший ЕГЭ» в Москве стоил 60 тыс. рублей. В СМИ назывались цифры по Дагестану — от 10 до 50 тыс. рублей. Есть данные МВД о 2 тысячах случаев взятки в приемных комис-

---

сиях, когда абитуриентам с равными баллами продавались лучшие места в списке...»

В 2009-м году впервые прошел набор студентов с использованием результатов ЕГЭ. Вот как характеризовал ситуацию академик АПСН С.Котов в августе 2009 года:

«Такого кошмара, как в этом году, российское образование еще не переживало... Фамилии в списках зачисленных, завязтые остряки уже прозвали «ксероксные души»...

В Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова на юридический факультет было подано 2001 заявление на 320 мест бюджетного отделения. Среди них льготников, которых МГУ обязан принять, 220 человек. На оставшиеся 100 мест, таким образом, конкурс — почти 18 человек».

Глава Рособрнадзора Любовь Глебова заявила, что специалисты перепроверили 370 стобальных работ из 2336. Четверть результатов оказалась липой!

Так зачем же был продавлен ЕГЭ вопреки массовым протестам ученых, родителей, учителей? Зачем Министерство образования и науки добивалось утверждения этой «дури» соответствующим законом, утвержденным Государственной думой? Затем, чтобы окончательно развалить систему образования России...

Зачем же гробить российскую школу? Ведь лидерство в мире сегодня и завтра будет определяться качеством системы образования. «Преобразователи» реализуют западные цели в отношении России — обрушить наше конкурентоспособное в мире образование — вольно или невольно. По недомыслию ли, по серости или — делая на этом неплохой бизнес (на ряд «вождей ЕГЭ» Генпрокуратура РФ завела уголовные дела). Суммы затрат в стране на ЕГЭ известны. Пути «откатов» знающим людям тоже ведомы...»

Какая реформа образования, академик С.П. Капица сказал, что, по его мнению, Российскую Федерацию превращают в страну идиотов.

Многочисленные протесты общественности по поводу ЕГЭ пресек президент страны. Он считает, что ЕГЭ справедлив и уже показал свою эффективность в борьбе с коррупцией, дал больше возможностей уравнивать всех абитуриентов в правах. Президент сказал, что отменять уже принятые на этот счет решения никто не собирается: «Решение принято. Нужно разработать оптимальный механизм, по которому этот экзамен будет приниматься» «Аргументы и факты» №36, 2009 г.).

И о каком качестве образования и о каком переходе на инновационный путь развития можно говорить?

Разрушение наукоемкой промышленности, науки и образования, массовая эмиграция молодых ученых вызвали разрушение интеллектуальной среды, катастрофическую деградацию общества. Сегодня наблюдается массовое превращение людей в дебилов, озабоченных лишь отправлением простейших физиологических потребностей, не желающих думать, читать и почти разучившихся писать.

В стране уже некому лечить и учить, возникла серьезнейшая проблема нехватки профессорско-преподавательских кадров.

Каждый десятый призывник не умеет читать и писать. По данным ЮНЕСКО, по интеллектуальному потенциалу молодежи Россия скатилась с 3-го места в мире (1953-й год) на 40-е, по другим данным — на 47-е место.

Советский Союз был самой читающей страной в мире. Сегодня газета «Комсомольская правда» так отвечает на вопрос: что читает столица?

40% — читают книги от случая к случаю;

37% — книг вообще не читают;

постоянно читают книги — 23%;

имеют домашние библиотеки — 4%.

Отсутствие работы, требующей высокой квалификации и постоянного самообразования, привело к умственной деградации общества. Идет и деградация морально-нравственная. Идеологи либерализма считают необходимым условием «успеха» «расставание с человечностью». Например, Ф.Хайек в книге «Дорога к рабству» пишет: «Люди должны изжить некоторые естественные инстинкты, прежде всего, инстинкт сострадания и солидарности».

Для того, чтобы соответствовать навязанным новым рыночным условиям, люди должны стать эгоистами, хотя даже у современных шимпанзе существует способность к заботе о ближнем. Отбросив или подавив «инстинкт взаимопомощи», мы сделали шаг к более ранним стадиям не только цивилизации, но и биологической эволюции, едва ли не к уровню рептилий.

Деградируют высококвалифицированные инженеры, конструкторы, которые ради заработка идут в торговцы, шоферы, охранники. Деградируют выпускники лучших вузов России, оставаясь в практически неработающей науке или в разрушенной промышленности. И они деградируют, уходя в коммерческие фирмы, которые вынуждают их заниматься непрофильной примитивной деятельнос-

---

тью. Становясь клерками, торговцами, они теряют полученную в институте квалификацию. Отсутствие полноценной работы, нищета и рабская зависимость от административных институтов приводят к деградации научных сотрудников.

Деградируют и те, кто уезжает за рубеж, ибо, решив, да и то на очень скромном уровне, лишь свои материальные проблемы, они получают массу других, так как творческие способности, как правило, не востребованы на Западе. Там требуются серые лояльные исполнители. Научная несвобода, зависимость от местного босса, оторванность как от родного, так и от местного социума быстро превращают человека в стандартного робота общества потребления.

Особенно сильно деградация поразила правящие круги. Умственная неполноценность, психическое расстройство — «фирменная» черта финансовой и политической «элиты», несмотря на широко распространившуюся среди высоких чиновников моду на приобретение ученых степеней. Так, в Государственной думе IV созыва было докторов наук — 71, кандидатов наук — 143, депутатов, имеющих одновременно кандидатские и докторские степени в различных областях науки, — 14. То есть половина депутатов Государственной думы составляли «ученые». Среди правительственных высоких чиновников тоже достаточно обладателей ученых степеней: Д.Медведев, В.Путин, А.Кудрин, Р.Нургалиев, А.Миллер, А.Гордеев, В.Христенко, С.Шойгу И.Левитин, а сам А.Фурсенко — доктор физико-математических наук. Но это обстоятельство отнюдь не мешает им отдавать приказы, убивающие науку.

Вот что пишет журналист Максим Калашников в статье «Психокатастрофа»: «Происходящее до боли ясно ставит перед нами страшную, «корневую» проблему: полной негодности правящей в РФ «элиты». Ущербности ее психики и сознания. С такой «элитой» можно только деградировать. Разруха начинается в головах. Гибель РФ начинается с психокатастрофы в правящем классе. ...Как могут те, кто живет на «пилении» и богатеет за счет деградации страны, обеспечить обратные процессы?»

Сотрудник «Горбачев-Фонда» доктор исторических наук В.Д. Соловей фиксирует полный разрыв власти с собственным народом и одновременно с нравственным минимумом: «... Не добившиеся успеха — а таких в России подавляющее большинство — для элиты не вполне люди, а возможно, даже и совсем не люди. Отношения между богатыми и остальными в России не могут быть описаны и поняты в категориях

социального и культурного отчуждения и вражды, речь идет о большем — отношениях... фактически двух различных видов живых существ...»

Согласно либеральной точке зрения, в обществе различаются люди и «нелюди», как два биологически разных вида. На последний нормы сострадания распространяются не более, чем на скот, подлежащий забою. Это — не что иное, как социально-расовый подход к народным массам, доходящий на практике до настоящего шовинизма «имущих» по отношению к «неимущим». Если в прошлом «протестантская доктрина деления человечества на избранных и отверженных наделила Запад особой свободой — «свободой» от совести и сострадания» (С. Батчиков), то теперь «освобождение» от них захватило и наше Отечество.

Переход к демократии, называемый в политологии модным термином «демократический транзит», в реальности ведет к массовой физической, психической, интеллектуальной деградации, которые уже достигли критического уровня. Мы видим также ускоренную маргинализацию, люмпенизацию и «раскультивание» многочисленных групп, утрату ими национальной и социальной идентичности, распад всех человеческих связей. Вполне целенаправленно разрушается русская культура, цементирующая культурно-историческую общность наших народов, чем пролагается дорога к взрыву сепаратизма. Появление примерно 10 миллионов «новых неграмотных» из числа молодежи говорит также о надвигающемся культурном провале общества в первобытность. Духовно-культурная колонизация общества на американский лад составляет центральное звено подобного «транзита» в небытие.

И что наиболее важно, основное содержание «демократического транзита» в России, начиная с 1991 г., заключается в ослаблении государственности. Временщики, управляющие Российской Федерацией, создали ее как государство-временку, политического инвалида, обреченного, по их замыслу, на скорую кончину. Силы, организовавшие Беловежский государственный переворот 1991 года, продолжают свою разрушительную деятельность, рассчитывая повторить почти тот же сценарий для окончательной дезинтеграции страны.

Разрушение интеллектуальной среды России необходимо нынешней правящей «элите». Умные люди, сохранившие способность мыслить, представляют опасность для реформаторов, так как они могут поставить под вопрос законность присвоенных ими огромных капиталов, могут противостоять разрушению страны.

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА — ДЕКЛАРАЦИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

«Страна входит в критическое десятилетие», — убежден Г.Малинецкий, заместитель директора Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, — «альтернативой ускоренному инновационному развитию страны может быть только ее распад. Если мы не переломим нынешних тенденций... нас уже ничто не спасет. РФ не сможет быть даже сырьевым придатком развитого мира».

Главная мысль Г.Малинецкого: «Инновация — последняя надежда России». Комментарии к выступлению таковы: «Доклад произвел эффект разорвавшейся бомбы».

Оппозиция реальная, а не декоративная, уже второе десятилетие кричит о разрухе. Ей затыкают рот, ее сажают в тюрьму «за разжигание розни». А ее мысли по прошествии лет друг становятся «разорвавшейся бомбой».

«Кризис показал, что Россия имеет сырьевую экономику, что делает ее крайне уязвимой!» — такие речи звучали в 2009 году из уст высших чиновников, включая президента и премьер-министра. Прав Г.Малинецкий, отмечая: «Грубо говоря, это — идеология патриотической прессы, прочтенной с запозданием в пять лет. Лаг, конечно, великоват, но прогресс налицо: восторжествовала именно патриотическая логика».

Вопрос в том, восторжествовала ли? Семинар, на котором выступал Г.Малинецкий, назывался «Реальные инновации и их имитации в России».

Прочитируем статью кандидата физико-математических наук Ю.Лисовского «Крах экономики безумия»: «Сейчас стало модным говорить, что для России выходом из кризиса является переход на инновационную и инвестиционную экономику. Но рост инноваций в кризисный период основывается на успехах фундаментальной науки, достигнутых во время процветания экономики. У нас 20-летний период разрушения экономики привел к деградации науки и образования, к острейшей нехватке квалифицированных работников, к эмиграции квалифицированных кадров, к почти полной неконкурентоспособности основной массы молодежи, т.е. остатки научно-технического потенциала страны практически уничтожены».

А вот что говорит Г.Малинецкий: «Мы проходим кризис наихудшим образом из всех возможных. Кризис в верхах рассматривают как какое-то стихийное бедствие, а единственную надежду видят в том, чтобы дождаться благоприятной конъюнктуры на мировых рынках сырья. Пожалуй,

---

самая важная инновация для РФ сегодня заключается в том, чтобы научить нашу элиту таблице умножения».

И снова возникает вопрос: а можно ли научить таблице умножения эту элиту? Ибо, декларируя переход к инновационной экономике, власти делают все, чтобы этот переход стал невозможным.

Чтобы развивать инновации, надо увеличить финансирование науки. Развитые страны так и делают. Но в проекте Государственного бюджета на 2010 год ассигнования на науку по сравнению с 2009 годом урезаны на 10%.

Сегодня для развития высоких технологий России не хватает около полумиллиона специалистов — говорят эксперты. А эмиграция при этом продолжается с завидной стабильностью 10—15 тысяч молодых ученых в год. По данным Ю.Лисовского, сегодня наши эмигранты, живущие в США, обеспечивают 20—25% американского производства в области высоких технологий, что составляет около 10% мирового рынка. Если бы те специалисты, которые выехали из России начиная с 70-х годов, обучались в университетах США и Западной Европы, то на их подготовку этим странам пришлось бы потратить более 1 триллиона долларов. Власть демонстрирует однозначно: специалисты ей не нужны: осенью 2009 года в России на одно рабочее место приходилось 17 выпускников вузов, колледжей, школ.

Безусловно, правительство лишь декларирует намерение перейти на инновационный путь. Вот что говорит министр А.Фурсенко: «Я глубоко убежден: не нужна высшая математика в школе. Более того, высшая математика убивает креативность» (февраль, 2009 г.). Но сможет ли развивать инновации человек, не знающий математики?

Руководители столь критикуемого ныне «тоталитарного» советского государства формулировали высокие цели науки. Наука была решающей силой при осуществлении грандиозных проектов, жизненно важных для страны: строительство мощных электростанций, создание тяжелой промышленности, военной, атомной, ракетной техники, радиотехники, развитие авиации, флота. Демократическое же руководство не выдвинуло ни одной крупномасштабной задачи, для которой потребовался бы научный потенциал страны.

Предлагаются лишь некоторые локальные проекты, лишь в одной области, например, в нанотехнологии. Создана госкорпорация «Роснано», в распоряжение которой выделили 130 млрд. рублей, а в бюджете на 2008—2010 гг. предусмотрено финансирование этого направления в объеме более 180 млрд. рублей.

Вот что пишет об этом проекте Ю.Лисовский в газете «Знание—власть» (№20, 2008 г.): «*Вырваться вперед только в одной области при общем разрушении науки в стране представляется маловероятным. Это все равно, что построить коммунизм в одной отдельно взятой деревне... «Нанотехнология» есть просто гениальная операция по выкачиванию денег из федеральных бюджетов многих стран...*

Кто будет выполнять программу, когда в России сегодня имеется острый кадровый голод, нехватка молодых специалистов в области науки и технологии... Немедленно решить кадровую проблему не позволит даже выделение значительных средств на науку и образование, потребуется много лет для восстановления разрушенных научных школ. Не следует думать, что немалое финансирование нанотехнологий даже при целевом его использовании эффективно поможет развитию отечественной промышленности. Большая часть этих средств уже на старте уйдет на Запад. На эти деньги будет закуплено научное и технологическое оборудование у западных фирм — собственное высокотехнологичное производство в России почти полностью разрушено, а имевшееся в советское время оборудование устарело. Причем купить новейшее технологическое оборудование наверняка не удастся, т.к. западные фирмы не захотят создавать себе конкурента.

Даже в случае успешного развития нанотехнологий кто будет внедрять эти разработки? В США плоды профинансированных государством разработок востребованы сильной наукоемкой промышленностью, у нас же существовавшие в советское время научно-производственные объединения, являвшиеся основными потребителями академических разработок, разрушены. Что будет делать «Роснано» со своими технологиями? Продавать за рубеж? Или он для этого и создается? Складывается впечатление, что программа ориентирована на использование оставшегося научного потенциала России для развития западного высокотехнологичного производства, в первую очередь ВПК США».

Для руководства проектом был призван известный разрушитель А. Чубайс, который успешно превратил идею «технологического прорыва» в прибыльный бизнес для себя и своего окружения. Официальная зарплата руководителей «Роснано» в начале 2008 г. составляла 400—700 тысяч рублей (газета «Аргументы и факты» №20, 2008 г.). Большая часть средств размещена на фондовом рынке, принося убыток государству. На научные разработки и их промышленное использование «Роснано» практически не оказывает влияния. Более того, в результате проверки Генпрокуратурой дея-

---

тельности Госкорпораций в ноябре 2009 года, по фактам финансовых злоупотреблений было возбуждено 22 уголовных дела.

В такой ситуации слова властных чиновников о переводе страны на инновационный путь развития не более чем циничная и лицемерная пропагандистская акция. Даже президент Д. Медведев 5 мая 2009 года на встрече с победителями конкурса молодых программистов признал, что осуществить переход на инновационный путь развития страны пока не удается.

И председатель правительства В. Путин в октябре 2009 года отметил, что только 10% предприятий России имеют дело с инновационными технологиями, что их вклад в общий объем отечественной продукции не превышает 5%.

ГДЕ ЖЕ ВЫХОД?

Сегодня катастрофическое положение науки привлекает внимание многих. Так, активно обсуждается открытое письмо ученых, эмигрировавших из России, президенту и премьер-министру, озаглавленное «Фундаментальная наука и будущее России». Оно было размещено в Интернете в октябре 2009 года. Вот несколько отрывков из него:

«Мы считаем своим долгом обратить ваше внимание на катастрофическое состояние фундаментальной науки в стране. Регресс продолжается, масштабы и острота опасности этого процесса недооцениваются. Уровень финансирования российской науки резко контрастирует с соответствующими показателями развитых стран. Громадной проблемой для России был и остается массовый отток ученых за рубеж.

В течение десятилетий в СССР была создана мощная научно-техническая база и устойчивые механизмы ее воспроизводства, включая воспроизводство кадров. Именно эта база, своеобразная научная «ткань» нашего общества, гарантировала научно-технический прогресс, обороноспособность страны и, в конечном счете, независимость России. Продолжающийся распад этой ткани приведет в ближайшее время к полному разрыву связи между поколениями научных работников, исчезновению науки мирового уровня в РФ и утрате знаний в катастрофических масштабах».

А вот какие рецепты спасения предлагают эмигранты.

«Мы считаем, что процесс стратегического научного планирования, координируемый непосредственно президентом и председателем правительства РФ, должен иметь целью раз-

---

работку в течение короткого времени комплексного плана стабилизации и развития фундаментальной науки и естественно-научного образования в России. К разработке плана необходимо подключить выдающихся ученых, представителей министерств, промышленности, а также зарубежных экспертов. Это должен быть коллектив активно работающих, устремленных в будущее, обладающих государственным мышлением людей».

Прокомментируем сказанное. «Устремленных в будущее, обладающих государственным мышлением людей» среди «выдающихся ученых» (тех, кто назначен таковыми властью, например, Е.Велихов), а также «представителей министерств, промышленности» просто нет. Таких людей не допускают к руководству. Наукой руководят разрушители, которые понимают будущее так: сырьевой колонии — России — наука не нужна.

Не следует считать наших политических лидеров неумными. Мы исходим из того, что руководство отлично понимает ситуацию и разрушает науку вполне сознательно и целенаправленно. Многие предложения ныне зарубежных коллег абсолютно логичны и во многом совпадают с нашими, например, следующие:

1. Увеличение финансирования науки до уровня, адекватного стоящим перед страной задачам, обеспечение нормальных условий труда и быта ученых;

2. Идентификация важнейших направлений научно-технического прогресса и конкретных проектов, служащих катализаторами развития и приводящих к осязаемым фундаментальным результатам, какими в свое время были космические и атомные программы в СССР.

Авторы письма предлагают создать «Российский Институт Высших Исследований с привлечением государственного и частного финансирования по образцу аналогичных институтов в США, Канаде, Японии. Открытие в нем вакансий для крупнейших российских и зарубежных ученых на конкурсной основе в соответствии с международными стандартами, инициация активной программы научных обменов».

Предложение перекликается с проектом, озвученным в июле 2008 года на экономическом форуме в Петербурге. Президент Д.Медведев на форуме предложил аналогичный путь борьбы с кадровым голодом в стране: создание сети крупных образовательных центров на базе федеральных университетов, заместив недостающие отечественные научные кадры преподавателями из-за рубежа.

Идея создания научных центров мирового уровня в России прозвучала и на радиостанции «Эхо Москвы» осенью 2009 года. Посреди разрушенной, вымирающей, спивающейся страны предлагается создать некие оазисы науки, где обитателям создадут райские условия, обеспечив их по западным бытовым стандартам. Нетрудно предположить, кто попадет в эти оазисы — **свои** люди, члены кланов. И не о науке здесь речь. Поддержка этой идеи учеными, находящимися за рубежом, — свидетельство либо их ангажированности, либо непонимания проблемы. Это еще раз говорит о пагубности отрыва ученых от политики, от своей страны.

Активное проталкивание идеи организации в России научных «резерваций» за деньги госбюджета очень напоминает раскручивание очередной финансовой аферы. Афера нанотехнологий во главе с «ученым нанотехнологом» Чубайсом развивается на наших глазах, перекачивая бюджетные деньги в карманы «нанотехнологов» и ничего не давая стране.

Вообще спрашивать о рецептах спасения русской науки не у соотечественников, а у эмигрантов — идея странная. Она есть следствие традиционной для нынешней власти России зависимости от Запада, зависимости, которая принесла столько бед нашей стране. Слушать же собственных, русских ученых, живущих в России и борющихся против ее разрушения, власти не хотят. Устраняя русских ученых с общественной сцены, власти, по-видимому, надеются уменьшить вал критики в отношении деструктивных реформ.

Сегодняшней России нужны не космополиты — обитатели резерваций, а ученые, которые вместе с крестьянами и агрономами станут возрождать заброшенные демократами русские поля, вместе с рабочими и инженерами станут поднимать из руин русские заводы, переводить их на технологии, сберегающие ресурсы. России нужны профессора, которые станут учить студентов прежде всего любви к своей стране, справедливости, солидарности.

Только живя в России и борясь с разгромом русской науки, можно понять, что разрушение наукоемкой промышленности, науки, образования России носит системный характер и никакие точечные разовые вливания вроде нанотехнологий, международных научных центров и пр. ситуацию не спасут. В стране идет настоящая война, направленная на разрушение интеллектуальной среды. Поэтому рецепт спасения — смена политического курса, уход от политики сырьевой колонии, смена элит, которые наживаются на разрушении страны.

Четкое понимание определяющей роли внешнего фактора в разгроме России — есть первое условие, необходимое для выхода из тупика. Пока страна встроена в мировую ростовщическую финансовую систему в качестве сырьевой колонии, интеллектуалы будут только помехой для власти.

Возвращение России статуса суверенной страны — без этого возрождение науки и образования невозможно. Только государство, которое охраняет свой суверенитет, станет возрождать промышленность, прежде всего высокие технологии, ибо — инновационная экономика — единственный путь выживания страны в XXI веке. Возрождение наукоемкой промышленности, которая востребует высококвалифицированных людей и научные разработки — базовое условие для реанимации науки и образования. Необходимо вернуть России положение великой индустриальной державы — только после решения этой проблемы можно будет возродить русскую науку. Без принятия политических решений возрождение науки невозможно. Невозможно оно и без смены руководства — за разрушение вверенной им отрасли министр А.Фурсенко и президент РАН Ю.Осипов должны быть наказаны и безусловно устранены. Следует прекратить практику назначения руководителями наукоемких отраслей невежд, использующих руководящие кресла для разрушения страны и собственного обогащения. Речь идет прежде всего о Чубайсе и о главе Минатома С.Кириенко, который, по его собственному признанию, даже мимо атомной станции никогда не проезжал.

Путь смены политики — давление интеллектуальных элит на власть. Надо преодолеть ситуацию, когда научная общественность России не имеет ни желаний, ни возможностей влиять на правящие круги. В нынешних условиях, когда Россия находится на грани распада и уничтожения, ученые не имеют права на молчание, на отсутствие гражданской позиции. Ученые должны прийти в политику, ибо именно им под силу объединить оппозицию, вооружив ее простой и бесспорной идеей: человек может выжить, только научившись уважать природу. И выжить без ученых, истинных ученых, которые являются посредниками между человеком и природой, люди не смогут.

Ученые, весьма подготовленные к тому, чтобы стать «гражданами мира», должны понять, что в условиях глобального кризиса ситуация будет ухудшаться везде, а потому следует не убегать, а наводить порядок в своей стране, тем более, что эмигрируя, российские ученые продлевают жизнь западного общества потребления, которое убивает природу и человека.

Спасение науки в том, чтобы отойти от традиционного технократического понимания ее роли. Сегодняшняя наука, превращенная в фабрику оружия и технических игрушек, обеспечивающих человеку сиюминутный комфорт, а компаниям — прибыль, не учитывает острейших экологических проблем.

Ситуацию следует исправлять быстро, ибо в противном случае мы столкнемся не только с опасностью потерять страну, но и с глобальной опасностью — экологической катастрофой, угрожающей гибелью всему человечеству.

Возрождение науки жизненно необходимо всем. Это понимают те, кто сохранил разум. Россия — самое благодатное в мире место для такого возрождения, ибо наша страна обладает мощным, пока еще не до конца уничтоженным природным ресурсом — интеллектом ее народа.

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Валерий ИВАЧЁВ (Владимирская обл.)

СМОТРИТ НЕБО

БАЛЛАДА О КАРАКУЛЬЧЕ

Дальверзинская долина —
Рай земной, как говорят.
Солнце жжет неумолимо
На исходе сентября.
До ближайшего айвана
Путь неблизкий по жаре.
Поскорей принять бы ванну —
Исккупаться в Сырдарье...
Всё короче путь к привалу.
Видит путник наконец
Ароматный дым мангалов,
Слышит блеянье овец.
С удивленьем озираясь,
Путник, кажется, не рад,
Что попал он вдруг из рая
Прямоком в крошечный ад.
Всё кругом ревет и стонет,
Сердце сжало, как в тиски:
На полянке — скотобойня,
На полянке — три доски,
Что-то вроде эшафота,
И овец прощальный плач.

Не справляется с работой
Окровавленный палач.
Даже рта открыть не дали
Гостю, хлопнув по плечу:
С гор овец сюда согнали,
Чтоб добыть каракульчу.
И понятней было чтобы,
Недоумку объяснят:
Вырезают из утробы
Не родившихся ягнят.
Их муаровые шкурки, —
Драгоценный дар стране,
И манто из них, тужурки —
Выше золота в цене.
Над проходим бестолковым
Посмеялись от души
И пошли отведать плова
Да немного анаши...
И рукой в крови с подноса
Покидав горстями в рот,
Снова жертв золотоносных
Повели на эшафот.
Нет конца работе этой...
Гость укрылся под навес.
И вплетался в запах лета
Запах плова и овец,
Запах крови, запах пота.
И вздохнул он: «Не хочу!
Это жуткая работа —
Добывать каракульчу».
Душно здесь, и душу сводит,
И задумался чужак:
«В этом мире происходит
Что-то все-таки не так.
Не ханжа! И не хватало
Мне лирических страстей!..
Только жалко очень стало
Пусть овечьих, но детей».
Не уснуть без рюмки водки...
На веревочных плечах,
Словно детские колготки,
Сохнет в срок каракульча.
И уходит гость неожиданный,
Не найдя ответа, прочь
От гудящего айвана
По долине дальше, в ночь.

МОНАШКА И ПОЭТ

Убежав от Москвы по привычке,
От друзей, от вина той зимой,
Повстречался в ночной электричке,
Показалось, с судьбою самой.
Ясноглазая, в черной косынке,
Обрамляющей светлую прядь,
Как мадонна с лубочной картинки,
Но в монашеской рясе до пят.
— Разрешите узнать ваше имя,
И, простите, спрошу без затей:
Разве можно с глазами такими
В монастырь уходить от людей?
— Вы — поэт, я гляжу, не иначе?
Что ж, спасибо вам за комплимент.
Но скажу, что не самый удачный
Для знакомства нашли вы момент.
— Да, поэт, — говорю без обмана
И что в этом сомнения нет,
Горделиво достав из кармана,
Предъявляю ей членский билет.
— Верю, верю... И это печально,
И ответ я ищу с давних пор:
Почему на Руси изначально
Больше всех пьют поэт и актер? —
Я опешил. Вопросик отличный!
И не знаю, в ответ что сказать...
И соврать не могу — неприлично,
Глядя в чистые эти глаза.
Бормочу против собственной воли:
— Ваши беды, и радость, и боль
Пропускать сквозь себя — наша доля,
И лекарство одно — алкоголь.
— Понимаю: ранимы таланты...
И не ваша, наверно, вина,
Что сегодня у нас депрессанты
Для здоровья опасней вина.
Ошалевший от глаз черной леди,
Опьяневший совсем от речей,
Не спросил я, куда она едет,
На ночь глядя, к кому и зачем?
Но решился, придумав уловки
(Вдруг превратно поймет), попросить:
— Я могу на своей остановке

Даму в гости к себе пригласить?
И какая, не ведаю, сила
В ночь без страха ее подняла?!
Это чудо! Она согласилась.
Это чудо! Она поняла.
Сонно всё в окружающем мире,
И никто никуда не спешит,
А в моей холостяцкой квартире
В эту ночь будет праздник души.
Помолилась монашка иконам.
Я утратил похмельный свой пыл
И почувствовал: к стеклам оконным
Запах ладана тихо поплыл.
И зачем-то созвездие Лиру
Всё пытался я ей показать.
И внимали, открытые миру,
С неизбывной тоскою глаза.
До утра, а оно недалече,
Пили чай и читали стихи.
Чистоты нашей всенощной встречи
Не касались земные грехи.
Просто пошлость была бы здесь слишком,
И не стоит о том говорить...
Подарил свою новую книжку.
Что еще я могу подарить?
И туманной сиреновой ранью,
«Может, вспомнишь меня как-нибудь...»
От души я монашке Татьяне
«В добрый путь!» — пожелал. В добрый путь!
На прощанье пушинкой прижалась
К огрубевшему напрочь плечу:
— Я возьму ваш подарок, пожалуй,
Впрочем, нет... мне нельзя... не хочу...
Или сон, или явь это было?..
И умчалась в такси на вокзал.
Я не понял: зачем приходила,
И зачем ее в гости я звал?
Наказав за невинную шалость,
Мне остался бессонный рассвет.
Запах ладана, грусть — все смешалось
С горьким дымом моих сигарет.
Не вернуть... и не надо... нельзя нам...
С укоризной — кто я и кто ты!..
Не ее ли, монашки, глазами
Смотрит небо на мир с высоты?

Дафинка СТАНЕВА (Болгария)

БОЛГАРСКИЕ МОТИВЫ

СЕЛЬСКИЕ ЗВЕЗДЫ

Их не найдешь на глянцевых страницах
На вечерах с пресыщенной «попсой».
Они — простые труженицы, жрицы,
Следят за огородной полосой.

В их душах, как на нивах необъятных,
Рождаются и милость, и любовь,
Они их дарят миру без отплаты,
Грехи людские искупая вновь.

Они всегда откроют людям двери
И хлеб найдут для близких и чужих.
Добро, что дарят, на весах не мерят —
Ведь это средство для покоя их.

Их гримирует то жара, то стужа.
Встречают смерть с вязанием в руках.
Им лицедейский стон газет не нужен.
Беззвучно исчезают в облаках.

Бог в борозды небесные их сеет.
Восходит над землею звездный свет.
И эти звезды исцелить умеют,
Когда покоя в наших душах нет.

ПЛАЧ О СЕЛЕ

Погляди, Господь, на наши села,
На больное угасанье их.
Наши дети, вырвавшись из школы,
Спины гнут, как слуги, на чужих.

Стали мы похожи на кукушек.
Над погостом по-сиротски бдим.
И с мольбою на кресты церквушек
И на звезды дальние глядим.

Всех собак бездомных привечаем —
Их хозяев затерялся след.

Одиноких путников встречаем,
Чтобы скрасить горечь общих бед.

Наши внуки смотрят молчаливо,
Как купцы цепляют нам хомут
И считают, сколько с нашей нивы
Барышей по осени возьмут.

Боже правый, скоро будет встреча,
Мы покинем опустевший край.
Приюти нас, грешных, в царстве вечном,
Но воскреснуть нашим селам дай!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНОЙ ДОМ

Свидетель прятков бесконечных,
Сокрытель детских тайн моих,
Мой отчий дом в краю заречном
Средь сада скрылся и притих.

Его радушно дождик моет
И потчует зима мукой.
Жизнь подарила день покоя,
И я вернулась в дом родной.

Смотрю без слов на крышу дома.
Здесь только ласточки живут
И, воротясь к стрехе знакомой,
Свои следы всегда найдут.

Воспоминаний цепь живая
О грустных и счастливых днях
Вспорхнула, будто птичья стая,
И в детство унесла меня.

Во мне смешались быль и небыль
И смутно мучила вина —
Вдруг белой ласточкой волшебной
Сюда слетало счастье с неба,
Но в доме не было меня.

БЕДНОСТЬ

Болгарки едут на чужбину,
Оставив дом, родных, детей.

И день за днем сердца их стынут
Вдали от родины своей.

Поглубже в сердце чувства прячут,
Но горечи не могут скрыть.
Под песню о Гергане плачут,
Не в силах прошлое забыть.

Отважным гайдукам, наверно,
Они белье могли б стирать.
Но служат в проходных тавернах,
Чтоб по ночам гроши считать.

Потомки Илийцы и Тонки
Транжируют молодость свою.
И лишь из криминальных хроник
О них родные узнают.

Болгарок сгинуло немало
В краях немилых и чужих.
Страна еще беднее стала,
За драхмы продавая их.

Перевод с болгарского Валерия ЛАТЫНИНА

Сергей ТРАХИМЁНОК (г. Минск)

РОДНАЯ КРЫВИНКА

Рассказ

Заседание кафедры закончилось поздно, и Галина Ефимовна или, как ее звали студенты, доцент Прошкович, опоздала на службу в Соборе Петра и Павла. Когда она появилась в церкви, прихожане уже расходились. Она купила свечку, поставила ее перед иконой Скорбящей Божьей матери и помчалась домой, чувствуя вину за суету, с которой она все это сделала. Чтобы успокоить себя, дала слово завтра придти пораньше, отстоять службу и помолиться...

Проехав на метро до конечной станции, она долго ждала автобус, понимая, чем дольше его не будет, тем труднее будет в него втиснуться и придется ждать следующего. Но получи-

---

лось иначе, стайка молодых парней ринулась к открытым средним дверям, и Галину Ефимовну просто внесли в салон, а потом ее притиснуло к какому-то мужчине, от которого пахло крепким табаком и водкой.

В своей жизни Галина Ефимовна не раз сталкивалась с таким запахом, но сегодня она почему-то вспомнила, о том, когда почувствовала его впервые. Этот запах исходил от Павлюка, полица из соседней деревни.

В начале войны ей было четыре года, но она не помнила того, что все вокруг называли началом войны, она словно отсутствовала где-то до сорок второго года.

Маленькая Галя смотрит в окно, в котором виден кусочек леса с желтыми мелколистными березами и зеленеющими между ними елями.

*Посея-а-ла огиро-о-чки, низко на-а-д водо-о-ю,
Сама бу-у-ду полы-а-ваты, дрибною-у слезою...*

Поет отец, ловко управляясь шилом и иголкой: он подшивает старые валенки. Пара новых валенок лежит рядом.

Немецкое командование довело до сведения всех жителей приказ об очередной сдаче теплых вещей и валенок. Отец с матерью решили себе оставить валенки старые, а две пары новых сдать. У отца был хороший полушубок, его, от греха подальше, спрятали на чердаке.

Починив старые валенки, отец идет на сборный пункт в деревню, где стоит немецкий гарнизон — в семи километрах от Зоболотья. Пока отца нет, мать, подумав, прячет на дно большого сундука еще одну дорогую в хате вещь — пуховую шаль.

Павлюк появился на следующий день. Одет он был в черный бушлат, с серым воротником и обшлагами... Два ряда металлических пуговиц, ремень. За спиной короткая винтовка.

— Карабин, — сказал брат Степка, которому тогда было восемь лет, но в оружии он разбирался лучше старшей сестры Наташки и матери.

Это необычное как у большинства жителей близлежащих деревень одеяние придавало ему вид не здешний и уж конечно не домашний. Вместе с ним был еще один полица, одетый так же, как и Павлюк, но ростом поменьше и помоложе.

Отца в хате не было. И мать встретила Павлюка в штыки.

— Чего явился?

— Службу справляю, — ответил он.

— Яку службу?

— Где полушубок? — прервал он мать, не желая продолжать пустой, по его мнению, разговор.

— Якой полушубок?

— В яком Яхфим прошлую зиму ходил, — сказал Павлюк, передразнивая мать.

— Нету полушубка...

Павлюк снял с плеча карабин, передал его напарнику и полез по лестнице на чердак.

Отец прятал полушубок в расчете на то, что немцы его не найдут. Но там, где можно ввести в заблуждение оккупантов, трудно обмануть местных. Уже через минуту Павлюк спустился по лестнице с полушубком под мышкой. Мать ухватилась за воротник и стала с остервенением вырывать его.

— Отдай, — говорила она. — Ты его шил? Ты его наживал?

Павлюк мотнул мать в одну сторону, а потом в другую и легко вырвал полушубок.

— Тетка Ходора, — сказал он, — будешь обманывать новую власть, дети сиротами останутся.

Он бросил полушубок на плечо напарнику и схватил маленькую Галю. Мать мгновенно забыла про полушубок и бросилась выручать дочь. Но Павлюк повернулся к матери спиной и подбросил Галю в воздух так, что она едва не ударилась головой о потолок.

Все произошло очень быстро, и Галя не успела даже испугаться. Она только помнит, как взлетела в воздух и снова попала в крепкие руки Павлюка. Именно в этот момент и ударил ей в нос этот табачно-водочный запах.

Павлюк поставил девочку на пол и сказал матери:

— А Яхфиму передай, что он у меня должник.

* * *

Домой на юго-запад Минска Галина Ефимовна приехала к девяти часам. Открыв дверь своего подъезда, она пошла к лифту и натолкнулась на парочку, которая целовалась в углу лестничной площадки.

— Хм, — произнесла Галина Ефимовна, но молодежь не обратила на нее внимания, не прервала своего занятия, не смутилась, как это должно было случиться, по ее мнению.

Кашлянув еще раз для приличия, Прошкович дождалась лифта, поднялась на восьмой этаж и позвонила в двери своей однокомнатной квартиры.

— Иду, иду, — раздался за дверью голос Алеськи, внучатой племянницы, которую она готовила к поступлению в вуз.

Алеська повернула ключ, и дверь распахнулась.

— Привет, Алесьа Александровна, — улыбнулась Галина Ефимовна, — как гранит науки?

— Грызём, тетка Галя, грызём, — в тон ей ответила племян-

ница. Она никогда не называла ее бабушкой, и Галине Ефимовне это в некоторой степени импонировало.

— После ужина поработаем, — ответила та и стала раздеваться.

Алеська поступала в институт второй раз, в прошлом году она не прошла по конкурсу. Наученная горьким опытом, она заранее приехала к Галине и готовилась к экзаменам. Алеська во всем внешне подчинялась требовательной родственнице, но Галина Ефимовна чувствовала, что не стремление к знаниям привело в Минск Алеську. Если бы та могла остаться в столице без поступления в вуз, она не преминула бы сделать это. Но ее отец поставил перед ней задачу поступить в столичный вуз, что, по его мнению, могло стать основой для будущего благополучия дочери.

* * *

Заболотье называлось деревней, хотя в ней было всего три дома. И стояли эти три дома вовсе не за болотом, а рядом с болотом. Но кому-то в голову пришло так назвать этот хутор не хутор и деревню не деревню, непонятно.

Хата Прошковиной стояла крайней, рядом с ней были хаты Ганы Болотки, а за ней бабки Теклы, которую чаще всего звали Куделихой.

До войны в каждом дворе были корова, поросята, овцы, куры. Ко дворам примыкали огороды. Кроме того, близость с одной стороны болота, с его брусникой и клюквой, а с другой — леса, с его грибами, давала заболотцам неоспоримые преимущества перед жителями больших сел и райцентра.

Но прекрасным это место было в мирное время, а у военного времени своя логика. С началом войны Заболотье оказалось между молотом и наковальней, с одной стороны немцы не без причины подозревали его жителей в связях с партизанами, с другой стороны партизаны своими посещениями ставили их на грань жизни и смерти.

Словно опасаясь, что там за пределами дома детей подстерегает опасность, мать не выпускала маленькую Галю дальше двора, тогда как старшая сестра, десятилетняя Наташка, и восьмилетний брат Степка таких ограничений не имели.

Наташка даже ходила какое-то время в школу, которую открыли немцы. И первые дни ей это нравилось. Но потом учитель отодрал ее линейкой и отец сказал, что Наташка в такую школу больше не пойдет.

Отец и старшие дети занимались хозяйством: работали в огороде, Степка заботился о корове, Наташка смотрела за курами.

У коровы на лбу было большое белое пятно, и за это она имела кличку Лыска.

Может быть потому, что мать запрещала одной Гале выходить со двора, жизнь за изгородью казалась девочке таинственной и необычайно интересной.

Особенно ей нравилось бывать в гостях у соседей. Правда, их дворы и дома как две капли воды были похожи на хату Прошковиной. Но внутри их, наряду с печкой, полатами, пристройками к печкам, которые назывались канапами, кроватями-ложками, были вещи, которых не было у Прошковиной.

У Ганы старинное зеркало в почерневшем от времени деревянном окладе, узорные скатерти и салфетки. У Куделихи прялка и красны, а также широкие деревянные лопаты, которыми бабка ставила и вынимала хлеба из печи, а также необычного узора половики и постилка на кровати-ложке.

Справа на одном из болотных островов стоял отряд Бородина. Он был командиром Красной армии, оказался в окружении, а потом возглавил отряд, который входил в партизанскую бригаду «Смерть фашистам». Когда приходили его ребята, они всегда спрашивали: не заглядывал ли к нам Кондрат.

Кондрат был командиром другого партизанского отряда. И отношение к нему было совершенно иным. За Кондратом тянулся шлейф каких-то мифов, необычных поступков, которые приводили в ужас жителей Заболотья и близлежащих сел, в результате чего, имя Кондрата всегда было на языке у жителей Заболотья. Поговаривали, что он не нашел общего языка с командиром партизанской бригады «Смерть фашистам» и ушел с группой своих бойцов в болота, создав свой отряд. Причем он занял место, которое комбриг берег для так называемого гражданского лагеря. Лагеря, в котором могли бы жить семьи партизан, опасющиеся преследования оккупантов.

Вдобавок Кондрат был местный и так же, как и Павлюк, знал все и вся. Говорили, что он бросил семью и женился на городской женщине, которая была родом из Ленинграда. Говорили, что он после партизанских акций оставляет записку «бабка Кондрат», а также расстрелял двух бежавших из лагеря военнопленных только потому, что подозревал их в том, что их направили к нему немцы. Основанием для таких подозрений было то, что руки этих людей были без мозолей.

А еще он явился на вечерку со своим адъютантом Васьком и «мобилизовал» к себе в отряд молодых хлопцев, которые оказались там.

Как-то между прочим, раньше или позже все, что творилось в округе становилось известным.

* * *

Галина Ефимовна заканчивала ужинать на кухне, когда Алеська завелась петь в комнате.

*Посея-а-ла огиро-о-чки, низко на-а-д водо-о-ю,
Сама бу-у-ду полы-а-ваты, дрибною-у слезою.*

*Ра-а-сти, р-а-асти огирочки, в четыре-е-е листочка
Не бачила миленького, четыре-е-е годо-о-чка.*

Голос у Алеськи ангельский, поет она «Огирочки» с украинскими интонациями и словами, прямо как когда-то делал это отец Галины. У него был абсолютный слух, и, как теперь понимает Галина, способности к языкам. В детстве он окончил всего несколько классов сельской школы и далее всю жизнь учился сам. Еще с Первой мировой у него была повреждена кисть левой руки. Однако он лихо управлялся одной рукой и даже валенки подшивал и сучил дратву, помогая себе то увечной рукой, то плечом, то зубами. Перед войной он был бригадиром в колхозе. С оккупацией колхоз перестал существовать и отец нигде не работал.

Обладал он и прекрасной памятью. Знал много песен и сказок. Без акцента мог говорить по-русски и по-украински. Причем сочетание «по-украински» он произносил не на русский манер, а так, как говорят на Украине, с ударением на втором слоге. Песни пел белорусские, но мог исполнить их по-украински. Так они звучали иначе, и такое непривычное и необычное звучание переворачивало душу маленькой Гали. Удивительно, но ни дочери, ни сын Степан не унаследовали его слуха и голоса. А вот в Алеське он словно повторился.

*А на пятый побачи-и-ла, як череду гнала,
Не посме-ела сказать: «Здравствуй», бо маты сто-ояла.*

*Бо маты-ы стоя-а-ла, да батько дыви-и-вся
Як мой ми-и-лый чёрнобри-и-вый, на коня-а-а са-адився.*

Алеська поет, а у Галины Ефимовны на глаза наворачиваются слезы, и она понимает, что никаких занятий с Алеськой сегодня не будет.

Она оставляет в раковине невытую посуду и идет к Алеське, садится на диван, а та обхватывает ее руками за талию.

— Вот видишь, — говорит Галина, — с милым заговорить боялись на глазах батьков, а сейчас...

Она хотела сказать, что сегодняшние молодые тискаются по подъездам, но сдержалась: понимала, что Алеська опять же внешне согласившись с ней, внутренне будет против, поскольку по ее мнению это не такой уж большой грех, если не сказать большего, вообще не грех.

* * *

Летом сорок третьего Степка под большим секретом рассказал Гале, что хлопцы Бородина едва не перестрелялись с хлопцами Кондрата, поскольку и те и другие заказывали выпечку хлеба у бабки Куделихи. И Куделиха, рискуя жизнью, пекла партизанам хлеб. Причем делала она это только ночами, потому что днем мог нагрязнуть Павлюк.

— А еще, — говорил Степка, — в доме у Ганны Болотки была партизанская свадьба, там пели, танцевали и пили самогон.

Самогон гнали все, он был чем-то вроде жидких денег. Такой же разменной монетой была махорка. И то, и другое старались иметь в запасе. От тех же полицаев без самогона не отделаться. Соседка Ганна как-то пошла в райцентр в лавку за махоркой. Сразу же в лавке ее поймали.

— Мужа нет, дети малые, значит, махорка для партизан, — сказал ей полицай и отвел в какой-то сарайчик, местную тюрьму.

Ганна не особенно огорчилась, — разберутся. Однако один из сокамерников сказал, что полицаям наплевать на то, кому она покупала махорку. Им надо выслужиться перед немцами и представить тех, кто связан с партизанами.

— Так что, девка, — сказал он, — дела твои плохи. Но ты не голоси, а попросись до ветру, а в уборной две доски отходят, если выберешься незаметно, — тебе повезло.

Ганна так и сделала. Она выбралась из уборной, проползла балкой подальше от места своего заключения и, дождавшись темноты, пришла в Заболотье.

— А еще, — говорил Степка шепотом, потому что отец обратил внимание на их разговор, — ночью приходил сам Бородин. Он с батькой говорил. Потом попросил у матери две тряпки на портянки. Мать стала копаться в сундуке и оттуда выпала Библия, это книга такая про Бога. Бородин посмотрел на нее, полистал и сказал, чтобы она спрятала ее подальше, а то ребята на самокрутки изведут.

Отец, словно почувствовав, что до дочери дошло то, чего ей знать еще рано, говорит:

— Степка, геть на двор, корове сена дай.

Потом подошел к лавке, где сидела Галя, сел рядом и начал рассказывать сказку. И маленькая Галя тут же забыла рассказ Степки.

* * *

— Тетка Галя, — говорит Алеська, — а дед Степан старше тебя?

— Старше.

— А он был партизаном?

— Нет, он тогда был маленький.

— Ты же говоришь, что он старше тебя?

— Ну не настолько, чтобы воевать в партизанах.

— А ты видела партизан?

— После войны.

Галину Ефимовну удивляют эти вопросы. Хотя, чему удивляться, наверное, для Алеськи бородатый дед Степан жил в те стародавние времена, в какие все могло случиться.

— А он не носил донесения партизанам?

— Нет, их носила тетка Наталья.

— Тетка Галя, а кого вы боялись больше, партизан или полицаев?

— Вот те на, партизаны были свои, а полицаи служили оккупантам. Кого нам было бояться? — отвечает Галина Ефимовна, чувствуя, что вопрос ее покоробил.

— А дед Степан говорил, что партизаны у вас корову увели.

— Это были не партизаны.

— А кто?

— Вооруженные люди, бандиты...

— Да, а дед говорил...

— Что мог запомнить дед, он был ребенком.

— А ты, ты тоже была ребенком, ты запомнила?

— Да.

— Но ты же была еще меньше.

— Зато я была впечатлительней. Ну, хватит о грустном, посмотри телевизор, а я помою посуду.

— Я сама помою.

— Ты помоешь завтра, а сегодня это сделаю я. Иногда это занятие отвлекает от ненужных мыслей.

— Ты прям как Агата Кристи.

Галина Ефимовна ушла на кухню, включила воду и начала механически намыливать тарелки.

Отец с утра натопил печку, сварил картошку и вся семья, за исключением матери, сидит за столом, на котором лежат деревянные ложки. Горячая картошка чистится плохо, и Наташка со Степкой незаметно пытаются отвлечь друг друга, чтобы похитить у соседа чищеную картофелину. Но отец настороже, короткий удар деревянной ложкой по лбу, и все становится на свои места: стол не место для игр и шуток. Правда, отец таким образом чаще всего наказывает Степку или Наташку, младшую дочь он милует, хотя она тоже участвует в этих шалостях.

Галя чистит очередную картофелину и вспоминает вкус конфет, которыми ее угощал немец по имени Ганс.

Ганс приходил к ним несколько раз. Был он высокий, тощий и, несмотря на теплую погоду, ходил в шинели. Он долго бродил по двору, заглядывал во все углы хозяйственных построек, о чем-то говорил с отцом по-немецки. Из всех детей он почему-то выделял Гаю. Брал на руки, давал круглые конфеты, говорил:

— Ин фатерлянд драй киндер.

После ухода немца отец усадил Наташку на табурет и, выпроводив всех из дому, сделал ей городскую прическу, накрутив косу на голове. Потом отправил с узелком к дальним родственникам в деревню, что находилась в одиннадцати километрах.

Вернувшись обратно, Наташка рассказала, что спокойно прошла немецкие посты, и ее никто не остановил, потому что останавливали и проверяли только взрослых теток и дядек. В деревне ей расплели прическу, извлекли записку, опять накрутили косу и отправили обратно.

Но, посмотрев на себя в зеркало, Наташка расстроилась. Оказывается, Яхфим одной рукой смог заплести ее лучше, чем дядька из деревни двумя руками.

Потом оказалось, что немцы проводили какую-то операцию, но кто-то предупредил жителей, и они ушли в лес.

Сразу же после этого пришел Павлюк с двумя немцами и каким-то гражданским типом. Тип стал допрашивать отца.

— Что тут делал Ганс?

— Приходил менять свечи на яйца, — ответил отец.

— Покажи свечи, — потребовал следователь.

Отец достал из шкафчика несколько свечей, завернутых в тряпицу. Следователь задал еще несколько вопросов и ушел.

В доме несколько дней было напряженно, но потом все как-то успокоилось. Все обошлось, если не считать того, что Павлюк и его напарник вернулись и забрали последних курочек.

— А кто будет платить? — спросил отец, наблюдавший, как молодой напарник Павлюка сноровисто запихивает кур в мешок.

— А никто, — ответил Павлюк, — ты, Яхфим, у меня с прошлого года в должниках.

«Кто это так непривычно пищит? — думает Галя, просыпаясь, — на Надьку не похоже. У нее голос значительно грубее»

Свесившись с печки, Галя видит, что мать сидит на лежанке и держит на руках сверток, который пищит и извивается. Галя начинает понимать — это младенец. Мать дает ему грудь. Писк на какое-то время прекращается.

Степка рассказывает Гале, что ночью приходил Кондрат с двумя партизанами и маленькой девчонкой. Он сказал отцу:

— Или забираем корову, или возьмешь девчонку.

Девчонку звали Лизкой, и было ей отроду несколько недель.

— Как жену зовут? — спросила мать Кондрата перед уходом.

— Тебе, тетка, какое дело?

— Время тяжелое, вдруг не придете за ней?

— Елизавета Кондратьевна она, — невпопад ответил Кондрат, но уже на выходе добавил: — а мать ее зовут Ксения.

Адъютант Кондрата Василек приходил несколько раз посмотреть, как мы обходимся с Лизкой, а потом перестал ходить.

Девочка была маленькой и слабенькой. На головке редкие волосенки и короста. Галя с Наташкой стали рассматривать ее, но мать сказала, что на маленьких детей нельзя смотреть так долго.

Мать делала соски из хлеба с отрубями, мыла ее в отваре череды, мазала головку постным маслом, и через какое-то время все болячки Лизки прошли. А уж после того, как Лизка стала агукать и произнесла первое слово «мама», Ходора назвала ее «родная кривинка».

Складывалось впечатление, что Павлюк знает все, что делается в Заболотье. После прихода Кондрата он был тут как тут.

— Яхфим, — сказал он, — война кругом, жрать нечего, а ты детей стругаешь?

— Бог дал, — сказал отец, — не выбросишь.

— Кто из бабок роды принимал? — спросил Павлюк.

— Чего бабок беспокоить, я сам и принял, — ответил отец.

— Ну, ну, — сказал на это Павлюк, обошел все углы хаты, словно хотел найти доказательства того, что отец ему врет, и остановился, как бы вопрошая: — что будем делать?

Отец протянул ему старую торбу, в которой были кусок сала и бутылка самогона.

— А выпить со мной не желаешь? — спросил Павлюк.

— Ты же знаешь, я хворый, — ответил отец, — не пью.

— Ну, ну, — сказал Павлюк, покачался с пяток на носки, и ушел.

И опять, как после визита Ганса, наступили тревожные дни ожидания несчастья. Но и на тот раз все обошлось. То ли Павлюк поверил тому, что сказал отец, то ли не хотел связываться с Кондратом, поскольку тот был свиреп и не простил бы ему этого.

А девчонка со временем стала своей в семье Прошковиной. Наташка и Галя по очереди таскали ее на руках, и она позволяла это делать. Правда, всегда косила глазами, не далеко ли ее несут от матери. А так как чаще всего с ней приходилось сидеть Гале, то она освоила второе слово, и было оно отнюдь не «папа», а «Гайя». В остальном ее речь напоминала набор звуков, которыми она хотела высказать что-то ее волнующее. И когда до нее доходило, что ее не понимают, начинала обижаться и плакать. Ходить она так и не научилась, хотя к маю сорок четвертого ей был уже почти год. На руках у матери она тянулась к Гале и Наташке, но всегда настороженно реагировала на Степку и отца.

Через полгода после появления Лизки Прошковичи лишились последней живности, коровы Лыски. Было это в начале зимы сорок четвертого. Удивительно, но молока матери хватало и Надьке, и приемной дочери. Правда, к тому времени Надька уже смело пила и коровье.

В одну из январских ночей Галя почувствовала странную тревогу в доме и проснулась.

— Батька, — сказала мать, — никак к Лыске кто-то пошел.

Во дворе слышался хруст снега от чьих-то шагов, а затем и раздался тяжелый вздох, так могла вздыхать только Лыска. Мать бросилась зажигать свет. Но только она чиркнула спичкой, как по окну ударила автоматная очередь, и все, кто был в хате, без всякой команды бросились на пол.

— Не шевелитесь, — сказал отец, — не поднимайте головы.

Но никто и не хотел поднимать голову, все лежали на полу, и понимали, что от них уведут их кормилицу.

Кто-то подошел к окну и заглянул внутрь. Затем исчез. Отец заткнул разбитое окно подушкой, обмотав ее предвременно покрывалом от ложка.

Чуть рассвело, Степка и отец сходили в хлев. Лыски там не было. Все это было странно. Между хлопцами Бородина и Кондрата было некое соглашение: не трогать живность у тех, кто имел много детей. Наверное, это была какая-то случайная банда мародеров.

— А может, ее вернут? — спросила Наташка на следующий день. — Шаль ведь вернули

Ни мать, ни отец на это ничего не ответили. А с шалью действительно приключилась удивительная история. Галя как-то простудилась и мать, напоив ее кипятком, настоянном на сухой малине, закутала шалью и уложила спать на печку. А ночью у них ночевали два хлопца из отряда Бородина. Они ушли под утро, долго копались, одеваясь, не зажигая лампы и свечи. А утром мать с удивлением обнаружила, что куда-то исчезла шаль. Но потом шаль принесли. Правда, это были другие парни.

Впоследствии до Прошковичей дошли слухи, что об этом узнал Бородин и хотел расстрелять хлопца за мародерство, но тот сказал, что взял шаль временно с согласия хозяев и обязательно вернет им.

Почему Галина Ефимовна помнит лучше всего сорок четвертый? Может быть, потому, что он богат на печальные события, а может потому, что ей тогда уже было семь лет.

Мать все больше привязывалась к Лизке, впрочем, как и та к матери. Ходора, пытаясь укрепить ей ножки, часто держала ее на руках, и та прыгала, упираясь в колени матери.

— Лиза, Лиза, Лизавета, — развеселая кобета, — повторяла мать одну и ту же строчку какой-то песни.

Приближалось лето сорок четвертого. Все понимали, что скоро оккупации придет конец. Стали готовиться к тому, чтобы уйти в лес на время отхода немцев, так как боялись, чтобы они перед отступлением не отыгрались на местных за свое поражение.

Мать, словно предчувствуя скорое расставание с Лизкой, начала говорить о том, что Кондрат человек рискованный, он до конца войны не доживет, и тогда Лизка останется у нас.

— А Ксения? — спрашивал отец.

— А что Ксения? — говорила мать и логика ее была настоящей женской, — она баба молодая, ей замуж надо будет выходить за городского, а кому она нужна с ребенком...

Но в одну из ночей мая к ним пришел Васек и сказал, что у Кондрата появилась возможность отправить дочку и Ксению самолетом на Большую землю, но мать не отдала ребенка, и Васек ушел ни с чем. На следующую ночь явился сам Кондрат.

— Оставь ребенка, — говорила мать, — кончится война, тогда и придешь.

— Все, тетка Ходора, — сказал суровый командир, — мои приказы обсуждению не подлежат.

Мать начала суетливо собирать Лизку в дорогу. А та, словно почувствовав расставание, начала пищать. Тогда мать зашла за печку и стала кормить ее грудью, приговаривая:

— Все хорошо, ну, ну.. моя, моя... — Но Лизка никак не могла успокоиться, наверное, тревога матери передавалась ей.

— Заворачивай ее, Ходора, — потребовал Кондрат.

Мать запеленала Лизку и укутала сверху пуховой шалью.

— Ночью в болотах сыро, — сказала она, — не простудите ее.

И казалось, что все закончится благополучно, но в последний момент мать как с ума сошла. Первый это понял отец, он бросился к ней и обхватил руками, и придавил спиной к печке, иначе она выпарапала бы Кондрату глаза. Кондрат же направился к дверям, а Васек, как настоящий адъютант, прикрывал его отход, пятясь задом за своим командиром.

Слухи о дальнейшей судьбе Лизки были противоречивы. Говорили, что ее удалось отправить самолетом в Москву, а потом говорили, что самолет не прилетел, и ее передали родственникам Кондрата, которые после освобождения почему-то сразу же отправили ее в Ленинград.

Чуть позже узнали, что в том же мае погибла Ксения. А Кондрат уехал в столицу и в наши места не приезжал ни разу.

Наташка к пятидесятым годам стала уже взрослой и на постоянные приставания матери написать в Ленинград и разыскать Лизку сказала однажды, что Лизка живет в Ленинграде и пошла в школу, поскольку она развитая, и ее приняли с шести лет.

Мать тут же стала вспоминать о том, как быстро Лизка училась говорить.

— Вот Надька, — говорила мать, — научилась говорить в два года, а Лизка, она бы... А ты откуда это знаешь?

— Однокурсник по техникуму в Ленинграде справки навел, — ответила, не моргнув глазом, Наталья.

С той поры все и началось. «Однокурсник» Натальи стал время от времени сообщать о житье-бытье Лизки. А мать долго жила каждой новостью, повторяла ее, комментировала каждое Лизкино действие.

Эта ложь во спасение потянула за собой серию других. Лизка росла, часто болела, лежала в каких-то детских больницах, но с честью справлялась с болезнями.

— Голодное детство, — говорила мать, — вот если бы ее свозить на юг.

Через год Лизка «стала ездить на юг», и ей «стало лучше». Но «эти поездки» породили другую опасность. Мать стала интересоваться: каким поездом Лизка ездит на юг?

— И что бы ей не захватить к нам в гости, — говорила она, — ведь не чужие же мы ей. Вот ты, Галя, ее на руках таскала, хотя сама была до печки вершок...

Но Лизка так и не захватила к матери. А потом и вообще закрутилась: поступила в институт, окончила его с отличием, стала работать в каком-то важном учреждении. Потом вышла замуж. Но детей у нее так и не появилось. Наталья, ожегшись на «поездках Лизки на юг», интуитивно понимала, что мать может пожелать увидеть Лизкиных ребятишек, может попросить связаться с Лизкой, то есть Елизаветой Кондратьевной и попросить ее привезти детишек на лето.

Потом с Натальей случилось несчастье. Она с мужем возвращалась домой, и машина врезалась в грузовик, который выехал к ним на встречную полосу. Когда горечь утраты по дочери немного утихла, мать опять стала вспоминать о Лизке. И тогда эстафета рассказов о жизни в Ленинграде Елизаветы Кондратьевны перешла к Галине. И Галина стала делать это так же, как и Наталья, с той разницей, что осознала греховность этого: в одну из ночей ей вдруг пришло озарение, а не наказал ли Всевышний Наталью за эту ложь. Но остановиться было уже невозможно. Галина понимала, что мать этого не вынесет.

Рассказы о Лизкиной жизни Ходора принимала с гордостью и ревностью одновременно. И только однажды высказала ту мысль, которую предполагала когда-то Наталья.

— А вот родятся у Лизки дети, и будут ездить ко мне на лето. А что, у нас тут хорошо, лес, грибы, ягоды.

Но Лизка «все время отдавала работе» и ей было не до детей. И тогда мать стала ее осуждать за то, что она не думает о детях.

— Наверное, ходит в пальто с горжеткой, — говорила она, — живет в многоэтажном доме. А кто о ней позаботится, когда она станет старой?

И вот уже и дочь Сашки поступает в институт. Быстро летит время.

Мать переживала отсутствие детей у Лизки, не замечая, что семейная жизнь ее родной дочери Гали не складывается, что она разошлась с мужем и детей у нее скорее всего уже не будет.

* * *

Вчера опять был страшный день, о котором вспоминать не хочется. Во двор пришли какие-то странно одетые солдаты.

— Французы, — сказал отец.

На ломанном русском они попросили накрыть на стол. Отец поставил на скатерть стаканы, самогон, тарелку с квашеной капустой и большую миску с картофелем.

Увидев все это, гости разозлились.

— Партизан — большой картошка, нам — маленький, — кричал один из них отцу.

И тут случилось то, чего Галя не могла понять.

— Мы для своих детей готовили, а не для вас, — сказал отец, а потом добавил что-то на каком-то языке, похожем на воркование голубей.

Французы выскочили из-за стола и бросились к нему. А Галя, спрыгнув с печки, вцепилась отцу в ноги, боясь, что французы его заберут. Так и стояла она, закрыв глаза, слыша, как кричит мать и как о чем-то говорят французы, понемногу понимая, что интонации их речи не несут ничего страшного. Уже после войны Галя узнала, что в Первую мировую отец был в плену и там научился говорить по-немецки и знал несколько фраз на французском.

При всем том, что рацион семьи Прошковичей был небогатым, дети, если и не были сыты, то большого голода не испытывали.

Из крапивы и шавеля варили суп, заготавливали грибы, даже подорожник и цветочки клевера собирали, сушили, толкли в ступе. Они служили приправами к супам, борщам, болтушкам из муки.

Но желание наесться от пуза присутствовало постоянно.

Со временем мать стала отпускать Галю в лес с Наташкой, а чаще всего со Степкой. Вот и сегодня Степка лазает по березам и собирает вороньи и сорочьи яйца.

Иногда он пытается поймать сороку, но в круглых сорочьих гнездах два входа и если ты всунешь руку в один, то сорока мгновенно выскочит из другого. С вороньими гнездами еще сложнее: они полностью открыты. Степка держит в зубах за завязки шапку, в которую он складывает голубовато-зеленые в крапинку яйца.

Вот он спускает их вниз. Галя рассматривает добычу, радуется, что тонкие скорлупки не повредились. Степка разводит костер и в его золе печет яйца. Делать это нужно осторожно, чтобы они сразу не потрескались, не вытекли, не смешались с золой. Но все равно яйца всегда подгорают с одной стороны. Степка по-братски отдает Гале несколько штук из своей доли, а потом, откусывая принесенные из дома вареную картошку и хлеб, Галя с братом поедают добычу.

* * *

Уже став преподавателем истфака, Галина Ефимовна пыталась в архивах найти упоминание об отряде Кондрата, его личном составе. В книгах о партизанском движении бригад с названием «Смерть фашистам» было несколько десятков. Но Галина Ефимовна разыскала и Бородина, и Кондрата. Кондрат значился командиром отдельной диверсионной группы.

Далее шли сводки и отчеты о деятельности бригады, ее отрядов и групп и ничего больше.

Тогда она стала искать очевидцев. Медленно, по крупицам, она восстановила картину той блокады, в которую попала в мае сорок четвертого группа Кондрата. А после того, как восстановила, с еще большей ревностью стала рассказывать матери о Лизке.

Отец умер в семьдесят пятом, мать пережила его на пятнадцать лет. Со временем она все меньше вспоминала о «родной кривинке».

— У нее своя жизнь, — как-то философски заметила она и больше никогда не спрашивала дочь, что там слышно о Елизавете Кондратьевне.

И только перед смертью вдруг сказала:

— Умру, наверное, скоро?

— С чего это ты вдруг? — начала было Галина.

— Лизка сегодня приснилась...

После смерти матери у Галины Ефимовны отпала обязанность рассказывать о жизни в Санкт-Петербурге ее приемной дочери. И о существовании Елизаветы Кондратьевны в семье Прошковой не вспоминали.

* * *

Май сорок четвертого. Немцы блокировали соседнюю партизанскую бригаду. И по стечению обстоятельств в блокаду попал и отряд Кондрата. Тактика партизан в таких случаях была проста: разбиться на маленькие группы и пытаться прорваться. Но Кондрат не стал дробить свой отряд.

Не имея возможности получить у местных жителей продукты, уклоняясь от поисковых групп противника, отряд пытался нащупать места, где можно было либо пойти на прорыв, либо выскользнуть из окружения незамеченным. Но куда бы они не выходили, везде были немцы, стояла военная техника, и громкоговорители убеждали партизан сдаться и получить помилование от немецкого командования, помыться в бане и сытно поесть.

Оставалась одна надежда на выход к стыку двух лесных массивов в надежде прорваться именно там, хотя никаких данных, что там нет противника, или противник сосредоточил малые силы, у командира не было.

Впереди, в пределах видимости, были видны спины двух дозорных, остальные же брели одной группой. Бойцы не спали и не ели несколько суток. Недовольство решением Кондрата не разбивать отряд на группы росло и переходило в ропот. Ксения несла на руках Лизку, время от времени давая ей пососать тряпочку, в которую был замотан сухарь. Но это уже не устраивало ребенка, и та стала пищать.

— Оставь ее, — сказал Кондрат жене.

Та отрицательно мотнула головой. Кондрат, не привыкший к возражениям, снял с плеча Васька шмайссер.

— Оставь... на кочке!

Ксения, спотыкаясь и оглядываясь на мужа, не передумает ли он, положила пищащий сверток на болотную кочку.

— Иди, — сказал Кондрат ей, указав стволом автомата в сторону, куда двигался отряд.

Васёк увлек Ксению за собой, а Кондрат остался возле болота, в ожидании, когда последний из его бойцов скроется за стволами деревьев.

Среди множества лесных шумов плач ребенка был хорошо слышен. Но вдруг он прекратился. Лизка, словно почувствовав, что именно от этого зависит ее жизнь, замолчала.

Ксения вырвалась из рук Васька и побежала обратно. Однако плач тут же возобновился, но... последовала короткая автоматная очередь, и Лизка больше не плакала.

В тот же день группа Кондрата прорвалась на стыке двух лесных массивов, потеряв две трети своего состава. Среди погибших была и жена Кондрата Ксения. Те, кто остался жив, говорили, что она искала смерти, и та пришла к ней.

* * *

На следующий день Галина Ефимовна отстояла службу в Соборе Петра и Павла.

Она поздно пришла к Богу. В храм ходит время от времени, плохо разбирается в обрядах и не знает многих молитв. Из услышанного во время служб и некой логики моления она составила свою молитву, в которой просит прощения за ту многолетнюю ложь, и... упокоения души рабы Божьей Елизаветы, на поле боя убиенной.

ЦВЕЛА ЧЕРЕМУХА

Рассказ

— Ты один? — спросила тетка вместо приветствия, когда Нефедов вышел из вагона.

— А с кем я должен быть? — удивился он.

— С телохранителем...

— Это газетные утки, — скривился Нефедов, — у меня нет телохранителей.

Тетка по случаю его приезда была в выходном жакете, темной юбке. Ее черные с проседью волосы гладко зачесаны назад и схвачены на затылке резинкой. Она чопорно берет его под руку и ведет вдоль состава.

Людей на перроне немного, и это, как догадывается Нефедов, не устраивает тетку: ей хотелось, чтобы как можно больше поселковых увидело, что к ней приехал знаменитый племянник.

Когда они по тропинке вдоль реки дошли до моста, было уже темно, но Нефедов разглядел рядом с этим бетонным красавцем почерневшие сваи старого, деревянного. Его снесли двадцать лет назад. Точнее, не снесли, а бросили, отстроив бетонный. Поскольку старый мост считался списанным, его стали разбирать на свои нужды местные жители. Разбирали до тех пор, пока на сваях не осталось всего несколько бревен. Именно в это время с них сорвался в воду и утонул мужик: чуть дальше моста по течению был омут с водоворотом. На том работы и остановились.

— Сваи так и не спилили? — спросил он у тетки.

— Да кому они нужны?

— Чтобы мальчишки не лазали...

— Мальчишки по ним не лазают, — ответила тетка, — мальчишки сейчас бизнесой занимаются.

Дома у тетки их ждал стол с салатами, картошкой, котлетами и бутылкой водки.

— Может, Евлампиевну пригласим? — предложила тетка.

— Как хочешь, — без энтузиазма ответил Нефедов: он не хотел видеть здесь соседку.

Уловив его интонации, тетка сказала:

— А-а, ладно, обойдемся... проведем ужин в узком семейном кругу.

После второй рюмки тетка захмелела и стала вспоминать его «последний» приезд. Она преподносила это так, будто он приезжал к ней последний раз в прошлом году.

Нефедов терпеливо слушал ее, а потом, выбрав удобный момент, вставил свое:

— Пойду покурю...

— Кури здесь... Евлампиевна специально соседа приглашает покурить, чтобы в хате мужиком пахло...

— У меня «Кэмэл», — усмехнулся Нефедов.

— И что?

— После него пахнет верблюдом...

— Да ну? — удивилась тетка.

Нефедов курил, облокотившись на забор и вглядываясь в темноту. Где-то лаяли собаки, звенела гитара, и хрипловатый голос пел:

*Когда с тобой мы встретились, черемуха цвела
И в парке тихо музыка играла...*

Двадцать лет назад, когда он в первый раз пошел ее провожать, тоже цвела черемуха, было холодно, и он накинул ей на плечи свою куртку. Да, это было в мае, а до этого он был тайно и безнадежно влюблен в нее почти полгода — как раз с того времени, когда его, шестнадцатилетнего парня, родители отправили к тетке, чтобы «вырвать из дурной компании». У тетки Нефедов должен был закончить десятилетку вдали от соблазнов большого города.

Стоит ли говорить, что по приезде в поселок он тут же нашел себе компанию не лучше. Предводителем ее был нефедовский одноклассник — парень с нагловатой челкой и синими глазами, какие редко встречаются в природе. За эти глаза любили его все поселковые девицы в возрасте от пятнадцати до двадцати. Звали его Витьком. Среди почитательниц Витька была и она — девятиклашка, еще не избавившаяся до конца от девчоночьей угловатости, с огромными глазами и пухлыми губами.

Странное оцепенение нападало на Нефедова, когда он встречал ее в школьном коридоре, а она, словно чувствуя это, усугубляла его растерянность быстрым взглядом своих огромных темных глаз.

*У тебя глаза как нож — если прямо ты взглянешь,
Я забываю, кто я есть и где мой дом...
Если косо ты взглянешь, то как по сердцу полоснешь,
Ты холодным ржавым тесаком...*

Пел, играя на гитаре, его друг Витёк, и Нефедову казалось, что Витёк видит его насквозь и подтрунивает над ним. Нефедов одновременно и боялся ее глаз и хотел снова увидеть их. А когда долго не видел, впадал в тоску и начинал искать встречу с ней.

Нефедов вернулся в дом, сел за стол.

— Ты че такой хмурый? — спросила тетка. — Неприятности на работе? На тебя наезжают?

— Где ты нахваталась таких слов?

— Все так говорят, — простодушно ответила тетка.

— Это точно, — согласился он, — все только так и говорят, будто уже и слов других нету..

Три года назад Нефедова перетянул работать в свою фирму бывший его выпускник. Год они работали рука об руку, не жалея ни сил ни времени, как вдруг глава фирмы исчез. Все подозревали похищение, но он благополучно объявился в Испании, там же оказались и деньги их фирмы. Нефедов

хотел вернуться в институт, но его попросили остаться и возглавить то, что осталось от фирмы. Он начал все снова, и ему повезло. Теперь многие обращаются к нему за помощью, а в прошлом году его даже выдвигали кандидатом в Государственную Думу.

— У твоей пассивности неприятности, — сказала тетка.

— Слышал.

— Не связывайся с ней, ты — человек семейный...

— Мне уже поздно с кем-либо связываться, — уклончиво ответил он.

— Правильно, — согласилась тетка.

Поговорили еще ни о чем и стали укладываться спать. Перед тем, как лечь в постель, Нефедов снова вышел во двор покурить.

Звонящая тишина майской ночи будила воспоминания. Он ясно, словно это было вчера, воспроизвел в памяти встречи с ней, первый поцелуй и клятву верности, инициатором которой была она. В тот вечер он летел в дом тетки, словно на крыльях и даже, пренебрегая опасностью, перешел реку по бревнам старого моста. Сила любви несла его, не позволив свалиться в реку, и закончить жизнь так, как его неудачник-земляк.

Проснувшись на следующий день, он обнаружил на столе записку с указанием, что ему есть на завтрак и обед. Тетка, хотя и была на пенсии, продолжала работать на маслозаводе, ходила на другой конец поселка, что было по местным меркам «очень далеко», и не обедала дома.

Нефедов позавтракал, тщательно выбрился, приготовил свежую рубашку и галстук, но одевать не стал, а снова завалился на диван в надежде предаться приятным воспоминаниям. Однако сегодняшние воспоминания были не чета вчерашним. Нефедов вспомнил последнюю встречу, ее слова: она любит другого, а их встреча была ошибкой... Он не поверил своим ушам, стал преследовать ее, пытался выяснить отношения, начал поиски соперника... Впрочем, соперник вскоре объявился сам. Витёк как-то со смехом рассказал, что ему в любви призналась одна девятиклашка.

Затем были экзамены, аттестат зрелости. Он уехал из поселка, поступил в институт, окончил его и никогда не приезжал в гости к тетке. Однако еще очень долго, если не сказать до сих пор, занозой сидела в его сердце та неразделенная любовь. Потом у него было много женщин, и со временем он понял то, что его друг Витёк знал уже в те годы: чтобы добиться ответной любви, не обязательно преследовать женщину, скорее наоборот...

Год назад, когда он баллотировался в депутаты Госдумы, ему стали звонить земляки. Но после проигрыша звонки пре-

---

кратились. И вот два месяца назад секретарша спросила, стоит ли соединять его с периферией, и он понял, что это звонок из поселка. На него словно повеяло холодком — тем холодком, который бывает, когда цветет черемуха.

— Здравствуйте, — сказала она тогда, будто они все эти годы поддерживали дружеские отношения, — у меня беда: сын попал в некрасивую историю.

Нефедову стоило большого труда вытащить из тюрьмы ее семнадцатилетнего сына. После этого последовал еще один звонок с благодарностью и предложением непременно заглянуть, когда он будет в поселке.

— Как раз туда собирался, — вырвалось у него чуть ли не против собственной воли.

— Тогда я жду, — был ответ.

Заноза в душе Нефедова сладко ныла, и когда он ехал на поезде, и когда шел с теткой по поселку знакомой тропинкой и бередил себя воспоминаниями. После встречи с ней он станет счастливым человеком.

Звонок телефона прервал его размышления. Нефедов сорвался с дивана, подбежал к аппарату. Но это звонил корреспондент местной газеты Салихов, который когда-то писал о Нефедове. Корреспондент предлагал встретиться и дать интервью. Нефедов отказался и поплелся обратно к дивану. Было прохладно, он натянул на себя плед и задремал, отчего на следующий звонок отреагировал не сразу. А проснувшись, долго соображал, где он и кто звонит и только потом поднял трубку.

Знакомый голос, в котором угадывался каприз и волнение одновременно, сообщил, что его давно ждут, что домашние разбежались на работу, но все равно с визитом тянуть не надо.

У ее дома, нисколько не изменившегося за двадцать лет, он оказался довольно быстро. Уверенно толкнул калитку, вошел внутрь строения. В этом доме ждали гостей: посредине комнаты был накрыт стол, как две капли похожий на теткин.

Из смежной комнаты появилась она, произнесла:

— Вот так мы и живем, прошу к столу... Я здорово изменилась?

— Ну что ты, — сказал он каким-то деревянным голосом, — нисколючко.

Она сама налила водку в рюмки, а потом вдруг вопросительно посмотрела сначала на Нефедова, а потом на граненый стакан.

— Нет, — сказал Нефедов.

А она одобритительно кивнула: хорошо, когда мужчина не падок на эту гадость.

Выпили и стали говорить, точнее, говорила она, а Нефедов слушал ее разглагольствования с той же робостью, что и двад-

---

цать лет назад, только на этот раз эта робость имела другие причины. Он покривил душой, сказав, что она не изменилась. Перед ним была совсем другая, незнакомая женщина, которая с какой-то категоричностью в суждениях рассказывала о жизни в поселке, о ценах на продукты, о сыне, который «по гроб жизни обязан Нефедову»...

Он слушал ее, с ужасом понимая, что нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Очарование неразделенной любви, которое двадцать лет сладкой занозой сидело в его сердце, рассеивалось, как туман под лучами солнца.

И вроде все в ней было таким же, как и раньше: и голос, и большие глаза, и знакомая припухлость губ, но это была не она. Потому что и голос, и глаза, и губы не вызывали у него прежних чувств. Мало того, чем больше он всматривался в ее черты, тем больше его раздражали когда-то милые капризные нотки в ее голосе, кокетливая игра глаз, а уж пухлые губы были совсем неуместны на лице зрелой женщины, как неуместны панамка или бантик на голове старухи.

Она почувствовала это и поставила перед ним граненый стакан, вылила туда остатки водки. Он выпил, бросил в рот ломтик малосолевого огурца и стал ждать, когда эта доза алкоголя снимет с него неприятие сидящей напротив женщины. Но алкоголь словно потерял свои свойства и не действовал на него.

— Ты знаешь, — сказал он, — что Витёк умер.

— Все мы там будем, — ответила она с таким равнодушием, что Нефедову стало обидно за своего друга-соперника. Он еще что-то попытался сказать, но поперхнулся, а она поднялась из-за стола и направилась в смежную комнату, по пути лениво вынимая из прически шпильки...

Возвращаясь обратно, Нефедов вышел не к бетонному мосту, а к остаткам деревянного. Некоторое время он стоял, глядя на спиленные и достаточно подгнившие сваи, а затем сделал первый шаг... Он дошел почти до середины бывшего моста и только тогда понял, что на этот раз ему реки не перейти — и не потому, что бревна почти сгнили: он потерял ту открытость, которая перенесла его двадцать лет назад на противоположную сторону. Вместе с осознанием этого пришел страх. Он ударил по его сознанию, как молния, и так же, как молния, быстро исчез, а на его место пришло равнодушие. И он не стал сопротивляться, пытаться устоять на бревне. Он сделал шаг в сторону...

Когда холодная майская вода сомкнулась над его головой, ему пришла глупая мысль, что корреспондент местной газеты Салихов будет иметь возможность опубликовать сенсационный материал о том, как предприниматель Нефедов утонул в их реке при загадочных обстоятельствах...

И опять зазвонил телефон, и Нефедов долго не мог понять, как это на дне реки мог оказаться аппарат, но потом сообразил, что спал, и снял трубку.

— Привет гостям, — услышал он, искаженный мембраной, но знакомый голос...

— Привет, — отозвался он хриплым после сна голосом и, не давая ей говорить, продолжил, — хорошо, что ты позвонила... Со мной сейчас коллеги связались, нужно срочно уезжать... ты вечером позвони тетке, чтобы она не беспокоилась, а то я к ней на завод дозвониться не могу.

— Ну вот, — капризно произнесла она, — а я думала, что мы с тобой встретимся, посидим, поговорим...

— Конечно, встретимся, не последний день живем...

Нефедов стоял в коридоре вагона и смотрел на яркую зелень лесопосадок, пронесившихся за окном. Такая зелень бывает только в конце мая, пока солнце и пыль не возложили на эту яркость свои покрывала.

Нефедов не мог до конца осмыслить свой поступок. Но интуиция подсказывала, что он принял правильное решение: в последние годы он научился не пилить опилки, не возвращаться в прошлое и не пытаться прирастить то, что он отрезал. Впрочем, из этого правила были исключения...

Он открыл окно, холодный воздух хлынул в вагон.

— Молодой человек, — тут же раздался женский голос из соседнего купе, — закройте, пожалуйста, окно... Холодно...

— Еще бы, — отозвался Нефедов, — холода вернулись... черемуха цветет...

Сергей ДВОРЕЦКИЙ (Рязанская обл.)

БОЖЬЯ КАРА

Рассказ

— Петька, одумайся!

Мать стояла между ним и дверью, раскинутые руки ее заслоняли ему выход. Вид ее был ужасен: волосы седыми прядями выбились из-под платка, щеки краснели жарче, чем угли в печи, а глаза высекали молнии. Ничего хорошего такая картина не предвещала.

Петька, двадцатипятилетний парень, с худым, но крепким телом, странным выражением лица и вообще какой-то неприметной внешностью, стоял перед матерью и не решался отвести ее руки. Как?

— Если ты пойдешь туда, прокляну! Мало тебе, что родня обходит наш дом стороной, соседи косятся, скоро совсем здороваться перестанут, отец твой больной слег, совсем! Мало? Что вы привязались к ней, окаянные?! Басурмане, безбожники, дьяволята!

Мать вдруг как-то вся сгорбилась, потускнела, состарилась в один миг. Она медленно опустилась на порог, закрыла лицо своими большими, натруженными руками и тихо-тихо заплакала.

Сын молчал. Он будто бы задумался надолго о чем-то. Но долгая дума длилась всего одно мгновение. Он осторожно обошел сидящую мать, толкнул кулаком дверь и резко захлопнул ее с другой стороны. Вышел во двор.

Солнце резко ударило в глаза. Прищурился, не спеша свернул самокрутку (кисет-то памятный, сестрин подарок), затянулся пару раз и резво зашагал в сторону церкви.

Тума еще спала и не знала, что над ее символом сгущаются тучи...

...Петька Щербаков в детстве был мальчишкой обычным, неприметным. Учился ни шатко, ни валко, как все, гонял голубей, драк не затевал, но и не сторонился их. Ни с кем крепко не дружил, так чтоб «не разлей вода», приятельствовал, да и только.

Да и вообще детство его протекало обычно и неприметно. Последний, четвертый ребенок в семье крепкого крестьянина Петра Кузьмича Щербакова, обещал вырасти в такого же крепкого крестьянина. Хозяйство у отца было большое, только управляйся: две коровы, лошадь, поросят разнокалиберных полон хлев, добрый косяк гусей да уток, благо пруд рядом, кур да цыплят изрядное количество. Добрый надел земли тоже не мог обойтись без старательных крестьянских рук.

Отец-то, он мужик работающий, ему ряд-в-ряд в поле пахать да телеги-сани готовить, опять же и по дому работа всегда найдется, поэтому, когда поползли по Туме слухи о якобы совершаемых беспорядках в столицах, о каких-то революционерах, он к ним не шибко прислушивался, а проще сказать — пропускал мимо ушей. Крестьянское дело — хозяйствовать, а не разговоры разговаривать.

Да и дети его — два старших сына и дочь-невеста — не больно-то интересовались этим. Баловство, одно слово, жить надо, как отец и деды жили, что зря болтать-то! Но не таков был Петька.

Уже в мальчишках он вывел для себя закон: ватага сильна главарем. А вот главарем, вожаком-то ему стать никак не удалось. И лишь однажды, когда он на глазах у своих сверстников утопил в Таборке, завязавши в мешок, соседскую кошку, в глазах его приятелей промелькнул какой-то огонек интереса к нему. Петька не забыл этого огонька и в своем понимании принял его за уважение.

С тех пор его не покидала мысль сделать что-то такое, что навсегда поднимет его в глазах сверстников над всеми, заставит их уважать его по-настоящему и признать вожаком. И такой случай вскоре ему представился.

Однажды пацаны затеяли «салки» недалеко от дома купца Остроумова. Ну, в игре все бывает, и получилось так, что Петька Щербаков нечаянно сбил с ног купеческого внучонка — сопливого мальчонку трех лет от роду, все время мешающегося под ногами. На ту беду рядом проходила кухарка купеческая — Варвара. Подняла она крик, прибежал сам Парамон Елизарыч. Недолго думая, купчина сграбастал Петьку промеж ног и всыпал ему пару раз по мягкому месту.

И все бы ничего, ладно, да приятели Петькины сию картину наблюдали и похихикивали, а кто и вовсе откровенно ржал над незадачливым сверстником. Петька затаил обиду.

В этот вечер он с приятелями Гошкой и Спирькой пробрался в купеческую скирду (а дело было после уборки урожая) и, недолго думая, поджег ее. Приятелям удалось незаметно скрыться, и слух о Петькином «подвиге» быстро разошелся среди всей компании ребят. Конечно, некоторые взрослые тоже узнали об этом, но пойдн докажи! Не пойманный — не вор! И Петькин авторитет в глазах приятелей значительно возрос.

А беспорядки-то в Питере вышли, оказывается, нешуточные! Весной восемнадцатого года приехал в Туму комиссар из волости, агитировать, значит, за новый порядок, а с ним помощник его, в черном кожаном, с револьвером на боку.

Сей помощник собрал тумскую молодежь и рассказал, что в Рязани образуются комсомольские ячейки, вся молодежь из бедняков и сочувствующих сбивается, значит, в стаю за дело мировой революции. И прислан-де он в Туму такую же ячейку комсомольскую собрать. Ребята поначалу молчали, но вот поднялся местный краснобай Тимоха Смагин, шалопай и выпивоха, и поддержал комиссарова помощника:

— Чего, — говорит, — нам в стороне от правого дела стоять. Даешь комсомол! Записываюсь в ячейку!

Постепенно и другие подтянулись, и Петька Щербаков не из последних. Набралось их человек десять таких, а Тимоху,

---

как самого сознательного, к тому же закоперщика, поставили над ними секретарем. Ну а Петьку — его помощником.

Удар по самолюбию Петькиному был внушительный, к тому же недолюбливал он Смагина давно. Тот всегда подсмеивался над ним, кичился своим «пролетарством» и «неимуществом», а Петьку величал подкулачником:

— Тебе, — говорил, — с революцией не по пути, у отца твоего вон амбар от хлеба ломится!

Петька этого не забыл.

Первое мая отмечали с флагами и музыкой. Нестройной толпой прошли по пыльной дороге. Пели песни и кричали лозунги. И даже фотографировались на память (приезжал фотограф из города по случаю праздника).

Продолжили гулянье на берегу Таборки. Весна стояла ранняя, как без времени созревшая девка, солнышко припекало так, что молодежь решила открыть купальный сезон. Разгоряченные самогоном парни ныряли в реку с берега, поднялся шум-гам, в общем — веселье было в самом разгаре.

— Ну что, искупаемся?

Смагин не спеша разделся. Петька уже был в воде, когда увидел, как тот нырнул. Что-то холодное шевельнулось в душе. Вот он, случай-то!

Петька дождался, когда Тимофей перевернулся на спину, расслабился, тогда резко поднырнул под него и рванул что есть дури за ногу вниз! Смагин и крикнуть не успел, все кончилось очень быстро...

Поначалу отсутствие секретаря никто и не заметил: мало ли куда он отошел! Спихватились только, когда стали собирать лозунги да флаги на берегу. Смагина-то нет!

Петька Щербаков первым вызвался искать пропавшего жоака. Он добровольно обошел всю Туму, спрашивая всех, даже местного придурка Гриню: не видал ли тот Тимоху Смагина? Нет. Все напрасно.

Местные мужики принесли сети, стали нырять в реку, в поисках молодого парня и нашли его ниже по течению. Утоп Смагин-то Тимоха, как есть утоп!

— Да он всегда спьяну в воду лез, баламут, будто черт его за что дергал, — крикнул в сердцах дед Михай, сосед Смагиных.

На том и порешили. Черт-де дернул.

Приехал тот жоак комсомольский из волости, следствие решили не открывать, доложили ему все честь честью. Тимофея Смагина похоронили, как положено.

А новым секретарем комячейки поставили Петьку Щербакова.

И никто, ни одна живая душа не догадывалась, кто был тем чертом, что дернул Тимоху Смагина на дно Таборки. Как кошку в завязанном мешке.

Зима выдалась голодная. Да и морозы такие, что по ночам трещали заборы, а окна домов затягивало ледяной коркой.

Перебились как-то, ничего. Вон, в Поволжье, люди бают, народ вообще друг дружку ест. Голод страшный. По стране разнеслось новое слово — продрозверстка. Специальные отряды ездили по деревням и селам и выгребали весь хлеб из амбаров, оставляя лишь на подушное пропитание. А семена? Что сажать-сеять-то по весне будем? Это власть не волновало.

Петька — вожак! Петька — секретарь! Не страдая излишней сознательностью, он все же первым привел продотрядовцев к отцовскому амбару и указал, где хлеб хранится. Петр Кузьмич кинулся было к грабителям, да куда там! На штыки больно-то не поперешь! Сыновья стояли рядом хмурые, со сжатыми кулаками, бросая недобрые взгляды на младшего. Соседи из-за заборов ближних вообще Петьку по матери величали, да сделать ничего не могли.

Отца после этого как дубиной по голове огрели. Сник мужик, разумом помутился, опустил руки. Совсем слег старый Кузьмич.

А хранилище для собранного хлеба решили в церкви устроить, тем паче, что батюшку Евфимия давно расстреляли за зданием местного совета вместе с купцом Остроумовым, под заунывный плач местных старушек. Церковь осиротевшая стояла, неприглядная.

Петька еще летом получил из губсомола директиву о борьбе с религией как чуждым явлением, пережитком прежнего порядка. И он боролся во всю мочь: устраивал гулянки у церкви с пением скабрзных частушек, рисовал звезды на церковных воротах, устраивал субботники по великим праздникам. А на Пасху вообще устроил митинг у церковной ограды!

И тут такой случай: зерно ссыпали в церковную ризницу, как в обычный амбар. Это ли не демонстрация новой жизни!?

В губсомоле Петькины усилия заметили, пригласили на конференцию, ставили в пример как проводника новой жизни в деревне, ну а уж в Туме-то его авторитет и вовсе был непререкаем.

Как же скovyрнуть-то ее совсем, чтоб до кирпичика вся рассыпалась. Ишь, стоит, как бельмо в глазу! А из кирпича того клуб бы на этом месте построили!

Так думал про себя молодой секретарь комсомола Петр Щербаков каждый вечер, ложась спать, и каждое утро, вста-

---

вая с петухами. Мысль эта уже давно не давала ему покоя, тем более что волостной секретарь Кузнецов не далее как вчера намекнул:

— Справишься с поповской заразой в Туме, быть тебе на моем месте, а меня, брат, в губсомол переводят!

Вот Петька и старался! Надо сказать, старался не на шутку. На прошлой неделе договорился он с Селиваном Куняевым из МТС за четверть самогона зацепить церковь тросами с четырех сторон, со всех углов, и рвануть трактором! Все вроде бы удачно вытанцовывалось: выпили чарку договорную, ударили по рукам, разошлись. И откуда про то прознали тумские бабы?

Утром, когда они с Куняевым на тракторе подъезжали к церкви, там уже собралась огромная толпа женщин, да не только тумских, но из соседних деревень. Громче всех горланила старуха Матюниха из Спирина:

— Антихристы! Хриstopродавцы! Чего удумали! Не дадим храм на порушение, костями ляжем!

И легли. Бабы, старухи, девки в нарядных выходных платьях и полушалках легли в пыль у Храма, всем своим видом выражая твердую решимость отстоять его целостность.

К Щербакову подошла его сестра Нюра:

— Петруша, отступись! Что ты делаешь! В этой церкви родители наши венчались, нас всех здесь крестили, тебя, дурака, в купель здесь кунали. Отступись!

— Уйди, дура! Бабки — темнота, и ты туда же!?

Поплевался-поплевался Петька, да пришлось отступить. Не давить же народ, право дело! Только мысль о разрушении крепко в мозгах засела, спать не давала. И задумал он тогда сбросить колокол с церковной колокольни. Хоть язык у нее, проклятой, вырвать, и то дай сюда!

Вечером в сердцах проговорился об этом дома, а мать-то и услыхала. И в крик, и в слезы, в уговоры.

А утром вон чего устроила! Не пушу, и все тут! Только что-то надломилось в матери: то ли устала бороться с сыном непутевым, то ли поняла, что бесполезно все. Страна рушится, что там церковь тумская?! Эх, Россия-матушка, да куда же ты идешь-то? Зачем?

...Спит еще Тума, а Петька Щербаков, зажав в зубах цигарку, резво шагает по направлению к церкви. Там ждут его комсомольцы-активисты, старые приятели: Гошка и Спирька, да еще пара пацанов из молодых, да ранних.

Вережки приготовили заранее: крепкие, длинные, просмоленные. Такие не оборвутся. Он, колокол-то, тяжелый, да как пойдет с высоты, то уж и особых усилий не надо, рухнет за милую душу!

Пока прилаживали веревки да примеривались к месту, откуда-то набежали зеваки. То ли опять прослышали где? Но Петьку было уж не остановить. Он бегал вниз и срывающимся голосом командовал:

— Левее бери, тяни шибче, пихай резче!

Колокол никак не хотел падать. Петька уже охрип, он перестал обращать внимание на упреки образовавшейся толпы и едкие замечания в свой адрес, он жаждал одного: скорей бы спихнуть этот упрямый колокол!

Вдруг что-то хрястнуло сверху и сразу тонко зазвенело, как натянутая струна, и колокол сначала медленно, заваливаясь на бок, а потом пугающе быстро стал падать вниз. Прямо по курсу его падения, остолбенев и разинув рот в недосказанном крике, стоял секретарь комсомола Петька Щербаков и понимал, что сейчас будет раздавлен.

Толпа издала пугающий вздох, и тут же все услышали тошнотворно-страшный звук:

— Шмяк-к-к!

В эту же минуту, расталкивая людей, пробиралась к эпицентру событий простоволосая женщина, с диким, горящим взглядом. Она вдруг стала в двух шагах от упавшего колокола и обмерла. Из-под колокольной шапки торчала голова ее сына...

Подвода увозила уже все, что осталось от Петьки, бывший участковый милиционер что-то записывал, а мать все стояла и смотрела на это место. Колокол не разбился, он был цел и когда-нибудь еще сможет заговорить, а тот, кто его сбросил, уже не заговорит никогда...

Тот, кто все видит, там, наверху, рассудил, видимо, по справедливости...

Виктор КЛЮЕВ (г. Москва)

УЧАСТНИК ШТУРМА РЕЙХСТАГА

Рассказ

Как всегда, утро в литературном отделе еженедельника начиналось с просмотра почты. Раскрывалась дверь, на пороге появлялась курьерша Танечка, и по той позе, которую она принимала, остановившись на мгновение в дверном проеме, можно было безошибочно судить, какую почту принес-

---

ла она сегодня в отдел. Если в эти короткие секунды вся еще по-девичьи нескладная фигурка Танечки начинала как-то загадочно покачиваться, а из-под замшевой юбки остро и обнаженно выглядывали колени, если при этом ее черные глазки были переполнены чувством некоторого превосходства, значит, опять в почте есть что-то «кляузное» — так называл редактор отдела жалобы и домогательства особо настойчивых корреспондентов. Значит, опять литотделу придется мучительно «отбиваться» от них — и это хорошо знала Танечка.

В редакции еженедельника литотдел был самым молодым по составу сотрудников. И главный редактор, чей возраст давно перевалил за пятый десяток, на летучках, на общих собраниях всегда с симпатией и нескрываемой любовью подчеркивал одаренность и ранний профессионализм его сотрудников, чем вызывал в адрес литотдельцев снисходительную зависть у остальных членов редакции, скорых на колкие и язвительные шуточки.

Танечка тоже симпатизировала литотделу, но, в отличие от главного редактора, прятала свои чувства, и если они все-таки прорывались наружу, то проявлялись либо в особой позе, либо в подчеркнуто деловом тоне разговора. Юную Танечку всем своим существом тянуло в литотдел. И не потому, что там работали люди немногим старше ее. Нет, вовсе не поэтому. По ее представлениям творческие люди — необычные люди. Ей нравилась независимость мнений сотрудников отдела, их категоричность, с которой они рассматривали рукописи, а потом либо принимали к печати, либо отправляли их авторам, четко разбирались во всех литературных «измах», стилях и жанрах. Неизвестно, когда и где успевали они прочесть уйму книг, журналов, свободно общались с известными писателями, выступали со статьями, очерками, о которых всегда в редакции было столько разных толков.

Особенно ей нравился редактор отдела Вадим Николаевич, нравилось его тонкое, интеллигентное лицо в дорогих дымчатых очках, из-за которых на нее вопросительно смотрели задумчивые пепельные глаза. Она терялась в догадках: кто так безукоризненно уютит воротнички рубашек (Вадим Николаевич был холостяком), с такой тщательностью укладывает его вьющуюся русую шевелюру? И кто знает, может, нашла бы Танечка больше поводов заглядывать в литотдел, если бы не сидела тут за одним из столов критик Елена Складовская, единственная женщина в отделе, едкая на слово не только в своих рецензиях на солидные книжки, но и в адрес совсем еще неискушенной и в жизни, и в литературе курьерши. И если Танечке хотелось подтрунить над «белой

косточкой» литотдельцев, то возникало такое желание у нее в пику Складовской, чьи иронические замечания ввергали курьершу в краску и смущение.

«Кляузную почту» Танечка не доверяла никому из сотрудников отдела. Вот и сегодня она подошла к столу редактора и, глядя в его задымленные очками глаза, сказала с подчеркнутым значением в голосе:

— А это вам, Вадим Николаевич!..

— Ну, хорошо, хорошо, Танечка, — как-то бесстрастно ответил он, взял из тоненькой руки курьерши объемистую пачку писем, быстро перебрал ее, пробегая взглядом по адресам.

Натолкнувшись на знакомый почерк, он какое-то время молча смотрел на конверт, потом вскинул глаза на стоящую возле него Танечку и упавшим голосом воскликнул:

— Боже мой! Нет больше никаких моих сил! Только на прошлой неделе я подробно ответил этому участнику штурма рейхстага, а сегодня новое послание — вот, полюбуйтесь!..

Сотрудники отдела приподняли головы от столов, сочувственно посмотрели на своего начальника.

— Так уж так, Вадим Николаевич, — весело, с ударением на имени редактора не то в поддержку, не то в осуждение проронила Танечка и сухоньким пальчиком, увенчанным белым лакированным ноготком, указала ему, где надо расписаться за почту, а затем частыми, с вызывающим стуком шажками удалилась за дверь. После ее ухода в отделе наступила томительная тишина.

Первой ее нарушила Елена Складовская.

— Ну, придумайте, мальчики, что-нибудь такое веское, пуда на два, — усмехнулась она, нервно, как по клавиатуре, пробегая пальцами по высокой стопке рукописей, стоящей перед ней, и этим жестом давая понять, что только беспощадным отбором можно отсеять те редкие граммы ценной литературной руды из огромного потока всевозможной писанины. — В конце концов, лучший ответ любому автору — сущая правда. Без всяких там «цирлихов» и «манирлихов». Ну плохо, скучно, наконец малограмотно... Какая-то чудовищная мания творится — все о чем-нибудь пишут! Суесловие и графомания захлестнули мышление людей, превратились в поголовную манию. Тот сочиняет книгу воспоминаний, а этот книгу рассказов. А женщины-то! Наши новейшие Жорж Санды... Дружно взялись писать толстенные романы, в которых ужасные сюжеты: либо кровавая стрельба, поножовщина, либо откровенные и пошлые прелюбодеяния. Как вам это нравится?.. Не надоело?..

С участником штурма рейхстага у Вадима Николаевича состоялась давнишняя и обстоятельная переписка. Как вид-

---

но, Ивашков (такова фамилия этого автора) был в курсе всех планов и событий своего местного издательства, следил за публикациями в разных газетах и журналах. Особенно его занимали выходящие в свет новые мемуары, книги документальных очерков о героях Великой Отечественной войны. Причем некоторых местных авторов он знал еще по фронтовым дорогам и настоятельно предлагал Вадиму Николаевичу, чтобы тот поручил именно ему написать их литературные портреты. Редактор отдела понимал, что, согласись он с предложением Ивашкова, получит от него очередной литературный опус, который нужно будет выбросить в корзину или в лучшем случае переписать от строчки до строчки. Вот и сочинял он Ивашкову вежливые уклончивые ответы, стараясь не задеть самолюбия автора, суть которых, казалось, никак тот не мог понять, а может, не замечал или не хотел их понять, и с каким-то ожесточением, неумной страстью присылал и присылал в отдел новые материалы.

Как всегда, литотдел вырвала Складовская. Как-то за составлением очередного ответа Ивашкову Вадим Николаевич с негодованием стал рассуждать вслух по поводу того, сколько он затратил времени и мозговой энергии на переписку с «непробиваемым» Ивашковым, а она, оторвавшись от своих рукописей, вдруг предложила ему:

— Жаль мне вас, мальчики. Какие-то вы стали инертные, несообразительные. Что с вами случилось? Дарю вам спасительную идею. Судя по всему, ваш Ивашков — бывалый человек, бывший фронтовик. Стало быть, его «оружие» надо повернуть против него самого. Иначе: занять его чем-то надолго и всерьез. Он же не зря подписывается всюду как участник штурма рейхстага. Нетрудно догадаться, что его занимает. Посоветуйте ему написать большую вещь. Скажем, воспоминания участников боев за Берлин или еще что-то в этом роде. И уверяю вас, мальчики, он перестанет вам морочить головы по разным поводам.

Идея Складовской показалась «мальчикам» настолько простой и убедительной, что они, оглушенные «гениальным» выходом — ведь не додумались же сами — после некоторых уточнений составили Ивашкову теплое учтивое письмо.

И что удивительно: Складовская оказалась права. Участник штурма рейхстага вскоре исчез из списков корреспондентов литотдела еженедельника, а со временем Вадим Николаевич и вовсе позабыл об этом авторе.

Так случилось, что Вадиму Николаевичу пришлось однажды побывать в командировке в том районном городке, где на

его окраине жил забытый литотделом неугомонный корреспондент. Вадим Николаевич выполнял задание редакции еженедельника: подготовить репортаж о литературном объединении, которое было создано сотрудниками вновь строящегося суперсовременного электронно-механического комбината.

Перелистывая подшивку местной газеты, знакомясь в ней с публикациями начинающих литераторов, он то и дело наталкивался на материалы Ивашкова с неизменной припиской под ним «участника штурма рейхстага». «Значит, жив курилка», — отметил про себя Вадим Николаевич, вспомнив, как литотдел хором сочинял ему «веское» письмо «пуда на два», по любимой шуточке Елены Складовской. И здесь, в шумной и многоголосой сутолоке всенародной стройки, в нескончаемой череде встреч с разными людьми, бесед и выступлений перед ними, Вадиму Николаевичу захотелось непременно воочию увидеть Ивашкова. Он так и спланировал время своей командировки, чтобы в последний день обязательно разыскать забытого корреспондента.

Начиналось жаркое летнее утро. По разъезженным и развороченным мощными самосвалами дорогам стройки Вадим Николаевич наконец-то вынырнул на «Волге» управляющего из густого облака желтой пыли и попал на зеленую окраину районного городка. По тихим коротким улочкам доехал до центральной площади, если так можно было назвать пятючок, окруженный одноэтажными деревянными домами, где в середине виднелись остатки постамента какого-то снесенного памятника. Тут же неподалеку кружком стояли разные машины. Оставив «Волгу» и расспросив шофера, как найти нужную улицу, Вадим Николаевич неторопливым шагом направился искать дом бывшего участника штурма рейхстага. Разглядывая на жарком солнце разномастный выкрашенный штакетник уличных заборов, он размышлял о том, каким предстанет перед ним Ивашков, как тот отнесется к его визиту.

Старенький, с плоской крышей деревянный дом Ивашкова стоял в глубине участка, заросшего зеленью. Огуречные, тыквенные плети зеленой волной подступали к забору, вздымались гребнем на почерневшие от времени штакетины, оставив немного места для узенькой, перекосившейся калитки. От нее начиналась протоптанная тропинка, по которой Вадим Николаевич осторожным шагом пошел к дому. У наглухо занавешенных окон он остановился в надежде, что кто-нибудь из обитателей дома его все-таки заметит и окликнет. Но было похоже, что дом пуст, и сколько ни заглядывал в окна, ничего, кроме собственного отражения в запы-

---

ленных стеклах, Вадим Николаевич не заметил. Ему вдруг стало неудобно, неловко на этом заросшем зеленой участке, где на листьях бурым бархатом лежала нетронутая пыль, очень одиноко перед немymi окнами с тенью собственного отражения. Он потоптался в нерешительности, потом поставил у ног модный новенький «дипломат», расстегнул жесткий накрахмаленный воротник рубашки, расслабил узел галстука, достал платок, вытер им горевшее лицо и шею, с облегчением подумал: «Может, и хорошо, что никого нет в доме».

Постояв еще некоторое время в раздумье возле окна, Вадим Николаевич собрался было уйти со двора, но машинально, скорее из любопытства, прошел к противоположному углу дома и тут заметил, что в глубине участка, под густым развесистым деревом, сидит мужчина — грузный человек с массивной головой, на которой поблескивали коротко подстриженные светло-русые волосы. В вырезках белой майки выступало полное, совсем не загоревшее тело. Сначала Вадим Николаевич не понял, что в облике сидевшего мужчины насторожило его. Но вот взгляд задержался на широком плече: вместо левой руки у мужчины висела культя. Иногда она коротко двигалась и этим движением напоминала утолщенный бульдожий хвост. Мужчина увлеченно смотрел на лежавшие перед ним листки бумаги, придавленные с угла четвертушкой обожженного красного кирпича, барабанил пальцами правой руки на доске на время выгороженного «стола» и весело бубнил малопонятную повторяющуюся мелодию.

Увидев все это, Вадим Николаевич смутился, хотел было незаметно вернуться к калитке, но мужчина, видимо, заметил его, повернул могучую голову в его сторону.

— Прошу, прошу, — глуховатым голосом позвал он неожиданного гостя, сдвинул на край ящика, служившего подставкой «стола», груды листков и книг, эти жестом, как бы расчищая место для посетителя.

— Мне нужен товарищ Ивашков, — не решаясь подойти ближе, проговорил Вадим Николаевич.

— Да полноте! Не стойте на пекле при всем вашем городском параде, — снова сказал мужчина, переведя свой взгляд светлых глаз с Вадима Николаевича на груды бумаг, опять забарабанил пальцами по доске, продолжая мелодию, которая похоже продолжала маячить у него в голове, но была неожиданно прервана. — Единственное спасение в жару — зеленая крыша. Да садитесь! Давно ведь сказано: «в ногах правды нет».

Вадим Николаевич подсел на оструганную доску, грубо приколоченную к врытым в землю столбам, и при этом неча-

---

янно задел коленом сучковатую, плохо оструганную палку, которая стояла прислоненной к ребру доски. Палка покати-лась по ней и уткнулась в широкую шароварину хозяина.

— Вот застали Ивашкова на месте преступления, — ска-зал мужчина, слегка развернув грузный торс в сторону Вадима Николаевича и подхватил подкатившуюся палку, пере-неся ее на другой край скамейки. — Без лишних сомнений насилуем музу.

Вадим Николаевич чувствовал, как в эту минуту растет в нем неловкость от неуместной его затеи. Рядом с ним сидел человек, как видно, много испытавший в жизни и его увле-ченное, самозабвенное постукивание по доске, монотонное подпевание, его упоминание о «насиловании музыки» многое сказали редактору. С чувством сострадания он стал рассмат-ривать Ивашкова, вспомнив серые колючие глаза Елены Складовской. Показалось, что в голове его чуть посветлело, тревога и боль на душе отступила, и ему даже захотелось по-подробнее расспросить, что толкает этого человека обращать-ся к капризной, такой неподатливой «музе».

— Какими путями занесло к Ивашкову, молодой чело-век? — разряжая затянувшееся молчание, спросил мужчина, обратив на Вадима Николаевича открытые, полные спокой-ного и доброго света глаза.

— Получил задание в одной редакции познакомиться с литературным объединением на вашей грандиозной строй-ке, написать репортаж или очерк о его людях. Читал матери-алы в районной газете... — Вадим Николаевич запнулся, не зная, как обойти то обстоятельство, что он работает в столич-ном еженедельнике и заочно давно знаком с Ивашковым.

— А-а-а! — одобрительно присвистнул Ивашков и улыб-нулся, обнажив плотный ряд матово-белых вставных зубов. — Верно, верно. Речистые там собираются ребята. Палец в рот не клади. Не успеешь глазом моргнуть, а уж определяют: где тут тебе ямб, где хорей. — Ивашков погасил улыбку, глаза его затуманились. — Походил я туда, да бросил. Не сладишь с ними... Да ведь у них свое: любовь, путешествия, стройка. А наш брат, старички, как драное кобелье — все лижем и лижем давнишние раны...

Ивашков повернул голову, сдвинул обломок кирпича на середину завернувшегося листа. На полной его щеке, под белесой, без единого седого волоска, густо заросшей щети-ной в солнечных зайчиках темным родимым пятном прогля-дывал шрам.

Ивашков запрокинул голову, короткая шея его напряглась и застыла, широко раскрытые глаза уставились в одну точ-

---

ку, и Вадиму Николаевичу на мгновение показалось, что у Ивашкова начался какой-то приступ. И как только он подумал об этом, его охватил внезапный испуг.

— Смотрите, малюсенький паучок, а какая забавная тварь, — спокойно и рассудительно произнес Ивашков, а Вадим Николаевич с облегчением вздохнул, услышав нормальный голос собеседника. — Спустился с ветки на стол, оставил за собой тонюсенькую паутинку. Покрутился, покрутился на доске, что-то тут ему не пришлось по вкусу. И так это он проворно, как заправский канатоходец, поднялся к себе на верхотуру. Вернулся, а паутинку-то не оставил, снова за собой смотал. Куда, шельмец, дел?.. Проглотил, что ли?..

Вадим Николаевич взглядом обшарил ветки старой развесистой яблони, но паучка не увидел. Правда, в одном месте между листьями просвечивал кусочек неба, перечеркнутый едва уловимыми глазом тончайшими колеблющимися ниточками.

— Вот ведь чудо какое!.. — Ивашков опустил голову, встретился взглядом с Вадимом Николаевичем. — Все-таки давайте знакомиться, как говорят, поближе. Я и есть Ивашков. В прошлом кадровый военный, по жизненным обстоятельствам пристрастился к журналистике. Все таким образом ищу смысла в жизни, докапываюсь до истины и правды в людских отношениях. Сейчас уж пенсионер, конечно. Зовут меня — сразу, наверное, не выговоришь, — Мартимьян Тарасович. То-то! Отец мой был большой выдумщик... Чем вам могу быть полезен?

Вопрос застал Вадима Николаевича врасплох. Он пожал плечами:

— Читал ваши статьи, захотелось лично с вами пообщаться.

Вадим Николаевич чувствовал, что говорит неискренне, и, чтобы как-то избавиться от неловкости, стал оглядываться вокруг.

Видно, Ивашков подолгу просиживал под деревом. Кора на яблоневом стволе, о который он опирался торсом, как о спинку стула, отшлифовалась, потемнела овалом, словно в достатке напиталась соками этого могучего человека.

— Да все это «проба пера», а я называю — «прогонка», когда количество исписанной бумаги дает некий литературный опыт. Давно в голове торчала большая вещь, да боязно было браться за нее — все сокровенное, очень важное. А тут случай: подтолкнули на подвиг уважаемые товарищи — литераторы из одного столичного издания.

Ивашков торопливо порылся в куче бумаг, достал фирменный бланк и трепетно, с благоговением поднес его к Ва-

---

диму Николаевичу, отдал в руки, и тому сразу бросилась в глаза закорючка собственной подписи.

— Незаметно кипу бумаги извел, — продолжал Ивашков, видя истосковавшись по редкому слушателю, которому понятны муки творчества и которому вполне можно доверить свои сокровенные думы. — Вот дошел до главного, до наивысшей точки, и не могу дальше стронуться. Мельтешат перед глазами подробности, словно наяву, лица, слова, и так начинаю волноваться, точно снова со мной все это повторяется. Сердце сжимается, ноет. Сколько с тех пор прошло лет, сколько лет!.. Вы уж извините за откровения, все пишущие — очень навязчивы. Наберитесь чуточку терпения, послушайте маленькую сценку.

Ивашков взял из-под кирпича несколько листков, исписанных крупным волнистым почерком, начал читать:

— «В 18 часов 30 минут в тот день за нашими позициями ударили «катюши». Закатное солнце вычернило горбастую громадину рейхстага. Реактивные снаряды, трассирующие крупнокалиберные пули с шипом и свистом огненными светлячками улетали к нему, и с позиции нашего стрелкового батальона, закрепившегося на гранитном берегу Шпрее, казались солнечными брызгами. Кто-то из лежавших бойцов заметил такую схожесть и громко, со злорадной усмешкой сказал: «Каюк фрицам! Солнце расколосось над ними»... И ведь как сказал! Может, и сам-то видел солнце в последний раз»...

Ивашков помолчал, посмотрел куда-то вверх исписанного листа, а потом стал рассказывать о своем последнем бое, о том, что тогда пережил, перечувствовал в те страшные минуты перед атакой.

В возбужденном мозгу Вадима Николаевича вставали отрывочные картины. Вот он увидел Ивашкова, подхваченного командой батальонного офицера, не чувствующего ни ног, ни навешенной амуниции, вихрем бегущего к загородившему все небо серому о копоти зданию. Что переживал, что думал в ту минуту этот человек? Вряд ли это состояние можно описать привычными словами. Такое с руки только большому художнику.

Все последние дни перед штурмом у каждого солдата в голове вертелось одно: до Берлина осталось семьдесят километров... двадцать... а вот уж Берлин — рукой подать!.. Считали сотни, десятки метров. И Ивашков бежал в последнем рывке, оглушенный этим бегом, видел перед собой одну истыканную черными пятнами от снарядных осколков и пуль близкую серую стену. Еще шаг, другой... и от какого-то великого свершения, великого счастья он упадет на теплую зем-

---

лю в сладостном изнеможении. Он упал на нее, ослепленный разрывом мины или снаряда. В мгновенной тьме провалилась стена. Но он еще бессознательно хотел хотя бы рукой дотянуться до нее. И отчетливо помнит последнее свое ощущение: левой, свободной от автомата, рукой нащупал шершавую холодную поверхность — и конец...

В себя Ивашков пришел уже на госпитальной койке. Шумело в голове, смутно чувствовал неприятную пустоту и неловкую легкость в левом боку, щемило правое колено, не мог глубоко вздохнуть и открыть рот, стянутый бинтами. Сестры, врачи плавали в глазах мутными белыми пятнами. Через пару месяцев он отлежался, пошел на поправку; хотя и без одной руки, с костылем под мышкой, но все-таки бодрячком вывалился из госпиталя в новую мирную жизнь. Работал в жилищной конторе, помаленьку пристрастился к писанию. Но где бы он ни был, чем бы ни занимался, где-то глубоко в нем постоянно живет ощущение холодной шершавой стены фашистского рейхстага.

— Ведь что странно: руки нет, а вот частицу той чертовой стены с тех давних пор так и ношу при себе в левой жмене. Ну что вы на это скажете?!

Ивашков уставился на Вадима Николаевича, выражая взглядом одновременно и удивление, и тихую доверительную радость. Он осторожно положил листы, старательно расправив замятые углы, снова придавил их куском кирпича.

В эту минуту в глазах Вадима Николаевича вдруг потемнело от наплыва жгучего нестерпимого стыда. Он почувствовал, что не в силах, не в праве больше ни минуты оставаться рядом с Ивашковым. Неимоверно потяжелевшей рукой Вадим Николаевич провел по вспотевшему холодному лбу и, не отдавая ясного отчета себе в том, как расценит его поступок Ивашков, встал со скамейки, неловко повернулся, быстро зашагал к калитке, которую уже едва различал в заборе, словно в тумане.

— Молодой человек... Эй, дорогой товарищ! Куда же вы так скоро, не поговорив? Сейчас отменного чайку вам органиую. Да постоит же!..

Ивашков стал поспешно шарить рукой по скамейке, нащупав палку и, прихрамывая, пошел догонять торопливого гостя.

А тот уже миновал калитку и, убыстряя шаг, пересекал смотренную полуденным зноем пустынную поселковую улицу.

*Материалы рубрики «Писательское братство»
подготовила Марина ПЕРЕЯСЛОВА*

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ*

2008 г.

Вот и пришла Россия к тому, что весь прошлый век интенсивно внедряли в сознание людей вожди коммунизма, — к подлинному материализму: первичны деньги, а всё остальное вообще не имеет никакого значения. Материализм **не может быть** социалистическим (что и показала история). Материализм может быть **только** капиталистическим.

Мне говорят, что, мол, я воюю с евреями. Это не так. Просто я пишу в своих статьях **правду**. И я не виноват, что **правда** очень не нравится евреям. Им бы, конечно, хотелось запретить правду как таковую. Это трудно. Однако со временем, возможно, им это удастся.

В нескольких журналах я опубликовал стихи мало кому известных поэтов Белой гвардии: А. Несмелова, Н. Туровой, С. Бехтеева, И. Савина и М. Колосовой. Они — необыкновенное, новое (а точнее, отторгнутое от нас, не допущенное к нам) явление русской поэзии. И все бондаренко-ткаченко-гонченки это с трудом возвращенное явление не видят, не слышат и знать не хотят. Вот уже тридцать лет они насаждают нам, как картошку, «великого поэта Кузнецова», а он ну никак не прорастает в народной душе и не прирастает к нашей почве.

Предыдущие «Протуберанцы» см. в №10 за 2008 г.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Даже находясь под пятой большевизма, русские разгромили немецкий национализм. О чем это говорит? О том, что русский национализм выше и сильнее немецкого.

4 апреля на улице Академика Королева взорвались две квартиры 20-этажного дома, в котором все плиты — электрические. Погибли три человека. Но радио два дня подряд долдонило в новостях: «Взрыв газа... Взрыв газа... Взрыв газа...» Присоединился к этой версии и мэр Лужков, срочно придумавший небылицу с «пропановыми газовыми баллонами» в одной из взорванных квартир (они там так и не были обнаружены). Хотя в новостном репортаже с места события (по телеящику) жители пострадавшего подъезда утверждали, что сразу после взрыва в подъезде стоял запах серы. А это, господа, признак взрывчатки... Как выяснилось, двое погибших парней были членами Движения против нелегальной эмиграции (ДПНИ).

Всё больше убеждаешься в том, что в официальных сообщениях нет **ни слова** правды.

11 апреля в новостях по «Маяку» сквозь зубы протараторили заявление ФСБ о том, что взрыв квартир на улице Академика Королева 4 апреля — это «по всей видимости, теракт». И больше об этом не заикались. А сколько было вранья в центральных СМИ за прошедшие дни!..

Отмена черты оседлости в 1913 году обернулась для России вековой государственной катастрофой, которая длится по сей день.

Первым законом, который Медведев в качестве президента внес в Думу, стал закон о еще более упрощенном въезде иностранцев в Россию. Казалось бы, куда еще проще! Но им, кремлевским временщикам, этого мало. И потечет к нам еще более бурным потоком вся среднеазиатская и закавказская грязь. И если бы только грязь. Можно себе представить, насколько увеличится у нас преступность, которая уже и теперь не имеет человеческих пределов.

То и дело СМИ сообщают о пропаже детей по всей России. Живыми их уже не находят.

А. Проханов не сходит с русофобского экрана телевизора. Чуть ли не ежедневно его физиономия торчит в телящике. Заделался их шоуменом.

Российский «Стабфонд», вложенный в американские банки, является, по-видимому, нашей контрибуцией за поражение в «холодной» войне.

Власть продолжает скрывать теракты, происходящие в стране. 12 июня (в ельцинский «день России») в Амурской области был пущен под откос пассажирский поезд. Перевернулись 13 вагонов и были ранены 60 человек. Но радио и телевидение объяснили эту катастрофу «искривлением путей», хотя, по сообщению министра МПС, железнодорожные пути здесь капитально ремонтировались в прошлом году.

Конечно, зачем омрачать «всенародный праздник», зачем расследовать, искать кого-то? Куда сподручнее всё свалить на безымянного «стрелочника» — и через пару дней все забудут об этом происшествии.

Эта власть настойчиво навязывает нам идею «толерантности», то есть терпимого отношения ко всем инородцам и инверцам. После Буденновска, Кизляра, «Норд-Оста», Беслана и взрывов домов в Москве...

Власть скрывает и то, что страну продолжают кормить колхозы, которые не имеют никакой поддержки от государства. Конечно, большинство из них развалилось и прекратило существование, а мясо у нас в основном завозное. Но зерно и овощи все еще сеют и собирают оставшиеся колхозы. Идея фермерства в России полностью провалилась. Власть не желает помогать ни фермерам, ни колхозам.

Коллегия присяжных проголосовала за невиновность Владимира Квачкова, обвиняемого в покушении на Чубайса и отсидевшего под следствием 2,5 года. Вместе с ним освободили еще двух спецназовцев, проходивших по этому делу, — Найдёнова и Яшина. Но что интересно: из двенадцати присяжных заседателей одиннадцать проголосовали за оправдание подсудимых, а один, оказавшийся иудой, проголосовал против...

Вот показатель нынешнего времени: национальной идеей путинско-медведевской России стала игра под названием «футбол». Никакой другой национальной идеи у страны так и не появилось.

В марте 1917 года Временное правительство первым делом отменило смертную казнь. После чего последовали разложение армии, большевистский переворот и Гражданская война с ее бессудными расстрелами и повальным террором. А после отмены смертной казни в 90-х годах началась чеченская война и на всю Россию обрушились жуткие теракты.

Те, кому надо, хорошо знают, что отмена смертной казни в России всегда ведет к необузданной жестокости и беспредельному кровопролитию. В конце концов силовикам все равно пришлось чеченских главарей ликвидировать физически.

По радио каждый день продолжают сообщать об отравлениях детей в летних лагерях и детсадах. Но телеящик об этом молчит.

Очередной теракт на дороге. Под Санкт-Петербургом 28 июня (сразу после нашей футбольной эйфории) груженный металлом трейлер выскочил на встречную полосу и врезался в рейсовый междугородный автобус. Погибли 10 человек, из них — двое детей. 12 человек — в тяжелом состоянии в больнице. А страна, как в гипнозе, продолжает праздновать четвертое место в чемпионате Европы по футболу.

Не успели похоронить погибших в автокатастрофе под Санкт-Петербургом, как в Турции опять грузовик врезался в автобус с российскими туристами.

Война с нами не утихает ни на день.

По данным международных неправительственных организаций, Россия является одной из наиболее коррумпированных стран мира. Это и естественно для того племени, которое утвердилось во всех структурах государственной и местной власти на территории России. При советской власти все-таки такого не было. То-то оно, это племя, так возненавидело советскую власть...

А как для вождей этого племени всё удачно начиналось в 1917 году! Но Сталин в конце концов надавал им по ушам. И срочно им понадобилась «перестройка»... Вот и получили мы то, чего они долго добивались, — одну из самых коррумпированных стран мира.

В Чечне и в Ингушетии вновь начались боевые действия. Это значит — США сделали боевикам новые долларовые вливания.

После внедрения «свободы» и «демократии» всегда следует ограбление народа.

В 1997 году я записал в своем черновике: «Ни в одном государстве невозможно изменить какой-либо общественный строй, не переделав душу народа. Поэтому демократы в России сейчас заняты переделыванием, изменением народной души». Теперь можно сказать, что за последние двадцать лет им это в какой-то степени удалось.

Главным рассадником жестокости, ненависти и экстремизма является телевидение. Вот против кого должен действовать Уголовный кодекс.

Саддам Хуссейн казнен американскими дегенератами как вождь своего народа. Буш-младший (впрочем, и старший тоже) сдохнет, как злобная мерзкая крыса. Саддам Хусейн останется в памяти как герой, не покорившийся американским убудкам.

Буш запомнится как преступный подонок и лживый мерзавец. Такова человеческая история. Так кто же из них победил?

Идея толерантности навязывается властью исключительно на территории проживания русских. Там же, где компактно живут другие национальности России, особенно на Северном Кавказе, ни о какой толерантности никто вообще не заикается. Там русского парня, ухаживающего за чеченкой или дагестанкой, могут запросто на виду у всех зарезать, и никакие СМИ никогда об этом не сообщат.

Сколько бы либеральные мерзавцы за последние десятилетия ни поносили Сталина, тем не менее самым уважаемым человеком в сознании нашего народа по итогам интернет-голосования в рамках организованного телеканалом «Россия» проекта «Имя России. Исторический выбор — 2008» является именно Сталин. Этот факт озвучивается по радио и по ящику с истерическим зубным скрежетом.

Нет, не удалось либеральным мерзавцам изменить сознание народа.

Мэр Лужков объявил, что в этом году Москва готова принять еще 500 000 гастарбайтеров. И буквально через два дня после этого признания кавказские бандиты в центре Москвы расстреляли трех инкассаторов, забрав у них сумку с деньгами. (О том, что это были чеченцы, СМИ решили промолчать. И со стороны московской власти реакции по этому поводу не было никакой.)

Только мизерная часть кавказско-азиатских пришельцев устраивается здесь на законную работу. Остальные промышляют воровством, мошенничеством, торговлей всякой отравы и бандитизмом. Но московская власть собирается строить для них отдельные жилые анклавы с льготным проживанием. В то время как москвичей уже всюю выселяют из квартир за неуплату всё дорожающих коммунальных услуг.

В молодости я был неверующим человеком, а вернее говоря — активным атеистом. Когда я работал на стройке, даже состоял секретарем комсомольской организации своего строительного управления. Но однажды моя совершенно неграмотная бабушка, жившая в подмосковной деревне, дала мне почитать старое, потрепанное, дореволюционного издания Евангелие. И вот это Евангелие в буквальном смысле перевернуло мою душу. После его прочтения я стал верующим, я поверил в Бога, настолько меня потрясли жизнь и слова Христа. (Я храню это старое Евангелие.)

Всем атеистам я советую без предвзятости и очень вдумчиво прочитать Евангелие. Может быть, не все, но кто-то из них после этого станет верующим.

Продажная сербская власть выследила, арестовала и выдала т.н. «гаагскому трибуналу» Радована Караджича, национально-го героя боснийских сербов. Либеральные СМИ наперебой радостно комментируют это событие. Проамериканское мировое скотство опять брызжет слюной от собачьего восторга. Их времена. Времена подлости и скотства. Скорее всего Караджич будет ими убит, подобно Милошевичу, тем более после того, как он на первом же допросе предал огласке документ, подписанный американским спецпредставителем на Балканах в 1995—1996 гг. Ричардом Холбруком о том, что Караджич, добровольно уйдя с поста президента Боснийской республики, не будет подвержен никаким политическим преследованиям. И хотя Холбрук от этого документа отрешивается, он уже опубликован во многих сербских и европейских газетах.

Реакция Кремля, как всегда, невнятная и безразличная.

Германия решила выплатить денежную компенсацию блокадникам Ленинграда, но только — одним евреям. Они, видите ли, «жертвы холокоста». Конечно, на Германию надавили мировой Сион и Америка. Но какое бесстыдство! Откровенное, наглое, бесцеремонное! Еврейские СМИ об этом помалкивают. Иначе как им уйти от естественных вопросов простых людей: а что же, остальные, помимо евреев, в блокаду не страдали и не умирали?! Но кого в Кремле, Берлине, Вашингтоне и Тель-Авиве волнуют подобные вопросы? И американско-европейские скоты всё еще что-то блеют о «правах человека»!..

Может, кто-нибудь позвонит на «Эхо Москвы» и задаст свои вопросы...

Вот где неприкрытый, запредельный **расизм**, всем видимый и всеми понимаемый! И русских при этом судят за «экстремизм» и «шовинизм», чтобы они не возмутились и помалкивали.

Три «русские» революции в начале XX века готовили и финансировали Америка, Англия, Германия и мировой Сион. Последствия от этих революций оказались для России непоправимо разрушительными. В будущем русская национальная власть обязана будет хорошенько подсчитать этот материальный и моральный урон и предъявить счет по его восполнению четырем государствам: США, Англии, Германии и Израилю.

Гуманитарную помощь надо безотлагательно оказывать русскому Северу и погибающей русской глубинке. Но российская власть оказывает гуманитарную помощь то Грузии, то Молдавии, то Западной Украине, ненавидящим Россию и всячески поносящим ее. Причем, отправленная в Молдавию, эта помощь не доходит до Приднестровья, стремящегося войти в РФ. И приднестровские власти вынуждены официально, на государственном уровне после жуткого наводнения летом этого года

обращаться к Кремлю за предоставлением срочной гуманитарной помощи.

Но наш Север и наша сельская провинция никакой помощи уже не ждут и не просят.

Умер Солженицын, один из главных идеологов разрушения Советского Союза. Путин велел министру образования Фурсенко включить его книги в школьную и вузовскую программы по литературе. Думаю, это будет сделано в ущерб изучению Шолохова, которого Солженицын ненавидел.

Вот ведь странная жизнь — вся его биография насквозь лжива, искусственна, как будто бы выполнена по заранее продуманному плану. И этот план он исполнил от первой до последней буквы. Но что из всего написанного им по праву останется в русской литературе? Уже можно сказать: на высоком, достойном широкого изучения уровне не останется ничего. Все его персонажи — такие же искусственные фантомы, взятые не из реальной жизни, а подогнанные под лекала его сумасбродных идей. В общем, Солженицын — это еще одно литературное недоразумение, корыстно и целенаправленно раскрученное до мирового масштаба. Но уже сейчас его невозможно читать, как к нему ни относиться. Его тексты отталкивают даже не столько вымученной, опять же искусственной, стилистикой, сколько лживой, мелкой, либерально-вульгарной псевдоидейностью, эти тексты уже сейчас морально устарели, уже сегодня скомпрометированы тем порядком вещей и той действительностью, ради которых он готовил разрушение нашей прежней жизни, за что и получил в виде поощрения Нобелевскую премию.

Вернувшись в Россию, за которую боролся, Солженицын стал здесь фигурой совершенно нелепой и никому не нужной. Увидев результат дела своих рук, он, словно прозрев, ужаснулся и попытался, как прежде, обвинить власть в антинародной политике. Но ни власть, ни Запад уже не обратили на это никакого внимания. Его «изобличительным» выступлениям просто-напросто не придали никакого значения, так как этого уже не было нужно ни Америке, ни Европе, ни Сиону, ни т.н. «мировой закулисе». И он, видимо, что-то поняв, заглох. Лишь только *естественная*, в физическом и духовном смысле, смерть главного диссидента возбудила на время интерес власти и либеральных СМИ к этой полузабытой личности.

Солженицын много разглагольствовал на камеру о необходимости покаяния — властью, народом, Церковью и т.д. Но сам он даже перед смертью ни в чем публично не раскаялся. А ведь в конце 70-х годов многие, в том числе и я, слышали по «Голосу Америки», как он рассуждал о вполне оправданной возможности для США первыми нанести ядерный удар по СССР. А чего стоила его многолетняя, упорная клевета на Шолохова! Ему суждено было еще при жизни познать окончательное разоблачение этой клеветы. Но никаких раскаяний никто от него

не услышал, хотя та же судьба позволила ему собственными глазами увидеть плоды своей разрушительной деятельности.

«Бессмысленная судьба» — вот всё, что через какое-то время останется в комментариях специалистов об этом человеке. (Кто-то скажет: его именем уже названа улица... Ну так что ж, давно ли у нас был город Троицк и стоял памятник Иуде Искариоту?..) Именно это — истинная трагедия для писателя, а не то, что когда-то он был репрессирован (причем опять же искусственно, по самонаводке, чтобы не погибнуть на фронте) и преследовался советской властью. Ныне смелых русских писателей и редакторов преследуют гораздо жесточе, к тому же — молча, без крика и шума на весь мир. Кстати сказать, многие в России уже осознали искусственность и напыщенную лживость всей жизни Солженицына — на его похороны пришло немного людей, несмотря на то, что телевизор три дня долдонил о том, где и когда он будет похоронен.

Но в каждой трагедии всегда есть место для пародии. Это — всё тот же В. Бондаренко, основной на сегодняшний день (в патриотической печати) солженицыновед и солженицынолиз. На похоронах своего кумира, попав в объектив телекамеры, он стоял с необычайно трагическим выражением лица... Можно себе представить, какую пламенную речь он произнес на поминках...

Зверская бомбардировка Сербии, Ирака и Южной Осетии — это и есть звериный оскал демократии, это и есть проявление ее внутренней сущности. Когда дегенеративный Буш говорил о «молодой грузинской демократии», то как раз и подразумевал скорую резню южных осетин и разбомбленный город Цхинвал.

Российская власть, конечно, виновна в том, что «ублюдок» и «политический уродец» Саакашвили (эпитеты Д. Медведева) наконец исполнил американский заказ. Если бы Кремль сразу после признания Америкой независимости Косова признал независимость Южной Осетии и Абхазии (а еще лучше — включил бы их в состав России), то Грузия не посмела бы развязать войну на Кавказе. Вот эта нерешительность Кремля в конце концов и привела к новой трагедии и к гибели стольких людей. И ведь все равно пришлось вводить в Цхинвал войска и оправдываться за это перед т.н. «мировым сообществом».

Но жизнь все-таки чему-то учит. У Медведева и Путина перед лицом звериного демократического геноцида, устроенного Грузией, словно спала пелена с глаз. Они, словно проснувшись, заговорили языком русской национально-патриотической прессы последних 20 лет. Вот только надолго ли? Конечно же, это их неожиданное «пробуждение» скоро иссякнет. Ведь газ и электричество, как ни в чем не бывало, продолжают поступать в Грузию из России...

Мэр Лужков в своих громких заявлениях назвал действия Грузии в Южной Осетии варварскими, бесчеловечными, грязными

ми и т.д. Лучше бы он не заявления делал, а искоренил бы грузинскую уголовную мафию, вольготно грабящую Москву.

Грузия с американской жестокостью попыталась стереть с лица земли Южную Осетию вместе с ее населением, надеясь на поддержку американской пропагандистской машины. И первое время машина эта работала безупречно. Но скоро она начала буксовать. В мире всё большому числу людей становилось ясно, что Америка вместе с Грузией (а заодно и с Украиной) проиграла битву за Южный Кавказ. Американская истерика выглядела непотребно и мерзко, как у какой-нибудь обнаглевшей, тупо распоясавшейся бабы. Попытавшись, как всегда, исказить правду и поставить самоочевидное с ног на голову, штабовская пропаганда совершенно себя дискредитировала и в конце концов сама же испугалась собственного вранья. Проигрыш США — налицо. Им, конечно, надо срочно менять своего ставленника — тошнотного Саакашвили, с которым уже никто в России не будет иметь никаких дел. Но где взять другого? Вот для них теперь головоломка.

Грузию, бесспорно, нужно было полностью разоружить и демилитаризировать. А «ублюдка» Саакашвили необходимо было арестовать и судить в России. К сожалению, Кремль на это не решился, испытывая бесперемонное давление Вашингтона. Срочное приостановление военных действий многие считают моральным поражением России. Но, по моему мнению, это не так. Грузия действительно морально опущена и унижена вместе с Америкой и НАТО. Большого ожидания от нынешней российской власти — безосновательно. На большее она, зависящая от Запада, естественно, не способна. И моральная победа — все же на стороне России. Неплохо на этот раз поработала и российская дипломатия. Кстати сказать, т.н. «гаагскому трибуналу» теперь сложнее будет судить Радована Караджича...

Трусливая грузинская армия позорно бежала с поля боя, бросив тысячи единиц оружия, танки и свои военные базы. А вслед за нею разбежалась и местная власть грузинских городов, находящихся неподалеку от Южной Осетии. Так, из г. Гори со страху исчезла даже полиция. Все они, как перепуганные куры, кинулись спасаться в Тбилиси под крыло американских советников.

Ничтожный провокатор Ющенко после продажи оружия Грузии и попыток навязывания своих правил поведения нашему Черноморскому флоту также стал для Кремля фигурой непотребной и неприемлемой. С ним тоже никто из официальных лиц в России больше не будет иметь никаких дел. И Америке его, как и Саакашвили, тоже придется скоро заменять.

В августе опять подожгли дом престарелых. На этот раз в Белгороде. И опять ночью. Сгорели шесть человек. И опять теле-

---

визор всем втюривал свою любимую версию: «неосторожное обращение с огнем...» Это восьмидесятилетние бабки в три часа ночи летнего времени в коридоре с огнем играли...

Не смешно ли, советские руководители собирались строить коммунизм с чеченцами, грузинами, армянами, азерами, среднеазиатами, хохлами, латышами, эстонцами... Можно себе представить, что бы это был за «коммунизм» и кто бы кому обеспечивал «райскую» жизнь. Только теперь становится окончательно понятна блефовость марксистско-ленинско-большевистской идеи т.н. коммунизма.

На земле уже немало людей и целых народов, которые получают моральное удовлетворение от подавления силой правды и справедливости. Собственно, в этом и состоит принцип существования сатанизма как мировоззрения и практического, действенного осуществления его в реальной жизни. В любом нормальном человеке заложено свыше, от рождения, понимание правды и справедливости, которое является каркасом идеи разумной жизни на земле. Но сатанизм и масонство давно поставили цель разрушить или хотя бы ослабить этот каркас, подчиняя данной цели от века к веку всё большее число людей и народов. Этой цели окончательно подчинились и верно служат США, Израиль и многие страны Европы. Власть и народы этих стран действительно получают моральное удовлетворение от подавления силой правды и справедливости. Сознание этих народов с помощью государственной пропаганды развернуто в обратную сторону от идеи земной жизни, заложенной в них свыше от рождения.

16 августа под Ульяновском вновь грузовик врезался в автобус, перевозивший детей. 12 человек получили ранения.

Телерадиореклама стала самым ненавистным явлением в жизни всего российского населения. Но власть не придает этому никакого значения. А зря. Эта ненависть в конце концов может выйти власти боком.

Большой спорт погряз в деньгах и обмане. Он перестал быть выражением мира, но стал продолжением политики сильных мира сего через моральное и финансовое влияние на судей, международные спортивные федерации и «антидопинговые» комиссии. Наибольшее влияние, конечно, оказывают США, имеющие неограниченные деньги и средства запугивания. Российские спортивные руководители, не участвуя в подобном влиянии, очень часто сами являются объектом подкупа. К тому же Олимпийский комитет России возглавляет крайне осторожный и карьерный деятель по фамилии Тягачев.

На Олимпийских играх в Пекине судьи отняли победу у сер-

бского пловца и отдали американцу. Точно так же судьи отменили победу российских саблистов над американскими и передали ее последним. Тягачев даже не удосужился подать протест. Таким же трусливым образом он вел себя и на предыдущих Олимпийских играх — как летних, так и зимних.

На пекинской Олимпиаде американско-европейские судьи цинично и откровенно мстили России за разгром в Южной Осетии грузинской армии (соответственно, до зубов вооруженной США и Европой). Например, на абсолютно ровном месте они дисквалифицировали гимнастку Анну Павлову, претендовавшую на золотую медаль в опорном прыжке. Более того, всю нашу женскую гимнастическую команду они оставили без единой медали, и оценки ей, как и нашим мужчинам-гимнастам, выставляли после долгих телефонных переговоров неизвестно с кем. Прежде до такой неприкрытой наглости они еще никогда не доходили.

Российским т.н. «либералам» очень не нравится антиамериканская пропаганда, развернувшаяся в центральных СМИ сразу после агрессии Грузии против Южной Осетии. Им очень хотелось бы, чтобы этих выпадов по отношению к Америке у нас вообще бы не было. (Ведь они в буквальном смысле молятся на Америку, которая для них — и бог, и мать родная.) Но приходится терпеть и смиряться, т.к. проявить свое недовольство по этому поводу — значит вызвать в стране всеобщий гнев.

Однако один грузино-еврейский «либерал» не утерпел, подгоняемый своей обычной наглостью и уверенный в безнаказанности. Это — Сванидзе, заявивший на радио «Эхо Москвы», что Грузия имела право напасть на югоосетин. Не знаю, слышали ли это радиовыступление осетины, но на их месте этому моральному уродцу можно было бы сделать новое обрезание...

Реальная действительность последних 20 лет самым жестоким образом подтверждала мои слова, сказанные в стихотворении «Война» в октябре 1993 года:

*Горя немереный груз...
Бледные, скорбные лица...
Там, где разорван Союз,
Кровь человечья струится.*

Все эти годы в прямом смысле кровь струилась и продолжает струиться по разорванным границам Союза. То, что нельзя было разрывать Союз и что это приведет к большой крови, я понимал с самого начала горбачевско-ельцинского маразма. Но теперь мы должны понять и сказать больше: нельзя было делить страну на т.н. «республики». Вот это деление, это установление искусственных внутренних границ и привело к нынешней кро-

---

ви. Любая страна должна оставаться единым целым, какой и была Россия до 1917 года, без национально-республиканских делений. Знали это и большевики из еврейско-ленинской «гвардии», закладывая республиканские мины замедленного действия. Всё было ими рассчитано верно: в нужный для них момент эти мины сработали. Но мы, если хотим, чтобы Россия сохранилась и чтобы она имела надежное будущее, должны страну разминировать, т.е. аннулировать национально-республиканское деление, заменив его на краевое и областное.

Дебил, убегающий от звука самолета... Олигофрен, жующий собственный галстук... Думаю, всем понятно, о ком идет речь. Приехав в Грузию из Америки, этот, по выражению Д. Медведева, «политический уродец» не знал, на что поднимал руку, и приказал разбомбить город, который построил советский народ. Его надо было поймать и повесить за ноги, чтобы все желающие могли плюнуть ему в рожу.

Как теперь выясняется, китайцам и другим азиатам позволили на Олимпиаде в Пекине применять допинг. И они его применяли, но не химического, а растительного происхождения. Технология этих допинговых средств в Китае, Австралии, Корее и Японии доведена до высшего уровня, и они не фиксируются при анализе крови. Специалистам по наркоконтролю это было известно, однако руководство Международного олимпийского комитета пока решило закрыть на это глаза. Отсюда — такие феноменальные результаты, показанные китайской олимпийской командой. Уверен, к следующим Олимпийским играм растительный допинг будет также запрещен (соответственно, будут утверждены способы его обнаружения), и китайцы не покажут и половины своих нынешних результатов.

Из-за подорванных отношений с Америкой и Евросоюзом Кремль вынужден был сильнее сблизиться с Белоруссией и даже заключить с ней договор о единой системе ПВО. И уже никуда не деться Медведеву от признания независимости Южной Осетии и Абхазии, а в будущем — от включения их в состав России.

Израиль и оружием, и пропагандистски помогал Грузии. О чем это говорит? О многом. А ведь совсем недавно кремлевские мечтатели пошли на поводу у Тель-Авива и отменили визовый режим с этим государством-агрессором...

Когда оркестр Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева играл на руинах разбомбленного Цхинвала Седьмую симфонию Д. Шостаковича, удержать слезы было невозможно. Шостакович написал эту симфонию в 1943 году в бло-

---

кадном Ленинграде, когда Россия спасала мир от германского нацизма. Ныне Россия и русские солдаты спасли осетин от грузинского варварства.

25 августа Государственная дума и Совет Федерации единогласно проголосовали за признание независимости Южной Осетии и Абхазии. Но неужели нужны были столь огромные жертвы и разрушенный город Цхинвал, чтобы власти российские пошли на этот запоздалый шаг?

А президент Молдавии Воронин поспешил в Москву на встречу с Медведевым, дабы заручиться гарантией непризнания независимости Приднестровья...

Дегенерат Буш, санкционировавший нападение Грузии на Южную Осетию, обратился к Д. Медведеву с просьбой не утверждать решение двух палат российского парламента о независимости Абхазии и Южной Осетии. На месте Медведева в ответ надо было бы потребовать отмены признания «независимости» Косова и вывода из Грузии американских и израильских войск.

26 августа Дмитрий Медведев подписал указ о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Ну что ж, Америка доигралась. Жаль только, что осталось непризнанным Приднестровье.

События на Южном Кавказе, возможно, будут иметь продолжение. В Черном море к берегам Грузии подошли 18 натовских военных кораблей. Но скорее всего брюссельско-вашиントンские кретины сделали это с испугу, думая, что Россия нападет на Тбилиси.

Западному миру больше не надо скрывать того, как он ненавидит Россию. Ненавидит и боится. В связи с признанием независимости наших же в недавнем прошлом территорий Европа исходит такой змеиной злобой и такой беспардонной истерикой, каких мы давно уже не видели. И — угрозы, угрозы, угрозы... Но при этом всем понятно, что сделать против нас ни Европа, ни Америка ничего серьезного не могут. И даже НАТО ни на что против нас не способно. Любые санкции против нас тут же обернутся против них, т.к. за прошедшие 20 лет предательская кремлевская власть столько подписала невыгодных для России договоров и соглашений, что расторжение любого из них принесет нам только пользу и выгоду — военную, финансовую, экономическую, территориальную и т.д. В НАТО, в Америке и в Европе это понимают и поэтому дальше угроз пока не идут. Причем их истерика в большей степени — из-за нереализованной наглости, дуболомной дурости и собственного бессилия.

Вот только наш т.н. «Стабилизационный фонд» скорее всего пропадет, о чем мы не раз предупреждали. Ну что ж, это будет еще одним уроком всем нам и будущим поколениям: никогда не допускайте «либералов» во власть.

Верховный суд России отменил решение суда присяжных о невиновности В.Квачкова в покушении на Чубайса. Такого не бывало нигде в мире — чтобы отменялось решение суда присяжных. Теперь окончательно стало ясно, что Верховный суд — полностью в руках тех, для кого не существует (и никогда не существовало) ни нравственных законов, ни человеческой морали, ни понятия профессиональной чести.

Для всех разумных людей окончательно прояснился тот факт, что т.н. «Совбез ООН» — это враждебная России военно-политическая структура, находящаяся в американском кармане и готовая оправдать всё что угодно в интересах США. Это и есть новый мировой агрессор, прикрывшийся фиговым листком ООН и пытающийся установить в мире новую фашистскую диктатуру.

Когда Израиль в 2006 году бомбил Ливан и ввел на его территорию свои войска, со стороны Америки и Европы никаких протестов не было, и тем более никто в Евросоюзе не собирался применять к Израилю какие-либо санкции. Лицемерие Европы, дружно осудившей Россию за Южную Осетию, — это не какое-то проявление двойных стандартов, это ее обычная, историческая, природная подлость.

Довольно часто я слышал от русских патриотов такую фразу: «Нам надо брать пример с евреев, нам надо учиться у них». Меня всегда корбила эта мысль. Я всегда чувствовал, что говорящий подобное проявляет свою нравственную убогость и умственную недалекость, которые объясняются непониманием и незнанием русской *природы*, русской истории и русской цели на земле. И окончательно укрепился я в своем убеждении после прочтения статьи Л.А. Тихомирова «Что значит жить и думать по-русски», в которой наш великий мыслитель сказал об этом наиболее четко и точно: «Даже лучшие элементы самого еврейства всегда отшатывались от него и переходили к нам, в христианскую культуру, которой высота привлекает всякую высокую душу. Нам ли брать пример с евреев, отказываясь от того, что составляет нашу силу, и от того, что именно и значит жить и думать по-русски?»

Россия даже в окружении своих ближайших союзников оказалась в одиночестве. Никто из их руководства до сих пор не последовал ее примеру в признании независимости двух южнокавказских республик. Дешевый прагматизм и боязнь санкций со стороны Запада оказались для этих «союзников» важнее солидарности с Россией. Впрочем, понять их можно: в последние двадцать лет кремлевская власть была слишком ненадежна для серьезных дел. Сколько раз Ельцин с Путиным обманывали ожидания Белоруссии! И одиночество России — это итог продажного двадцатилетнего правления ее «демократической» власти.

Но все же надо сознавать: никто из руководства в странах СНГ, на самом-то деле, не желает политического укрепления России.

Сказка о рыбаке и рыбке — не про нас ли? В этой сказке старуха — российская власть, старик — русский народ, а золотая рыбка — Запад с его чуждыми для нас «ценностями». И остались мы в конце концов в одиночестве у разбитого корыта...

Хотя, конечно, Запад больше обещал и чаще обманывал, нежели что-то давал российской власти. И в результате мы потеряли даже то, что имели.

Ученые-ядерщики решили через какой-то Большой андронный коллайдер (ускоритель элементарных частиц, находящийся в Швейцарии) узнать тайну сотворения мира... Эти «ученые» даже не понимают, насколько это смешно. Тайну сотворения мира дано знать только Богу и больше никому. А все достижения науки ускоренно приближают последние времена.

Фильм Джульетто Кьезы «9/11. Расследование с нуля», показанный 12 сентября по Первому каналу ТВ, подтвердил абсолютно все мои мысли, изложенные в «Протуберанцах» относительно события 11 сентября 2001 года. А именно — то, что самолеты, протаранившие нью-йоркские небоскребы, были беспилотными и управлялись с земли, что в них не имелось никаких пассажиров и что башни-близнецы были подорваны у основания. А также то, что никакой пассажирский самолет в Пентагон не врезался. Этот фильм-расследование, запрещенный к показу в США и Европе, настолько убедителен, что просто убивает Америку, демонстрируя жуткую подлость и мерзость этого государства. Воистину начинается время заката США, время поворота истории. И ведь не случайно фильм этот начинает свое широкое шествие с России.

Весь мир должен наконец понять, что время информации давно закончилось. Все последние 20 лет мы наблюдали глобальную **манипуляцию** информацией с целью манипуляции человеческим сознанием. И надо признать, это получалось успешно. Последний пример такой манипуляции — освещение мировыми СМИ грузинской агрессии против Южной Осетии. Но нам известно, что все главные мировые информационные каналы, как и намечалось в Протоколах сионских мудрецов, находятся в руках Сиона. Именно его агенты осуществляют во всем мире эту информационную манипуляцию. И фильм Д. Кьезы — это серьезное разоблачение мировой сионской пропаганды и большой шаг к развороту человеческого сознания и всей современной истории.

Сама природа возмущена центром мирового зла — Америкой, обрушивая на нее один ураган за другим. И возмущение это с каждым годом будет только нарастать.

Утром 14 сентября возле Перми рухнул на землю наш пассажирский самолет. Погибли 88 человек. Обломки самолета были разбросаны на несколько километров. В официальных сообщениях скрывались детали этой трагедии. Но, судя по показаниям авиадиспетчера, просочившимся в эфир, складывалось впечатление, что самолет был захвачен террористами и взорвался в воздухе. Этим рейсом летел бывший командующий российскими войсками в Чечне генерал-полковник Геннадий Трошев (претендовавший на должность министра обороны). Возможно, на него и охотились.

На Радио Маяк 14 сентября стоял нескончаемый хохот. А на следующий день этот радиоканал несколько раз прокрутил веселенькую песенку «Не грусти». 15 сентября траур был объявлен только в Перми, хотя в этом самолете погибли 24 москвича и много иностранцев. Да это и понятно: зачем московскому бизнесу траур? Это ведь такие потери дохода от развлекаловки!..

Почти все случившиеся у нас в последние 15 лет авиакатастрофы были, мягко говоря, очень странными... И конечные результаты их расследования не обнародованы.

Правду и об этой трагедии мы не узнаем никогда.

То, что эмиссары НАТО один за другим зачастили в Грузию с обещаниями скорого ее приема в свой преступный альянс, как раз и говорит о том, кто организовал войну на Кавказе. А России еще придется расплатиться за то, что Кремль не довел до конца наказание грузинских марионеток за эту войну и не арестовал их мерзкого вожака. Российские танки обязаны были встать на площадях Тбилиси. И ни одна трусливая сволочь там не высунулась бы — аме, как сурки, попрятались бы в свои норы или сбегали бы на американских военных кораблях. Но Медведев с Путиным — дрогнули, не решившись идти дальше.

В скором времени Грузию вновь вооружат и будет новая война.

США только и способны ставить на таких мерзавцев, как Ющенко и Собакошвили.

Кризис мировой банковской системы, дошедший и до России, — это, на самом деле, кризис системы иудейского капитализма как такового. Кризис предопределенный, давно предсказанный и в нынешнее время — тотальный. Выхода из него нет и уже не будет, так как Америка — мировой паразит, грабящий планету и живущий в долг, который достиг ныне беспрецедентных размеров. И потому кризис этот — безысходный. Америка, откуда он пошел гулять по всему миру, в конце концов утопит всех. Но после этого, как сказано в Евангелии, будет «новое небо и новая земля».

Конгресс США уже обратился в Международный олимпийский комитет с требованием переноса Зимних Олимпийских игр 2014

года из России в другое государство из-за близости г. Сочи к неспокойному кавказскому региону. Это не случайно: по всей видимости, США именно там, на Кавказе, готовят новую большую войну.

Удивительно, почему-то мне, да и другим разумным людям, такое развитие ситуации было ясно еще два года назад, но вот российские власти догадаться об этом не могли. Близорукость Путина и его окружения, пробивавших кандидатуру Сочи, похожа на детскую наивность. Бесконечные заигрывания с Америкой и НАТО, чем и занимался Путин все восемь лет своего президентства, обернулись тем, чем и должны были обернуться, — обычной хамской бесцеремонностью Запада по отношению к России. Чтобы этого не понимать, нужно было очень плохо учиться в школе и никогда не открывать учебник истории.

Д. Медведев самоуверенно утверждает, что «нас не смогут загнать за железный занавес». Все они, ныне сидящие в Кремле, вышедшие из еврейзированной либеральной тусовки, так умственно и душевно устроены, что понять самых элементарных вещей, видимо, не способны. Во-первых, «загнать» **смогут**. А во-вторых, именно это и будет спасением для России...

Хочу еще раз повторить мысль, сказанную мной в 2002 году в статье «Мерзавцы и остолопы»: черный квадрат Малевича — это прообраз телевизора.

Как выясняется, все разведки европейских стран **знали** о готовящемся вторжении Грузии в Южную Осетию. Более того, «наблюдатели» от т.н. ОБСЕ (Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе), находившиеся якобы с миротворческой миссией в Южной Осетии, на деле **сами готовили** это вторжение, собирая разведданные о позициях российских миротворцев и госучреждениях. Так что не столько дешевка Саакашвили, сколько эта самая ОБСЕ планировала стереть Южную Осетию с лица земли. И, конечно же, естественной была истерическая реакция Европы после того, как ее планы не удались. То-то сразу же заметался президент Франции Саркози, несколько раз слетав в Москву и Тбилиси в своих суетливых попытках замести следы преступной Европы!..

За прошедшие двадцать лет мы могли долго наблюдать за т.н. демократами в России и их демократической властью. И каков же главный вывод из этих наблюдений? А вывод — однозначен. Демократическая власть в России (от горбачевского времени до нынешних дней) — преступна. И дело тут не столько в конкретных людях, сколько в преступной природе самой демократии.

Так называемые «Украина» и «украинцы» — это несостоятельное государство и не состоявшийся народ, не способные ни к самостоятельной политике, ни к самостоятельной эконо-

---

мике. Пройдет какое-то время украинского раздора и хаоса, и она (т.н. «Украина») вновь запросится под крыло России. Но России не нынешней, «либеральной», а другой, консервативно-русской России.

Американский дегенерат Ющенко так и не понял элементарно простых вещей: на конфронтации с Россией никакой нормальной политики и экономики построить невозможно.

В октябре по итальянскому государственному телеканалу было сообщено о том, что в 1991 году во время военной операции «Буря в пустыне» американцы взорвали в иракском городе Басра атомную бомбу мощностью пять килотонн. Скорее всего советская разведка и Горбачев об этом знали, но хранили молчание. Этот факт до сих пор тщательно скрывался американцами, хотя после того взрыва тысячи иракцев получили радиоактивное облучение. Любому честному человеку давно известно, что международные террористы находятся в Вашингтоне, а не в Афганистане.

Вечером 26 октября в Санкт-Петербурге маршрутка на полной скорости врезалась в людей, стоявших на автобусной остановке. Шесть человек погибли, двадцать были ранены. Следов торможения маршрутки не обнаружено. Водитель — уже привлекавшийся к уголовной ответственности за ранее совершенное ДТП. Что ж, это еще одно из многочисленных подтверждений происходящих по всей стране терактов на дорогах. И, как всегда, с телеэкрана — поток вранья. Ну и, конечно же, вновь ни МВД, ни ФСБ не обратят на этот теракт никакого внимания.

Писатель Петр Алешкин опубликовал в «Литературной России» статью, в которой сказал о председателе Московской городской организации Союза писателей В.Гусеве всё то, что я писал о нем в «Протуберанцах» еще в 2006 году: что он не состоялся как писатель, что загубил журнал «Московский Вестник», что окружил себя такими же бездарными лизоблюдами, что не терпит никакой критики и бесцеремонно мстит за нее, что судорожно держится за власть и все доходы от сдачи в аренду писательских помещений распределяет лишь среди узкого круга своих верных ординарцев, давно поменявших писательский дар на приспособленчество ради больших денег. Петр Алешкин, конечно, молодец, что осмелился высказаться обо всем об этом в печати. Гусев, естественно, будет рвать и метать, но, уверен, всем нам, московским писателям, пришла пора избавиться от этого зарвавшегося, бессмысленного псевдолитературного мастодонта.

4 ноября, в «День народного единства», Москва была наводнена ментами с автоматами, ментовскими овчарками и ОМО-Ном с дубинками. При власти демократов никакого иного «Дня народного единства» в России быть не может. Опричники власти разогнали молодежь, пришедшую на Русский марш, арес-

---

товат более 500 человек. В конце дня об этом было победно сообщено в радионовостях. Даже Крестный ход в честь Дня иконы Казанской Божьей матери — и тот был разогнан ОМОНОм как запрещенный московской властью. Большой насмешки над «Днем народного единства» придумать невозможно.

Три «либеральные» партии СПС, ДПР и «Гражданская сила», самораспустившись, решили слиться в одну под названием «Правое дело». Но ведь давно известно, что «либеральное» может быть только левым делом. А правое дело в России — это исключительно национально русское дело. Однако в этих трех т.н. «либеральных» партиях русских нет ни одного. Впрочем, как известно, бесы очень часто пытаются выглядеть ангелами.

В «Литературной России» (2008, №46) вышла новая статья о председателе МГО СП России В.Гусеве. На этот раз Татьяны Жариковой. Автор приводит уже конкретные суммы денег, которые получает возглавляемая Гусевым Московская городская организация писателей от сдачи в аренду своих помещений. Оказывается, Гусев и его лизоблюдское окружение распоряжаются шестьюдесятью четырьмя миллионами рублей в год, о которых писатели до сего дня понятия не имели. Куда идут эти деньги — неизвестно. Видимо, большая их часть распределяется среди узкого круга ближайших ординарцев охамевшего и до неприличия бездарного Гусева. Нынешнее время словно для того и свалилось на нас, чтобы проверить людей на паскудство, жадность и подлость.

Все наши статьи в патриотической печати стали по большей мере бессмысленны, на них никто уже не реагирует — ни свои, ни чужие. Время статей, разоблачений, откровений и обвинений себя исчерпало. Пришло время действий. Но их нет, потому что нет одновременно умных и смелых личностей. А те, что есть, ограничивают и удовлетворяют себя статьями, книгами и выступлениями, от которых патриотический обыватель получает личное удовлетворение, даже не помышляя о какой-либо действенной реакции.

После публикации «Протуберанцев» в десятом номере «Молодой гвардии» за 2008 год я получил письмо от читательницы из Пермского края, которая так вот высказалась о Солженицыне: «...это Вы точно, что оправдывает фамилию... Всю жизнь он что-то выторговывал для себя, даже место для могилы. В наших провинциальных библиотеках читатели откровенно брезгают им (а в школах заставляют насильно его изучать — по программе). Кстати, помню, как в 70-е годы учащиеся вечерней школы (отсидевшие свои сроки заключенные — у нас тут вкруговую зоны) читали «Ивана Денисовича» и хохотали: «Шестерка!» Но скажите мне, а какой цифрой определить Валентина Распути-

---

на, получившего солженицынскую премию? И под какую цифру подойдет Астафьев, которому лавры Солженицына не давали покоя, и потому при первой возможности он оклеветал советскую армию?..»

Вот вам отношение народа к прославленным и обласканным властью писателям. Боже мой, что такое слава, почет, признание? На самом деле — пыль, блеф, пустая игра судьбы, если так в конце концов к тебе относится собственный народ.

Что бы ни делалось на Западе, абсолютно всё делается против России.

В декабре в Израиле разбился автобус с российскими гражданами. Погибли 24 человека, а 25 оказались тяжело ранены. Спланированность этого теракта не вызывает никаких сомнений. Шофер, как всегда бывает в таких случаях, остался цел, получив лишь небольшие ушибы. Через неделю в Египте вернулся автобус с российскими туристами. Семь человек погибли, семнадцать — ранены. Шофер остался невредим.

Ботинки, которые полетели в Буша на пресс-конференции в Багдаде, — это такой удар по престижу Америки, какого она не знала со времени бегства из Вьетнама. Это похлестче «теракта» 11 сентября 2001 года — летящие в Америку ботинки гораздо страшнее беспилотных самолетов, врезавшихся в нью-йоркские небоскребы... Вот так позорно завершилась иракская «эпопея» для обоих Бушей.

В конце декабря Израиль ежедневно наносил массированные ракетные удары по сектору Газа в Палестине. Погибло более четырехсот человек и около двух тысяч — ранено. Но все те европейские страны, которые требовали санкций по отношению к России за отпор Грузии, напавшей на Южную Осетию, теперь не проронили ни звука — как в рот воды набрали. Вот она, в «чистом» виде, шабесгойская подлость Европы. Об Америке тут и говорить бессмысленно.

Что бы ни творили Израиль и Америка, весь мир будет молчать. Это лишнее подтверждение тому, что абсолютно все мировые СМИ (участвующие в мировой политике) находятся в руках Сиона.

2009 г.

Безнаказанное уничтожение людей на глазах у всего мира — в этом и была цель создания Израиля. И Европа, по словам президента Франции Саркози, «бессильна» что-либо сделать. Хотя лишь полгода назад он по поручению Евросоюза не вылезал из Москвы, уговаривая Медведева вывести войска из Грузии. А вот повлиять на какой-то Израиль Евросоюз оказался «бессилен»...

Под руинами разбомбленной евреями школы ООН в Газе погибло сорок женщин и детей.

Израильские войки сбрасывают на Палестину запрещенные международными конвенциями фосфорные бомбы, от которых сгорают целые жилые кварталы.

И они продолжают скулить о своем «холокосте»...

А всем известные «правозащитные» лицемеры не устают голосить о «правах человека»...

И в Гааге американо-шабесгойские подстилки судят Радована Караджича...

В Турции чуть было не линчевали израильскую команду по баскетболу. Еле унесли ноги.

А президент Венесуэлы выкинул из страны израильского посла.

Ненависть к преступным Израилю и США с каждым годом растет во всем мире.

Даже через две тысячи лет понимаешь, насколько был прав Христос, сказавший им: «Ваш отец дьявол».

Сталин далеко смотрел. Действительно, надо было создать Израиль, чтобы весь мир увидел **подлинную** политику государственного терроризма похлестче гитлеровского.

А в России — свой «сектор газа». Ющенко по настоянию Вашингтона решил подморозить Европу. Конечно, этот оранжевый недоумок сам не мог решиться на такое — перекрыть транзит газа, но вот Буш напоследок захотел показать Европе, кто в доме хозяин.

Кичливая Европа лишь на несколько дней частично осталась без российского газа, и всю ее спесь как ветром сдуло. А если ей отключить наш газ хотя бы на месяц... Где она будет и во что превратиться? Ей (в который уж раз!) дали понять, что без России она одичает и вымрет максимум за три месяца. Ведь кроме газа она получает от нас нефть, лес, электричество...

А в Польше и в Чехии собираются размещать ракеты, направленные на Россию. Их что, Америка будет газом снабжать? Креотины «цивилизованные»...

И «нэзалэжна Украина», и ее «президент» друг друга достойны. Никакого другого «президента» здесь и быть не могло. Как всем известно, этот оранжевый выкидыш майдана пришел к власти с помощью обычной хохляцко-жидовской махинации («третий тур голосования») и потому теперь всё делает под диктовку уходящей бушевской администрации, которой напоследок очень захотелось еще раз стравить Европу с Россией. Перекрыв транзит газа, Ющенко выполнил указание Буша и выместил на России свою природную ненависть к ней.

«Газовая принцесса» Ю.Тимошенко заявила, что командой президента «репутации Украины нанесен большой ущерб». Но она не права. Репутации «Украины» нанести ущерб нельзя. Потому что никакой «репутации Украины» просто-напросто не существует. Она даже не на нуле, она гораздо ниже нуля. На так называемой «Украине» всё несостоявшееся: власть, народ, государство. Здесь всё виртуально, всё нереально, всё на уровне пародии — Рада, премьер-министр, президент... Пародийное государство, не имеющее будущего.

Вся предыдущая история показала, что «Украина» способна существовать только в составе России. И последнее двадцатилетие постоянно доказывало это.

Российские либералы, изнутри раздираемые ненавистью к Сталину, при этом очень любят Саакашвили...

За три недели израильского варварства в Палестине погибли 1300 человек и свыше 5 тысяч ранены. Венесуэла и Боливия разорвали с Израилем дипломатические отношения, а Турция потребовала исключить это преступное государство из ООН. Российская же власть скромно промолчала...

Гибнущее государство всегда пропагандирует разврат.

За 60 лет существования государства Израиль всем его сионистским лидерам не удалось собрать **со всего мира** 6 млн. евреев. Интересно, как же это удалось Гитлеру за четыре года?.. Видимо, он был самым главным сионистом?.. А ведь от них еще надо было каким-то образом избавиться...

Немцы за всю войну на всех фронтах потеряли 7 млн. человек. А на каких фронтах евреи потеряли 6 млн.?

Ну ладно бы — один миллион, ну, с большой натяжкой, — два. Но ведь додумались до шести!.. В эту тупую цифру не верит никто в мире и в первую очередь — сами евреи...

Нас снова кинули. Ежедневная т.н. «плавная девальвация» рубля — это и есть новый дефолт, которого власть «скромно» не желает признавать. Президент и премьер в начале этого года с застенчивой улыбочкой говорили нам о постепенном снижении стоимости рубля как о заботе правительства по отношению к населению. (В конце января Путин даже похвастался этим на экономическом форуме в Давосе.) Они, мол, «думают о народе» и потому не допускают резких колебаний национальной денежной единицы. И мы теперь должны им за это быть благодарны. А о том, что эта власть в очередной раз грабанула российское население, все властные СМИ будут помалкивать.

И либеральные «мыслители» двадцать лет доказывают нам преимущества капитализма!

Опять (в который уже раз!) сожгли дом престарелых вместе с людьми. Теперь это случилось в Коми. С закономерной последовательностью происходит это по всей России.

Оно и понятно, зачем местным властям содержать эти дома? Не проще ли сжечь их вместе с людьми? И какая сразу экономия средств для местного бюджета!..

И как всегда — одна и та же причина пожара: «непогашенный окурок». Словно кто-то нашел этот «непогашенный окурок» на пепелище... А то, что огонь вспыхнул сразу в нескольких местах здания, — факт, не имеющий никакого значения...

Заживо сгорели 23 человека. Но траура в России не будет. Дивиденды от каждодневной ржачки по всем каналам ТВ куда важнее.

И то сказать: если по каждому подобному случаю в стране объявлять траур, — он будет непрерывным и нескончаемым.

Семьдесят лет российский обыватель бегал голосовать за советскую власть и коммунизм. Теперь вот уже 20 лет российский обыватель голосует за либерально-бандитскую власть и капитализм. Ему все равно за что голосовать, лишь бы не мешали ему хрюкать у своего кухонного корыта.

Внедрение азиатов и кавказцев в столицу и в другие крупные города — это сознательная провокация реакции национально активной части русского народа с целью ее выявления, изоляции и в конечном счете — ликвидации.

Оставшиеся на свободе чеченские бандиты, убивавшие русских солдат и мирных русских жителей, давным-давно амнистированы (причем по нескольку раз), а русских офицеров, воевавших в Чечне, судят до сих пор.

В нынешнее время прививки малолетним детям — это спланированное убийство, которое для одних детей происходит сразу, для других — постепенно. Причем вакцины для этих прививок в наши детские больницы и поликлиники присылают западные фирмы и оплачивают их применение.

По утверждению русских врачей, все так называемые «лекарства», которые рекламируют радио и телевизор, — стопроцентная подделка.

Практически вся продовольственная сеть в европейской части России (магазины, рынки, торговые палатки и т.п.) захвачена азиатско-кавказской мафией. И российское население молчаливо-покорно с этим согласилось. А власть корыстно закрыла на это глаза.

В феврале вновь сгорел дом вместе с людьми. Теперь в Астраханской области. Погибли 16 человек, из которых 5 — дети. Местные

власти опять, как и в случае с домом престарелых в Коми, от этого дома отпихиваются, говорят, что он был «ничейный». У нас всё «ничейное», когда нужно кому-то отвечать. Но куда поступали от сгоревших жильцов деньги за свет, за газ и т.д.?.. И ничего умнее, кроме «неосторожного обращения с огнем...», ни следователи, ни пожарные придумать не могли... А огонь вспыхнул, как выяснилось, в комнате, в которой, по документам, никто не проживал...

Капитализм провалился. Сейчас это главное зло на земле. Национализация банков и крупной частной собственности неизбежна.

Все ветви «либеральной» власти довели русскую жизнь до полного абсурда. И абсурд этот будет только усугубляться.

Восстание ограбленных произойдет обязательно. Это лишь вопрос времени.

Вот вопиющий факт беспрецедентной коррумпированности российских судов: Александр Копцев за драку в синагоге, в которой никто не пострадал, был осужден на 16 лет заключения строгого режима. А пьяному менту, насмерть сбившему девочку на пешеходном переходе, дали 4 года общего режима в колонии-поселении.

В Великой Отечественной войне Советский Союз потерял 28 млн. человек. Из них 8 млн. — это военные потери. А остальные 20 млн. — жертвы мирного населения, в основном славянского. И что, это не Холокост?! Но весь остальной мир о них даже не заикается.

Интересно, где сейчас омоновцы, избивавшие людей в 1993 году? Где опричники внутренних войск и армейского спецназа, убившие более 1000 человек в Останкино и на Красной Пресне? Попрытались и помалкивают? Дрожат за свои шкуры? Или гордятся содеянным?

Как подтверждают современные исследования всех деталей данного события, отречения Николая Второго от престола **не было**. Текст т.н. «Отречения» — масонская фальсификация генералов-предателей, изолировавших царя от общения с внешним миром. А царское карандашное факсимиле под ним — скопированная подделка. Одним словом, «отречение Николая» — это тщательно подготовленный и коварно осуществленный государственный переворот. Именно по этой причине и понадобилось физически уничтожить царя вместе с его семьей и ближайшими родственниками. И мы до сих пор не знаем, как на самом деле погибли царь с членами семьи и каким они подверглись истязаниям. Об этом говорит присутствие раввина в доме Ипатьева во время казни. В том, что казнь была ритуальной, — нет никаких

сомнений. Но как, каким образом она происходила, — мы всё еще не знаем. Это скрыто за семью печатями. Хотя, конечно, есть и те, кто это знает. А все «свидетельства» о «расстреле» царской семьи, на основе которых сняты фильмы и написаны книги, — это мифы. Хоть и довольно жестокие, но мифы. Они созданы для того, чтобы скрыть истинную правду.

Как это ни прискорбно, те, кто сознают себя русскими, — в России в меньшинстве. И потому мы пока победить не можем. Но грядущие события многих заставят призадуматься.

В Свердловской области в конце февраля вновь ночью сгорел жилой дом, в котором погибли восемь человек. И снова в новостях речь идет о пресловутом мистическом «непотушенном окурке», которого никто не видел, но про который все, кому надо, знают. Тут даже уголовного дела не хотят возбуждать. А зачем, если все знают про «непотушенный окурок»?..

— Паниковский, — как-то спрашивал Шура Балаганов, — а почему вы решили, что эта гиря золотая?

— Послушайте, Шура, а какая, по вашему, она должна быть?

— Да, — глубокомысленно согласился Балаганов. — Вы правы, она золотая.

— Пили, Шура, пили, — успокоил его пан Паниковский.

Сидевший за рулем иномарки нацмен возле Московского университета гонялся по тротуару за людьми и сбивал их. Всего сбил 16 человек. А нашим школам навязали к изучению предмет под названием «Толерантность»...

Программа «Сексуального воспитания детей в школе» сводится в основном к правильному пользованию презервативами, а программа «Планирования семьи» сводится к одной-единственной мысли о том, что детей не должно быть вообще.

В XIX и XX веках за одно только озвучивание этих «программ» отправили бы на каторгу и в Гулаг.

Страна стремительно идет под откос, а литературные функционеры по-прежнему занимаются дележкой и присвоением писательских денег, дач и борьбой за хлебные кресла. Смотреть на весь этот маразм крайне противно. Все они обвиняют друг друга в подлости, клевете и воровстве. Но в этих бесконечных публичных разоблачениях вскрывается такой гнойник их лицемерия и духовного перерожденчества, который, разлагаясь, затапливает всю нашу русскую литературу и отвращает от нее многих нормальных людей.

Враги России разрушили Советский Союз и создали Европейский союз, ликвидировали советскую власть и организовали Совет Европы...

Враги пошли нашим бывшим путем — к социализму, а нас, внедрив подлую власть, толкнули на свой прежний грязный путь, ведущий к пропасти.

В Москве 3—5 июля 2006 года по инициативе Московской патриархии РПЦ состоялся Всемирный саммит религиозных лидеров, на котором было оглашено «Послание» всем верующим, живущим на Земле. В этом послании Бог назван единым «Всевышним» для всех религий и НИ РАЗУ не упоминается имя Иисуса Христа. То есть Московская патриархия официально признала, что для всех христиан, иудеев, мусульман, буддистов и т.д. «Всевышний» — один и тот же, и он при этом — не Христос. Но в Евангелии от Иоанна сказано, что всё сотворено Богом через Иисуса Христа: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня». Не признающий Христа за Бога — антихрист, не имеющий в душе ни Христа, ни Бога, ни вечной жизни для своей души: «Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это — антихрист, отвергающий Отца и Сына. Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца» (1-е Иоанна. 2; 22-23).

Таким образом Саммит религиозных лидеров констатировал отпадение всех конфессий от Бога. Все их лидеры отныне являются коллективным антихристом. А это и есть начало той самой «мерзости запустения», о которой сказано в пророчестве Даниила. Мерзость запустения — это официальное отречение от Христа всех христианских религиозных лидеров, что и произошло в Москве 3—5 июля 2006 года. И в Библии сказано с точностью до одного дня, сколько пройдет времени до Второго пришествия Христа и также с точностью до одного дня сказано, сколько пройдет времени до Страшного Суда после официального отречения от Христа всех земных Церквей.

Можно ли себе представить, чтобы в Германии была германофобия, а в Англии англофобия? Это абсурд, нонсенс! Но в России русофобия — обычное дело, поощряемое властью. Когда представители власти с перекошенным оскалом на всех каналах ТВ орут о недопустимости русского национализма, то тем самым они разжигают и поощряют русофобию. И другие нации России хорошо понимают: русских оскорблять, унижать и притеснять можно, и за это ничего не будет. Что они и делают.

Главные русофобы даже не «либералы» и не нацмены, главный русофоб — власть. Именно она, власть, более всего боится русских и каждый год ужесточает уголовное наказание за любое национальное проявление с их стороны. Похоже, в скором времени слово «русский» будет под запретом.

В Нижнем Новгороде в прошлом году был убит молодой спортсмен Дмитрий Кузнецов, чемпион Европы по самбо среди юниоров. В марте этого года районный суд Нижнего Новго-

---

рода приговорил убийцу-армянина Людвиг Багдасаряна к одному году исправработ и свободил в зале суда.

Даже Медведев признал, что российские суды насквозь продажны. Очень впечатляюще этот приговор выглядит на фоне 16 лет строгого режима, полученных А.Копцевым за сомнительную драку в синагоге, когда никто, помимо Копцева, не только серьезно не пострадал, но и не получил никаких травм.

А с другой стороны «наши» суды показывают инородцам: русских убивать можно, и вам за это ничего не будет.

Более мерзкого и более подлого времени, чем сейчас, в России не было ни в какие века. Вот что бывает, когда к власти прорываются «либералы».

В апреле 2009 г. расистские государства США и Израиль бойкотировали Конференцию ООН по расизму. Знает кошка...

В июне барин приехал в г. Пикалёво Ленинградской обл., чтобы выдать восставшим людям зарплату за полгода. Причем не дерипасковскими деньгами, а бюджетными. Но ведь аналогичная ситуация (остановка градообразующих предприятий) происходит по всей стране. Не наездится барин, дабы гасить народные возмущения, и никаких бюджетных денег ему не хватит.

Барин в Пикалёво произнес речь об ответственности бизнеса. Но какая у т.н. «российского» бизнеса может быть ответственность? Ведь все «российские» олигархи смотрят на нас как на чужой народ, т.к. все они — граждане Израйля.

А в это же самое время в Санкт-Петербурге проходил международный экономический форум, где представители российской власти произносили бодрые реляции о преодолении нашей страной экономического кризиса — несмотря на то, что под боком, в Пикалёво, восстал глодающий народ. Мы и эта власть существуем в разных реальностях.

Наш народ приучили к бесконечным трагедиям, и он уже относится к ним с безразличием.

В 2007 году в Австрии вышла книга генерала Герда-Гельмута Комоссы «Немецкая карта. Скрытая игра секретных служб», в которой говорится о том, что 21 мая 1949 года США подписали с временным правительством ФРГ секретный государственный договор на период до 2099 года. В этом договоре прописаны обязательные условия существования Федеративной Республики Германии. Во-первых, каждый новый канцлер ФРГ обязан подписать в США так называемый «канцлеракт», согласно которому США производят контроль за германскими средствами массовой информации — радио, телевидением, печатными изданиями, кинопродукцией, театром, музыкой, школьными воспита-

---

тельными программами, учебными планами и т.д. И во-вторых, как сообщает отставной генерал, США содержат весь государственный золотой запас ФРГ в американских хранилищах.

Нет, не случайно все канцлеры ФРГ свой первый государственный визит осуществляют в США... А Европа нам что-то вякает о «свободном западном обществе»...

Мы разгромили Германию, но плодами нашей победы выгоднее всего воспользовались Израиль и Америка.

В настоящее время у русского народа может быть единственная национальная идея — ОСВОБОЖДЕНИЕ.

Многие писатели прочитали «Протуберанцы» и набрали в рот воды. Изложенная в этих размышлениях и воспоминаниях правда настолько разительна, что большинство писателей просто не знает, что сказать. Оспаривать их — бессмысленно, а соглашаться с ними — невыгодно. Молчание — лучший способ трусливого игнорирования. Спокойнее всего — никак не реагировать и делать вид, будто их нет совсем. Но они есть. И молчаливая реакция большинства русских писателей в будущем скажет многое о них самих.

Путин и Медведев приставлены к России, чтобы создавать у народа иллюзию ее развития. Если они что-то и делают, то только в интересах ссудного капитала.

ОБСЕ приравнила гитлеризм к сталинизму, а Советский Союз к нацистской Германии. Ну что ж, ей не впервой быть подлой и неблагодарной, этой ничтожной Европе, спасенной Сталиным и русским народом от рабства.

Продолжаются теракты на дорогах. В июле 2009-го под Новосибирском грузовик на повороте подрезал междугородный автобус, и он на большой скорости вылетел в кювет и перевернулся. В итоге восемь человек погибли, сорок — ранены. В Ростовской области бензовоз вышел на встречную полосу и врезался в пассажирский автобус. В результате 21 человек погиб, а восемь оказались в реанимации, в тяжелом состоянии. В Москве на МКАД «КамАЗ» на остановке врезался в автобус, высаживавший людей. Четырнадцать человек — ранены.

Как сообщили СМИ, министр внутренних дел Нургалиев «взял под личный контроль» трагедию в Ростовской области. Это как раз и подтверждает то, что властям известно о террористическом характере данного преступления. Но признавать это публично они не желают.

В книге Петра Мультиатули «Новое расследование» говорится о том, что все члены Царской семьи были не расстреляны, а заколоты трехгранными ритуальными ножами, которые обнаружила

в Ипатьевском доме следственная комиссия под руководством Н.А. Соколова в 1918 году. Умирили жертвы долго и мучительно, из всех из них живьем была источена вся кровь, которая потом была использована в ритуальных целях. Все тела были изрублены на мелкие части и сожжены, а пепел от них также был использован в тех же ритуалах. В ту ночь в Доме Ипатьева присутствовал раввин, об этом написано во многих книгах и даже показано в фильмах, снятых в наше время. Для чего он там был? Ведь все жертвы — христиане... Тела Августейших Царских мучеников не захоранивались и не сбрасывались ни в какие шахты, их просто уже не существовало. В т.н. Ганину Яму были сброшены остатки тел и костей других людей, чтобы всех ввести в заблуждение и замести следы страшного ритуального злодеяния.

Нет, не случайно патриарх Алексий II отказался участвовать в т.н. «перезахоронении останков членов Царской семьи»...

Только умалишенный мог додуматься до того, что человек произошел от обезьяны. И лишь умственные пигмеи могут до сих пор принимать на веру этот сумасшедший бред.

Никто из чеченцев, устроивших резню в Кондопоге (со смертельным исходом) не понес судебного наказания. Тюремные сроки получили только русские, оказавшие им отпор. Таково нынешнее российское «правосудие».

Тот факт, что трагедия на Саяно-Шушенской ГЭС и подрыв здания МВД Ингушетии произошли в одно и то же время (ранним утром 17 августа), говорит о том, что обе эти диверсии планировались в одном центре. Но власть признавать этого не желает.

Трагедии такого масштаба случайно по времени совпасть не могут. Как установил Ростехнадзор, все три системы безопасности ГЭС не сработали, то есть были отключены. Кстати, то же самое, как мы помним, произошло и на Чернобыльской АЭС...

В 1997 году я написал стихотворение «Нас убивают каждый день...». В 2004 году — написал стихотворение «Мы» («Мы ввергнуты в кровавый смерч...»). С тех пор уничтожение страны и народа только увеличивало темпы и размеры. Но сопротивление этому уничтожению, наоборот, уменьшалось. В условиях жестокого подавления властью любых проявлений сопротивления русский народ опустил руки и впал в апатию.

Сбылось всё то, что я предсказывал в своих статьях двадцать и десять лет назад.

В начале этого года Госдума проголосовала против преподавания в школе «Основ православной культуры». Так что этот предмет в школе уже запрещен законодательно. Однако иудаисты и мусульмане навязали Министерству образования преподавание в школе т.н. «Основ религиозной культуры». Это гру-

---

бейшая и циничная подмена того, за что боролись в последние годы православные люди. Отныне в школе будут детям вдалбливать приукрашенные «знания» из Талмуда и Корана, разбавляя их библейскими историями. Но православные боролись не за это. Никакой иудейской и мусульманской культуры (именно как культуры) не существует в принципе. Этими религиями вообще запрещено заниматься творчеством, искусством, художественным изображением. То есть опять в школе детям будет навязываться ложь и чуждая нам идеология вместо того, чтобы изучать именно свою православную культуру. Ведь нас в стране пока еще 80%, и Россия как государство создана православными русскими.

Если раньше считалось, что Россия присоединила Кавказ, то теперь можно сказать, что кавказская мафия присоединила к себе всю Россию. И ведут они себя здесь бесцеремонно и похотливо, прекрасно зная о попустительстве к ним власти и «либеральных» СМИ.

Когда советские войска вошли в Афганистан, весь мир поднял дикий визг и Америка с Западной Европой отказались от участия в Московских Олимпийских играх. А вот после того, как США развязали войну в Ираке и в том же Афганистане, президент США Барак Обама получил Нобелевскую премию мира...

Но эта премия европейскими масонами, видимо, дана ему за разоружение России.

Европа морально была и остается на стороне Гитлера. И чтобы оправдать свое нападение на СССР, она для начала решила приравнять сталинизм к гитлеризму. Но очень скоро Советский Союз ею будет объявлен более страшным, нежели нацистская Германия. Вспомним пробный камень «либерала» Швыдкого: «Русский фашизм страшнее немецкого»...

Всё русское население выступает за отмену моратория на смертную казнь. Но «либералы», находящиеся у власти, — против. Дрожат за свою шкуру. А президент и премьер — у них под каблучком. И потому мораторий на смертную казнь вновь продлен.

Однако смертная казнь за время этого моратория по всей России выросла тысячекратно: людей убивают ежедневно и ежечасно.

Футбольно-хоккейный ажиотаж в нашей стране — это прикрытие несостоятельной власти от экономического провала и политического тупика.

Однако национальная идея под названием «футбол» тоже провалилась. Проиграв в стыковом матче ничтожной Словении, футбольная сборная не попала на чемпионат мира.

Но данный ажиотаж все равно будет продолжаться и культи-

вироваться, потому что прикрыть свою моральную срамоту этой власти больше нечем.

Исламист в православном храме во время службы застрелил священника Даниила Сысоева, а «либералы», как по команде, по всем каналам радио еще громче о толерантности загалдели...

Власть, любящая поразглагольствовать об экстремизме, на это убийство никак не прореагировала. Ну конечно, это ведь не таджикская девочка...

Но представим себе, что было бы, если бы в какой-то российской синагоге был убит раввин. Сколько бы дней подряд кликушествовали Медведев, Путин, Лужков и Матвиенко!.. И какие бы последовали после этого карательные меры...

В романе Достоевского «Бесы» Шигалев и Верховенский мечтали горы сровнять. Следуя подобному «бесовскому» мышлению, в своем ноябрьском президентском послании парламенту Медведев решил уменьшить число часовых поясов. Им, либеральным временщикам, в России всё подвластно. Возможно, в следующий раз он вознамерится изменить вращение Земли и увеличить продолжительность суток. Больше-то им тут нечем заняться...

Эйнштейн, работая в патентном бюро, передрал идеи незавершенной и, как теперь доказано, во многом ошибочной теории относительности у двух ученых — Пуанкаре и Лоренца и присвоил эту теорию себе. Нобелевский комитет это знал и потому несколько раз отказывал ему в присуждении данной премии за эту теорию. Тогда ушлый мошенник пошел другим путем — он просто-напросто описал частный случай, вытекающий из Первого закона фотоэффекта русского ученого А.Г. Столетова и назвал его «Вторым законом фотоэффекта». Столетову Нобелевскую премию не дали, а вот еврейский псевдоученый на этот раз получил ее без всяких проблем.

Имя Эйнштейна стало символом баснословного шарлатанства и мошенничества в мировом масштабе. Не случайно на своей самой известной фотографии он изображен с высунутым языком.

Вновь начали пускать под откос поезда.

28 ноября был подорван скорый экспресс Москва — Санкт-Петербург. Четыре вагона сошли с рельсов, 27 человек погибли, более ста были ранены. (В 2007 году произошел аналогичный подрыв этого же экспресса.) Траур, конечно, в стране по таким «пустыкам» уже не объявляют. Все прекрасно понимают, чьих рук это дело, но говорить вслух не хотят. Как же, власть и «либеральные» СМИ отстаивают «толерантность»...

В тот же день КАМАЗ врезался в рейсовый автобус в подмосковном Внуково. Двое погибших, десять раненых. На такую «мелочь» уже никто и внимания не обратил.

---

30 ноября в Дагестане был подорван поезд Тюмень — Баку.

Но население российское все еще не образумилось и продолжает верить в какую-то демократию... В 2004 году стихотворение «Мы» я закончил такими словами: «Нас образумит, может быть, лишь тьма невысказанных трагедий...»

И Россию, и всё человечество капитализм завел в тупик, из которого выхода нет. В этом и состояла цель дьявола.

5 декабря в Перми сгорел ночной клуб. Погибло более ста человек, более 130 пострадали. В этом заведении, перестроенном в ночной клуб, для посетителей был предусмотрен всего один выход (он же — и вход). Во время огненного шоу подвесной потолок и пластиковые стены вспыхнули мгновенно, началась паника и давка у выхода. Не исключено, что это было спланированное ритуальное убийство.

Большинство заживо сгоревших и пострадавших — молодежь, то есть чьи-то дети. Все произошло в час ночи. Но детям в час ночи положено спать, а не торчать в ночных клубах и дискотеках. Безответственность власти слилась с безответственностью родителей.

Произошло это в ночь с пятницы на субботу. Однако Медведев назначил траур на понедельник. Конечно, разве можно нарушать субботне-воскресные развлечения и эстрадные шоу по всей стране?.. Это же такие бабки будут потеряны! Братьев «либералов» обижать нельзя...

Пройдет некоторое время — всё вновь быстро забудется. Молодежь опять, как ни в чем не бывало, будет тусоваться и балдеть на дискотеках и рок-концертах. Одна трагедия в стране перекрывает другую. Катастрофа «Невского экспресса» в новостях и СМИ уже отодвинута на задний план новой катастрофы. И так изо дня в день.

Но населению российскому всё нипочем. Боюсь, его уже не сможет образумить никакая «тьма невысказанных трагедий». Оно включает ящик и уходит в иной мир — в мир «Кармелиты», «Улицы разбитых фонарей» и «Вольфа Мессинга»...

Вся российская жизнь последних 25 лет — перманентный траур. И траур этот связан со словами: демократия, либерализм, свобода, Горбачев, Ельцин, Путин, Медведев.

Все произошедшие за эти годы трагедии и катастрофы посылались нам и продолжают посылаться для вразумления. Кое-кого они вразумили и вразумляют, но пока еще очень медленно. Значит, они будут продолжаться и нарастать. Богу нужно, чтобы мы поумнели и прозрели как народ. А другого пути для прозрения у нас нет. Только через страдания и трагедии, потому что по-другому нынешнее российское население вразумляться не желает. По-другому оно может только расслабляться, «оттопыриваться», балдеть, ловить кайф и делать «бабки». По-другому его нельзя вернуть к вере, невозможно заставить вспом-

---

нить о Боге, душе и нравственности. И еще немало российскому населению придется принести в жертву своих людей (в том числе и детей), чтобы оно осознало тот гибельный путь, на который его столкнула эта «либеральная» власть.

25 лет перманентного траура пока еще не сумели заставить «россиян» образумиться и поумнеть. Прозреть смогли только те, кто осознал необходимость в России русской власти.

Много ли дадут нам времени, чтобы отдышаться до новой трагедии? Судя по всему, немного.

«Хромая лошадь» — это урок всем тем, кто привык получать от жизни только удовольствия.

Нормальные люди в нынешней уничтожаемой и оскорбляемой России никогда не будут ошиваться в ночных клубах. Задумаемся на минуту: что происходит в этих клубах и чем там занимаются? Нужно ли кому-то объяснять, что там демонстрируется и культивируется **разврат**.

Где молодежь сажают на наркотики? Там, в ночных клубах. Где склоняют девушек к проституции? Там, в ночных клубах. Где поощряют и навязывают педерастию? Там, в ночных клубах. Где не отвергается матерщина? Там, в ночных клубах — инкубаторах мерзости и разложения.

Это должно было произойти. Огонь в Перми поглотил только малую часть беспредельного, повального разврата, захватившего всю Россию. Но могло это произойти и в Москве, и где угодно. В ночные клубы погружены все наши города. (Потому они и «ночные», что служат князю тьмы.) И что же, мы думали, что так будет продолжаться бесконечно и безнаказанно?

«Хромая лошадь» — это лишь отголосок, небольшая искра грядущего апокалипсиса, в котором, как в Содоме, сторим мы все, бездумно погруженные в духовный, моральный и физический разврат. Вся наша жизнь постепенно превращается в сплошной ночной клуб с визжащим, гогочущим, лгушим и развращающим каждый дом черным квадратом под названием «телевизор». Да-да, вся наша нынешняя «свободная» жизнь — это ночной клуб «Хромая лошадь», за стенами которого убивают, грабят, насилюют, пускают под откос поезда, а мы, уставившись в черный квадрат телеящика, ничего не слышим, не видим, не хотим знать, думать, сопереживать, включать мозги, бороться за правду и справедливость. Мы не стремимся вырваться из тьмы сияющего холодным фейерверком ночного клуба к свету и солнцу. Нам гораздо интереснее и важнее экранная судьба Кармелиты, нежели судьба России и будущее собственных детей.

Сбесившаяся, огненная Хромая лошадь скачет по России, оставляя после себя выжженную землю и горы трупов. И правит ею всадник без головы, на черном плаще которого — красная траурная надпись: «Российская власть».

«Хромая лошадь» — это символ «свободной», «либеральной» России.

Уже после пожара в «Хромой лошади» люди, оказавшиеся там, каждый день увеличивали список погибших. Всего в этом жутком списке 155 человек. Все они — жертвы двадцатилетней русофобской власти, жертвы подлой воровской системы, жертвы частного капитала.

Жизнь вокруг превратилась в полный маразм и абсурд. Ни о чем хорошем писать стало невозможно. Все новости в электронных СМИ состоят из убийств, терактов, пожаров, аварий и катастроф. Психика людей, живущих в России, подавлена и расшатана. В русской жизни не осталось никаких просветов. Враги добились того, чего хотели.

А по всем каналам ТВ уже начался предновогодний шабаш — с диким завыванием безголосых певунов и кривлянием обнаженных девиц.

Перед тем, как загнуться, американский ставленник (гарвардский выкормыш) Гайдар дал несколько интервью по ящику. Видать, не случайно разговорился... Врал в каждом слове. Причем врал нагло, откровенно, выкручивался, оправдывался, знал, что врет, и все равно врал. Есть же на свете такая ублюбочная, бесстыжая порода!.. Дай-то Бог, чтобы этот мерзляк утащил за собой и других своих подельников.

Многие считают, что Ельцин и Гайдар ушли от народного возмездия. Но мы не знаем, какое возмездие их ждет в ином мире.

По приказу Саакашвили был взорван памятник грузинам, погибшим в Великую Отечественную войну, стоявший в Кутаиси. Вполне ожидаемая акция американо-грузинского фашиста. Но вот Путин решил восстановить этот памятник в Москве, хотя никто в Грузии его об этом не просил. Лучше бы он в честь 65-летия Победы установил на Поклонной горе памятник друтому грузину — И.В. Сталину.

Тело стареет, а душа остается молодой. Но если она не стареет — значит, и не умирает. А если не умирает — значит, она бессмертна.